

love_sf

Лена
Александровна
Обухова

Награда для генерала (СИ)

Ветер как-то нашептал мне, что однажды появится человек, который изменит мою жизнь и увезет далеко-далеко от дома, где я уже несколько лет не чувствовала себя счастливой. Кто же знал, что этим человеком окажется генерал чужой армии, который подчинит наш вольный город, а меня заберет в качестве подарка своему правителю. Что ждет меня в чужой стране? Унижение? Бесчестие? Смерть? Или ветер подскажет, как выпутаться из этой ситуации с минимальными для себя потерями?

магические способности, любовные испытания, тайны прошлого, становление героя, приключенческое фэнтези, иные миры, романтическое фэнтези, черновики
2019

ru

Лена
Летняя

FictionBook Editor Release 2.6.6
11 April 2019
Текст предоставлен правообладателем
2b78d2e1-5c54-11e9-be98-0cc47a5f3f85
1.01

1.0 – создание файла (Лена Летняя)
v 1.01 – оптимизация обложки и дополнительное форматирование – (Colourban)

СИ ЛитРес
2019

Лена Летняя

Награда для генерала

Глава 1

Еще утром ветер нашептал, что сегодня случится нечто необычное и очень важное для меня. Я выбежала на улицу с влажной тряпкой и маленькой стремянкой, чтобы протереть вывеску перед открытием, как делала каждый день, поленившись сунуть ноги в теплые сапоги.

Приближалась весна. По календарю она началась еще накануне, но улицы пока оставались завалены снегом. Солнце поднималось поздно – по крайней мере, позже, чем люди вроде меня, – и ветер, приходящий с востока, со стороны далекой Красной Пустыни, пронизывал холодом, как и любой другой. Но лишь этот ветер время от времени шептал, предсказывая будущее.

Стоило выскочить на улицу, как тело тут же покрылось мурашками, влажная тряпка в руке стала ледяной, а ногой в туфле на низком каблучке я умудрилась задеть сугроб – и снег тут же засыпался внутрь, чулок промок. Тихо выругалась, попеняв себе за лень – вот чего стоило переобуться? – и торопливо влезла на стремянку, чтобы дотянуться до круглой вывески, на которой была изображена чашка с поднимающимся над ней паром. Пар волшебным образом складывался в зернышко какао, оповещая всех потенциальных клиентов о том, что здесь находится не обычное кафе, а шоколадница.

Вот когда я потянулась вверх, одной рукой хватаясь за вывеску для равновесия, а второй торопливо протирая ее, резкий порыв ветра подхватил расклешенный подол платья, непристойно взметнув его, и послышался тихий шепот. Он обещал, что грядет важное событие, которое навсегда изменит мою жизнь.

Я посмотрела по сторонам, убеждаясь, что это не чья-то злая шутка, что рядом никого нет. На востоке небо уже светлело, уличные фонари гасли, а город просыпался: рыбаки давно ушли в море, дворники и мусорщики заканчивали готовить улицы к новому дню, открывались кафе и лавки, спешили на фабрики рабочие. Скоро в школу побегут дети, откроются конторы дельцов и законников, рыбаки вернутся, и рядом с портом оживет рынок. Но пока улица, на которой находилось наше кафе-шоколадница, оставалась пуста, а рядом со мной никого не было. Лишь лохматый уличный пес с деловым видом обнюхивал сдувающийся под натиском потеплений сугроб и помахивал коротким хвостом.

– Привет, Бардак, – поздоровалась я, спрыгивая со стремянки, чтобы погладить его.

Едва не поскользнулась, нелепо взмахнула руками, но устояла. А потому что нечего прыгать по еще не сошедшему снегу в домашних туфлях.

Бардак поднял голову, пытаясь разглядеть меня сквозь закрывающую глаза челку, подергал носом и завил хвостом активнее, признав. Артист! Можно подумать, он случайно шел мимо и забрел ко мне без задней мысли, а не приходит каждое утро клянчить вкусняшку. Эта кудрявая лохматая дворняжка дважды в день обходила все лавки и кафе на нашей улице в поисках еды. Ее все знали и подкармливали. Главное – не пускать к себе, потому что в помещениях пес порой как с ума сходил. Бардаком его не случайно прозвали.

В шоколаднице собаке обычно нечем поживиться, но когда бывала такая возможность, я приберегала для него кости, остающиеся от домашних трапез, или хотя бы хлеб. Однако сегодня был не день Бардака.

– Прости, приятель, – повинулась я, почесывая пса за ушами, – сегодня пропускаю. Сходи к господину Стилли, у него привоз, может, тебе перепадет что-то.

Бардак облизнулся, попытался вскочить на меня передними лапами, но я увернулась: не хватало идти переодеваться, а потом чистить рабочее платье. Сегодня я надела свое любимое – зеленое, с рукавами три четверти, расклешенной юбкой чуть ниже колена и плотно прилегающим лифом со скромным вырезом. Платье сейчас считалось любимым, потому что было совсем новым и красиво оттеняло доставшиеся мне от матери каре-зеленые глаза.

Пес понял, что, кроме ласки, ему здесь сегодня ничего не светит, а потому, еще раз отершись о мои ноги, побежал к лавке господина Стилла, а я выпрямилась и снова задумчиво посмотрела на восток. Интересно, какие перемены сулил ветер? Хорошие или плохие? По его шепоту никогда не получалось понять наверняка.

– Эй, рыжая, лови!

Я обернулась как раз вовремя, чтобы перехватить летящую в меня свернутую трубкой газету и успеть погрозить мальчишке, развозившему почту на велосипеде, кулаком. Он только рассмеялся и прибавил хода.

– Я не рыжая, – обиженно пробормотала я, возвращаясь в кафе и переворачивая табличку «Открыто/Закрыто» приглашающей стороной наружу.

Я упрямо считала, что цвет моих волос называется «золотистый каштан», но на солнце они действительно отливали рыжиной. Только сегодня солнце еще не встало, небо едва успело начать светлеть. День вообще обещал быть пасмурным. Как бы снова снег не повалил.

В небольшом, теплом и уютном помещении кафе уютомрачительно пахло шоколадными кексами. Я поторопилась вытащить их из духовки и заменить противнем с большим – размером с чайное блюдо – круглым печеньем с орехами и шоколадными каплями. Кексы оставила остужаться, а сама быстро взлетела на второй этаж, где находилась наша квартирка, и положила газету на накрытый к завтраку стол. Отец давно был нездоров, часто плохо спал по ночам, а потому поднимался значительно позже, когда я уже принимала первых клиентов. Я оставляла ему завтрак и газету, кофе он варил себе сам.

Положив газету на стол, я успела зацепить взглядом заголовок: «Варнайский Магистрат грозит Ниланду войной». Вдохнула. Варнайский Магистрат всем грозил войной. Ему уже подчинились все территории на востоке вплоть до Красной Пустыни, и теперь его взгляд обратился на запад.

– Так они и до нас доберутся, – пробормотала я, возвращаясь вниз.

На самом деле я не думала, что это произойдет. Оринград – свободный город, окруженный с трех сторон очень сильными, но достаточно дружелюбными соседями. Нам позволяли сохранять независимость и сложившиеся веками традиции, а мы радостно торговали со всеми и давали Сиранской Республике, не имевшей собственного выхода к морю, без платы пользоваться портом. Сираны в свою очередь служили нам щитом, в том числе держали в порту военный флот, закрывая собой как с моря, так и с суши.

Мысли о возможности завоевания моментально вылетели у меня из головы, стоило оказаться внизу: первые покупатели уже толпились у витрин, облизываясь на свежую шоколадную выпечку.

День шел своим чередом. Первая волна клиентов – прислуга из богатых домов поблизости. Даже те, что содержали штат поваров, предпочитали к завтраку испеченные мной шоколадные кексы с жидким центром, если только хоть раз попробовали их. Вторая волна – спешащие на работу конторские служащие. Они брали печенье и иногда – конфеты, которыми всегда были уставлены витрины шоколадницы. Третьими подтягивались любители прогуляться с утра по набережной, а потом зайти погреться и выпить чашку горячего шоколада. В основном это были немолодые женщины, которым брак обеспечил достойную старость, или редкие пожилые пары, сумевшие сохранить желание общаться и проводить вместе время. Потом наступало относительное затишье, позволявшее мне разогреть отцу обед.

Во второй половине дня моими клиентами становились в основном дети и их сопровождающие: у кого родители, у кого бабушки с дедушками, у кого гувернантки и няни. Ближе к шести вечера, когда заканчивалась последняя волна школьников, я обычно закрывала кафе, потому что держать его открытым по вечерам не имело смысла. Вечером спроса на шоколад почти не было, разве что в выходные и то не всегда.

По вечерам в городе пользовались спросом другие заведения. Я радовалась тому, что в свое время родители открыли не обычное кафе с едой и выпивкой. В шоколадницу, где и помещалось-то всего пять крохотных столиков, порой заглядывали дети с папашами, которые были не прочь «облапать» взглядом любую молодую девицу. Но я точно знала, что никто не схватит меня за задницу и не заставит сесть себе на колени, как случалось в других местах. Это меня больше чем устраивало.

Лишь иногда я оставляла шоколадницу открытой чуть ли не до девяти часов. Когда требовалось пополнить запасы шоколадных конфет, например. Свежую выпечку я готовила каждый день, а конфеты – два-три раза в неделю, не чаще. Обычно перед выходными и сразу после них.

Иногда, когда торговля внезапно шла очень хорошо, приходилось пополнять запасы посреди недели, чтобы витрины не стояли пустыми.

Порой я задерживалась внизу, оставляя свет включенным, а дверь открытой, просто потому, что не хотела подниматься наверх. Предпочитала протирать столы, мыть полы и наводить порядок на полках здесь, внизу, а не в квартире. По вечерам отец спускался ко мне редко, и я могла работать в своем темпе, а то и просто сидеть, почитывая книгу. Наверху мне посидеть не

давали, потому что всегда находилось какое-то дело. Отец не терпел лености, по крайней мере, не терпел он ее во мне. И всегда находил повод для упрёка.

Поэтому раз или два в месяц, накрыв ему ужин, я сбегала вниз под предлогом уборки, ревизии или готовки впрок. Сегодня делать конфеты не требовалось, но предсказание ветра не давало покоя, а за весь день так ничего примечательного и не случилось. Поэтому я не торопилась закрываться, предпочитая наводить порядок в витринах, расставляя нехитрый, но богатый ассортимент более соблазнительно, протирать столы и подготавливать ингредиенты, чтобы утром было проще.

Я ждала. Ждала чего-то важного, одновременно предвкушая и молча ругая себя за глупую доверчивость. В моей жизни за двадцать три года не случилось ничего по-настоящему хорошего. Стоило ли надеяться, что на этот раз будет иначе? Но что-то внутри все равно заставляло ждать чуда, несмотря ни на что. Как я ждала уже восемь долгих лет.

Впервые ветер нашептал мне предсказание, когда не стало мамы.

«Твоя судьба войдет после заката. Холодный огонь и обжигающий лед. Только ты сможешь дать ему то, что он по-настоящему хочет. Он уйдет, но после вернется, чтобы забрать тебя с собой. Навсегда».

Ветер шептал обещание, когда я сидела на резко обрывающемся вниз берегу, смотрела на порт и глотала слезы, зная, что навсегда осталась одна. Тянуло сигануть вниз, разбиться о камни и пойти вслед за мамой – единственной, кто меня любил. Лишь слова ветра удержали меня тогда. Обещание другой любви – так я тогда решила. Восемь лет я ждала исполнения обещания и сегодня, снова услышав шепот ветра, решила, что ожидание почти закончилось. Решила так не в первый раз и, наверное, не в последний.

За окном давно стемнело, а погода окончательно испортилась: не желая смириться с приходом календарной весны, зима закрутила метель. Я открыла дверь и выглянула на улицу. Злой ветер кружил мокрый снег, а тот превращался в ледяные капли, царапающие лицо. Улицы были пусты, лавки уже погасили свет, даже большая часть кафе на нашей улице закрылась: хозяйева решили, что в такую погоду проще провести вечер с семьей, чем бестолково торчать внизу ради одного или двух случайных клиентов.

– Пора закрываться, Мира, – тихо сказала я себе. – Нечего ждать.

Открыла дверь, чтобы шагнуть обратно внутрь, перевернуть табличку и погасить свет, но в тот момент мимо пронесся грязный, мокрый, лохматый, кудрявый вихрь.

– Бардак! – крикнула я с отчаянием, кидаюсь следом.

Пес остановился посреди зала, обернулся, сел и жалостливо посмотрел на меня, тихонько заскулив. В его глазах читалось: «Там холодно, мокро и мерзко, пожалуйста, можно я останусь?» На самом деле глаз я не видела из-за густой челки, но и так понятно, что в них написано.

Это была плохая идея. Оставить его в зале, значит, завтра встать на час раньше, чтобы убрать последствия. В кухню тем более пускать нельзя, как и в подсобку. На лестницу? Если он поднимется наверх – мне конец, отец убьет обоих.

Но выгнать живое существо в холодный снежный вечер рука не поднималась.

– Ладно, – вздохнула я, решив, что лестница – самый безопасный вариант.

В конце концов, если отец убьет меня, то некому будет готовить и убирать для него, как и работать в шоколаднице, которая нас кормит. Значит, есть шанс выжить. Отведя пса на лестницу и показав ему место, я твердо потребовала:

– Сиди здесь, никуда не ходи, иначе придется тебя выгнать.

Бардак лег и положил морду на вытянутые лапы, благодарно виляя хвостом и демонстрируя послушание. Интересно, надолго ли его хватит?

Как раз когда я задалась этим вопросом, в зале тревожно звякнул колокольчик, возвещающая о приходе посетителя. Я поторопилась вернуться в помещение кафе, но испуганно застыла на пороге, увидев, что в шоколадницу вошли двое крепких мужчин. Они пока стояли у двери, стряхивая с себя снег, разматывая шарфы и снимая перчатки. Оба были одеты почти одинаково: брюки, свитер и длинное теплое пальто. Только один предпочитал цвета темные, немаркие, а ткани – грубые, дешевые. На другом были светло-коричневое пальто, какое можно носить, только если кто-то его тебе регулярно чистит, и свитер из дорогой тонкой шерсти цвета обожженной глины.

Чужаки. Это я видела и по лицам, и по одежде. И по тому, с каким любопытством они озирались по сторонам, хотя в городе мою шоколадницу – без ложной скромности – знают все. На самом деле заметное любопытство проявлял только один из них. Тот, что шел первым и был одет лучше. Молодой, ему едва ли исполнилось тридцать, пепельноволосый красавец с серыми глазами и какой-то детской улыбкой не скрывал интереса и удивления. Он выглядел умным, образованным и состоятельным. Скорее всего, делец, захвативший в Оринград, чтобы найти новых поставщиков или, наоборот, пристроить свой товар. Такие порой захаживали ко мне по ошибке или из любопытства. Обычно они не доставляли неприятностей: вели себя сдержанно, поскольку ситуацию в городе не знали и не хотели нарваться на проблемы с законом или случайно обидеть кого-то, кто мог повлиять на их дела.

А вот второй мужчина – брюнет – внушал страх. Я не смогла бы точно сказать, чем именно. Оба гостя могли похвастаться и внушительным ростом, и широкими плечами. Мощный торс, сильные руки, достаточно узкие бедра и длинные ноги. Воплощение мужской силы и красоты. Но пепельноволосый казался просто крепким, а его спутник – опасным. Угроза чудилась в цепком, пронизательном взгляде темных почти до черноты глаз, в недовольной складке между бровями, в плотно сжатых губах, в резко очерченных носогубных складках, в серебрищихся сединах висках, хотя мужчина едва ли был намного старше пепельноволосого. В чертах его лица виделось что-то грубое, варварское. Я легко могла представить, как он бьет женщину дубинкой по голове и утаскивает в свое логово.

Но если незнакомец и был варварских кровей, то только наполовину, потому что благородные черты тоже просматривались. Вырос определенно в цивилизации, скорее всего, получил нормальное образование, возможно, военное. И хотя одет он был проще, скромнее, в нем чувствовалась уверенность в себе.

«Охранник», – решила я и окончательно успокоилась.

Охранник, каким бы страшным он ни казался, подчиняется хозяину, а хозяина я уже не сочла опасным.

Испуг как раз окончательно прошел, когда первый мужчина заметил меня и широко улыбнулся в знак приветствия.

– Добрый вечер, хозяйка. Еще не закрываешь? Найдется немного тепла и еды для двух заблудившихся путников?

Его голос звучал весьма приятно, говор тоже выдавал в нем чужака. Я улыбнулась красавцу в ответ и махнула рукой, предлагая гостям садиться на любое место.

– У меня правило: если дверь открыта, то гнать вошедших в нее нельзя. Что могу предложить вам, господа?

Пока я шла к прилавку, хмурый охранник обернулся, подбирая взглядом подходящее место за крохотными для них обоих столиками. Его хозяин тем временем успел сделать выбор первым: ему приглянулся один из трех высоких стульев, стоящих прямо у прилавка. Редко кто занимал их. Сюда садились только знакомые или те, кто собирался быстро выпить чашку горячего шоколада, пока у меня допекалась порция свежих завитков из слоеного теста с шоколадной начинкой. Чаще всего здесь сидела мамина подруга – госпожа Кроули. Она навещала меня каждый день, перед тем как открыть свое кафе – как раз одно из тех, куда вечером мужчины приходили выпить, поговорить и потискать подавальщиц.

– Нам бы горячего кофе и какой-нибудь сэндвич с мясом, – пожелал пепельноволосый, продолжая улыбаться.

Его взгляд недвусмысленно намекал, что ему нравится и просто смотреть на меня, но мужчина казался действительно голодным.

Охранник, заметив, что хозяин уже выбрал место, недовольно поморщился, но безропотно сел на высокий стул рядом. Ну как сел? Присел, скорее, опираясь локтем на тянущийся вдоль прилавка козырек и касаясь одной ногой пола, словно готовился в любой момент вскочить и побежать.

– Мне очень жаль, но у нас нет кофе и сэндвичей, – с искренним сожалением улыбнулась я.

И слегка поежилась, потому что слова привлекли внимание охранника, и тот одарил меня своим пронзительным, тяжелым взглядом. Словно насквозь просветил.

– Это кафе-шоколадница. Есть горячий шоколад, шоколадные конфеты и осталось немного шоколадного печенья с орехами.

Брови дельца удивленно взлетели вверх, а его охранник презрительно фыркнул.

– Я говорил, надо искать другое место.

У него был низкий, сильный, властный голос. Незнакомец лишь тихо обронил короткую фразу, а у меня мгновенно вспотели руки и внутри все перевернулось. Нет, такому не нужно бить женщину по голове. Достаточно посмотреть в глаза и скомандовать: «За мной». Каждая вторая пойдет, даже в Оринграде. Каждая другая просто не сможет пойти, потому что умрет на месте от страха.

– Но больше ничего не работает, – даже хозяин говорил с ним так, словно оправдывался. – Да и как можно уйти от таких глаз? Придется есть шоколад.

Он снова игриво улыбнулся мне, и я против воли смущенно заправила волосы за ухо, на мгновение потупив взгляд. А когда снова подняла его, заметила, как охранник раздраженно покачал головой. Весь его вид говорил: «Какие, к варгам, глаза? Нет у нее никаких глаз».

– Какой шоколад изволите?

Я кивнула на доску за спиной, исписанную названиями. Их там было двадцать штук и каждое мало что говорило тому, кто видит его в первый раз. Вот и делец пробежал список растерянным взглядом и честно заявил:

– Я... не знаю.

– Вам погуще или более жидкий, послаще или более терпкий?

– Погуще и более терпкий, – тут же радостно определился делец.

Я кивнула и заставила себя посмотреть на охранника.

– А вам?

Тот снова поднял на меня взгляд. Все такой же темный, пронизывающий, пробирающий холодом до костей, как влажный ветер с моря зимой. Его взгляд залезал в голову, отзываясь шумом в ушах, но сам ничего не выражал. Словно зеркало, но только не души своего владельца, а просто зеркало, в котором отражаешься ты сам и не можешь разглядеть, что за ним. Поэтому я скорее почувствовала, чем увидела, что за ним есть нечто... Просто нечто, чему нет названия.

– Мне ничего не нужно.

– Ясно, – кивнула я еще раз, поворачиваясь к гостям спиной и включая горелку.

Все время, пока готовила, чувствовала спиной взгляд. Кожа почти горела, даже под одеждой и на прикрытом длинными волосами затылке. Я была уверена, что меня пожирает и раздевает взглядом делец, но когда повернулась, чтобы поставить перед ним высокую чашку, обнаружила, что он с интересом изучает витрину с конфетами.

Зато охранник смотрел на меня очень внимательно. Еще один долгий молчаливый контакт глаза в глаза, от которого теперь уже кинуло в жар, а не в холод, и он медленно отвернулся. Я тяжело сглотнула и заставила себя спросить, переключившись на тарелку нескольких оставшихся печений:

– Уверены, что ничего не хотите? На улице холодно, вам тоже не помешает согреться.

– Я не люблю сладкое.

И снова низкий, очищенный от эмоций голос, от которого внутри все подпрыгивает, падает вниз как попало и даже немного дрожит. Да что со мной такое сегодня?

– А это, между прочим, совсем не сладко, – заметил делец. – Даже не знал, что горячий шоколад таким бывает.

Охранник недовольно посмотрел на него, стиснул челюсти, но промолчал. Я впервые усомнилась, что правильно определила характер отношений между ними: очень уж непочтительно вел себя нанятый в телохранители варвар-полукровка.

Заметив реакцию спутника, делец легко пожал плечами и потянулся одной рукой к печеню, а другой – к забытой кем-то на краю козырька газете. Пока он пробегал глазами текст, я решительно шагнула обратно к горелке и снова принялась готовить по велению внезапного вдохновения.

«Не любишь сладкое, значит? – подумалось мне. – Ладно, удивлю тебя».

И откуда только взялись смелость, дерзость и уверенность в том, что это надо сделать? Стали ли причиной тому нашептывания ветра сегодня и восемь лет назад? Не знаю. Мужчина в черном пальто из грубой ткани внушал страх, а не любовный трепет, но отчего-то захотелось заставить его улыбнуться, согреть теплом напитка и растопить обжигающий лед во взгляде.

По старой привычке, подцепленной у мамы еще в детстве, я едва слышно – не громче обычного дыхания – озвучила пожелание, помешивая в ковшике на этот раз более густой напиток. В Оринграде считалось неприличным женщине высказывать свои желания вслух, особенно, если ее никто не спрашивал. Но мама всегда повторяла: «Пусть нам нельзя говорить о том, чего мы хотим, никто не может запретить нам шептать».

– Что это? – недовольно спросил охранник, когда я поставила чашку шоколада и перед ним. Это был необычный рецепт, родившийся только сейчас, на ходу, в меню его не значилось. Но мне почему-то казалось, что именно такой шоколад – густой, терпкий и острый из-за добавления огненного перца – должен ему понравиться.

– Это для вас.

– Я сказал, что мне ничего не нужно.

– А вы попробуйте, – предложила я, обезоруживающе улыбаясь. – Если не понравится, можете не платить.

И снова долгий, ничего не выражающий, но разбирающий на части взгляд. Разбирающий, но не раздевающий, как у дельца. У того на лице вдруг расплылась плутоватая улыбка. Он разломил большое печенье на две почти равные части, наблюдая, как охранник осторожно понюхал содержимое чашки и все-таки сделал осторожный глоток. А потом еще один. На лице не отразилось неудовольствия, поэтому спутник протянул ему половинку печенья, заметив: – Это тоже вкусно, кстати. А что, красавица, у вас говорят: будет в Ниланде война?

Вопрос был адресован уже мне, пришлось перевести взгляд на дельца, хотя было гораздо интереснее узнать реакцию охранника на печенье. Впрочем, на его лице все равно не отражалось никаких эмоций. Он лишь со скучающим видом покосился на спутника. В глазах читалась одна единственная мысль: «Нашел, о чем поговорить с девушкой».

Или стоило это читать как: «Нашел с кем поговорить о политической ситуации в мире». Почему-то второй вариант показался обидным. В противном случае я бы только пожалала плечами, а тут не удержалась:

– У нас по-разному говорят. Магистрат уже давно агрессивно присоединяет к себе чужие территории, но Ниланд ему не проглотить. Впрочем, подчинить его они могут, а значит, попытаются. Все зависит от правителя Ниланда: найдет ли он дипломатический способ решения проблемы или попытается отстоять свою страну силой.

Обе челюсти, до этого старательно пережевывающие уже подсохшее к вечеру печенье, сначала замедлили движение, а потом и вовсе остановились. Мужчины переглянулись. Конечно, хорошенькой – а я предпочитала считать себя хорошенькой – девице, варящей шоколад и пекущей печенье, как-то странно вникать в политические процессы соседних государств.

– И как ты думаешь, есть ли у Ниланда шансы отстоять себя силой? – поинтересовался делец, закончив обмениваться выразительными взглядами с охранником.

– А вы оттуда? – на всякий случай уточнила я.

– Нет, – прозвучал быстрый ответ, – мы туда.

Я понимающе кивнула и снова пожалала плечами.

– Ниланд силен, у него большая армия и храбрые воины. А еще хорошие отношения с Сиранской Республикой. Если Сиран и Ниланд объединятся, Магистрат, скорее всего, обломает о них зубы. Но у Магистрата есть маги и генерал Шелтер. Говорят, ему сам Варег ворожит. Он подчинил Айшенар, наверное, способен справиться и здесь. Если Магистрат пошлет его...

Я не договорила, потому что точно не знала, как продолжить, лишь многозначительно замолчала, округлив глаза. Мужчины снова удивленно переглянулись, и я с трудом сдержала улыбку. Делец потянулся за новым печеньем, а охранник, нахмурившись еще сильнее, сделал большой глоток шоколада.

– Шелтер? – переспросил делец равнодушно. – Это тот, которого прозвали Кровавым? Злобный ублюдок, безжалостный и беспощадный словно демон?

Охранник едва не поперхнулся. Или кашлянул, намекая хозяину, что слова вроде «ублюдок» в приличном обществе не приняты, особенно в присутствии дам. Меня оно, впрочем, совершенно не смутило. В плохие дни отец сыпал и более грубыми словечками.

– Не знаю, был ли отец генерала Шелтера женат на его матери, – спокойно отозвалась я. – И был ли кто-то из них прислужником Варегга, но как я слышала, его действительно прозвали Кровавым. Полагаю, за его... поведение на завоеванных территориях.

– Интересноешься политикой? – неожиданно спросил охранник.

Я лишь пожала плечами и улыбнулась, давая ему возможность самому додумать ответ. Разочаровывать его не хотелось, врать – тоже, а на самом деле политикой я не интересовалась, газеты не читала, только заголовки иногда цепляла взглядом, когда относилась свежий выпуск отцу. Зато политикой живо интересовались пожилые мужчины и даже женщины, приходящие в кафе в первой половине дня. Сегодня за чашкой шоколада пересеклись две пары, которые живо, бурно и громко обсуждали как раз тему возможной войны. А я никогда не жаловалась на память: все, о чем они говорили, запомнилось мне дословно.

Не дождавшись ответа, охранник снова отвел взгляд и поднес к губам чашку. Его хозяин отложил газету и принялся уточнять, как им отсюда добраться до южных ворот города.

– Из-за метели мы сбились с пути, – объяснил он. – А нас там должен ждать экипаж.

Я объяснила, как добраться до южных ворот, про себя подивившись, как можно настолько сбиться с пути, чтобы оказаться почти в противоположной части города. И заодно: зачем им южные ворота, если они собираются в Ниланд? Но спрашивать ничего не стала, не мое это дело.

Делец кивнул, заверив, что все понял. Часы на стене пробили девять, и охранник выразительно посмотрел на хозяйина, а тот с сожалением улыбнулся.

– Увы, нам пора, красавица. Было неожиданно, но вкусно. Я согрелся. Сколько с меня?

– Четыре за шоколад, а печенье будем считать угощением.

Он положил на прилавок мятую пятерку.

– Сдачу оставь себе. Спасибо за помощь.

Делец встал и принялся наматывать длинный тонкий шарф на шею, его охранник тоже поднялся, застегивая пуговицы пальто, но платить, очевидно, не планировал. Я вопросительно приподняла брови, глядя на него.

– Что? – спокойно поинтересовался он, сверля меня взглядом и натягивая перчатки. – Ты сказала, могу не платить, если не понравится. Мне не понравилось.

Я недоверчиво прищурилась, выразительно посмотрев на пустую чашку. Не понравилось, да? А что ж тогда выпил все?

– Слишком пресно, – спокойно пояснил мужчина, повернулся и пошел к выходу.

Пресно? С таким количеством огненного айшанского перца?

– Он просто вредничает, – заговорщицким шепотом заявил делец, возвращаясь к прилавку и кладя на него еще одну пятерку. – Доброй ночи, красавица.

– Счастливо вам добраться до Ниланда, – пожелала я, глядя, впрочем, не на дельца, а на его охранника, в нетерпении застывшего у двери.

Почему-то хотелось увидеть его глаза еще раз.

«Если он обернется, – загадала я, сама не понимая, зачем мне это, – значит, обещание ветра было все-таки о нем. Однажды он вернется и заберет меня отсюда...»

Я еще не успела сформулировать мысль до конца, а за гостями уже захлопнулась дверь.

Мужчина так и не обернулся.

Зато в ноги мне ткнулся мокрый нос, и снизу донесся решительный «Гав!» Я улыбнулась, чувствуя непонятно откуда взявшуюся горечь во рту. Та всегда появлялась, стоило понять, что все мечты – лишь глупые фантазии, которые никогда не сбудутся. Эта шоколадница и город – моя единственная судьба. Никто не придет и не заберет меня отсюда.

Я присела на корточки и погладила лохматую макушку.

– Вот так, Бардак, и нечего слушать всякий шепот. Правда? Спать пора, а то завтра не встану.

Перевернув табличку на двери, я заперла замок, произвольно вглядываясь в темноту и метель за окном. Но гостей уже и след простыл.

Глава 2

Чужаки вспоминались мне еще с неделю, но постепенно их образы стерлись из памяти и выветрились из головы. Я продолжала бежать по привычному кругу: встать пораньше, чтобы выпечь свежие кексы, слоеные завитки и печенье, подготовить кафе к открытию, обслужить всех гостей, успевая подать отцу завтрак, обед и ужин, сделать новые конфеты на продажу, убраться в квартире, перемыть всю посуду...

Когда снег окончательно сошел, на улице потеплело и темнеть стало позже, у меня появилось больше возможностей ходить куда-то после работы. Обычно я заглядывала в гости к госпоже Кроули, потому что собственных подруг за последние годы растеряла: они все вышли замуж, родили детей, некоторые из которых уже успели пойти в школу. В свои двадцать три в Оринграде я стремительно превращалась в старую деву, «переспелую ягоду», на которую еще год-два – и никто уже не посмотрит.

Я понимала опасность своего положения. В Оринграде женщина считается добропорядочной и пользуется уважением и поддержкой окружающих только в трех случаях: если она хорошая дочь, если она честная жена и мать или если она вдова, прошедшая первые два жизненных этапа. Вот госпожа Кроули считается добропорядочной вдовой с тремя честно нажитыми в браке детьми. Дело свое она унаследовала от мужа, занимается им, чтобы кормить детей, и должна передать старшему сыну, как только он станет совершеннолетним.

Пока я еще могла прикрываться ролью хорошей дочери, ухаживающей за больным отцом, но многие уже смотрели на меня косо, хотя в лицо никто худого не говорил. Но то, что ладная здоровая девка, к которой регулярно сватаются, не выходит замуж, выглядело подозрительно. Особенно на фоне того, что время шло и сватались ко мне все меньше. Некоторые уже шептались за моей спиной, мол, честь наверняка не сберегла и боится теперь идти замуж. Ведь кто возьмет в жены порченную? А обманешь, так муж будет иметь полное моральное – и хуже всего, законное – право так поколотить после брачной ночи, что уже и не встанешь. Если только сознательно не решит грех жены прикрыть, а такого еще поискать надо. Да что-то предложить ему взамен.

Мне было нечего стыдиться и нечего скрывать. Просто женихи не нравились. Не стучало рядом с ними сердце, не сбивалось дыхание, не тянуло прильнуть или поцеловать. Жизнь с отцом была не сахар, но он по крайней мере – родной человек, а не чужой мужчина, которого придется терпеть не только за одним столом, но и в одной постели. Потому я и не торопилась замуж, работала, втайне мечтала уехать из Оринграда и прислушивалась к шепоту ветра. Ждала обещанную судьбу, но с каждым годом все отчетливее понимала, что ветер обманул. Или я что-то не так поняла. Да только переломить себя и отказаться от мечты пока никак не могла. В тот день я проспала: накануне долго не могла уснуть. По какой-то причине вспомнился снежный вечер в начале весны. Перед глазами вставали лица гостей, в ушах звучал тихий властный голос. По спине бежали мурашки и внутри снова все переворачивалось, стоило вспомнить хмурый взгляд почти черных глаз. Все это долго не давало провалиться в сон, поэтому утром я против обыкновения встала почти на час позже. Что могло стать настоящей катастрофой, поэтому все утро пришлось бегать по привычному кругу вдвое быстрее, ничего не замечая вокруг.

Лишь через час после открытия, когда мне наконец удалось перевести дыхание, стало понятно, что что-то не так. Отсутствие обычного ажиотажа в первую волну я приняла как маленький подарок Великого Тмара: небольшое послабление, чтобы хватило сил дожить до вечера. Малое количество клиентов обычной второй волны уже показалось странным, а полное отсутствие третьей заставило насторожиться.

Я вышла из кафе, чтобы взглянуть на набережную. Та непривычно пустовала, хотя на небе ярко светило солнце, легкий бриз шелестел свежей листвой и все говорило, нет, практически кричало: «Сегодня прекрасный день для прогулки и чашки горячего шоколада!» Однако людей почти не было.

Пустовала и обычно оживленная улица, на которой находилась шоколадница. Только Бардак, завидев меня – или, скорее, учуяв – с радостным лаем бросился под ноги, виляя хвостом. – Маленький попрошайка, – притворно проворчала я, пытаюсь одновременно погладить его и не дать поставить на себя грязные лапы. Зеленое платье было уже не таким новым, но пока оставалось любимым.

– Мира!

Я обернулась на зов: ко мне спешила госпожа Кроули, тревожно кутаясь в легкий плащ, хотя погода уже позволяла ходить и без верхней одежды. Только когда мамина подруга подошла ближе, я поняла, что плащ она накинула чуть ли не поверх ночной сорочки или просто легкого домашнего платья. Ее заведение открывалось во второй половине дня и работало до ночи, поэтому Анна Кроули вставала гораздо позже меня.

Еще ни разу в жизни я не видела ее в таком растрепанном виде: без макияжа, с наспех собранными в пучок волосами и непонятной одежде. Не говоря ни слова, госпожа Кроули почти толкнула меня обратно в шоколадницу, отодвинув ногой обиженно залаявшего Бардака, чтобы закрыть за нами дверь.

– Отец дома? – спросила она, тяжело дыша.

– Нет. – Я растерянно покачала головой. – Он ушел к Стоуну.

Стоун – наш основной поставщик. Мы закупаем через него все, кроме какао, его привозит специализирующийся на подобном заморском товаре Арчер Вранак. Но с Вранаком у нас долгосрочный контракт, какао в виде порошка, масла и бобов, а заодно шоколадные «монеты», мы закупаем с запасом на случай проблем с поставками. А к Стоуну отец ходит со списком, который я составляю, раз в неделю-две. Вот и сегодня пошел, чтобы сделать заказ, оплатить его и договориться о доставке. Такие дела отец предпочитал оставлять за собой.

– Да и пекло с ним, старым хрычком, Варег его заberi, – раздосадовано махнула рукой госпожа Кроули. – А ты закрывай лавочку, опусти занавески, запири как следует дверь и не высовывайся из дома хотя бы несколько дней.

От ее слов – а еще больше от тона – у меня похолодело внутри, сердце забилось быстро и неровно.

– Анна, что случилось?

С тех пор как мама умерла, госпожа Кроули попросила называть ее по имени, потому что была старше меня всего на девять лет. И, вероятно, с тех пор считала себя просто моей подругой, но я продолжала воспринимать ее как подругу матери.

– Сиран ночью подписал капитуляцию, – мрачно объяснила госпожа Кроули, кусая губы. – Ты разве не видела? Это во всех утренних газетах! Варнайский Магистрат уже наводит там свои порядки.

Я едва не задохнулась то ли от удивления, то ли от страха. Скорее, от второго, потому что удивляться было нечему: Сиранская Республика уже два месяца сражалась с Магистратом, который ни с того ни с сего объявил войну им, а не Ниланду. Армия генерала Шелтера уверенно шла к ее столице. Об этом постоянно писали и говорили, но сегодня утром у меня не было времени заглянуть в газету, а отец никогда не обсуждал со мной политику и, видимо, не посчитал нужным предупредить о случившемся.

– Думаешь, теперь они пойдут к нам? – испуганно и жалобно пискнула я.

– Думаю, они уже идут, – горько вздохнула госпожа Кроули. – Им нужен выход к морю. Только ради этого они и лезли сначала в Ниланд, а в итоге подчинили Сиран. Чтобы добраться до нас и занять порт. Великий Магистр варнайцев наверняка понимает, что мы сражаться не будем. Нам просто нечем и некем. Да и если они сломили Сиран... – Она снова вздохнула, не договорив. Но этого и не требовалась.

– Значит, военных действий у нас не будет? – уточнила я.

Госпожа Кроули покачала головой.

– Нет, они придут сюда уже как хозяева. Скорее всего, поставят своих людей во главе города, наведут новые порядки и уйдут, оставив какое-то количество солдат. Дальше будем жить как жили, только уже по законам Магистрата.

– Тогда, может быть, все не так страшно?

Госпожа Кроули смерила меня сочувственным взглядом, который как бы говорил: какая же ты бестолковая.

– Страшно будет только молодой девице попасться на глаза солдатне, которая месяцами в походах женщин не видит, – жестко припечатала она. – Закона над ними никакого не будет, завоеванные территории всегда в полном распоряжении захватчиков. Поняла?

Я судорожно закивала, с трудом сглатывая. Что ж тут не понять-то? О том, что творит армия Магистрата на подчиненных территориях, ходят легенды. Жуткие и тошнотворные.

– Поэтому закрывай кафе, запирайся, зашторивай все окна и сиди тихо, как будто тебя здесь нет, – велела госпожа Кроули.

Она крепко обняла меня, очертила указательным пальцем на лбу защитный круг и поцеловала в то же место.

– Береги себя.

Выглянув за дверь, она убедилась, что на улице все по-прежнему спокойно, и торопливо вышла.

То ли отправилась предупреждать еще кого-то, то ли к себе – баррикадироваться.

Когда госпожа Кроули выбегала из шоколадницы, Бардак умудрился просочиться внутрь и теперь сел посреди зала, деловито виляя хвостом и глядя на меня из-под густой челки. Я решила не выгонять пса, с ним было как-то спокойнее. А отец все равно будет ругаться, как минимум, на закрытое кафе. Собакой больше, собакой меньше...

Я сделала все как велела Анна Кроули: опустила шторы, заперла дверь, сама забралась на второй этаж, закрылась в своей комнате вместе с Бардаком и села у окна – караулить возвращение отца. Из окна как раз был виден вход, поэтому я не могла пропустить его появление. Но отец все не возвращался. Возможно, зацепился языками со Стоуном или встретил приятелей, с которыми решил обсудить события в Сиране за кружкой эля.

Людей на улицах почти не было видно. Лишь иногда появлялись какие-то компании или отдельные, особо смелые горожане. Бардак вел себя на удивление спокойно: сидел на полу у моих ног и тихонько скулил, словно предчувствовал беду.

Военные в черной форме появились в городе ближе к обеденному времени. Они или шли отрядами человек по двадцать, или разъезжали в странных повозках без лошадей (должно быть, ими двигала магия). Маги с ними тоже были, их я узнавала по характерным одеждам, больше похожим на платья, чем на нормальные мужские одеяния. В отличие от солдат, все они, как один, носили длинные волосы.

Меня начало подташнивать от страха. Или от голода, потому что я не смогла заставить себя поесть, а времени с раннего завтрака прошло уже прилично. В конце концов, я решила запахнуть в себя хотя бы что-то из утренней выпечки. Все равно ведь пропадет теперь. Пришлось спуститься вниз, но я очень старалась передвигаться бесшумно, а сквозь зашторенные окна меня не могли увидеть.

Я набрала на блюдо кексов и слоеных завитков и уже собралась вернуться наверх, когда услышала за дверями постоянно нарастающий шум. Сначала это была непонятная возня, постукивания и скрежет, а потом раздался крик. Голос отца я узнала сразу.

– Смердящие выродки! Змеиные ублюдки! Вон отсюда! Вас сюда не звали! Это наш город!

Я едва не выронила тарелку, успела в последний момент с громким стуком поставить ее на ближайшую горизонтальную поверхность. Метнулась к окну и осторожно отвела в сторону край шторы, чтобы выглянуть. Сразу затошнило сильнее.

На улице, прямо перед дверями кафе, толпилось несколько человек: отец с приятелями и почти с десятком военных армии Варнайского Магистрата. Я не разбиралась в их форме и знаках отличия, но было похоже, что двое из них офицеры, а остальные – рядовые. Чуть дальше, на дороге, стояла одна из безлошадных повозок, небольшая, сравнимая по размеру с обычным экипажем. Еще дальше остановилось несколько человек из горожан. Или они вышли из домов поглазеть на назревающий конфликт.

Когда я выглянула в окно, тот уже расцвел пышным цветом. Мой отец, никогда не отличавшийся силой и статью, но зато обладающий чрезмерно сварливым, склочным характером, по старой привычке кинулся на военных. За ним подобное наблюдалось иногда: он любил поорать на других и помахать тростью, без которой последнее время не ходил. Вот только мне хотелось верить, что он окажется достаточно вменяем, чтобы не делать этого по отношению к солдатам захватчика. Впрочем, его покрасневшее лицо и блестящие глаза давали понять, что с элем он знатно переборщил сегодня, а потому на разумную осторожность с его стороны рассчитывать не приходилось.

Приятель сначала пытался его унять, потом – отбить у военных, но в итоге их оттеснили в сторону, а отца один из рядовых ударил задней частью... Думаю, что это было ружье такое. Отец упал на колени к ногам одного из офицеров, а рядовой снова занес оружие для нового удара.

Я не выдержала: дернула замок, рванула на себя дверь и выскочила на улицу.

– Стойте! – закричала, подбегая к отцу и пытаясь закрыть его собой. – Не надо! Не трогайте его, пожалуйста! Вы же видите, он не в себе...

Солдат замер, так и не нанеся удара, вопросительно посмотрел на офицера. И я тоже посмотрела на него снизу вверх. Черный мундир сидел на мужчине, как влитой, на груди красовались какие-то значки, что изображено на погонах, я не видела. Да и не поняла бы.

Поэтому смотрела только в равнодушные серые глаза, которые недобро сощурились.

– Ты кто?

– Я его дочь, – быстро затараторила я, демонстрируя раскаяние и смирение. Мне было не привыкать к такому. – Мой отец не в себе. Пожалуйста, отпустите нас, я заберу его домой, он больше не доставит вам неприятностей.

– Еще сапоги ему оближи, дрянь продажная, – почти заревел отец. Когда выпивал, он совершенно терял связь с реальностью, из его рта летели только ругательства и проклятия. – Они на чужой земле! Мы должны дать им отпор, а не вставать перед ними на колени! Учитывая, что мы оба сейчас стояли на коленях перед офицером варнайской армии, его заявление выглядело особенно нелепо. Впрочем, отец честно пытался подняться, но мы с опьянением не давали ему этого сделать.

Я снова умоляюще посмотрела на офицера. Не зверь же он, должен понять...

Мужчина презрительно скривился и усмехнулся, скользнул по мне оценивающим взглядом. Я запоздало вспомнила слова госпожи Кроули, вновь чувствуя, как руки леденеют, а в груди все сжимается от ужаса.

Где-то ниже по улице что-то вдруг затарахтело, приближаясь, потом скрипнуло, останавливаясь рядом с нами. Офицер обернулся, и я против воли проследила за его взглядом: рядом остановилась еще одна безлошадная повозка, но уже побольше, похожая на грузовой фургон. Открылась дверца – и на мостовую прыгнул мужчина в обычном темно-сером костюме. Немолодой – его волосы уже посеребрила седина – и заметно расплывшийся, с неприятным взглядом и лоснящимся от пота лицом, хотя было не так уж и жарко.

– Что у вас тут происходит, майор? – обратился он к офицеру. – Нам нужно проехать, а вы перегородили дорогу.

– Да вот... – Майор неопределенно кивнул на нас с отцом. – Сейчас все сделаем, господин Драгз.

И он велел солдатам оттеснить собирающуюся толпу зевак. Меня дернули за локти, грубо поднимая на ноги и оттаскивая к стене здания. В считанные мгновения проезд оказался свободен, из чего я сделала вывод, что господин Драгз – важная фигура.

Однако тот не торопился воспользоваться освобожденной дорогой. Он смотрел на меня. Его взгляд быстро скользнул по фигуре, потом долго изучал лицо. Я не выдержала и опустила глаза в землю, тяжело дыша и чувствуя, как тело охватывает дрожь. Колени уже начали подгибаться от страха.

– Это твой муж? – внезапно спросил Драгз, кивнув на притихшего наконец родителя.

– Этой мой отец, – немного оскорбленно отозвалась я.

– Живете с ним вдвоем?

– Да...

– Чудесно, – он вдруг улыбнулся, но от этой улыбки мой желудок снова подскочил вверх, к горлу. Драгз повернулся к майору и потребовал: – В машину. Я забираю ее в коллекцию.

Он повернулся и отправился на свое место в повозке. Майор мазнул по мне удивленным взглядом, едва заметно дернул плечами, словно чего-то не понимал, и кивнул солдатам, которые ждали только его приказа. Не успела я осознать, что происходит, как отца оттащили в сторону, а меня повели к большой повозке.

– Что вы делаете? Нет! Я не пойду! – закричала я, как только поняла, что происходит.

Я уперлась ногами в землю, попыталась вырваться из цепких рук солдата, но тот, конечно, оказался сильнее. Удалось только немного замедлить наше движение, повернуться в руках схватившего меня мужчины и умоляюще посмотреть на отца.

– Папа! – крикнула я, протягивая к нему руку, словно он мог что-то сделать.

Неожиданно отец рванулся ко мне, но его удержали на месте.

– Мира! Что вы делаете, мерзавцы? Отпустите ее!

Это придало сил, я забрыкалась в руках солдата активнее, упираясь ногами в землю так, что едва не повалила обоих. Мужчине это быстро надоело, поэтому он просто перехватил меня за талию и поднял над землей. Теперь я не могла за нее цепляться, только сучить ногами в воздухе.

Внезапно раздался пронзительный лай: из шоколадницы выскочил Бардак и кинулся на тащившего меня солдата. Тот пнул его ногой, Бардак заскулил, но секунду спустя снова залаял, зарычал и бросился на солдата. Я не успела обрадоваться неожиданному заступничеству: заметила, как другой солдат снял с плеча ружье, вскинул его и прицелился в пса.

– Бардак, фу! – заорала я в ужасе, но уже не за себя. – Фу, Бардак, беги!

Раздался выстрел, пес испуганно взвизгнул, заскулил, но бежать бросился вполне резво: стрелявший или промахнулся, или и не целился в него, а только хотел спугнуть.

А меня, брыкающуюся и снова зовущую отца, тем временем подтащили к задним дверям повозки, которые кто-то уже распахнул. За большой повозкой остановилась еще одна маленькая. Я почувствовала на себе прожигающий взгляд, но смогла рассмотреть только возницу и неясные силуэты на заднем сиденье.

Мгновенно стало не до разглядывания повозок: меня закинули в фургон, как мешок картошки. Я больно ударилась плечом о холодный жесткий пол, а головой – о чуть менее жесткую скамью, тянущуюся вдоль стены. После чего дверцы захлопнулись, что-то с противным лязгом щелкнуло.

Приподняв голову, я успела поймать три обращенных на меня испуганных взгляда, вскочила и ударила раскрытыми ладонями в двери, хоть и понимала, что они не распахнутся.

Ладони лишь ожидаемо обожгло болью. Повозка вздрогнула, зарычала, качнулась и тронулась с места. Я прильнула к маленькому окошку, пытаюсь поймать взгляд перепуганного отца, который вдруг растерял всю свою воинственность. Возможно, даже протрезвел от неожиданности.

Повозка уверенно набирала скорость, и в считанные секунды дом и кафе, в котором я работала с детства, отец, знакомые лица соседей и грозные лица чужих военных остались далеко позади, сначала сжавшись, а потом и вовсе исчезнув из вида. Так быстро, что я не успела поверить в случившееся.

Та повозка, которой мы мешали проехать, какое-то время следовала за нами, но потом свернула. Мои колени наконец подогнулись, и я с размаху плюхнулась на скамью. В глазах темнело, в ушах шумело, к горлу подкатывала тошнота, а легкие горели, потому что я не могла нормально вдохнуть. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не задохнуться. Только сейчас я обратила внимание на едкий, мерзкий, горький запах, которым был наполнен воздух в фургоне.

Что теперь будет? Куда меня везут? О какой коллекции говорил тот мужчина? Как же папа? Он ведь пропадет без меня! Кто приготовит ему еду и кто будет зарабатывать деньги, чтобы он эту еду мог купить?

Сотня вопросов толпились в голове, но я не могла сейчас найти ответы. Все, что я могла, – это дышать.

Глава 3

Повозка катилась по городу, фыркающая и рыча. Не знаю, долго ли мы кружили по узким улицам. Сквозь туман, окутавший сознание, я едва заметила несколько остановок. В фургоне появились еще три перепуганные девушки, но через пелену, застилавшую глаза, мне не удалось разглядеть их лица. Я обхватывала себя руками, но никак не могла унять дрожь. От едкого, ядовитого запаха разболелась голова. Кто-то рядом тихо плакал, две девушки – вероятно, знакомые друг с другом, – о чем-то тревожно шептались.

Наконец повозка снова остановилась, двери открылись, и грубый голос велел:
– Вылезайте! Быстрее!

Сначала никто не шелохнулся, но когда мужчина повторил требование громче, еще и стукнув раскрытой ладонью по металлической дверце, мы испуганно вздрогнули и торопливо выбрались наружу. Я едва не свалилась, зацепившись ногой, однако командовавший нами солдат удержал меня от падения. И на том спасибо.

Пока вылезали остальные, пока всех строили в один ряд и господин Драгз записывал имена и возраст, я настороженно оглядывалась по сторонам.

Нас вывели через восточные ворота, которые уже контролировала армия варнайцев. Вдоль городской стены в обе стороны куда хватало глаз тянулся военный лагерь: палатки, какие-то орудия и повозки – большие и маленькие. Повсюду сновали военные в черных мундирах. Мне показалось, что их здесь сотни и двигаются они совершенно хаотично, но каждый наверняка выполнял свою задачу. Четкую и понятную.

– Как зовут? – нетерпеливо потребовал рядом голос Драгза. Судя по недовольному тону, спрашивал он уже не первый раз.

– Мира.

Голос прозвучал хрипло и бесцветно. Драгз одарил меня выразительным взглядом, и я уточнила:

– Мирадора Торн, двадцать три года.

Он едва заметно поморщился, но записал и перешел к следующей. Когда перепись была закончена, нас куда-то повели. Мы жались друг к другу, испуганно оглядываясь и ловя на себе мужские взгляды. Чаще безразличные, но порой – заинтересованные, оценивающие, голодные.

Пару раз я заметила даже сочувствующие, что показалось очень уж странным.

Мой взгляд вдруг зацепился за темноволосого мужчину, стоявшего ко мне спиной, и я непроизвольно остановилась. На первый взгляд он ничем не выделялся на фоне остальных: такая же черная офицерская форма, но серебриющиеся сединами виски показались знакомыми. Прежде, чем я успела осмыслить тревожное чувство, дернувшее сердце, мужчина обернулся.

– Чего встала? – резко поинтересовались над ухом, подталкивая в спину.

Но я не шелохнулась, не двинулась с места. Так и стояла, глядя на охранника, который пару месяцев назад сопровождал симпатичного молодого дельца, зашедшего в нашу шоколадницу. Он как будто почувствовал обращенный на него взгляд: его глаза забегали, словно ища кого-то, а потом остановились на мне. Все такие же темные, бездонные и бездушные. Мгновение – и в них промелькнуло узнавание. Мужчина шагнул к нам.

– Драгз? – окликнул он. – Это у вас кто?

Наша маленькая процессия к тому моменту и так остановилась. Из-за меня, буквально вросшей в землю. Драгз повернулся к мужчине и заулыбался. Противно так.

– Пополнение коллекции, господин генерал, – отозвался он. – В подарок Великому Магистру.

Вот оно что. Подарок Великому Магистру. Я что-то слышала об этом краем уха, когда другие обсуждали. Армия привозит своему правителю, главе Варнайского Магистрата – Великому Магистру, подарки. Своего рода сувениры. Предметы искусства, драгоценности, вина, к которым он испытывает слабость, и женщин. Все это Магистр страстно коллекционирует.

Генерал подошел ближе, критически изучая выбранных девушек. Его глаза остановились на мне. И хотя внутри, где-то в животе, все сжималось и холодело и от его голоса, и от взгляда, я не отрываясь смотрела на него. Как будто прилипла.

– А это здесь зачем? – недовольно поинтересовался генерал, кивая на меня.

Так и сказал – «это». Даже не «эта», словно подчеркивал, что я не человек, а всего лишь вещь.

– Мне кажется, Магистру должна понравиться. – Драгз тоже повернулся ко мне. – Необычный цвет волос, такой оттенок редко встречается в наших землях.

Генерал равнодушно посмотрел на мои волосы и покачал головой.

– Никакие экзотические оттенки не помогут, если она не девственница. У Магистра на этот счет особый пунктик. А она старая по меркам Оринграда, чтобы быть невинной. Ей лет двадцать пять.

Наверное, если бы он сейчас разорвал на мне платье и выставил на всеобщее обозрение перед толпой солдат, я почувствовала бы себя примерно так же. На меня устремилось не менее десятка взглядов: наших конвоиров, спутников генерала, просто мимо пробежавших офицеров и рядовых. Все они оценивающе рассматривали меня, как будто пытаясь прикинуть, сколько мне лет и могу ли я в этом возрасте быть невинной. Не знаю, какой из выводов вызывал у них большую насмешку и презрение.

Я снова обхватила себя руками, пытаюсь закрыться от раздевающих взглядов, и, краснея, низко опустила голову, чтобы их не видеть.

– Ей двадцать три, – возразил Драгз. – И поверьте моему наметанному глазу: она невинна. Но, конечно, ее ждет стандартная проверка прежде, чем мы отправимся.

– Что ж, – раздался надо мной бесстрастный голос генерала, – вам виднее, Драгз. Поторопитесь. Я хочу сегодня же отправиться в Сиран. Вашей машине лучше поехать со мной и моим сопровождением.

– Вы собираетесь ехать на ночь глядя через лес, генерал Шелтер? – с сомнением поинтересовался мужчина, который подошел вместе с генералом.

Выглядел он заметно старше, но судя по неуверенным ноткам в голосе, находился у генерала в подчинении.

Я удивленно вскинула голову, снова посмотрев на своего случайного знакомого, оказавшегося генералом чужой армии. Шелтер? Тот самый генерал Шелтер по прозвищу «Кровавый»,

которого мы тогда обсуждали? Вспомнилось, как он поперхнулся шоколадом, когда спутник выдал его расхожую характеристику.

Сейчас у генерала Шелтера едва заметно дрогнули губы: понял, о чем я подумала, и то ли собирался усмехнуться, то ли скривиться. Не сделал ни того, ни другого, только повернулся к мужчине, усомнившись в его решении.

– А что не так, полковник Ридд? Здесь недалеко.

Ехать было действительно недалеко: Оринград от Сиранской республики отделяли километров двадцать лесной дороги. Только по ночам там старались не ездить, разве что зимой, когда варги впадают в спячку. А по весне они выбираются, по-настоящему злые и всегда голодные.

Впрочем, учитывая крепкие металлические повозки, которым не требовались лошади, варнайцам едва ли стоило бояться варгов. И как оказалось, полковник опасался не их.

– Партизаны, господин генерал, – с нажимом напомнил он. – Не все в Сиране согласны с капитуляцией. Мы можем угодить в ловушку.

– Если вы боитесь, господин полковник, вы вольны остаться здесь и подождать, пока в Магистрат будут возвращаться основные силы. А я тороплюсь в столицу.

Он повернулся, уже ни на кого не глядя и не позволив больше себе возразить, и пошел прочь.

Я какое-то время смотрела ему вслед, пытаюсь понять, что чувствую по поводу того, кем оказался простой охранник, в котором мне почудилось наличие варварской крови. Но я ничего не чувствовала, кроме тошноты, слабости и ужаса перед предстоящей «проверкой».

* * *

«Проверка на невинность» оказалась грубым, унижительным осмотром. Когда меня завели в палатку, и я поняла, что именно собирается сделать немолодой, но еще и не старый чужой мужчина в присутствии двух солдат, я попыталась сопротивляться, но сопротивление было сломлено довольно быстро. Именно тогда я в полной мере осознала, насколько беззащитна перед этими людьми, и что-то во мне сломалось. С горечью пришлось признать, что я слишком слаба, чтобы сопротивляться их силе, а они слишком бессердечны, чтобы внимать мольбам и слезам.

Тем, кто прошел «проверку», выдавали миску с едой. По крайней мере, при определенных условиях это могло считаться едой. Пахло содержимое металлической посуды отвратительно, на вкус было еще хуже. После двух ложек меня стошнило, и миску грубо отобрали.

– Сиди голодная, раз такая привередливая, – гаркнул мужчина, раздававший еду.

Мою миску отдали следующей девушке. Мне, впрочем, было уже все равно. Умереть от голода казалось не так ужасно, как продолжать жить в мире, где на тебя смотрят как на вещь и могут сделать все, что душе угодно. Не то чтобы в Оринграде к женщинам относились с каким-то особенным трепетом или уважением. Но там хотя бы существовали определенные рамки. Законы, ограничения. Правила, соблюдая которые, можно было добиться хорошего к себе отношения. Здесь они больше не действовали.

Через какое-то время за нами перестали пристально следить. Подруги по несчастью, молчаливые и такие же опустошенные после «проверки», как и я, без энтузиазма ели, сидя на каких-то ящиках, стоящих у палатки, и глядя каждая в свою миску. Я своей порции лишилась, а потому неприкаянно топталась вокруг, скользя взглядом по другим палаткам, суетящимся людям, замысловатым орудиям, повозкам. В голове было холодно и пусто, мысли отказывались формироваться и задерживаться, мелькали лишь рваные ошметки. Даже страх на время отступил.

Сама не заметила, как отдалилась от остальных девушек, подошла к одной из повозок, такой же большой как та, на которой нас привезли. Я бесстрастно разглядывала прочные металлические бока, большие черные колеса, прозрачные, хоть и заляпанные местами грязью, окна в той части, где сидел возница. Повозка казалась ужасно тяжелой, в голове мелькнула мысль, что ни одна лошадь – и даже пара – ее не сдвинет.

– Как же она ездит? – пробормотала я, ни к кому конкретно не обращаясь. – Это какая-то магия?

– Это двигатель внутреннего сгорания. Изобретение айшев, – раздался рядом знакомый голос.

Я не ожидала его услышать, но не испугалась. Лишь медленно повернула голову и посмотрела на улыбающегося пепельноволосого дельца... То есть, того, кого приняла в свое время за дельца. Сейчас он, как и его тогдашний спутник, красовался в форме армии варнайцев.

– Здравствуй, красавица, – поприветствовал он, убедившись, что его узнали. На губах цвела все та же милая, доброжелательная улыбка, а в глазах светилось сочувствие.

– Здравствуйте, – пробормотала я бесцветным голосом.

На удивление или обиду за обман, как и на любые другие эмоции, просто не осталось сил.

– Вот, возьми.

Мужчина неожиданно протянул мне шуршащий бумажный пакет с промасленным боком. От него невыносимо вкусно пахло мясом, луком и жареным тестом.

Я заглянула внутрь, чувствуя, как рот наполняется слюной, и обнаружила в пакете два плоских пирожка с хрустящей, ломающейся от неосторожного прикосновения корочкой. От запаха закружилась голова, организм напомнил, что сегодня мы с ним лишь наспех перекусили утром, а уже сгущались сумерки.

– Угощение за угощение, – объяснил пепельноволокосый в ответ на мой вопросительный взгляд и уточнил: – За печенье. Тебе надо поесть. Тебя зовут Мира, да?

Я кивнула, жадно впиваясь зубами в первый пирожок. В рот потек горячий, но не обжигающий мясной сок, хрустящий гребешок пирожка слегка осыпался, но я поймала крупные крошки ладонью и подобрала языком, торопливо пережевывая и откусывая снова. Было плевать, насколько дико я выгляжу со стороны. Должно быть, приблизительно как Бардак, который неизменно накидывался на любое угощение с энтузиазмом оголодавшего варга.

– А меня Риталь Моран. Капитан Моран, адъютант генерала Шелтера, – как будто виновато уточнил он.

Я лишь снова безразлично кивнула, вцепившись в бумажный пакет и торопливо принимаясь за второй пирожок. Главное – не подавиться.

«А ведь только думала, что умереть от голода лучше, чем так жить», – напомнила себе с той же отрешенностью.

Оказалось, что умереть все-таки сложнее, чем жить. Какой бы жизнь ни была или обещала стать.

– Вы закончили?

От неожиданного громкого окрика генерала я все-таки едва не подавилась, потому что вздрогнула и проглотила кусок раньше, чем успела как следует прожевать. Он с трудом пролез в горло и камнем упал в живот. Риталь на мгновение ободряюще коснулся моего плеча и тут же пошел прочь, к генералу, а ко мне уже спешил зазевавшийся солдат, из-за невнимательности которого я умудрилась так далеко отойти от остальных. Пришлось быстро засунуть в рот остатки второго пирожка, чтобы его не отобрали.

Нас снова повели к повозке, на которой доставили сюда. Пока другие девушки покорно забирались внутрь, я следила взглядом за генералом Шелтером и капитаном Мораном, стоявшим у него за плечом. Шелтер отдал другому офицеру последние распоряжения, тот что-то коротко ответил и моментально встал еще прямее, вытягиваясь вверх, резким движением поднимая раскрытую ладонь и поднося кончики пальцев к козырьку фуражки. Генерал повторил его жест, но более расслабленно, после чего вместе с адъютантом и тем полковником, с которым спорил раньше, направился к маленькой повозке. Риталь открыл перед ним дверцу заднего сиденья, генерал снял фуражку, собираясь забраться внутрь, но вдруг остановился и обернулся, как будто снова почувствовал на себе мой взгляд.

Он посмотрел на меня, прямо в глаза, хотя нас разделяло довольно приличное расстояние. И все же мне показалось, что он снова проникает в меня. Не бесстыдными пальцами, как мужчина, проводивший «проверку», а в голову, в душу, заставляет сердце глухо ухать в груди то ли от вернувшегося страха, то ли какого-то другого, совершенно незнакомого чувства.

Резкий порыв ветра взметнул мои волосы и подол платья, слуха коснулся едва слышный шепот, но я не разобрала слов: меня как раз грубо толкнули в спину, давая понять, что пора забираться в повозку. И я забралась.

Захлопали дверцы, повозки снова грозно зарычали и зафыркали, качнулись и поехали. Я встала, придерживаясь руками то за стены, то за низкий потолок, чтобы не потерять равновесие, и выглянула в окошко в двери: ворота Оринграда стремительно удалялись. Сколько раз я представляла себе, как однажды пройду через них и оставлю родной город в прошлом, устремлюсь навстречу новой жизни, приключениям и необыкновенному мужчине, который изменит мой мир.

Что ж, сбылось. Я покидала Оринград, чтобы стать игрушкой в руках – или, правильнее сказать, в постели – главы Варнайского Магистрата. Это определенно навсегда изменит мой мир, низвергнув до положения падшей женщины. Да, предсказание ветра полностью сбылось. Кто только мог подумать, что все окажется... так?

«Надо было поточнее мечтать, – горько усмехнулась я, наблюдая, как ворота скрылись из вида и осталась только еще одна небольшая повозка, следовавшая за нами. – А теперь уж никто не виноват».

Разве что генерал Шелтер по прозвищу «Кровавый», который пришел и играючи завоевал сначала Сиран, а потом и Оринград.

Глава 4

Стемнело довольно быстро, едва мы отъехали от ворот, но тяжелые и резвые повозки варнайцев оказались оснащены яркими фонарями. Света от той, что ехала следом, хватало, чтобы мы могли хорошо видеть друг друга. Я только сейчас нашла в себе силы рассмотреть подруг по несчастью. Их было шестеро, и все они выглядели значительно моложе. Одна и вовсе казалась почти ребенком. Лишь кареглазой шатенке, сидевшей в дальнем от входа углу, на вид можно было дать лет двадцать.

Повозки двигались довольно быстро, мы вполне могли оказаться в ближайшем крупном городе Сиранской Республики еще до полуночи, не останавливаясь на отдых в деревне, что находилась у самой границы.

Фургон, в котором ехали мы, пугающе раскачивался, нас нещадно трясло на каждой кочке, от чего меня снова мутило, но два вкусных пирожка я была твердо намерена удержать в себе.

Поэтому плотно сомкнула веки и сжала губы – так было легче переносить тряску.

Снаружи вдруг что-то бахнуло, потом заскрипело, завизжало. Нашу повозку повело в сторону, закачало сильнее. Я открыла глаза, но не поняла, что произошло. Снаружи опять что-то гроыхнуло, взвизгнуло. Фургон резко развернуло и накренило, меня кинуло в противоположную стену, как бы отчаянно я ни пыталась удержаться за сиденье. Кто-то рядом закричал, а я больно приложилась головой обо что-то твердое. В глазах потемнело, и на какое-то время я отключилась от происходящего.

Когда сознание вернулось, грохот, крики и скрип стихли, зато в ушах появился навязчивый звон. В фургоне стало очень темно: фонари шедшей следом повозки исчезли. Я попыталась встать, но мне не удалось. В темноте не сразу удалось понять, что не так, но через несколько секунд я сообразила: повозка сильно накренилась, но не перевернулась, так и зависла под углом.

Снаружи раздались непонятные хлопки. Достаточно быстро я сопоставила звук с тем, что слышала, когда солдат выстрелил в Бардака. Только сейчас грохотали и одиночные выстрелы, и целые очереди, похожие на звук трещоток. Какой-то древний инстинкт заставил меня прижаться к полу... под каким бы странным углом он сейчас ни находился.

Рядом кто-то заплакал, а кто-то – зашептал молитву. Снаружи слышались грубые, резкие выкрики, но слов было не разобрать: шум в ушах мешал. Я зажала их ладонями, как будто это могло помочь, изменить происходящее.

Через несколько минут все стихло. Все, кроме шума в ушах. Я осторожно отвела руки в сторону.

– Всем оставаться на местах! – послышался звучный голос генерала. – Это может быть уловкой! Я сомневалась, что его приказ относится к нам, мы и так не могли покинуть свое место, но на всякий случай замерла, даже дышать перестала. Снаружи раздалось еще несколько одиночных выстрелов, какая-то возня, глухие удары, а потом дверца фургона резко распахнулась и голос капитана Морана громко поинтересовался:

– Все целы? Вылезайте. Только осторожно!

После секундного замешательства мы на ощупь потянулись к двери. Я из повозки едва не выпала, очень уж кружилась голова, но Моран удержал меня, поставил на ноги и велел сразу отойти подальше, чтобы не мешала другим.

– И чтобы машина не зацепила, если решит падать дальше, – добавил он.

На улице оказалось гораздо светлее: фонари повозок продолжали работать, рассеивая тьму вокруг, но сами повозки теперь стояли безумно и нелепо. Я по-прежнему не понимала, что произошло. В ушах еще шумело, а перед глазами все расплывалось. Я бестолково оглядывалась по сторонам, постепенно отходя все дальше от почти перевернувшегося фургона.

Минуту спустя картинка сложилась. Поперек дороги лежало огромное дерево. Наш фургон тоже развернуло поперек, боком он завалился на дерево, потому и не опрокинулся полностью – уперся в ветки. Теперь один ряд колес висел в воздухе, а на втором повозка опасно балансировала. Если ветки сломаются, она упадет.

Рядом с накренившимся фургоном стояла одна из маленьких повозок. Она, очевидно, успела затормозить. Другую раздавило деревом, и из нее двое солдат сейчас пытались вытащить выживших пассажиров. Еще одна лежала на боку в углублении рядом с дорогой. Та маленькая повозка, что ехала за фургоном, тоже смогла остановиться, ее повернуло лишь чуть-чуть. В основном именно она сейчас и освещала происходящее.

А происходило следующее: трое мужчин стояли посреди дороги на коленях со сцепленными на затылке руками под прицелом ружей двух варнайских солдат. Трое солдат Магистрата лежали на земле чуть дальше. Над двумя склонились их товарищ и маг, которого я снова опознала по длинным волосам и одежде, похожей на женское платье. Третий лежал в стороне, отдельно, и им никто не занимался.

Я вдруг поняла, что ему уже никто не нужен: молодой парень был мертв. Непроизвольно прижала ко рту руку, хотя не смогла бы закричать, даже если бы захотела.

– А я говорил вам, Шелтер! – крикнул где-то позади полковник Ридд. – Но вы меня не послушали!

– Заткнитесь, – огрызнулся генерал.

Голос его прозвучал подозрительно громко и опасно близко. Я снова повернулась, намереваясь отойти подальше, и едва не уткнулась лицом в широкую грудь. Реакция у Шелтера оказалась лучше: он успел резко затормозить до нашего столкновения и тут же сделать шаг назад.

Я подняла на него испуганный взгляд, а генерал вдруг нехорошо сощурился. Сильные пальцы легли мне на подбородок – куда осторожнее и бережнее, чем можно было ожидать, – и подняли голову, поворачивая лицо так, чтобы на него лучше попадал свет фонарей. Вторая рука потянулась к моим волосам, чтобы приподнять их. По телу прокатился озноб: в этой руке был зажат пистолет, генерал лишь отвел в сторону большой палец, чтобы подцепить прядь, а рукоятка тем временем коснулась моей макушки. Мне захотелось втянуть голову в плечи, но я боялась пошевелиться. Даже вдохнуть боялась.

– Просто царапина, – констатировал Шелтер, отпуская. – Подойди к Этьену. – Он взглядом указал на мага. – Пусть залечит, чтобы не было проблем.

Я кивнула и шагнула в указанном направлении, а генерал – к стоящим на коленях мужчинам, спрашивая их, кто они и чего пытались добиться. Один что-то глухо ответил, но я не разобрала: уже оказалась рядом с ранеными солдатами, мое внимание переключилось на них. Над одним колдовал маг, а второй пока просто корчился от боли, товарищ зажимал рукой рану на его груди.

– Мастер Этьен, поторопитесь, – попросил здоровый солдат. – Макс совсем плох.

– Мне что, разорваться? – огрызнулся маг. – Пуля не задела ничего важного, он может подождать. Этот ждать не может.

– Ему больно...

– А кому из нас легко? Тебе чего?

Последний вопрос был адресован уже мне. Взгляд мага скользнул по моему лицу, после чего тот подавил тяжелый вздох и процедил сквозь зубы:

– В очередь встань. Сначала эти двое.

Я послушно остановилась, растерянно глядя на стонущего у моих ног мужчину. Повинуясь странному порыву, опустилась рядом с ним на колени и коснулась рукой головы, осторожно погладила влажные от пота волосы.

– Тише, тише, – прошептала я едва слышно, как любила нашептывать, танцуя на кухне перед открытием шоколадницы и желая хорошего дня и настроения себе и гостям. – Не думай о боли, думай о хорошем. О доме, о маме. О шелесте травы и поцелуях солнца. Великий Тмар придет и заберет твою боль себе, потому не думай о ней. Тише, милый, тише. Думай о тепле очага, у которого тебя ждут...

Я повторяла слегка переделанные присказки, которые слышала с детства. Мама шептала нечто подобное мне, когда я болела или разбивала коленки. Ее шепот велел думать о хорошем: о конфетах и добрых сказках, о любимых куклах и праздничной ярмарке, о великом Тмаре, что смотрит сверху, улыбаясь, и заботится о людях. Шепот убаюкивал, боль уходила, и вскоре я выздоравливала, а коленки – заживали.

Конечно, я понимала, что подобного чуда с серьезным ранением не произойдет, но парень, лежавший на земле, вдруг как будто успокоился, задышал ровнее и перестал стонать. Я почувствовала на себе косой взгляд мага, но тот ничего не сказал.

– Расстрелять и повесить на деревьях, – вдруг донесся с другой стороны дороги холодный голос генерала.

Я не заметила, как снова оказалась на ногах и вернулась к стоявшим на коленях мужчинам. Рядом уже собрались все трое офицеров и еще трое солдат, один из которых выглядел довольно помятым. Возможно, его вытащили из повозки, на которую упало дерево.

– Но, генерал, они сдались, – с налетом возмущения возразил немолодой полковник. – Мы должны взять их в плен.

– Сиран еще вчера подписал капитуляцию, – отрезал Шелтер. – Война закончилась в тот момент, и законы военного времени – тоже. Это просто разбойное нападение, в результате которого мы потеряли троих.

– Они тоже, – тихо заметил капитан Моран, кивнув куда-то в сторону углубления рядом с дорогой, в котором так и лежала перевернувшаяся повозка. И, судя по всему, не только она.

– Вот и прекрасно, – в голосе генерала не было ни сомнений, ни торжества, на которое намекало слово «прекрасно». – Тех троих тоже надо будет повесить рядом с этими, чтобы было лучше видно. И неповадно другим. А ты чего здесь опять?

Только после его вопроса я поняла, как близко подошла, влекомая не то любопытством, не то тревогой за троих неизвестных. Все мужчины тут же посмотрели на меня, даже стоявшие на коленях сиранские партизаны и те двое, что держали их на прицеле. Как ни странно, в этот раз я ничего не почувствовала: ни смущения, ни неловкости. После удара головой я вообще чувствовала пугающе мало, лишь генералу удалось прикосновениями вывести меня из равновесия.

– Магистр Этьен занят, – спокойно объяснила я.

– Тогда иди к своим, – велел генерал, неопределенно махнув рукой в сторону жмущихся друг к другу девушек. Они так и стояли рядом с накренившейся повозкой. Господин Драгз, немного ошалевший от происходящего, стоял с ними.

Генерал отвернулся и пошел прочь, показывая, что он все решил и решение менять не собирается. Полковник и капитан переглянулись, а я посмотрела на тех, кому только что вынесли смертный приговор. Все трое были довольно молоды, но уже в том возрасте, когда мужчину дома обычно ждут жена и пара ребятишек. Сердце застучало тяжело и горестно. От жалости и невозможности что-либо изменить. Собственное положение на секунду показалось не таким безысходным: ведь я пока была жива и еще далека от своей судьбы, то есть столицы Варнайского Магистрата, куда нас везли.

Я подняла взгляд на солдата, что стоял рядом со сдавшимися сиранцами. Тот по-прежнему держал в руках оружие, но не смотрел на пленников. Сально ухмыляясь, он смотрел на меня. Кажется, даже облизнулся. Я испуганно попятилась.

А потом снова все произошло так быстро, что я смогла осознать случившееся, лишь когда оно закончилось. Один из партизан резво вскочил на ноги и выхватил оружие из рук отвлекшегося на меня солдата. Тут же приложил его задней частью ружья и выстрелил. И еще раз, и еще... Кто-то толкнул меня, повалил на землю и накрыл собой. А кто-то просто упал рядом. Раздалось несколько выстрелов – и опять все стихло.

– Цела? – спросил прямо над ухом капитан Моран, поднялся и предложил помощь мне.

Я только судорожно кивнула, с трудом выпрямляясь. Меня шатало. Мимо черным вихрем пронесся генерал, ворча себе под нос:

– Почему я все должен делать сам?

Еще два оглушающих грохота снова разрушили едва восстановившуюся тишину ночного леса: генерал Шелтер вернулся к двум оставшимся в живых пленным – третьего, схватившего оружие, кто-то убил – и невозмутимо выстрелил в голову сначала одному, потом второму. И повернулся к как раз подымавшемуся на ноги рядовому – тому, чье оружие забрали.

– Куда ты смотрел? – глухо, угрожающе прорычал он.
– Виноват, господин генерал, – простонал тот, зажимая рукой нос – из него ручьем текла кровь. – Отвлекся.

– Тебе же хуже, – лаконично прокомментировал Шелтер.

Я вздрогнула и резко втянула в себя воздух, когда он быстро вскинул руку и снова выстрелил. Только что поднявшийся на ноги солдат упал, чтобы не встать уже никогда.

А я опять зажала себе рот руками, хотя оттуда не вырвалось ни звука. Зарыдала тоже совершенно беззвучно, но оттого не менее отчаянно.

Глава 5

– Я слышала про Великого Магистра Варнайского Магистрата. Он адепт темных сил, некромант, сам себя поднявший из могилы после того, как смерть однажды настигла его. Он отвратителен внешне и внутренне. Он смог оживить себя, но тело его стремится к разложению, поэтому ему постоянно нужны новые свежие непорочные девицы. Он проводит с ними ночь, поэтому свои самые извращенные фантазии, наслаждается страхом, болью и отвращением. Пьет их, как эликсир жизни. Те, кто провел с ним ночь, как правило умирают от ужаса к утру. Или сходят с ума. Или накладывают на себя руки.

Шатенка по имени Нада, вторая по старшинству в нашей компании, рассказывала свою историю зловещим полусшепотом, глядя в огонь.

Военным пришлось на ночь разбить лагерь в лесу, поскольку расчистить дорогу и вытащить вылетевшие с нее повозки оставшимся в живых солдатам было не под силу. Младший магистр Этьен, вылечив всех, кого смог, в том числе генерала, которому шальная пуля оцарапало плечо, и мою голову, невозмутимо заплел длинные волосы в косу и заявил, что на сегодня он исчерпал силы.

– Мне нужен отдых. Сон и еда. Завтра с утра я уберу дерево и верну на дорогу все машины без проблем.

– Сон? В этом проклятом лесу? – полковник Ридд хмуро посмотрел на темную стену деревьев, словно выискивая взглядом притаившегося варга. – Что ж, удачи нам всем. Кто проснется живым, не забудьте закопать остальных в землю, прежде чем уйти.

– Не нагнетайте, полковник, – осадил его генерал. – Варги боятся огня. Разведем костры вокруг лагеря и поставим дозорных, которые будут за ними следить.

– Вашими стараниями у нас всего четыре солдата осталось, – непочтительно огрызнулся Ридд. – Да нас трое. Плюс гражданский и толпа девиц, которых надо сторожить, чтобы не разбежались.

– Не разбегутся, – холодно и уверенно заявил генерал, снова бросив на нас безразличный взгляд. – Заберем у них обувь. Босиком ночью в лесу, в котором бродят варги, ни одна из них добровольно лагерь не покинет.

Когда он это говорил, я мысленно согласилась с ним, но сейчас, слушая Наду, склонялась к мысли, что варги не так страшны, как тот, кто ждет нас в столице Варная.

– А что такого извращенного он делает? – почти шепотом спросила совсем еще юная девчушка, светловолосая и сероглазая. Ее звали Кристин.

Нада подняла на нее хмурый взгляд.

– То, что ни один порядочный мужчина, чтящий Тмара, с женщиной делать не станет. Если тебя отберут, сама узнаешь.

Я едва не подавилась чаем. Военные не планировали делать привал, поэтому никаких особых припасов с собой не везли. Только чай и небольшие брикеты из злаков и сушеных ягод, слепленных между собой медом. По крайней мере, это то, что досталось нам. Самим варнайцам, сидевшим вокруг отдельного костра, могло достаться больше.

– А что, могут не отобрать? – осторожно уточнила я.

– Могут, – кивнула Нада. – Сначала девушек отбирает этот господин, – она едва заметно кивнула в сторону Драгза, – а потом Магистр выбирает уже из предложенного на свой вкус.

– И что делают с теми, кто ему не понравился? – едва слышно спросила еще одна девушка с такими же пепельными волосами, как у генеральского адъютанта. У нее было какое-то цветочное имя – то ли Лилия, то ли Роза – я не запомнила. – Их отпускают?

В ее голосе прозвучала надежда, которая тут же отозвалась эхом в моем сердце. Если так, то у меня есть шанс избежать страшной участи. В конце концов, я действительно уже не так молода и свежа, как другие. Измотана работой, ранними подъемами и бесконечной бегом по шоколаднице, когда и присесть-то нет времени. Я старая. На моих руках сохнет и трескается кожа, под глазами залегли тени. Весь последний год ко мне уже никто не сватался. Почти. Пару раз интерес проявили вдовцы вроде отца. И когда я отказала, последний оскорбленно дернул плечом и заявил: «Так и сгниешь одна. Кому еще через год ты будешь нужна?» Я искренне считала, что лучше уж сгнить одной, чем ложиться в постель к такому.

Так, может быть, возраст защитит меня от притязаний Магистра?

Я осторожно скосила глаза на костер варнайцев: не слушают ли нас? Вдруг решат, что мы тут побег обсуждаем?

Из меня моментально вышибло дыхание. Генерал Шелтер о чем-то тихо переговаривался с магистром Этьеном, и оба бросали в мою сторону взгляды, только маг делал это быстро и максимально незаметно, а генерал не стеснялся прожигать темными глазами насквозь. Как и все, он сидел у костра на земле, длинные ноги заметно ему мешали. Мундир был расстегнут, волосы взъерошены. В руках он держал кружку с дымящимся чаем, но не подносил ее к губам, словно забыл о ней.

Следовало отвернуться. Сразу, быстро, даже не показывать, что заметила его взгляд, но я не смогла. Словно он снова держал меня за подбородок и заставлял смотреть на себя, в свои темные, сейчас по-настоящему черные, глаза. Показалось, что я уже никогда не смогу отвернуться, никогда не смогу отвести взгляд, что он проглотит меня, выпьет душу как настоящий демон. По телу прокатилась дрожь ужаса и отвращения.

Все еще глядя на генерала Шелтера, мысленно я снова увидела молодого солдата. Того, что смотрел на меня, похотливо улыбаясь. Да, в тот момент он был мне отвратителен, но я не ожидала, что минуту спустя ему хладнокровно прострелят голову. Вот только что он жил: смотрел, улыбался, вероятно, что-то там фантазировал, его сердце билось, он дышал... И все. Одна ошибка – и он мертв. Без разбирательств, без шанса оправдаться.

С той секунды, когда мертвое тело рухнуло практически к моим ногам, генерал Шелтер перестал казаться мне воплощением мужской силы и грубой красоты. Он стал воплощением смерти и ужаса, жестокости и беспощадности – и в этом я не видела ничего красивого или хотя бы просто привлекательного. Стало понятно, что одно неверное движение, слово или жест – и он точно так же растопчет мою жизнь. По щелчку пальцев, без угрызений совести и сожалений. Шелтер моргнул, отвернулся – и наваждение пропало. Я наконец смогла вдохнуть.

Как долго я просидела, не дыша? Мне показалось, что прошла пара минут, но судя по разговору – мелькнуло лишь мгновение.

– Мечтай! – фыркнула Нада в ответ на вопрос пепельноволосой девушки. – Все, кто не понравился Магистру, идут в качестве развлечения дворцовой страже. И еще неизвестно, что хуже: ночь с восставшим из мертвых или с десятком разных мужчин.

Рядом кто-то испуганно заплакал, но я не разглядела кто. Я смотрела на огонь, мои глаза тоже заволакивала пелена слез. Великий Тмар, ну почему, когда повозка пыталась перевернуться, я не разбила голову насмерть? Зачем все еще жива? За что мне это? За брезгливость? За то, что не захотела жить, как все женщины живут в Оринграде? Как все это вынести? Или как спастись от страшной участи?

– А если выживешь? – вдруг спросила сидящая рядом со мной Амаранта, девушка с необычным разрезом глаз и черными, как у Шелтера, волосами. Тоже еще совсем молоденькая, но на вид боевая. – Если Магистр выберет тебя, но ты выживешь после ночи с ним? Не сойдешь с ума от страха и отвращения. Ему за эти годы навезли много женщин и продолжают привозить. Не может же он спать по-прежнему со всеми. Наверняка со временем игрушка ему надоедает. Что происходит тогда? Ее отпускают?

– Ее скармливают дракону, – раздался над нами мрачный, серьезный голос.

Мы все как одна вздрогнули и охнули, отшатнувшись. Когда Шелтер успел встать и подойти? Почему никто этого не заметил? Он стоял рядом со мной и Амарантой. Та настороженно отползла, а я не смогла пошевелиться, словно парализованная его близостью. И хотя сейчас генерал не держал меня взглядом, а скользил им по всей «коллекции», я все равно не отрываясь смотрела на него, запрокинув голову. И лишь боковым зрением видела, что адъютант стоит рядом со своим генералом.

– Драконов не существует, – неожиданно для самой себя возразила я. – Это сказки. Вот зачем? Шелтер опустил глаза, под его взглядом я сразу почувствовала себя очень маленькой и бессмысленной. Примерно как букашечка. Генерал возвышался надо мной, как гора, стоял, скрестив сильные руки на широкой груди, и снова давил взглядом, пытаясь размазать по земле за внезапную дерзость.

– Думаешь? – Он не улыбался, но его голос прозвучал насмешливо. – Возможно, ты просто не все знаешь о мире и Варнайском Магистрате.

Рядом раздался какой-то звук, и я неожиданно легко перевела взгляд на Морана. У того глаза не улыбались, а откровенно смеялись. Он прижимал ко рту кулак, пытаясь удержать рвущийся наружу смех, но плечи все равно предательски вздрагивали.

Интересно, что смешного он во всем этом находит? Или у варнайцев такое странное чувство юмора?

– Ладно, девушки, марш в палатку, – велел вдруг генерал. – И желательно спать, а не рассказывать друг другу страшилки. Обувь снимайте и оставляйте у входа. Утром получите обратно.

Ослушаться никто не посмел.

Глава 6

Палатка не предполагала размещения семи человек, даже если это хрупкие девушки, но зато нам было не холодно. Было душно. Я оказалась у самой дальней стены, и сначала меня охватила паника. Подумалось, что тут воздух кончится быстрее всего, и к утру я задохнусь. Однако вскоре обнаружилось, что плотная водонепроницаемая ткань палатки крепится к земле лишь в отдельных местах, а между ними ее можно приподнять – она неплохо тянулась – и дышать. В эту щель, конечно, дуло, отчего ноги в тонких, местами уже порвавшихся чулках покрывались мурашками, но зато я чувствовала приток свежего воздуха, что немного успокаивало.

Совсем немного, потому что будущее сейчас виделось таким же темным и безрадостным, как холодные глаза генерала Шелтера. Рассказ Нады поселился в груди холодной змеи. Она ворочалась, складывалась кольцами, шипела и жалила изнутри, медленно убивая. Слишком медленно. Одинаково пугала как перспектива ночи с некромантом, так и вероятность стать игрушкой на ночь для толпы стражников.

Надо было выйти замуж. Да, пришлось бы терпеть пощечины и подзатыльники, как терпела моя мать. И она, и Анна Кроули в свое время терпела. И обе спали с мужчинами, с которыми не очень-то хотелось спать. Никто не умер. Зато своим браком они были защищены от любых других притязаний, пользовались почетом и уважением в обществе.

Впрочем, нет. Мама умерла. И мне до сих пор казалось, что умерла она именно от тоски жизни с нелюбимым человеком. Но все равно это не то же самое, что бесчестие, насилие и издевательства в чужой стране. У нее хотя бы была я, и какое-то время мы были по-настоящему счастливы вместе.

А что будет у меня?

От этой мысли дышать снова стало тяжело: душили слезы. Я приподняла ткань палатки выше, прижалась к зазору лицом, подставляя его холодному ночному воздуху. В лагере уже все стихло, только двое караульных остались бдеть: следить за кострами, которые должны отпугивать варгов. Сейчас они, судя по приглушенным голосам, сидели в центре небольшой поляны, на которой разбили лагерь, у центрального костра.

Я вдруг поняла, что если приподнять ткань еще немного, я смогу вылезти из палатки с той стороны, с которой меня не увидят.

«Босиком ночью в лесу, в котором бродят варги, ни одна из них добровольно лагерь не покинет», – сказал генерал. И был прав: это сущее самоубийство. Шансов выжить почти нет, но их все равно чуть-чуть больше, чем в столице Варнайского Магистрата. Я не смогу жить ни после ночи с Магистром, ни после ночи с дворцовой стражей. Поруганная честь лишит меня возможности хоть когда-нибудь вернуться к отцу и – что гораздо хуже – покровительства

Тмара. Да и просто я стану противна сама себе, останется лишь один путь: все-таки сигануть вниз с ближайшего достаточно высокого обрыва.

Так зачем проходить через это, если можно попытаться сбежать сейчас? Да, босиком по лесу. Да, рискуя угодить в пасти варгам. Но отсюда я еще могла вернуться в Оринград. Малюсенький шанс все-таки оставался. Мы уехали далеко, но пока еще расстояние можно одолеть пешком. Пока еще я могла вернуться в отцовский дом.

Варнайцы не станут преследовать. Если только удастся нырнуть в темноту леса незаметно для караульных. Никто просто не сможет меня найти. Да и искать не будут. У них нет собак, которые могли бы взять след, а я далеко не так важна для коллекции, чтобы тратить на мои поиски драгоценное время генерала Шелтера, который очень торопится в столицу.

Убедив себя, я попыталась просунуть голову в щель между землей и незакрепленным краем палатки. Соседка, которая, несмотря на все волнения, спала, недовольно заворочалась из-за моей возни. Я замерла, стараясь не дышать и дожидаясь, когда она успокоится. А то еще поднимет шум случайно, привлечет внимание караула...

То ли Лилия, то ли Роза не проснулась. И тогда я продолжила свои попытки. Однако зазор между тканью и землей оказался слишком мал. И лежала я так, что не извернуться, не выползти. Вот если бы вынуть из земли один из колышков, державших край и сделать зазор побольше...

Мне повезло. Ближний крепеж был вбит в землю на совесть, но вот дальний... Дальний угодил в более рыхлую почву, у меня хватило сил вытащить его. Прижимаясь к земле словно та змея, я передвинулась внутри палатки, чтобы приблизиться к расширившемуся зазору, и осторожно выползла, то и дело холодея от ужаса. Мне все казалось, что сейчас я дерну палатку слишком сильно – и та рухнет. Или караульные пойдут обходить костры не вовремя...

Но снова повезло: я вылезла из палатки, не обрушив ее и никого не разбудив, а солдаты продолжали тихо переговариваться, сидя у костра. Палатка скрывала их от меня, а меня – от них. Костры защитного круга горели достаточно ярко, чтобы ими не пришлось скоро заниматься. Оставалось надеяться, что их свет не выдаст меня варнайцам.

Для верности, чтобы не лишиться прикрытия палатки, я не стала вставать, а поползла на четвереньках, не обращая внимания на мелкие камушки, острые веточки и колючие шишки, которые попадались то под ладонью, то под коленкой. Поднялась на ноги лишь тогда, когда добралась до деревьев и смогла спрятаться за одним из них.

Перевела дыхание, успокаивая сердце и прислушиваясь. Голоса караульных все еще доносились до меня: парни перекидывались отрывистыми фразами, которые я не могла разобрать, время от времени приглушенно смеялись.

«Интересно, что им будет за мой побег?»

Непрошенная мысль на мгновение парализовала.

– Куда ты смотрел?

– Виноват, господин генерал. Отвлёкся.

– Тебе же хуже...

Я снова услышала звук выстрела и глухое падение тела на землю, как наяву.

«Нет, – попыталась я убедить себя. – Нет, он не станет. Их осталось мало, он не станет их убивать».

В любом случае сейчас я была не готова принести в жертву свой последний крохотный шанс на спасение ради жизней этих ребят. Никто из них не жалел меня, почему я должна жалеть их? Избавившись от последних сомнений, осторожно шагнула глубже в лес, закусывая от боли губу: босую ногу колело так, словно я ступила ею на битое стекло. Но надо молчать, не охать, не торопиться, чтобы не шуметь. Сначала отойти подальше.

Шуметь и двигаться быстрее позволила себе только тогда, когда свет костров и звуки голосов окончательно исчезли. Я осталась один на один с ночным лесом. Вот теперь можно дышать, не

сдерживаясь, торопливо переставлять ноги и звучно охать, натываясь ногой на что-нибудь слишком твердое или колючее.

Где дорога, я примерно понимала, но знала, что на нее выходить нельзя. Лучше двигаться параллельно, сквозь лес. На дороге меня будет легко найти и догнать. Повозки варнайцев двигаются очень уж резво, несмотря на громоздкость и тяжесть.

Однако очень скоро стало понятно, что лес если не убьет меня, то искалечит. Ветки то и дело цеплялись за волосы и за одежду, несколько раз я едва не выколола себе глаз, не заметив в темноте хитрый сучок. Ступни уже не чувствовали ни шишек, ни камней, ни веточек, каждый шаг просто пробивал жгучей болью всю ногу. Теперь я шла не по битому стеклу, а как в огне. Еще немного – и уже не смогу наступать.

Я решила все же выйти на дорогу. Если за мной погонятся на повозке, я услышу ее тарахтение издали и успею спрятаться. Однако там, где должна была находиться дорога, ее не оказалось. Сколько бы я ни шла, мне никак не удавалось на нее выйти.

Ужасное осознание свалилось тяжелым камнем, придавливая к земле: я заблудилась. Возможно, иду вообще не туда, не к Оринграду, а лишь ухажу глубже в лес. Я обессиленно упала на колени, чувствуя, как по щекам катятся немые слезы, а грудь сдавливает и охватывает огнем. Я с трудом втянула в себя воздух, позволяя громкому рыданию прозвучать в тишине ночи. Что ж, шанс был мал, я знала это с самого начала. Попробовала – и проиграла. Какая разница? Уж лучше так, чем во дворце Великого Магистра. Уж лучше здесь, чем в чужом краю. Пусть мне не удалось сберечь жизнь, но я сберегла честь. Тмар должен быть добр ко мне и забрать к себе уже скоро.

Оставалось только лечь, свернуться калачиком и дождаться этого момента, потому что идти теперь было некуда и незачем. Да и силы кончились. Зачем терпеть боль от каждого шага?

Хотелось лечь, уснуть и больше не проснуться.

Тихое рычание рядом внезапно оборвало мои рыдания. В кустах что-то зашуршало, я вскинула голову, покрутила ею и остановила взгляд на паре горящих в темноте глаз. Варг. Как минимум, один. Глаза сразу исчезли, видимо, он уже учуял меня или услышал, но пока не нашел в темноте, осматривается.

Что-то древнее и мощное внутри заставило замереть, затаиться, не издавать ни звука. Эта нечто оказалась сильнее страха, сильнее боли, сильнее слабости. Желание жить. Жить любой ценой, бороться за каждый вздох до конца. Тмар не послал бы мне такую страшную смерть. Значит, мне было рано сдаваться.

Я снова поползла на четвереньках. Медленно-медленно, едва слышно, прижимаясь к земле настолько, насколько могла. Беззвучно дыша и морщась от боли тоже без единого звука. Лишь отойдя на приличное расстояние не выдержала, вскочила и побежала. Ноги снова горели, но я не обращала внимания. Шорохи за спиной красноречиво давали понять, что меня преследуют. Легкие разрывало, ног я почти не чувствовала, дороги перед собой не разбирала, просто бежала, пока могла. Пока не зацепилась за что-то и не рухнула плашмя, едва успев подставить и без того расцарапанные ладони.

Надо было встать. Встать и бежать дальше. Или найти себе укрытие, потому что растянулась я в самом неподходящем месте: на плешке, где по какой-то причине росла только трава. Слишком открытое пространство, я оказалась вся на виду. Посреди плешки выросло очень-очень старое, судя по толщине ствола, дерево с раскидистой кроной, шатром накрывшей почти всю поляну. Возможно, именно из-за него здесь не росло ничего, кроме травы: оно вытеснило более мелкие деревья и кусты.

Нижняя ветка находилась высоко, но если подпрыгнуть, я могла бы за нее зацепиться. Если упереться ногами в ствол, смогу подтянуться и забраться на нее. А потом еще немного выше.

Там варги не достанут: они не умеют лазить по деревьям.

Я попыталась встать, но не удержалась и с пронзительным вскриком снова рухнула на землю, заплакав еще горше, чем раньше. Пришлось снова ползти на четвереньках, но удалось лишь добраться до дерева и привалиться к нему спиной. Ни подпрыгнуть, ни даже просто встать на ноги я не могла, а парочка варгов уже появилась из-за кустов, рыча и брызжа слюной.

Они были похожи на диких собак, если бы только строение собачьего тела позволяло им вставать на задние лапы и бегать на них. Передние тоже больше походили на человеческие руки с огромными когтями, острыми как бритвы. Зато морды были абсолютно собачьи. И сейчас они скалились, обнажая ряды белоснежных клыков.

– Стойте, стойте, стойте, – в отчаянии зашептала я, вжимаясь спиной в дерево. – Не подходите, стойте, где стоите.

Я шептала и шептала, понимая бесполезность едва слышной мольбы, но просто не могла остановиться. Варги почему-то медлили, и казалось, если я замолчу, они точно бросятся. Звери из пекла и так медленно, но верно подбирались ко мне, как будто их что-то сдерживало, но они перевозмогали невидимую силу.

Тому, что приближался быстрее, оставалось всего несколько шагов, когда прямо перед ним в землю ударил огненный сгусток. Сухие ветки мгновенно вспыхнули, так же быстро прогорая, в траве остался выжженный след. Варг рыкнул и отпрянул, удивленно хлопая глазами. Секунду спустя перед ним приземлился еще один огненный сгусток, заставив отскочить назад и болезненно заскулить: на этот раз сухой сор вспыхнул более яростно, опалив твари морду.

Оба варга обернулись на внезапную угрозу. И я вместе с ними. У края плешки стоял генерал Шелтер. Мундир был застегнут лишь на часть пуговиц, волосы оставались все такими же растрепанными, а в ладони перекачивалось пламя, готовое сорваться с нее в любой момент.

– Прочь, – лаконично велел Шелтер, глядя в глаза зверю.

Варг зарычал, ощерившись, и Шелтер кинул в него еще один сгусток пламени, на этот раз серьезно подпалив бок. Еще одно пронзительное скуление – и обе твари повернулись и скрылись в кустах.

Я им даже позавидовала, потому что в отличие от варгов отползти в кусты не могла, а Шелтер шагнул ко мне, грозный и неотвратимый, словно сама смерть. Подошел, присел на корточки, окинул пристальным взглядом. В темноте, в неверном свете звезд и луны, его глаза поблескивали.

– Ну что, далеко убежала? – спросил он. Голос его прозвучал грубо, но тихо.

Я торопливо вытерла щеки и шмыгнула носом, стараясь привести себя в более или менее приличный вид. Пусть даже в темноте меня толком не рассмотреть. Я снова была во власти варнайца, но выглядеть побежденной не хотела.

– Уж как смогла, – хрипло отозвалась я. – Как вы меня нашли?

– Земля подсказала, – лаконично объяснил Шелтер.

Я соединила его ответ с воспоминанием о перекачивающемся в ладони пламени и ахнула:

– Вы маг? Стихийник.

– Молодец, – все тем же низким, тихим голосом отметил генерал. В его тоне мне почудилась усмешка.

– Тогда почему вы военный? Почему не в магистерской ложе?

– Потому.

Исчерпывающий ответ.

– Какие стихии? – зачем-то поинтересовалась я.

Минимум две – это он уже продемонстрировал.

– Все.

И еще один короткий, но вполне ясный ответ.

– Зачем ты сбежала? – вдруг спросил генерал. – Так жить надоело?

– Жить? – возмутилась я, лишь краем сознания удивляясь тому, что у меня остались силы на возмущение. – Вы везете меня к бесчестию и смерти. Я просто пыталась использовать свой последний шанс на спасение.

Внезапно взметнулось яркое пламя. Настолько внезапно и настолько яркое, что я вздрогнула и на секунду испуганно зажмурилась. Снова открыла глаза, когда огонек стал меньше и уже не слепил. Он прыгал на ладони генерала, освещая нас обоих и часть поляны. Я заметила, что в волосах Шелтера запуталась пара мелких тонких веточек.

Одному Тмару было известно, что такого генерал разглядел во мне, но когда он снова заговорил, тон его смягчился:

– Да ничего с тобой там не случится такого. Магистр никакой не некромант и уж тем более не живой труп. Он не молод уже, конечно, и едва ли ты сочтешь его привлекательным, но он обычный мужчина с сексуальной дисфункцией.

– С чем? – не поняла я, но внутренне напряглась: звучало устрашающе.

По губам Шелтера все-таки скользнула усмешка.

– Не встает у него больше пары раз на одну и ту же женщину.

Объяснил так объяснил. Что не встает? Причем тут какие-то функции?

Генерал тяжело вздохнул и покачал головой, пробормотав:

– Надо же, действительно невинна.

Как будто до сих пор в этом сомневался! Как бы я тогда прошла их извращенную проверку? От воспоминаний об «осмотре» у меня загорелось лицо.

– В общем, пару раз он тебя тра... Кхм... Пару раз он с тобой переспит и отправишься на все четыре стороны. Содержать всех женщин, привезенных ему за годы завоеваний, Магистру не по карману. Поскольку после пары совместных ночей вы теряете для него ценность, то самое долгое через полгода вас отпускают. От тебя не убудет. Подозреваю, что приятного мало, но еще ни одна девица не умерла в процессе, насколько мне известно. А если не пройдешь отбор, так и вовсе выгонят. Никто не отдает девушек, предназначенных Магистру, его страже. Разве что кому-то из Верхней Ложи в качестве особого подарка правителя, но это редкость. Правда, ты, кажется, понравилась Драгзу, судя по тому, что он тебя отобрал. Поэтому если Магистр откажется, тебя, скорее всего, на какое-то время возьмет себе он. Поиграет и отпустит. Сможешь вернуться домой.

У меня перехватило дыхание. Снимай... что?

– Зачем? – онемевшими губами уточнила я.

Шелтер раздраженно закатил глаза.

– Затем, что у тебя на месте ступней – кровавое месиво, – жестко отчеканил он. – А чулки местами еще целы. Когда все это подсохнет, отдирать будет очень больно. Сейчас снять проще. Он сжал ладонь в кулак, гася горящий на ней огонь. Снова стало достаточно темно, чтобы я смогла залезть себе под юбку и отцепить чулки от пояса. Стянула, нерешительно скомкала их в руках. Шелтер заметил это, отобрал пропитавшийся кровью комок и одним быстрым движением спалил дотла.

А потом взял меня на руки. Я вновь задохнулась, но на этот раз от изумления, растерялась, не зная, как реагировать. Генерал Варнайского Магистрата по прозвищу «Кровавый» подхватил меня как пушинку, но пушинку отчего-то ценную, потому что в его руках оказалось удобно и тепло. От мужчины, хладнокровно застрелившего собственного солдата, я ожидала чего-то более brutального. Даже если он решил, что идти я не могу или буду идти слишком медленно. Я поняла бы, если бы он перекинул меня через плечо, головой вниз. Или схватил за волосы и потащил волоком по земле.

Но Шелтер взял меня на руки как принцессу из детской сказки. От незнакомых ощущений – а на руках меня последний раз носила мама, но в таком глубоком детстве, что теперь уже было и не вспомнить – сердце вновь забилось быстрее. Не так, как от бега по лесу или страха. Меня прижало к горячему телу, и только сейчас я поняла, насколько замерзла. Захотелось вдруг прильнуть к нему теснее, чтобы согреться, положить голову на плечо, блаженно задремать, вдыхая яркий аромат крепкого, необычного табака, который исходил от мундира.

Но я, конечно, лишь нерешительно замерла, прижимая ладони к груди и задерживая дыхание, глядя на его лицо, оказавшееся вдруг так близко, сквозь ночную полутьму. Точнее, глядя на ту половину, что была видна. Впрочем, вторая, как я подозревала, была похожа на такую же непроницаемую маску. На лице Шелтера не отражалось никаких эмоций. Он просто шел, глядя перед собой, ступал легко и уверенно, словно мой вес для него ничего не значил, а глаза прекрасно видели в темноте, безошибочно определяя направление к лагерю. Может быть, генерала вела земля, как привела она его ко мне?

Лишь один раз Шелтер оступился и покачнулся, а я от неожиданности вцепилась в его шею, но как только он выровнялся, тут же снова убрала руки. Он никак не прореагировал. А я все смотрела на его профиль, мучительно пытаюсь понять, почему генерал несет меня так осторожно, что я даже не чувствую боли в сбитых в кровь ногах.

– То, что говорят о вас... – вдруг произнесла я, испугав саму себя.

– М?

– Это ведь не совсем правда? – закончила, ненавидя себя за нотки надежды в тоне.

Какое мне дело? Уже понятно, что не отпустит. И будь он даже лучшим из людей, мне от этого какой прок?

– Ты про то, что я злобный ублюдок, безжалостный и беспощадный, словно демон? – спокойно поинтересовался генерал, вдруг поворачиваясь ко мне и пытаюсь прожечь взглядом сквозь темноту ночи.

Удивительно, как точно он воспроизвел фразу, брошенную Мораном несколько месяцев назад. Наизусть заучил, что ли?

Я не удержалась: протянула руку и вытащила из его волос веточку, которую заметила раньше, отчего Шелтер вдруг удивленно остановился. Я тут же отдернула руку, снова прижала ее к груди и уронила тихое:

– Да.

Генерал помолчал пару секунд, отвернулся и пошел дальше, лаконично процедив:

– Людям видней.

– Вы так считаете? – не поверила я.

Губы Шелтера скривились в ухмылке. Я могла бы назвать ее горькой, если бы не злой блеск его глаз. Впрочем, возможно, темнота играла со мной шутки, или я выдавала собственные фантазии за действительность. Но в итоге ухмылка показалась мне скорее едкой, ядовитой.

– Мой отец не был женат на моей матери, так что как минимум в одном люди правы: я действительно ублюдок.

– Бастард, – зачем-то поправила я.

– А есть разница? – удивился генерал.

– Это у простых людей рождаются ублюдки, – пояснила я, смутившись. – А вы явно из... благородных, так у нас это называлось.

Глава 7

Магистр Этьен выполнил распоряжение генерала в точности. Мои ступни больше не кровоточили, но когда утром нам вернули обувь, я с трудом смогла ее надеть. А когда встала, из глаз снова брызнули слезы: ощущение битого стекла под ногами осталось. Я все равно выпрямилась, расправила плечи, вытерла глаза и пошла за остальными девушками. Правда, очень медленно, потому что каждый шаг давался с трудом.

Когда мы вернулись на дорогу, дерево уже убрали, из расплющенной повозки вытащили тела, которые не смогли извлечь накануне. Двое солдат копали своим менее удачливым товарищам могилы. Капитан Моран снимал с мертвых медальоны на металлических цепочках и убирал их в карман. Полковник Ридд и господин Драгз молча курили в стороне от происходящего.

Все повозки, которые еще могли ехать, стояли на дороге, в том числе и наш громоздкий фургон.

Солдаты, сопровождавшие нас, принялись укладывать в багажные отделения сложенные палатки и прочие вещи. Генерал Шелтер стоял у той повозки, в которой ехал накануне, упираясь в нее правой рукой. Мундир и рубашка на нем были расстегнуты, а магистр Этьен водил рукой по его грудной клетке, что сначала можно было принять за странную ласку. И лишь приглядевшись, я заметила, как генерал морщится, а на том месте, по которому Этьен водит рукой, расплывается почти черный кровоподтек.

– Вот нечего теперь страдать, – проворчал магистр. – Вчера надо было мне о переломе сказать.

А не таскать с ним по лесу сбежавших девиц.

– Я не заметил, – сквозь зубы процедил генерал.

– Как можно не заметить трещину в ребре? – возмутился магистр.

– Высокий болевой порог, – последовало лаконичное объяснение.

Продолжать генерал не стал, потому что заметил нас. Точнее, меня. По крайней мере, его хмурый взгляд остановился именно на моем лице. Потом скользнул ниже, отмечая неуклюжую походку. Я только задрала подбородок выше, стараясь выглядеть невозмутимой. Если он думает, что я снова стану умолять – на этот раз о позволении магистру полностью меня вылечить, – то он ошибается.

– Все, – резюмировал Этьен, убирая руки. – В следующий раз, когда ваша машина слетит с дороги и перевернется, я сразу проведу полное обследование, раз вы не в состоянии вовремя заметить у себя повреждения.

– Благодарю, – сдержанно отозвался генерал, застегивая рубашку и больше не глядя на меня.

Когда солдаты похоронили своих и повесили на деревьях мертвых сиранских партизан, как приказывал генерал, мы двинулись дальше.

Следующую остановку сделали в столице Сиранской Республики – Райнате, в доме, где сейчас размещалось командование армии варнайцев. Проторчали там довольно долго – несколько часов. Как я потом поняла, мы ждали, пока генерал уладит свои дела. Зато нам в это время позволили помыться, выдали новую одежду и обувь, больше подходящие для путешествия, и даже весьма неплохо покормили. Если бы не жгучая боль в ступнях, я бы почувствовала себя почти хорошо.

До столицы Варнайского Магистрата, которая так и называлась – Варнай, мы добирались еще два дня, лишь один раз остановившись на ночлег. В город въехали ранним утром, поэтому я пропустила это событие: дремала, свернувшись на жестком сиденье. Проснулась лишь тогда, когда открылись дверцы и нам велели вылезать.

Это были уже не те солдаты, что сопровождали нас, к тем я успела привыкнуть. У этих и форма выглядела иначе, и лица казались более... высокомерными, что ли. О том, что я едва могу идти, они не знали, а потому поначалу меня упорно толкали в спину, поторапливая. Лишь через пару минут, когда я стала хромать на обе ноги очень уж заметно, до них дошло, что что-то не так. Я не успела понять, куда нас привезли. Это определенно был дом в черте города, небольшой особняк, окруженный парком и забором. Внутри нам повстречались две девушки: очень разные по внешности, одинаково ухоженные, красиво одетые, но с какими-то мертвыми взглядами. Они лишь скользнули ими по нам, тут же отвернулись и скрылись каждая за своей дверью. Лишь после завтрака я поняла, что это за место. Здесь хранилась магистерская «коллекция» женщин. И нас сюда привезли, чтобы подготовит к встрече с ним. Если «проверка на невинность» в лагере военных была грубой, унижительной и быстрой, то «приведение в товарный вид», как я назвала это про себя, оказалось грубым, унижительным и длительным. Пусть и занимались ею дородные женщины, каждая размером с две меня.

Нам ничего не позволили делать самим. Мыли всех вместе, поливая из шлангов с рассекателями и растирая мочалками, беспардонно засовывая руки между ног, трогая везде и сопровождая это комментариями, каких не позволяли себе даже солдаты. Мы были словно куклы в руках безликих для меня женщин. Куклы, которых им нравилось унижать.

В какой-то момент я постаралась отстраниться от происходящего. Повторяла шепотом и про себя снова и снова: это всего лишь мое тело, оно в их власти, но им не добраться до моей души и не сломить дух. Помогало слабо, если честно. Я не плакала только потому, что плакать уже не могла. Отвлекала себя воспоминаниями о том, как в детстве мама купала меня, потом вытирала мягким полотенцем, расчесывала волосы. Она улыбалась и шептала, какая невероятная меня ждет судьба. Мама часто разговаривала со мной шепотом, чтобы отец не слышал.

Невероятного в своем нынешнем положении я видела мало. Постепенно на меня накатывали усталость, апатия и смирение. Убежать уже не получится, настала пора думать, что буду делать дальше, как жить. Почему-то чем ближе подбиралась страшная участь, на которую меня обрек господин Драгз, тем меньше хотелось прыгать головой с обрыва. Я смотрела на пепельноволосую девушку – не то Розу, не то Лилию – на ее вздернутый подбородок и уверенный взгляд. В нем читалось: я это все переживу. И мне хотелось брать с нее пример. Только я не знала, как жить, если люди и Тмар отвернутся от меня.

Но Тмар, судя по всему, уже отвернулся. И я не могла понять, чем так провинилась перед ним. После того, как нас отмьли, отшелушили, побрили, намазали какими-то ароматными маслами и облачили в длинные сорочки без рукавов, уже другие женщины занялись нашими волосами.

Потом – лицами. И в самом конце каждую переодели в подходящее платье.

Глядя на себя в зеркало, когда все закончилось, я отчетливо понимала две вещи: во-первых, еще никогда я не была такой красивой, а во-вторых, до конца жизни буду ненавидеть зеленые платья.

Мои волосы превратились в аккуратные, выверенные локоны. Они выглядели естественно и небрежно, словно я только встала с постели и едва расчесала их пальцами, но я-то знала, какой на самом деле бывает моя прическа по утрам. И никто сейчас не назвал бы меня рыжей – волосы отливали золотом, как никогда раньше.

Кожа лица казалась прозрачной и словно светилась изнутри. Глаза благодаря теням и подводке стали больше, выразительнее и насыщенно-зелеными, в тон платью. Губы... Я даже не знала, что у меня могут быть такие. Им почти не придали цвета, но они соблазнительно блестели.

И платье. Такого я даже никогда не видела, не то что не примеряла. Гладкий шелк струился по телу, повторяя каждый его изгиб. Декольте дразнило поднятой непривычным нижним бельем

грудью, руки оставались полностью открыты, а подол хоть и опускался почти до пола, был таким тонким, что казался мне прозрачным. Еще никогда я не чувствовала себя настолько выставленной напоказ. И при этом настолько соблазнительной. Мне одновременно нравилось и становилось страшно. Для кого вся эта красота? Для Великого Магистра или господина Драгза? Магистра я еще не видела, но мысль о том, что могу достаться Драгзу, вызывала тошноту. Ноги мне залечили до конца. Приглашенный младший магистр ругался, не понимая, какому злыдню потребовалось делать лишь полдела и заставлять меня мучиться несколько дней.

– Генералу Шелтеру, – безразлично отозвалась я, когда он повторил вопрос в третий раз. Больше магистр со мной не разговаривал, но после его действий я смогла надеть туфли на непривычно высоком тонком каблучке, почти не морщась. Да и морщилась я исключительно от непривычного изгиба и давления. Меня заставили полчаса ходить по комнате, пока я не смогла делать это, не шатаясь и не кривясь.

* * *

Резиденция Великого Магистра оказалась недалеко. Наши повозки доехали лишь до конца улицы, повернули, взобрались на пологий холм и оказались у высокой стены из серого камня, вдоль которой ехали еще с минуту, а потом нырнули в арку и миновали распахнувшиеся перед нами ворота. Отсюда стал виден достаточно высокий (я насчитала четыре этажа) и занимающий огромную площадь дворец с покатыми крышами и замершими на них статуями, большими окнами в светлых, песочного цвета стенах, изгибами карнизов и выдающимися барельефами. Вокруг хватало и других строений, но дворец Магистра выдавал дополнительный забор с каменными львами у столбов и почетным караулом у замысловато выкованных ворот и флаг Варнайского Магистрата, развевающийся на крыше.

Нас высадили у заднего крыльца и сразу провели внутрь, моя кожа едва успела покрыться мурашками от временами пока еще холодного весеннего ветра. В сопровождении дворцовой стражи мы поднялись на второй этаж и остановились у высоких дверей. Наверное, при других обстоятельствах я бы глазела по сторонам, изучая незнакомую помпезную обстановку, но после чая, которым нас напоили незадолго до выхода, меня окутало пеленой спокойного безразличия.

– Когда войдете и увидите Магистра, вам следует поклониться – вот так.

Господин Драгз присел, скрестив ноги и низко склонив голову. В исполнении мужчины его комплекции поклон выглядел смешно и нелепо, но ни одна из нас не улыбнулась.

– И оставаться в таком положении до тех пор, пока не выпрямится генерал. Ясно?

Несмотря на охватившую меня апатию, я непроизвольно вздрогнула. Генерал? Уж не Шелтер ли? Честно говоря, я думала, что больше его не увижу, но сейчас сердце вдруг радостно встрепенулось, а я разозлилась на него. Было бы чему радоваться!

И все равно у меня перехватило дыхание, когда, чеканя шаг, в коридоре появился генерал Шелтер в сопровождении своего адъютанта. Его волосы вновь были аккуратно зачесаны, мундир выглядел более нарядно: к блестящим пуговицам и непонятным мне значкам добавились медали и кресты, золотистые вставки и плетеная веревочка, назначение которой мне было непонятно, но смотрелась она красиво. Его также теперь опоясывал широкий черный кожаный ремень с крупной блестящей пряжкой. Сочетание черной ткани и золотистых «украшений» казалось мне очень красивым, а на высоком, относительно молодом, идеально сложенном мужчине и вовсе завораживало. Мой взгляд так и приклеился к генералу, тогда как он едва скользнул своим по мне. Точнее, одинаково равнодушно по всем нам.

– Полагаю, все в сборе? – уточнил Шелтер и посмотрел на настенные часы.

На них минутная стрелка как раз передвинулась на двенадцать, соединяясь с часовой. В следующее мгновение двери, у которых мы стояли, распахнулись. Ничего не говоря, генерал шагнул в них первым, Моран остался в коридоре, а нам Драгз жестом велел следовать за собой. Я поймала ободряющий взгляд молодого капитана. Улыбался он вновь сочувственно. Шелтер прошел по ярко-алой ковровой дорожке до середины просторного светлого зала, а нас выстроили шеренгой чуть ближе к дверям. Я оказалась почти в середине, поэтому широкая прямая спина генерала закрывала от меня мужчину, сидящего на громоздком троне у противоположной стены. Зато я видела старших магистров, выстроившихся в длинный ровный ряд по обе стороны от него. От младших их отличали капюшоны, почти скрывающие лица. Я немного разбиралась в магистерских ложах, потому что в Ниланде тоже имелся свой магистрат.

Только у них во главе государства стоял монарх, а магистрат был его опорой. Там рождалось гораздо меньше магов, они не смогли стать значительной силой, как это произошло здесь. Но структура оставалась такой же. Нижняя ложа состояла из младших магистров, которыми становились все маги, прошедшие соответствующее обучение и получившие официальное признание. Верхняя ложа была в разы меньше, потому что в старшие магистры выбивались единицы. Возглавлял магистрат Великий Магистр, который в Варнае стал заодно и главой государства. Верхняя ложа при нем играла роль и советников, и заместителей по разным вопросам, и защитников.

Генерал Шелтер склонился перед Магистром: низко опустил голову и наклонил вперед корпус, что выглядело до безумия неестественно, неправильно. До сих пор мне казалось, что такой человек вообще ни перед кем кланяться не может. Однако он почтительно застыл в этой позе, как мы – в своих, нелепых и ненадежных, отчего у меня тут же заныли колени.

– Полно, Шелтер, – довольным тоном заявил Магистр, выдержав приличную паузу. – Докладывай.

Генерал выпрямился, и мы с облегчением сделали то же самое.

– Сиранская Республика подписала капитуляцию, прежний парламент распущен, наместник, присягнувший вам, уже собирает новый. Вольный город Оринград присоединен к Сирану, его правление упразднено. Пока порядок на всей территории помогают поддерживать наши войска, но вскоре мы сможем сократить свое присутствие. Выход к морю, который вы пожелали, у вас теперь есть, мастер.

– Я безумно рад слышать это от тебя, Шелтер. Знал, что ты меня не подведешь, но ты справился даже быстрее, чем я думал. Поздравляю.

Генерал вновь поклонился, но на этот раз не так глубоко и выпрямился гораздо быстрее. А Магистр встал и направился к нам. Теперь я наконец смогла его рассмотреть: он действительно был уже немолод, его лицо заметно оплыло, как и фигура, выделялся второй подбородок, на голове поблескивала лысина. Проходя мимо генерала, он едва достал макушкой до его плеча. Почти как я.

– Даже не знаю, чем теперь благодарить тебя за верную службу, – на ходу заявил Магистр, уже с интересом разглядывая нас. – По-моему, у тебя все есть: выше звания в моей армии нет, дома, земли и деньги у тебя есть. Даже титул есть, хотя он мало что значит в Магистрате. Не знаю, что еще я могу тебе предложить? Новый дом? Новые земли? Больше денег? Не знаю, выбери сам, – добавил он, обернувшись через плечо.

– Ничего из перечисленного мне не нужно, мастер, – спокойно отозвался Шелтер.

Я и не заметила, когда он повернулся, оказавшись лицом к нам, чтобы снова смотреть на Магистра, а не стоять к нему спиной.

Магистр как раз приблизился ко мне, смерил оценивающим взглядом. Взял за подбородок – как-то очень грубо, по-собственнически, совсем не как Шелтер тогда в лесу – и заставил поднять голову, чтобы лучше рассмотреть лицо. Скривился. Видимо, ему я тоже показалась слишком старой на фоне других. Или просто пришлась не по вкусу.

– Правда?

Он снова обернулся через плечо, продолжая держать меня за подбородок. Его пальцы были потными и пахли чем-то неприятным. Я едва удержала себя от того, чтобы отшатнуться, высвободиться из его хватки.

– А чего же ты хочешь тогда? Чего тебе в жизни не хватает?

– Я не посмею озвучить, мастер.

От низкого, нарочито смиренного голоса у меня все задрожало внутри. Образ генерала, представшего перед своим господином, упорно не вязался с теми, которые я видела раньше. Ни с образом охранника, ни с образом хладнокровного, властного генерала, ни с образом мужчины, бережно несшего меня на руках через лес, не обращая внимания на сломанное ребро.

– Да брось, Шелтер, – махнул рукой Магистр, минув меня и переключая внимание на следующую девушку. – К чему эта ложная скромность? Проси, что хочешь.

– Что угодно, мастер? – уточнил генерал, и я не удержалась, посмотрела на него. В его глазах вспыхнул непонятный огонек, словно он собирался устроить... шалость.

– Мне для тебя ничего не жалко, – кивнул Магистр.

– Даже того, что предназначено вам?

Магистр остановился, нахмурился и повернулся к генералу всем корпусом, скрестив руки на груди.

– В смысле?

Вместо ответа Шелтер скользнул выразительным взглядом... по «коллекции». У Магистра вырвался нервный смешок, похожий на кашель. Или карканье.

– Серьезно? Хочешь одну из них? А ты нахал, Шелтер! – со странной радостью воскликнул Магистр.

Генерал лишь едва заметно улыбнулся и пожал плечами.

– Вы сами сказали, мастер, все материальные блага у меня уже есть.

– Так ты в походе и так можешь выбрать себе любую, – заметил Магистр. – Хоть десяток наложниц с собой привезти, всех цветов и размеров. Или... – он вдруг прищурился, посмотрев сначала на нас, а потом на генерала. – Ты хочешь именно ту, что предназначалась мне?

– Это стало бы для меня по-настоящему ценной наградой, мастер, – кивнул генерал.

Магистр задумался ненадолго, а потом кивнул.

– Что ж, не могу тебе отказать, выбирай любую. Какая тебе больше нравится?

– Вот эта.

Его взгляд вновь уперся в меня, глаза в глаза, парализуя, выбивая из груди дыхание, заставляя сердце остановиться. Боковым зрением я видела, как Магистр снова недоверчиво нахмурился, посмотрел на меня, на Шелтера, снова на меня, а потом уточнил, ткнув пальцем:

– Эта, рыжая? Ты уверен?

Я бы скрипнула зубами, если бы могла стиснуть челюсти. Во-первых, я не рыжая. Во-вторых, откуда столько сомнений? Чем я хуже других?

– Какая-то она неказистая, – скривился Магистр. – И старая. Вон, возьми лучше светленькую – самый сок!

Шелтер даже не взглянул на предложенную девушку, продолжал смотреть на меня.

– Слишком юна для меня, мастер, – спокойно отозвался он. – Почти ребенок, меня такие не возбуждают.

Драгз нервно кашлянул: очень уж... критически прозвучало замечание Шелтера, почти как упрек. Но Магистр то ли не заметил, то ли не захотел заметить.

– Как хочешь, эту мне вообще не жалко, бери себе на здоровье. И можешь быть свободен.

Шелтер снова коротко поклонился и направился к выходу. Я слышала, как удаляются его шаги, но продолжала смотреть на место, где он только что стоял. Пока Магистр не пощелкал пальцами у моего лица, выводя из ступора.

– Чего стоим? – насмешливо поинтересовался он и кивнул на двери. – Иди за ним. Ты теперь принадлежишь ему.

Я медленно повернулась вокруг своей оси и на негнущихся ногах последовала за Шелтером, еще не до конца осознавая, что произошло и почему. А главное – хорошо это или плохо?

* * *

Капитан Риталь Моран определенно считал, что хорошо. Когда я вышла в коридор вслед за генералом, тот как раз закончил что-то говорить своему адъютанту. На лице молодого военного отражалось удивление, граничащее с шоком. Казалось, его брови сейчас уползут к волосам. Услышав мои шаги, он перевел взгляд на меня и широко улыбнулся.

Генерал Шелтер выглядел куда сдержаннее. То есть на его лице как обычно не отражалось никаких эмоций. Он лишь бросил мне:

– Идем.

Повернулся и размашисто зашагал по коридору, к лестнице. Я медленно двинулась за ним. Вслед за навалившейся апатией меня словно окутало странной дымкой: предметы казались нечеткими, звуки приглушенными, а воздух слишком густым. В нем было почти так же тяжело двигаться, как в воде. И дышать так же трудно.

Я рисковала безнадежно отстать, но на вершине лестницы генерал притормозил. Он не обернулся и не посмотрел на меня, но остановился, держась за перила. Лишь когда я тоже почти доковыляла на высоких каблуках до лестницы, принялся быстро и легко спускаться.

«Да подожди же ты!» – отстраненно подумала я, пытаюсь ускориться.

Но это было похоже на дурной сон: как ни старайся, все равно будешь еле шевелиться. Когда я наконец оказалась на первой ступеньке, генерал почти преодолел оба внушительных пролета, торопясь, как сразу стало понятно, к женщине, ждавшей его у подножия лестницы.

– Генерал Шелтер, – протянула она томно, стягивая с рук перчатки. – Как я рада снова вас видеть.

– И я вам рад, госпожа Магистр, – отозвался Шелтер совершенно незнакомым мне тоном. Я бы назвала его... обольстительным?

Генерал тем временем добрался до холла первого этажа, подошел к женщине и почтительно склонился к протянутой руке, касаясь ее губами. Выпрямился, но руку незнакомки удержал в своей. А она шагнула к нему, бесстыдно прижимаясь.

Я медленно спускалась, держась за перила и наблюдая за ними. И чем ближе подходила, тем больше убеждалась, что женщина заметно старше генерала, хоть и выглядит очень хорошо. Просто неприлично хорошо. Шелтер назвал ее «госпожа магистр», но женщины не допускаются в ложи. Даже если владеют магией. У них свои пути: разного рода сестринства. Тогда что значит это обращение?

Госпожа сама подсказала ответ, томно прошептав:

– Я знала, что муж сегодня встречается с тобой, и надеялась увидеть.

В тишине пустого холла – если задуматься, слишком пустого для холла дворца главы государства – ее слова прозвучали очень отчетливо. Значит, «госпожа Магистр» – это жена Великого Магистра? Тогда почему она так беззастенчиво льнет к генералу? Хотя какое мне дело?..

Рука Шелтера легла на бедро женщины, скользнула в быстром ласкающем движении. Генерал наклонился к... магистрессе, и их губы встретились в коротком, но весьма страстном поцелуе. Вот уж правда, не ожидала такого накала от ледяной глыбы в военной форме. Эти двое совершенно не стеснялись моего присутствия и как будто не боялись, что их увидит кто-то еще. Эмоциональное приветствие длилось всего несколько секунд, после чего магистресса и генерал отшатнулись друг от друга, восстанавливая приличную дистанцию.

– Вы совсем перестали меня навещать, генерал Шелтер, – томный тон с придыханием у женщины никуда не делся. – Я начинаю думать, что моя компания вам наскучила.

– Мне очень жаль, – интонации в голосе генерала тоже оставались весьма чувственными. – Но увы, служба.

– Да, я понимаю, – она вздохнула. – Муж становится все ненасытнее. Вы балуете его своими победами. Но сейчас же у вас отпуск? Может быть, заглянете завтра вечером?

– Я не собираюсь задерживаться в столице, – спокойно возразил генерал. – Завтра еду в имение. Там есть дела, которые требуют моего участия, а у меня всего три недели отпуска.

– Как жаль, – вздохнула магистресса.

И наконец заметила меня, потому что я как раз приблизилась к ним.

– А это у нас кто?

Генерал сделал едва заметное, ленивое движение головой, даже толком не обернулся, но он и так знал, что за его спиной топчусь я.

– Моя награда за последний поход.

Жена Магистра скользнула по мне взглядом и недоверчиво прищурилась.

– Seriously? Из коллекции?

– Да.

– Он отдал тебе девицу из коллекции? – переспросила магистресса, снова ненадолго забывая о вежливом «вы». – Таковую вот сладкую конфетку, даже не попробовав?

Генерал кивнул.

– Что ж, поздравляю, – без особого энтузиазма протянула магистресса, смерив меня еще одним, на этот раз крайне недовольным взглядом. – И теперь лучше понимаю твое желание поскорее уехать в деревню... отдыхать.

Она вдруг снова прильнула к нему, прижалась так тесно, что это выглядело уже непристойно. Я отвернулась: почему-то было неприятно на них смотреть.

– Но все равно, не забывай старых друзей, – тихо, все с тем же придыханием велела она. Не попросила, не предложила – именно велела.

– Никогда, – отозвался генерал, улыбаясь.

«Надо же, умеет улыбаться, оказывается», – подумала я, и тут же задалась вопросом, зачем снова смотрю на них.

На прощание жена Магистра тоже скользнула рукой по бедру генерала, лаская весьма провокационно для высокопоставленной дамы. И медленно направилась к лестнице, демонстративно не посмотрев на меня, когда проходила мимо.

– Хорошо тебе развлечься этой ночью, – пожелала она, не оборачиваясь.

А Шелтер проводил магистрессу взглядом, пока она не скрылась из вида. Только как ни странно, страсти я не заметила. Его взгляд снова стал таким же жестким и холодным, каким был там, на лесной дороге.

– Идем, – снова коротко скомандовал он, устремляясь к выходу.

Очевидно, он считал, что общение со мной не заслуживает ни мягкого, обволакивающего тона, от которого томительно ноет внутри, ни разнообразия слов. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Едва мы вышли на крыльцо, как одна из повозок, стоявших поодаль, тронулась с места и подъехала к нам. С переднего сиденья выскочил возница, но генерал успел шагнуть и открыть заднюю дверцу сам. А потом неожиданно подал мне руку. Все еще чувствуя себя в дурном сне, я протянула ему свою. Он сжал мою ладонь сильными, уверенными пальцами. Такими горячими, по сравнению с моими, что тепло от них пробежало по всей немеющей руке, к самому сердцу.

Я забралась в повозку, а генерал обошел ее, и возница открыл ему дверь с другой стороны. Во дворец мы ехали примерно в такой же, но двум девушкам на заднем сиденье хватало места, чтобы не касаться друг друга. Плечи генерала оказались слишком широки: грубая ткань мундира коснулась моей обнаженной кожи, когда он сел рядом, отчего я снова на секунду задохнулась. Так близко... Совсем как в лесу, когда он нес меня на руках. Понять свои ощущения и реакции на этого мужчину я пока не могла. Словно затруднялась решить: боюсь я его близости или хочу ее.

Шелтер ничего не заметил. Его моя близость определенно не волновала. Он лишь снял фуражку и провел рукой по волосам.

– Куда едем, господин генерал? – поинтересовался возница. Он тоже носил военную форму, но простую, без украшений.

– Домой, Мэл. Домой, – устало выдохнул Шелтер.

И прикрыл глаза. Его тон вновь не был похож ни на что из того, что я слышала раньше.

Глава 8

На этот раз мы ехали дольше. Я успела выровнять сбившееся дыхание, реальность снова стала четче, звуки – громче, внятнее. Мелькающие за окном дома, скверы, памятники, люди начали привлекать мое внимание. Варнай разительно отличался от Оринграда с его узкими улочками, выложенными булыжником, и грубыми, пестрыми коробками домов, в которых не бывало больше двух этажей. Высотой в нашем городе отличался лишь храм Тмара, куда мы все ходили на вечернюю службу каждый десятый день. Он возвышался, красуясь в лучах солнца, над скромными – если не сказать, убогими – хижинами рыбаков и роскошными по нашим меркам домами местных дельцов и знати.

В Варнае мне открылось новое значение слова «роскошный», здесь я могла применить его к каждому второму дому. А каждый другой в моих глазах был просто великолепен. Даже то, что выглядело очень просто, вызывало восторг. Улицы здесь были широкими и непривычно гладкими – волшебные самодвижущиеся повозки совсем не тряслись, несмотря на куда более высокую скорость. Вдоль улиц тянулись тротуары. На них выходили витрины магазинов и окна кафе, а иногда выползали маленькие столики, за которыми сидели люди разных возрастов. Я даже несколько раз заметила женщин: молодых, без мужчин, детей или родителей, которые сидели по двое или небольшими компаниями, разговаривали и смеялись.

Наша повозка повернула за угол и сбросила скорость, чтобы пропустить перебегающих улицу людей, из-за чего мы почти остановились напротив торгового лотка, окруженного многочисленными вазами с цветами. Здесь собрались, наверное, все цвета радуги, и я пожалела, что повозка закрыта и я не чувствую аромата.

Пожилой торговец вытаскивал из вазы темно-бордовые розы – с такими крупными головками, каких я никогда в жизни не видела – повинувшись указаниям мужчины в сером костюме. Я никак не могла понять, зачем ему такие цветы – срезанные. Их ведь не высадишь под окнами.

– Что он делает? – спросила я едва слышно, сама не заметив, что произношу это вслух.

– Покупает букет, – после небольшой паузы, когда мы уже почти проехали мимо, отозвался генерал Шелтер.

– Зачем? – осмелилась уточнить я, почти свернув шею, пытаюсь разглядеть, как позади мужчина действительно отдал старику деньги и взял цветы. – Эти цветы нельзя посадить.

– Их можно поставить в вазу. В Оринграде дом не украшают цветами?

Голос генерала звучал спокойно и равнодушно, но в кои-то веки не грозно. Правда, и дразнящих, соблазнительных ноток, как при разговоре с магистрессой, в нем по-прежнему не было.

– Украшают, – кивнула я, снова садясь прямо. – Но это делают женщины, у которых есть сад.

Они срезают там цветы и ставят их в вазы. Еще можно собрать полевых. Зачем цветы мужчине?

– Он подарит их женщине, которая поставит их в вазу.

– Зачем?

– Чтобы они не завяли.

– Нет, мужчине это зачем?

Я не смотрела на генерала, только на пустое переднее сиденье рядом с возницей, но почувствовала его замешательство.

– Либо она его мать, либо жена, либо он ухаживает за ней. Это... традиция.

– Дарить женщинам цветы?

– Да.

Я помолчала, пытаюсь уложить в голове неожиданный факт. Вспомнила, как однажды читала роман с похожей сценой. Правда, там герой сорвал цветок и вручил героине, и это не вызвало у меня такого непонимания, как мужчина, покупающий цветы. Я попыталась представить, каково это, когда тебе дарят такой букет.

– Красивая традиция, – выдохнула я.

Генерал промолчал. И так мы ехали до самого его дома, притаившегося в довольно тихом районе города. Здесь было гораздо меньше людей и повозок, а вдоль улицы тянулись преимущественно жилые дома, а не магазины и кафе. Одно здание показалось мне ужасно высоким: оно упиралось крышей прямо в небо, в нем было этажей десять. Но дом генерала стоял особняком, был окружен забором из тонких металлических прутьев, достаточно редких, чтобы сквозь них дом и участок вокруг хорошо просматривались, но высоких и острых на концах. На фоне других он казался маленьким и имел всего два этажа. Но для одного человека он был огромен, на мой вкус.

Генерал вновь сам открыл передо мной дверь и подал руку, чтобы помочь выбраться из повозки. Я его помощь приняла, чувствуя, как внутри снова поднимается паника. Поездка по городу на время отвлекла, и я не заметила, как блаженные оцепенение и апатия, охватившие меня во дворце Магистра, полностью развеялись.

И вот я снова осознала, что наряжена и полностью приготовлена для мужчины, которого почти не знаю и на союз с которым Тмар не давал благословения. Генерал Шелтер, конечно, был куда привлекательнее пузатого Драгза с лоснящимся лицом и оплывшего Магистра с потными руками, но это ничего не меняло для меня. Бесчестие есть бесчестие.

Возница резво обогнал нас и открыл дверь дома. Мы вошли в просторный холл, в котором неуловимо пахло яблочным пирогом с корицей и какими-то цветами. Здесь нас встретили четверо мужчин. В одной я узнала магистра Этьена, другой – в военной форме и расстегнутом мундире – тоже показался смутно знакомым. Но где я могла его видеть? Двое других тоже были военными, но их лица я точно видела впервые.

Эти двое особенно радостно поприветствовали генерала, пожимая ему руку, обнимаясь и хлопая ладонью по плечу или спине. Третьего военного Шелтер спросил, когда он успел вернуться из Оринграда, и я поняла, что видела его мельком в лагере. Потом голоса мужчин слились в единый неразборчивый гул: очень уж их присутствие напугало меня. Я замерла у двери, мечтая превратиться в невидимку. Или хотя бы в статую. Генерал реагировал на мужчин благосклонно, хотя, как мне показалось, все военные были ниже его по званию. Просто потому что в армии Магистра не могло быть такого количества молодых генералов.

Входная дверь снова открылась, впуская в дом Риталия Морана и одновременно переключая внимание мужчин на меня.

– О-о-о, какая красotka, Шелтер! – протянул один из тех, кого я не знала, беспардонно беря меня за руку и вытаскивая на середину холла.

– Да, где ты взял такое чудо? – с улыбкой поинтересовался другой.

– Ты привез ее из Сирана? – снова спросил первый.

– Из Оринграда, – спокойно уточнил генерал, никак не реагируя на то, что его друзья обступили меня со всех сторон, разглядывая и, как казалось, едва удерживаясь от того, чтобы потрогать. Он отдал перчатки и фуражку скромно одетому немолодому мужчине, вышедшему нас встречать. Тот лишь мазнул по мне взглядом, моментально удаляясь, зато военные приятели генерала старались на три голоса, расхваливая меня как... Не знаю, лошадь на базаре?

– С чего ты вдруг притащил себе наложницу? – снова поинтересовался один из тех, кого я видела впервые. – Раньше так не делал.

– Нет, тут, кажется, история поинтереснее, – возразил тот, что показался мне знакомым. – Смотри, как она одета. Да и эти рыжие локоны я уже видел. Шелтер, неужели Магистр поделился с тобой жемчужинкой из коллекции? Это ведь одна из тех девиц, которых отобрал Драгз, верно?

Молчаливая довольная улыбка генерала вызвала у мужчин бурю восторга, но я все хуже и хуже разбирала их слова. Платье и так казалось мне чересчур открытым, а сейчас под их взглядами я и вовсе почувствовала себя почти голой. С каждой секундой меня трясло все сильнее. Я обхватила себя руками за плечи, пытаюсь закрыться, и устремила взгляд в пол, чтобы не встречаться им с мужчинами. Магистр Этьен, капитан Моран и сам генерал Шелтер преимущественно молчали, но трое офицеров громко обсуждали вечеринку в честь окончания кампании и возвращения друга...

А я чувствовала, что снова задыхаюсь от ужаса. Мне вдруг показалось, что они обсуждают меня как главное развлечение своего мальчишника. Их было шестеро. Не десяток, конечно, как предсказывала Нада, но это все равно было слишком. Паника накатывала волнами, как море в беспокойный летний день на смельчака, решившего поплескаться в заливе. Каждая новая волна раскачивала все сильнее, пока очередная просто не опрокинула. Гул голосов внезапно смолк, мир перевернулся, ноги подкосились. Я успела подумать, что пол здесь каменный, если удачно упасть, то можно разбить голову. Может быть, хоть в этот раз повезет.

Не повезло. Прежде чем окончательно отключиться, я почувствовала, как меня поймали сильные и уже немного знакомые руки. А потом поглотила чернота.

* * *

– Когда придет в себя, сделайте ей горячего чая с вашим знаменитым пирогом.

– Угу.

– Потом найдите одежду поудобнее. Ночную сорочку там, халат... Не знаю, что нужно женщинам?

– Угу... Да только где ж я их найду? Ей же поди что-то приличное нужно, чтобы ваш глаз радовало? Мое, даже стиранное, ей вряд ли пойдет, – женский голос захихикал, но его никто не поддержал, поэтому смех быстро стих. – Простите, господин генерал.

– Мне кажется, в конце улицы по-прежнему есть магазин женской одежды, – холодно заявил голос Шелтера.

Я приоткрыла глаза. Едва-едва, позволила себе лишь маленькую щелочку между веками, но этого хватило, чтобы разглядеть двоих на фоне светлого окна. Одним определенно был генерал: рост и широкий разворот плеч не давал спутать его с кем-то другим. Рядом стояла женщина. Невысокая, она едва доставала генералу до груди, но зато весьма объемная. Лучше я сквозь занавесь ресниц разглядеть ее не смогла.

– Вы хотите, чтобы я купила для нее ночную одежду? – немного смущенно уточнила женщина. – А какую? Ну, чего вам хотелось бы на ней видеть?

– Я доверюсь вашему вкусу, – немного раздраженно отозвался генерал.

– Угу...

– Пусть переоденется и поспит, – продолжил генерал уже спокойнее. – Ей нужно набраться сил...

– Это ясное дело, – хмыкнула женщина, непочтительно перебив его. – Силы ей к ночи пригодятся.

– Мег! – раздраженно рявкнул генерал. – Сосредоточьтесь, пожалуйста.

– Да-да, конечно. Значит, попить чаем, уложить спать. Что-то еще? Как-то... хм... подготовить ее? Ну, для вас?

Генерал шумно вдохнул и так же шумно выдохнул, словно подавляя раздражение.

– Не надо ее никак готовить. Она уже готова во всех смыслах.

– А, ну ясно...

– Проследите, чтобы она поела нормально, когда проснется.

– Здесь или с вами?

– Здесь. Я сейчас уеду с друзьями, но вечером мы вернемся. Пусть Орх охладит пузырьчатое вино.

– Ладушки, господин генерал, все сделаем в лучшем виде. Отдыхайте! Только, ей что сказать?

– О чем?

– Ну, когда ей вас ждать?

Еще одна пауза, но на этот раз без недовольных вздохов.

– Я поднимусь к ней после ужина, когда друзья разъедутся.

– Ясненько. Отдыхайте, генерал Шелтер, будьте покойны, все будет в лучшем виде, – повторила женщина. – И края ваша тоже...

– Мег!

– Простите, генерал, – хмыкнула женщина по имени Мег.

Генерал повернулся, и я торопливо сомкнула веки. Не хотела показывать, что уже пришла в себя. Лишь когда тяжелые шаги Шелтера миновали меня и за ним тихо закрылась дверь, я позволила себе снова открыть глаза и осмотреться более основательно.

Оказалось, что я лежу на кровати – высокой, широкой, увенчанной громоздким балдахинном – в просторной светлой спальне с двумя широкими окнами. Размер комнаты меня немного шокировал. Примерно столько места занимала вся наша квартирка над шоколадницей с двумя спальнями, маленькой столовой, кухней и ванной комнатой. Здесь же стояли лишь кровать, туалетный столик с огромным зеркалом, изящный шкаф и комод из светлого дерева. И ширма в углу. Светло-бежевые стены украшала пара картин да светильники с плафонами из дымчатого стекла.

– О, очухалась уже, – бодро заметила Мег и не без труда плюхнулась рядом со мной: очень уж высокой была для нее кровать. – Вот и ладненько. Сейчас чайку тебе заварю и пирог принесу. Оголодала, поди?

Я медленно покачала головой, садясь на постели и нервно приглаживая волосы. Есть как раз совершенно не хотелось. Мне даже казалось, что если я попробую что-то в себя запихнуть, меня стошнит, как тогда в лагере после «осмотра».

– Ну, ничего не знаю, – хмыкнула Мег. – Велено чаем напоить и покормить. Как тебя звать-то?

– Мира, – выдохнула я, с трудом разлепляя пересохшие губы.

Да, попить чая будет хорошо.

– А я Мег, – представилась женщина, глядя на меня с каким-то странным выражением. Я никак не могла понять, чего в нем больше: презрения или чувства собственного превосходства.

– Очень приятно, – отозвалась я по старой привычке.

– Ну да, оно и видно, – протянула она, смерив меня еще одним неприятным взглядом. – Где ж тебя генерал такую взял, квелую? Не похоже на него. Он обычно предпочитает таких баб... Чтоб огонь, чтоб порочность из ушей лезла. А ты какая-то... Недавно работаешь, что ли?

– Работаю? – переспросила я, чувствуя головокружение.

О чем она вообще?

– Ну, в борделе, откуда он тебя притащил.

– Я не работаю в борделе, – возмутилась я.

Или попыталась возмутиться, потому что сил на яркие эмоции не хватало. К тому же я теперь стояла на прямой дороге, в подобное заведение ведущей, так что мое попадание туда – лишь вопрос времени.

– Вона как, – Мег заметно удивилась. – А чо ж тогда? Откуда взялась?

– Меня ему подарили, – горько усмехнулась я.

– Это как? – не поняла Мег. – В карты, что ли, кто проиграл? Батя или жених?

Я снова покачала головой, подтягивая колени к груди и обнимая их руками.

– Из Оринграда я, – сообщила коротко, надеясь, что это объяснит все остальное.

И не ошиблась. Взгляд Мег слегка потеплел. Но лишь слегка: чувство собственного превосходства осталось, лишь презрения стало меньше. Видимо, тот факт, что я не выбирала стать падшей женщиной, а меня ею сделают принудительно, поднимал меня в ее глазах на ступенечку выше. На одну маленькую, можно даже сказать, крошечную ступенечку. Даже особого сочувствия я не заметила.

– А, вона чо, – протянула Мег. – Ну да, наслышана уже о новой победе генерала. Ладно, ты не бойсь. Шелтер – мужик видный, бабы им обычно довольны. Некоторые, как мне кажется, сами бы приплатили, чтобы с ним покувыркаться. Я бы точно не отказалась.

Она громко рассмеялась, видимо, посчитав свое заявление смешным. Смех у нее был резкий, каркающий. Круглые щеки покраснелись, и Мег утерла слезы, выступившие на глазах. Мне отчего-то стало не по себе. На мой взгляд, в ее возрасте о подобном даже думать не принято, не то что говорить.

– В общем, может, тебе еще и понравится, – добавила она, отсмеявшись. – Сейчас я тебе чайку сделаю.

Мег спрыгнула с кровати и на какое-то время оставила меня в одиночестве. Я уткнулась лицом в колени, переводя дыхание. Пока со мной не случилось ничего непоправимого, и стоило этому порадоваться. Может быть, Тмар все же еще меня не оставил и покажет выход из ситуации, если я буду вести себя достойно его дочери.

Чуть успокоившись, я с трудом сползла на пол и подошла к окну. Голова все еще кружилась, а в ушах от движений зашумело.

Второй этаж, более высокий, чем был у нас в Оринграде. Слишком низко, чтобы выброситься и разбиться насмерть. Слишком высоко, чтобы выпрыгнуть и убежать.

Если из моей ситуации и есть выход, то он определенно не через окно.

* * *

Дальше все прошло в точности по распоряжениям генерала: меня напоили чаем с яблочным пирогом (вот откуда в холле был запах), после чего выдали ночную сорочку и тонкий халат. У меня таких никогда в жизни не было. Сорочка была узкой, длинной, на тонких бретелях, украшенная изысканным кружевом сверху и по краю подола. Скользящая мягкая ткань струилась по телу, подчеркивая каждый изгиб и лаская кожу. Посмотрев на себя в зеркало, я почувствовала, как краснеют щеки и торопливо надела сверху халат, который хоть как-то прикрывал мои... прелести.

Мег зашторила окна, создав в комнате приятный полумрак в разгар дня, но уснуть я все равно не смогла, хоть и чувствовала себя уставшей. Голова болела, глаза не открывались, но я все равно никак не могла провалиться в блаженное забытие сна, ворочаясь с боку на бок и иногда задыхаясь, потому что сердце ни с того ни с сего срывалось в галоп. Кровать была очень мягкой, постельное белье – тонким и гладким. Оно пахло чем-то очень приятным: едва уловимый, ненавязчивый аромат щекотал ноздри, если зарыться лицом в подушку. Все это было так непохоже на мою кровать в Оринграде. Все это было так непохоже на правду. Но я отдала бы сейчас все на свете ради возможности оказаться снова дома. Проснуться ранним утром, понять, что все случившееся – лишь страшный сон, потянуться и вскочить, чтобы побежать по привычному кругу, который к ночи оставлял меня без сил. Настолько, что я засыпала, едва голова касалась подушки, не замечая, что кровать подо мной не так мягка, как могла бы быть, а постельное белье – из простой, грубой ткани, истончившейся из-за многократных стирок.

Но дома я чувствовала себя в относительной безопасности. А здесь, окруженная роскошью генеральского дома, оказалась совершенно незащищена перед чужой волей. Мег сказала не бояться, сказала, что мне может понравиться быть с Шелтером. Но я все равно боялась, потому что не знала, как все будет.

Однажды, сразу после смерти матери, я забрела вечером в порт. В те дни я часто сбегала из дома, чтобы не попадаться отцу на глаза. Возвращалась, только когда он уже был мертвецки пьян и спал непробудным сном. Я слонялась по всему городу, порой оказываясь в самых неожиданных для меня местах. Вот, в порту, например. Я случайно наткнулась там на парочку. Моряка и, вероятно, уличную девку, которых в Оринграде и можно было встретить разве что в порту.

Меня сначала привлекли странные звуки: стоны, вскрики. Влекомая любопытством, я прокралась в закуток, образовавшийся из разнокалиберных ящиков чьего-то груза. И там

увидела их. Женщина наклонилась над ящиком повыше, ее платье было задрано. Бородатый и волосатый мужчина со спущенными штанами пристроился сзади и активно двигал бедрами, то вскрикивая, то утробно рыча. Женщина стонала. Слишком громко и ненатурально. Замолчала, лишь заметив меня. И так зыркнула, что я испугалась и убежала, но эта картина еще долго стояла у меня перед глазами: грязный порт, пустынный закуток, громоздкие ящики, задранный юбка и мужчина, больше похожий на животное, чем на человека.

У генерала Шелтера, конечно, не было ничего общего с тем полупьяным моряком с засаленными волосами и бородой, в которой запутались остатки ужина, но он пугал. Пугал тьмой своих глаз, широкими плечами и сильными руками, которыми мог, не напрягаясь, переломить меня. И еще больше пугала неопределенность последствий.

Предположим, нагнет он меня над кроватью, как было с той женщиной... Хотя, нет, Шелтер высокий и ноги у него длинные, едва ли ему будет удобно... Неважно. Как бы это ни произошло, я переживу. Наверное. Хотя перспектива того, что он заявит ко мне со своими друзьями, все еще ужасала. Но что дальше? Он немного поиграет, ему надоест, и меня просто выкинут на улицу. Что я буду делать дальше? Рано или поздно все равно окажусь на месте той портовой девки. От этой мысли болезненно скручивало живот.

Чем больше я думала, тем хуже мне становилось. Сердце стучало, кожа горела, рыдания, которым я не позволяла вырваться, душили, но слез не было. Когда сначала на улице, а потом и внизу, послышались голоса, снова подступила паника.

Минуты тянулись бесконечно долго, складываясь в часы. Внизу звучала музыка, время от времени раздавались взрывы смеха. Голоса становились все громче, наверняка по мере того, как исчезало в мужских глотках пузырчатое вино. В какой-то момент я не выдержала, вскочила с кровати, в ужасе озираясь по сторонам. Проверила дверь: замка на ней, конечно, не оказалось, но комод выглядел достаточно внушительно: им можно забаррикадироваться. Часть меня понимала, что так я проблему не решу, вероятно, разозлю «хозяина» и заработаю наказание, но все внутри сейчас вопило и требовало сделать хоть что-то.

Увы, комод оказался слишком внушительным. Я толкала его, дергала, едва не опрокинула, но с места сдвинула лишь на несколько сантиметров. От досады пнула его босой ногой, ушибла пальцы. Они так страшно хрустнули, что я все-таки разревелась. От боли, страха и обиды. И вдруг поняла, что, пока я воевала с комодом, голоса снова переместились на улицу, а потом хлопнули дверцы повозок, раздалось уже знакомое рычание – и через считанные секунды все стихло. Внизу оборвалась музыка и дом погрузился в угрюмое молчание, словно застыл в ожидании.

Я замерла вместе с домом, прислушиваясь и не дыша. Оглушительно тикали настенные часы, но других звуков не было. Пока я не услышала приближающийся звук шагов в коридоре. Медленные, тяжелые – это определенно шел генерал Шелтер, а не Мег.

Мне оставалось только одно: проворно вскочив с пола, на котором ревела после ушиба, я нырнула в постель, накрылась одеялом и... притворилась спящей. Наивно, конечно, но больше мне ничего не пришло в голову. От недовольства отца это иногда спасало.

Приняв естественную (на мой взгляд) позу и сомкнув веки, я попыталась изобразить глубокое, ровное дыхание. Вспомнила, что не погасила лампу. Приподняла голову, с досадой поняла, что выключатель слишком далеко, а ручка двери уже повернулась. Поэтому я тут же рухнула обратно на подушку, снова сосредоточившись на дыхании. И на том, чтобы не дрожали веки, но тут мне могли помочь упавшие на лицо волосы.

Дверь едва слышно скрипнула, отворяясь, в мою комнату вошли. Вдох-выдох. Сердце билось как сумасшедшее, но я заставляла себя дышать ровно.

Вошедший прошелся по комнате. Отчаянно хотелось приоткрыть глаза, узнать, что он делает. И заодно посмотреть, как выглядит, но я отбросила это желание. Дышать. Спокойно, ровно – вот все, что нужно. Главное – не обращать внимания на заходящееся в груди сердце.

Оно едва не замерло, когда шаги приблизились к кровати и матрас заметно прогнулся под чужим весом.

Дышать! Вдох-выдох. Не двигаться.

Я едва удержалась от вскрика, когда рука, пахнувшая дымом сигарет, коснулась моих волос и аккуратно отвела их в сторону. Так осторожно, словно Шелтер боялся меня разбудить.

Поскольку глаза мои были закрыты, прочие чувства обострились. Я слышала дыхание генерала: глубокое, но неровное – он то задерживал его, то вздыхал. Убрал с лица волосы, кончики его

пальцев вдруг коснулись моей щеки, скользнули по коже то ли лаская, то ли исследуя. Большой палец вытер мокрую дорожку, оставшуюся от слез. Тыльная сторона ладони скользнула по изгибу шеи, и я поняла, что пропала, потому что кожа моментально покрылась мурашками, а я непроизвольно задержала дыхание, выдавая себя. На мгновение, но ему этого могло хватить. Однако Шелтер никак не прореагировал. Отнял руку, встал и... поправил на мне одеяло. Несколько мгновений спустя щелкнул выключатель, погружая комнату в темноту. Шаги стали совсем неслышными, но как открылась и закрылась дверь я разобрала. И только тогда позволила себе судорожный, глубокий вздох. Меня слегка трясло, но одно было очевидно: сегодня печальной участи удалось избежать.

Глава 9

После ухода генерала я еще долго не могла уснуть. Прислушивалась к тишине дома, вздрагивала от каждого шороха. Мне все казалось, что ручка двери снова поворачивается, а мой... хозяин возвращается, но каждый раз это оказывалось не так. Я даже набралась смелости и выглянула в коридор, но тот оказался пуст и темен.

Мысль о том, чтобы как-то выскользнуть из дома под покровом ночи я довольно быстро отбросила. Во-первых, платье, в котором меня привезли сюда, Мег забрала под предлогом необходимости его «освежить». Учитывая, что оно было на мне всего пару часов, я сомневалась, что это так уж необходимо. Скорее его забрали по той же причине, по которой в лесу нас заставили отдать обувь. В той полупрозрачной ночной сорочке и тонком халате, что у меня остались, я бы не вышла на улицу даже под страхом смерти. Во-вторых, даже если бы у меня была одежда... Вернуться в Оринград я уже не могла. Слишком далеко. И я не представляла себе как.

Небо начало светлеть, когда я наконец сдалась на милость сну. И почти сразу, как показалось, меня разбудили: в спальню беспардонно ввалилась Мег и раздвинула шторы, громко здороваясь:

– Добренького утречка, милая. Подымайся, завтракать пора. Господин генерал торопится ехать, так что ты давай, не мешкай. Быренько умойся, я помогу тебе одеться.

Зачем помогать мне одеваться, я не поняла: я прекрасно справлялась с этим сама. Я вообще плохо соображала спросонья, но торопливая речь Мег и ее суетливые движения и меня заставили двигаться быстрее.

Часа не прошло, как я уже оказалась умыта и причесана, одета во вчерашнее платье и накормлена. Мег вручила мне маленькую дорожную сумку, в которую сложила ночную сорочку, халат и новое нижнее белье, купленное для меня накануне до кучи.

Генерал ждал на улице. Сегодня его форма выглядела скромнее, больше походила на ту, в которой он был в лагере у стен Оринграда. Заметив меня, Шелтер насмешливо произнес:

– Доброго утра. Надеюсь, ты хорошо спала?

Еще и издевается... Неужели все-таки понял, что накануне я только притворялась спящей? Да нет, если бы понял, то растолкал бы и потребовал свое. Хотя он и так мог растолкать и потребовать, но почему-то не стал.

– Да, спасибо, – ответила я вслух, не поднимая глаз.

Не хотелось встречаться с ним взглядом. В такие моменты мне казалось, что он читает мои мысли.

– Вот и славно, – отозвался генерал и проворно спустился по маленькой лесенке с крыльца к ожидавшей нас повозке.

Как и у дворца Магистра, он открыл мне дверь и протянул руку. В его нарочитой учтивости чудилось что-то издевательское. Он вел себя со мной как с благородной дамой, хотя я была для него всего лишь вещью. Наградой за службу. Бесправной рабыней, не имеющей ни голоса, ни мнения.

Тем не менее руку его я снова приняла, хотя в результате возникла неловкая заминка. Длинный подол платья требовалось приподнять, чтобы не запутаться в нем, садясь в повозку, но в другой руке я держала врученную Мег сумку, а третьей у меня так и не выросло, хотя еще работая в шоколаднице я часто о ней мечтала.

Шелтер понял причину заминки без слов. Забрал сумку и, когда я наконец уселась на заднее сиденье, сам положил ее в багажное отделение. После чего сел рядом и велел:

– Едем, Мэл.

Возница едва заметно кивнул, коснувшись пальцами козырька фуражки, и мы плавно тронулись с места под уже привычное урчание повозки. Мое обнаженное плечо вновь касалось грубой ткани военного мундира, поэтому я сидела исключительно прямо, даже спина заболела от такой позы. Коварная повозка время от времени все равно «кидала» меня на генерала при поворотах, но в целом мне удавалось сохранять некоторую иллюзию дистанции между нами.

Мой спутник молчал, смотрел преимущественно в свое окно. И я со временем чуть-чуть расслабилась, тоже увлекшись разглядыванием города. Несмотря на обстоятельства моего попадания в Варнай, я не могла не признать этот город безумно красивым. Впрочем, кроме Оринграда, других городов я никогда и не видела, даже в Сиранской Республике никогда не бывала. До этой весны.

За пределами Варная вид за окном стал однообразнее и скучнее, а тряска усилилась. Усталость и недосып быстро сделали свое дело: я задремала, невзирая на не слишком удобную для этого позу. Зато дорога показалась мне не такой длинной и утомительной: большую ее часть я проспала.

Проснулась, только когда нас особенно сильно подбросило на очередной кочке. И тут же испуганно дернулась, осознав, что во сне уронила голову генералу Шелтеру на плечо. Я так резко постаралась отстраниться, что мой спутник не сдержал тихий смешок.

– Да спала бы уже, ты мне совсем не мешала, – заметил он.

Я ничего не ответила. Что тут можно было сказать? Не хватало произвести обманчивое впечатление девушки, которая совсем не против того, что с ней происходит.

Мы ехали еще довольно долго, солнце успело начать клониться к закату, но больше я не позволяла себе уснуть. К тому же пейзаж за окном снова сменился и стал более любопытным.

Мы проезжали мимо то зеленеющих полей, то густых лесов, то крошечных городков с поразительно похожими друг на друга маленькими аккуратными домами.

Потом мы свернули и через некоторое время въехали в один из таких городков. Он одновременно был похож на Оринград и не похож. Здесь все выглядело иначе, казалось чужим и непривычным: нигде не блестела знакомая морская гладь, а на горизонте не щетинились острыми пиками горы. Дома, как и везде в Варнайском Магистрате, были совсем другими. И все же чем-то неуловимым городок напомнил мне место, где я выросла.

Задерживаться в безмянном для меня городке мы не стали, миновали кучно стоящие дома, чтобы по прямой, показавшейся бесконечно длинной аллее доехать до большого, ослепительно красивого дома.

Повозка остановилась на скромных размеров площадке, от которой вверх поднимались две полукруглые лестницы. Туда, где возвышался трехэтажный особняк с эркером, покатою крышей, круглыми колоннами и полуколоннами, высокими и широкими окнами и небольшой круглой башней, увенчанной тонким шпилем. На фоне стен песочно-серого оттенка выступающие элементы декора казались снежно-белыми.

Увлеченная разглядыванием особняка, который по всем параметрам превосходил столичный дом генерала, я и не заметила, как Шелтер вылез из повозки, обошел ее и открыл мою дверцу. И снова подал руку. Могу ведь и привыкнуть.

Я с трудом выбралась наружу, продолжая во все глаза рассматривать дом. Запоздало поняла, что от изумления и восхищения совершенно неприлично открыла рот. Поторопилась его закрыть, бросив быстрый взгляд на генерала. Тот наблюдал за мной с ухмылкой, подозрительно похожей на обычную человеческую улыбку, на обычно бесстрастном лице.

– Нравится? – лаконично поинтересовался он.

– Очень, – искренне выдохнула я, не видя никакого смысла врать. – У вас очень красивый дом, генерал Шелтер. Я таких никогда не видела.

– Мне приятно это слышать. И это хорошо для тебя, потому что здесь тебе теперь предстоит жить. Следуй за мной.

Он повернулся и шагнул на ближайшую лестницу, а я поймала себя на мысли, что этот чудесный дом – не самое плохое место, в котором я могла оказаться.

«Только это все равно тюрьма, – напомнила я себе, усмиряя неуместный восторг. – И за красивым фасадом тебя по-прежнему ждет участь шлюхи, временной игрушки».

На фоне этого напоминания красота дома отчасти померкла. И стало еще хуже, когда мы поднялись на вымощенную серым камнем площадку перед главным входом, на которой выстроилась, встречая нас, вся местная прислуга. Впереди стоял мужчина в хорошем костюме, тяжело опирающийся на трость. Осанка у него была не хуже генеральской, и во всем облике чувствовалось что-то такое, что отличало его от прислуги.

Шелтер в первую очередь шагнул к нему, протягивая руку для приветственного рукопожатия.
– Здравствуй, Керам.

– Генерал Шелтер. Мы рады вашему возвращению в добром здравии и с очередной победой за плечами.

Керам пожал протянутую руку, слегка поклонившись. А потом перевел вопросительный взгляд на меня. Я заметила, что прислуга – трое мужчин и две женщины разных возрастов – тоже смотрит на меня так, словно никогда раньше на пороге генеральского загородного дома не появлялась молодая девица. Что едва ли могло быть правдой.

Пока все обращенные на меня взгляды демонстрировали вежливое, доброжелательное любопытство, но я мысленно приготовила себя к тому, что они изменятся, как только генерал сообщит им, кто я. Высокомерное презрение в глазах в общем-то добродушной и не злой Мег было еще свежо в моей памяти.

Я выпрямила спину, напоминая себе, что не сама выбрала положение наложницы, а потому мне нечего стыдиться: я всего лишь оказалась беззащитна перед чужой волей. Но взгляд малодушно опустила, не желая ни на кого смотреть.

– Мира, – неожиданно обратился ко мне генерал, – позволь представить тебе Кераму Нейба, моего управляющего. Он заботится о том, чтобы мое имение не разорилось, пока я служу Магистрату. Керам, это Мира, моя особая гостья из столицы. Она какое-то время поживет тут. Сам Магистр поручил ее моей заботе, поэтому прошу относиться со всем должным почтением. Я так удивилась, что вскинула на Шелтера недоумевающий взгляд, чем, должно быть, выдала себя управляющему. Очень уж недвусмысленно тот усмехнулся, когда я повернулась к нему и протянула руку для приветствия.

Нейб не стал утруждать себя глубоким наклоном к ней, лишь сжал мои пальцы в своих и едва заметно опустил голову. Глаза его красноречиво говорили: «Особая гостья, да? Ну-ну».

Зато никто из прислуги не заметил подвоха: ни пожилой дворецкий, ни строгая, чопорная экономка, ни юная горничная, в чьих глазах плясали смешинки, ни бледный, болезненного вида лакей, ни сдержанный камердинер средних лет. По именам мне представили только дворецкого – Морроу и экономку – госпожу Холт.

И все же неловкий момент случился, когда на площадку к нам поднялся возница, держа в руках небольшой чемодан генерала и мою скромную дорожную сумку. Дернувшемуся лакею он сообщил, что других вещей нет, только эти.

– А где же вещи вашей гостьи? – удивился Морроу.

Керам, оказавшийся к тому моменту за моей спиной, тихонько хмыкнул. Я почувствовала, как краснею, а генерал Шелтер с невозмутимым видом заявил:

– Все произошло несколько спонтанно. Я торопился выехать, поэтому госпожа Мира не успела как следует собраться. Ее вещи пришлют из столицы чуть позже.

Других объяснений никому не понадобилось, и я тихонько выдохнула, когда нас пригласили пройти в дом. Как бы там ни было, а за то, что генерал не стал лишний раз унижать меня перед своими людьми, я почувствовала себя благодарной ему.

* * *

Мне выделили угловую комнату на втором этаже. Два больших окна на смежных стенах наполняли ее воздухом и светом: сейчас это были последние огненные всполохи заката. В остальном обстановка напоминала спальню в городском доме генерала, где я провела предыдущую ночь. Разве что эта комната оказалась еще просторнее. Да тут можно ярмарку устраивать! Помимо платяного шкафа имелся еще и книжный, но полки его были почти пусты, пара десятков книг стояла отдельными группами на разных уровнях, перемежаясь статуэтками и маленькими вазочками без цветов. Я почему-то подумала, что протирать здесь пыль – настоящее мучение.

Огромная кровать с – кто бы сомневался? – балдахинном притаилась в темном углу. Можно не беспокоиться о том, что по утрам меня будет мучить солнечный свет. Подумав об этом, я нервно рассмеялась. Хоть о чем-то можно не беспокоиться!

Рядом с книжным шкафом, в противоположном от кровати углу, стоял письменный стол. Я без особого интереса подергала ящики, но они оказались преимущественно пусты. Лишь в одном лежали письменные принадлежности и стопка бумаги.

Я успела еще оценить низкий широкий подоконник, тянувшийся под одним из окон. Он был усеян маленькими подушечками и при желании я могла бы использовать его как кушетку: сидеть, вытянув ноги, и любоваться открывающимся из окна видом. А благодаря тому, что особняк стоял на небольшом возвышении, вид открывался очень приятный глазу: на цветущий сад, изрезанный узкими тропинками, стекающимися к фонтану с замысловатой скульптурной композицией в центре. Чуть дальше виднелась беседка с белыми колоннами и куполообразной крышей, а еще дальше начиналась аллея, похожая на ту, по которой мы сюда приехали. Я была не уверена, что это та же самая аллея, но выглядела она похоже.

Если бы два дня назад кто-то сказал мне, что генерал Шелтер по прозвищу «Кровавый» живет в столь живописном, умиротворяющем месте, я бы рассмеялась этому человеку в лицо. Впрочем, наверное, и безжалостные завоеватели рано или поздно устают от вида крови и смерти и стремятся к красоте и гармонии.

Проверить удобство подоконника я не успела: юная горничная пришла сообщить, что генерал ждет меня.

– Вам помочь переодеться? – услужливо поинтересовалась она и тут же смутилась. – Ой! Простите, госпожа, я забыла, что ваши вещи еще не приехали.

Я через силу улыбнулась и заверила ее, что все в порядке. Да, легенда моя продержится недолго: ровно до того момента, как из столицы не приедут никакие вещи. Что ж, возможно, к тому времени это уже не будет меня особо волновать. Вероятно, уже завтра утром горничной и так станет понятно, для чего генерал привез меня сюда.

Услужливая девушка проводила меня на первый этаж, в столовую: генерал ждал меня для совместного ужина. Ну да, конечно, я же «особая гостья».

Нас посадили на разные концы массивного прямоугольно стола, рассчитанного на восемь человек, поэтому между нами оказалось довольно внушительное расстояние. Корзинку с хлебом или солонку не передашь. Впрочем, для подобных действий у нас имелся лакей, который испарился, едва подав нам закуски и налив вина. Мы с генералом остались один на один.

Нарочито вежливо пожелав мне приятного аппетита, Шелтер принялся за еду, а я медлила, с недоумением глядя на столовые приборы, разложенные по разные стороны от тарелки. Три ножа и три вилки. Дома во время трапез я всегда как-то обходилась одной вилкой. И совсем без ножей, если уж на то пошло. Поэтому сейчас растерялась, не зная, что делать, как поступить.

– Просто бери те приборы, что лежат дальше всего от тарелки, – вдруг посоветовал генерал.

Я хмуро посмотрела на него исподлобья. Тут же снова опустила глаза в тарелку, но совету последовала. Или попыталась, потому что держать вилку в левой руке оказалось очень неудобно, а что делать с ножом, я и вовсе не представляла. Так ничего и не подцепив с тарелки, я отвела от нее руки и снова бросила на генерала мимолетный взгляд.

– Хочу поблагодарить вас, генерал Шелтер, – произнесла чуть шершавым от волнения голосом. – За деликатность при знакомстве с... обитателями вашего дома.

– Не за что, – отозвался он, не отрываясь от еды. – Деликатность – мое второе имя.

Это замечание почему-то вызвало у меня удивленную улыбку.

– Признаться, я думала, что ваше второе имя – Кровавый.

Шелтер ничуть не смутился, брови его лишь на мгновение дернулись к переносице, но вместо того, чтобы нахмуриться, генерал лишь пожал плечами.

– Значит, третье.

Сегодня его голос не казался ни строгим, ни угрожающим. Исчезли резкие нотки и приказной тон, поэтому и испуганные мурашки не побежали по моей коже. Видимо, в домашней обстановке генерал Шелтер превращался в обычного человека, хоть и оставался в военной форме. Только это обстоятельство и позволило мне спросить:

– А какое первое?

Я не решалась снова посмотреть на него, предпочитала изучать весьма разнообразное и совершенно незнакомое мне содержимое тарелки, поэтому просто почувствовала, что генерала мой вопрос удивил. Его приборы тихо звякнули о край тарелки, когда он отложил их.

– Оллин, – последовал лаконичный ответ.

– Оллин, – шепотом повторила я, словно пробуя его имя на вкус.

И к моему собственному удивлению оно показалось мне довольно вкусным: двойное «л» ласкало язык. Мягкое, немного тягучее имя странно сочеталось с резкой, шипяще-рычащей фамилией. И совсем не вязалось со страшным прозвищем.

– А как твое полное имя? – поинтересовался генерал, не дождавшись от меня заметной реакции.

– Мирадора Торн.

– Мирадора Торн? – переспросил он и хмыкнул. – Ужасное имя, тебе совершенно не подходит.

– Почему? – Я так не ожидала подобной оценки, что совсем забылась и снова посмотрела на Шелтера.

На бесстрастном лице промелькнула тень улыбки.

– Потому что это имя звучит как раскат грома. А ты не похожа на гром. Скорее на шелест ветра в весенней листве.

Надо же, как поэтично, оказывается, он умеет мыслить... Генерал не переставал меня удивлять.

– Тогда какое имя, по-вашему, мне бы подошло?

Я снова оказалась поймана его гипнотизирующим взглядом. Не в силах отвести глаза, безвольно наблюдала, как он сделал глоток вина, поставил бокал на место и взялся за приборы, но есть не продолжил, предпочитая смотреть на меня, словно мысленно подбирая подходящее обращение.

– Хотя бы – Мила. Давай, я буду звать тебя «милая»? Ты не против?

Он вдруг «отпустил», снова переключив внимание на содержимое своей тарелки, которое стремительно таяло, и я смогла выдохнуть.

– Полагаю, вы можете звать меня так, как вам захочется, – заметила я, не сумев скрыть горечь. – Не думаю, что мои желания имеют значение.

– Пожалуй, нет, – легко согласился генерал. И язвительно добавил: – Но я дал тебе возможность сделать вид, что это твое решение. Я ведь сама деликатность, как ты верно заметила. Твое право не воспользоваться такой возможностью. Почему ты не ешь? Не голодна? Не нравятся закуски? Я могу попросить подать тебе что-нибудь другое.

– Нет, я... – от резкой смены темы я слегка растерялась, но постаралась побыстрее взять себя в руки и не мямлить. Я очень хорошо знала, как сильно это раздражает мужчин. – Просто я не привыкла... так держать приборы.

– Держи их как тебе удобно, – отмахнулся Шелтер. – Я не умру от ужаса, если ты не станешь соблюдать светский этикет. Я солдат, если ты не забыла. Временами мне приходится есть вообще руками, так что ты меня ничем не удивишь.

– Да? Хорошо...

Я с облегчением отложила нож и взяла вилку в правую руку, после чего дело пошло веселее. Только положив в рот первый кусочек еды, я поняла, как сильно проголодалась. А закуски, прямо скажем, оказались вкуснее всего, что мне когда-либо доводилось пробовать.

– Надеюсь, ты не в обиде на меня и Морана за тот маленький спектакль, что мы разыграли тогда, – снова заговорил генерал, когда я успела подчистить половину содержимого тарелки. Я едва не поперхнулась: ему опять удалось меня удивить.

– Не считите за дерзость, господин генерал, – в приступе отчаянной храбрости ответила я, – но у меня есть куда более серьезные поводы обижаться на вас.

Слова прозвучали грубо, но моей смелости опять не хватило на то, чтобы посмотреть на него.

– Справедливо.

Судя по тону ответа, генерал не оскорбился. И это вдохновило меня на встречный вопрос:

– Скажите, к чему все это было? Зачем вы заходили тогда ко мне? Что вы вообще делали в Оринграде?

– Разведывали обстановку. Я всегда так делаю, прежде чем куда-то вторгнуться.

Он сказал это так легко, словно речь шла об изучении ассортимента нескольких лавок, прежде чем сделать покупку.

– У вас разве нет для разведки специально обученных людей? – удивилась я. – Шпионов.

– Есть, но иногда полезно на все посмотреть самому. Послушать разговоры, пообщаться с местными жителями. Просто подышать воздухом. Я ведь стихийник, как ты верно заметила в лесу. Чаще всего маги с моим даром ограничиваются использованием силы стихий, потому что это самое простое: зажечь огонь, призвать порыв ветра, начать дождь или потряхнуть землю.

Слушать стихии и общаться с ними сложнее, но гораздо интереснее. И полезнее.

Из всей его речи я зацепилась за фразу «пообщаться с местными». А ведь они тогда спрашивали меня про Ниланд. И я, дурочка, выложила им все, что слышала сама. Не потому ли Магистрат в конце концов напал на Сиран и пришел к нам? От этой мысли я вновь похолодела внутри, а все проглоченное вдруг запросилось наружу.

– Ты себя переоцениваешь, – тихо возразил Шелтер моим мыслям. Правда он их читает, что ли? – Поверь, ты не сказала нам ничего такого, чего бы мы уже не знали. Меня удивило, что девица, чья жизнь ограничивается маленьким кафе со сладостями, способна рассуждать о политике, да еще так здраво, но не более того. На самом деле на тот момент мы уже побывали и в Ниланде, и даже в Сиране. Мне было понятно, что объявление войны Ниланду закончится вмешательством Сирана. Не то что бы им это помогло... Просто, кампания длилась бы в два раза дольше, и я потерял бы гораздо больше солдат. Я решил, что нужно вбить между ними клин или убедить одну из сторон не помогать другой. В Ниланде монархия, поэтому с ними договориться казалось проще. Когда правит кто-то один, остается только найти его слабое место. В Сиране правит парламент, решения принимаются большинством голосов, а значит, и воздействовать пришлось бы на большое количество людей. Что дольше, дороже и менее надежно. Из этого следовало, что договариваться нужно с Ниландом, но у Сирана нет выхода к морю, а нам нужен был именно он. Тогда я узнал про Оринград, и мы с Мораном отправились к вам. Посмотреть, станете ли вы проблемой.

Я кивнула в знак понимания. Да, конечно, проблемой мы стать не могли.

– Но зачем вы пришли в мое кафе?

– Мы на самом деле немного сбились с пути, – признался генерал, и в голосе его промелькнуло недовольство. – Знаешь, при обращении к стихиям порой случаются неприятные... м-м-м... обратки, так мы это называем.

– Мы?

– Маги. Я самоучка и не член ложи, но все равно отношу себя к магам. Пусть я учился пользоваться даром больше на практике, теорию потом тоже изучил. Так вот, порой стихии... как будто злятся на тебя, понимаешь? Ту метель, вероятно, я же своими изысканиями и спровоцировал. Вот мы и заблудились.

Я снова кивнула. За неожиданно откровенной беседой моя тарелка незаметно опустела, и лакей унес ее, после чего подал следующее блюдо, на этот раз горячее. Вместе с грязной тарелкой исчезла и первая пара приборов. Посмотрев на оставшиеся, я вдруг подумала, что они словно отсчитывают время до окончания ужина и того, что непременно последует за ним. От этой мысли в животе снова неприятно заныло.

Не знаю, заметил ли генерал перемену в моем настроении, но продолжать беседу не стал. При нашем обоюдном молчании второе блюдо сменило третье. И если от второго я еще смогла съесть почти половину, то третье только поковыряла для вида. То ли наелась, то ли аппетит пропал. От десерта и вовсе отказалась, что все-таки заставило генерала прокомментировать:

– Странно, я был уверен, что ты сладкое любишь. В отличие от меня.

– Люблю, – не стала спорить я, глядя на стол перед собой. – Просто сейчас не хочу. А почему вы не любите сладкое? Разве сладкое можно не любить?

– Я предпочитаю другие удовольствия.

Он сказал это таким тоном, что мои руки, лежащие на коленях, непроизвольно сжались в кулаки. Я с трудом проглотила вставший в горле ком, предполагая, что вот сейчас он и отведет меня в свою комнату, чтобы получить причитающееся ему со вчерашнего дня «удовольствие». Или он предпочтет пойти со мной в мою?

Я по-прежнему не смотрела на генерала, но услышала, как шаркнули по полу ножки отодвигаемого стула, когда он встал. Генерал медленно направился ко мне, каждый его шаг отдавался в моей груди болезненным трепыханием сердца. Наконец он остановился рядом, его пальцы коснулись моего подбородка. Почти как тогда, на лесной дороге. Он вновь заставил поднять голову и посмотреть на него. Что я и сделала, но из-за наворачнувшихся слез лицо Шелтера оказалось размыто.

– У тебя красивые глаза, Мира, – тихо произнес он. – Не прячь их от меня. Тяжело и неприятно разговаривать с человеком, который смотрит куда угодно, только не на тебя.

Пальцы исчезли, а я удивленно моргнула, от чего взгляд частично прояснился. Следующие слова генерала и вовсе сбили меня с толку:

– Что ж, полагаю, ты так же устала сегодня после долгой поездки, как и я, поэтому обойдемся без совместного досуга после ужина. Развлечешь меня завтра. Если тебе что-нибудь понадобится, не стесняйся, обращайся к госпоже Холт. Доброй ночи, милая. Сладких снов. Я молча наблюдала, как он идет к дверям столовой, не веря собственным ушам. Мне давали еще сутки отсрочки, словно генерал Шелтер надеялся, что за эти пару дней я свыкнусь со своей участью.

Но пока его план – если только он действительно давал мне отсрочки нарочно – не работал. «Развлечешь меня завтра» – от короткого обещания внутри все равно все сжималось и переворачивалось.

* * *

Едва генерал ушел, я поторопилась подняться в свою комнату. Горничная снова попыталась предложить мне свои услуги – помощь с переодеванием, но я наотрез отказалась. Очень уж свежа в памяти была «помощь», которую нам оказывали в подготовке к встрече с Магистром. Кажется, моя резкая реакция обидела девушку, из-за чего я испытала угрызения совести, едва захлопнула дверь. И запоздало подумала, что следовало хотя бы узнать ее имя.

Но это можно было сделать завтра. Главное, что сейчас я наконец осталась наедине с собой, зная, что никто не нарушит мой покой как минимум до утра. Несколько часов в относительной безопасности и комфорте – такого за последние дни со мной не случалось. С того момента, как солдат швырнул меня в кузов повозки, забрав у отца.

От мыслей о доме и оставшемся там родителе на глаза навернулись слезы. Нет, моя прежняя жизнь была далека от идеала, о котором я мечтала перед сном, но я к ней привыкла и понимала ее правила. Каким бы ни был мой отец, я его по-своему любила. Ведь, кроме него, у меня не было других родственников. Что с ним стало? Отпустили ли его солдаты? Жив ли он? И что стало с шоколадницей? Кто теперь открывает ее двери по утрам? Досталась ли кому-то выпечка, которую я приготовила в тот день? Наверное, ужасно глупо было сейчас переживать о судьбе печенья, конфет, кексов и слоеных завитков, но почему-то в голову лезли мысли именно о них.

Пришлось прогнать их усилием воли. Обойдя еще раз комнату, я нашла притаившуюся за кроватью дверь в ванную комнату, которая – о чудо! – запиралась изнутри. Конечно, хлипкий замочек едва ли мог стать для меня настоящей защитой, но повернуть его и спокойно снять с себя платье и белье, не боясь каждую секунду, что кто-то все-таки войдет, оказалось очень ценно. Поразительно, какие мелочи начинаешь ценить, попадая в крупные неприятности. Под душем я стояла долго и с удовольствием, смывая с себя всю грязь последних дней. Нет, конечно, воспоминания о «проверке на невинность», об утомительной поездке и унижительном обращении в доме «коллекции» так просто не смоешь, но упругие струи воды, падая на голову и стекая по телу, немного проясняли сознание.

Со мной пока по-прежнему не случилось ничего ужасного и непоправимого, чему стоило порадоваться. Позади остались пузатый Драгз и потный Магистр, и теперь уже ясно, что «развлекаться» со мной в компании друзей генерал не планирует. В голову даже лезли крамольные мысли о том, что Шелтер – очень привлекателен и в его постели может оказаться не так уж ужасно.

Правда, стоило мне об этом подумать и попытаться представить, я тут же почувствовала, как краснеют щеки и что-то внутри бунтует. Сразу вспомнилась госпожа Лиман – моя школьная учительница, с восьми лет обучавшая нас правилам добродетельной девицы, и господин Коул – служитель храма Тмара, всю мою сознательную жизнь напоминавший нам о муках, которые ждут прелюбодеев после смерти. А порой и при жизни, ведь от павшей женщины Тмар отворачивает свой взор. Не будет ни счастья, ни удачи, ни здоровья. И дети такой женщины рождаются проклятыми навеки. Ну, если только ребенку не повезет с отцом: достаточно высокогородный мужчина может своих детей «отмолить».

«Интересно, – подумалось мне, когда я уже вышла из ванной, облачившись все в ту же ночную сорочку и халат, и сушила волосы полотенцем. – Считается ли достаточно высокогородным генерал Шелтер? Он ведь иноземец».

Я даже толком не знала, почитают ли в Варнайском Магистрате Тмара. Кажется, тут прежде всего чтят Великого Магистра. Ни разу не слышала, чтобы кто-то помянул какого-либо бога. Продолжая подсушивать волосы, я забралась на широкий подоконник, подложила под спину пару подушек и прислонилась к стене. Немного подумала, потянулась и открыла окно. Сегодня

день был очень солнечным и жарким, поэтому вечером воздух оставался достаточно теплым. В комнату ворвались пение вечерних птиц и запах цветов. И то, и другое действовало умиротворяюще. Я смотрела на скрывающийся в вечерних сумерках сад то расчесывая волосы найденным в ванной гребнем, то снова вытирая их полотенцем.

В голове крутились все те же воспоминания. То хладнокровное убийство солдата, то как Шелтер нес меня по лесу. То его слова о том, что мне предстоит развлечь его завтра, то осторожное, я бы даже сказала, нежное прикосновение к моей щеке накануне, когда я притворялась спящей. От последнего кровь в жилах становилась непривычно горячей и зажигала внутри незнакомый огонек.

Какой же он все-таки, этот генерал Шелтер? Бескомпромиссный и жестокий или нежный и заботливый? Я наблюдала проявления и того, и другого, а потому терялась в догадках, боясь принять желаемое за действительное.

От размышлений меня отвлек новый звук, поначалу незаметно влившийся в пение птиц, но со временем ставший более настойчивым. Я прислушалась, но не смогла определить, что это такое. Походило на песню ветра, заблудившегося в трубах, но за окном не было ветрено. Я уловила повторяющуюся мелодию, тоскливую и безысходную, чужую, но сейчас такую созвучную моим собственным мыслям и чувствам. Я не разбираюсь в музыкальных инструментах, а потому не смогла распознать, какой издает подобные звуки, как не смогла определить, откуда доносится мелодия.

Вскоре она и вовсе смолкла, и сколько я ни вслушивалась, подвинувшись ближе к открытой ставке окна и едва не высовываясь в него, больше ее так и не услышала.

Кто ее играл? На чем? И почему? Ответов на эти вопросы я не знала, но зато они отвлекли меня от мыслей о генерале и о том, что готовит завтрашний день.

Глава 10

Засыпала я все равно тяжело и тревожно. Снова долго прислушивалась к тишине, ловя любой шорох и в глубине души каждую секунду ожидая услышать шаги генерала Шелтера, приближающегося к моей спальне. Но дом оставался спокоен и тих, и в конце концов я уснула. Утром никто не стал меня будить. Я проснулась сама, впервые за последние несколько дней – или даже лет – чувствуя себя по-настоящему отдохнувшей. Открыв глаза, обнаружила, что комната залита светом высоко поднявшегося солнца. Как я и предположила накануне, относительно окон кровать стояла так, что ни один шальной лучик не сумел меня потревожить. Просыпаться так поздно было странно, но еще непривычнее я себя чувствовала оттого, что меня не ждали никакие дела. Приход чужой армии разорвал привычный круг рутины несколько дней назад, с тех пор моей жизнью распоряжались каждую минуту, а сейчас я вдруг осознала: я не знаю, что делать дальше. Должна ли я спуститься вниз и найти генерала? Или мне следует остаться в комнате и дожидаться, когда меня позовут или ко мне придут?

Посидев немного на кровати в нерешительности, я пришла к выводу, что для начала неплохо будет встать и привести себя в порядок. Надевать опостылевшее, чересчур нарядное и непривычно открытое платье не хотелось, но выбора не было. Со временем придется как-то решить проблему с гардеробом.

Пока же пришлось облачиться в единственный имеющийся у меня наряд. Умываясь, я поймала в зеркале собственное отражение и удивленно разглядывала его не меньше минуты. Накануне на изучение себя не нашлось ни сил, ни внимания, а сегодня я наконец разглядела, что из зазеркалья на мир смотрит бледное, болезненное эхо меня прежней. От красоты, наведенной перед показом Магистру, не осталось и следа, но и моей прежней обычной миловидности не стало.

Больше всего огорчал взгляд. Он был почти таким же мертвым, как у тех девушек, что мы встретили в доме, где содержалась «коллекция». Взгляд человека, который больше не мечтает о чуде.

И я разозлилась. Наверное, впервые по-настоящему разозлилась на саму себя. За то, что сдалась без боя, как мой родной город. Нет, я не питала иллюзий насчет того, что могла бы ответить

силой на примененную ко мне силу. Но как жить с тем, что со мной случилось – и еще случится – решать было мне. Мне не нравилось, что я заранее начала себя хоронить.

Перед зеркалом пришлось провести еще пару весьма неловких минут, пока не получилось заставить себя улыбнуться отражению. По-настоящему улыбнуться, так, чтобы снова загорелись глаза и вспыхнул румянец на щеках.

– Давай, милая, ты сможешь, – прошептала я, не замечая, что уже подхватила только вчера придуманное Шелтером обращение.

Щеки в итоге все равно пришлось прищипнуть, но улыбка получилась почти естественной. Немного грустной, но я решила, что пока хватит и этого. Пообещала себе, что буду работать над ней каждое утро. У меня могут отнять свободу, меня могут насильно лишить чести, но забрать право радоваться жизни, надеяться на лучшее и мечтать о светлом будущем я им не дам. Я не позволила этого отцу и Оринграду, не позволю и генералу Шелтеру и Варнайскому Магистрату.

С таким настроем и немного грустной улыбкой на губах я и вышла из комнаты, чтобы найти в огромном шикарном доме хоть одну живую душу. Очень уж хотелось есть.

Однако в коридорах я так никого и не встретила, пустой оказалась и столовая на первом этаже. Я поплутала еще немного, пока не услышала приглушенные голоса и звонкий смех, который, как мне показалось, принадлежал горничной.

– А я ему и говорю: «Господин Нейб, мне иногда кажется, что вам такую же трость в задницу вставили», – эта фраза, сказанная смутно знакомым голосом, стала первой из тех, что я расслышала целиком.

В ответ рассмеялись уже двое: звонкий девичий голосок и каркающий женский. Я бы решила, что второй принадлежит Мег, если бы не знала наверняка, что та осталась в Варнае.

– Очень сомневаюсь, что вы именно так ему и сказали, – недовольно прокомментировал голос дворецкого.

– Скорее всего, он только подумал и то не очень громко, – тихо добавил еще один мужской голос. Кажется, это был лакей, прислуживавший нам за ужином.

– Я клянусь вам...

Поклясться Мэл – а главным рассказчиком оказался возница генерала, я узнала его по характерной форме – ни в чем не успел, поскольку я уже вошла в кухню, вызвав своим появлением неожиданный переполох. Мгновенно смолкли смех и голоса, звякнули о блюдца чашки, зашуршали отодвигаемые стулья – все присутствующие торопливо встали. Все, кроме лакея. Тот остался сидеть, зажав в зубах дурно пахнущую сигарету и продолжив невозмутимо раскладывать пасьянс.

– Доброе утро, госпожа Мира, – первой опомнилась экономка, госпожа Холт.

– Доброе утро, – я неловко улыбнулась, смущенная нервной суетой. – Простите, я искала генерала Шелтера...

– Он уехал по делам с господином Нейбом, – торопливо сообщил дворецкий Морроу, бросив недовольный взгляд на испуганную горничную. – Он велел не будить вас, поэтому мы вас не беспокоили. И не знали, что вы уже встали. Мы думали, вы позвоните.

– Позвоню? – нахмурилась я.

Даже не знала, что так можно было. Дворецкого удивило мое замешательство, но он все же объяснил, указав на ряд колокольчиков за своей спиной:

– В вашей комнате есть специальный шнур. Вам достаточно дернуть за него, чтобы Мария пришла помочь вам.

Судя по движению рукой в сторону горничной, Марией была именно она. Я лишь улыбнулась шире, пожала плечами и развела руками.

– Простите, я не видела этот шнур, но обещаю его найти. В любом случае, помощь мне не нужна, я просто хотела выпить чашку чая и... – тут я снова смутилась, но все же закончила: – Может быть, найти что-то к чаю...

– О, да, конечно, мы сейчас подадим вам завтрак, – быстро подключилась экономка Холт, делая знак еще одной женщине, которую я видела впервые, но которая вполне могла бы оказаться родной сестрой Мег из столичного дома генерала. Вероятно, та была здесь кухаркой. – Вы предпочитаете позавтракать в столовой или вам накрыть на террасе? Уже достаточно тепло.

– О, не надо беспокоиться. Я вполне могу поесть и тут...

Я моментально осеклась, заметив, как изменились их лица. Сразу стало ясно: нет, не могу.

– Вот уж не думаю, – подтвердил мою догадку насмешливый комментарий лакея. Морроу только сейчас заметил, что тот так и остался сидеть. Судя по тому, как перекосило лицо дворецкого, это было вопиющим нарушением местных правил.

– Глен! – почти прошипел он. – Встань немедленно!

– Перед кем? Перед этой девкой? – фыркнул Глен, вынимая сигарету изо рта и стряхивая пепел в стоящую рядом пепельницу. – Не смешите меня.

– Глен! – возмутилась Холт, поскольку дворецкий от подобного напрочь потерял дар речи. Я, впрочем, тоже. И дар речи, и с таким трудом надетую несколько минут назад улыбку. Сердце вновь подпрыгнуло в груди, испуганно забившись и бросив в лицо моментально вскипевшую кровь.

– Что? – лениво уточнил лакей, посмотрев сначала на экономку, а потом переведя взгляд на меня. Такой же мерзкий, какой был у того солдата, которого Шелтер застрелил в лесу. – Не говорите, что вы все поверили в сказочку об особой гостье из столицы, порученной генералу Магистром. Если она когда и бывала во дворце Магистра, то только в качестве постельного развлечения последнего. Где же ваши вещи, госпожа Мира, м? Почему они так долго едут из столицы? Да она даже вилку с ножом держать в руках не умеет! Зато, вероятно, умеет что-то такое, чем Магистр решил поделиться с генералом. Расскажешь нам, что это, а? Или сразу покажешь? Готов послужить тебе объектом для демонстрации...

– Немедленно закрой рот! – прикрикнул на него Морроу и повернулся ко мне с совершенно несчастным видом. – Простите, госпожа Мира, он непременно будет наказан за такое поведение.

Я смотрела в бледное ухмыляющееся лицо наглого темноволосого лакея, чувствуя, как меня колотит мелкой дрожью. После слов дворецкого в кухне повисла оглушающая тишина, кажется, никто не решался даже дышать. Мне и самой не удавалось вдохнуть, настолько я не ожидала сейчас подвоха.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем мне удалось проглотить перекрывший горло ужас, протолкнуть в легкие воздух и заговорить. Но на мое удивление, когда я заговорила, голос почти не дрожал.

– Неважно, кто я, Глен, и как именно здесь оказалась. Ваш хозяин велел относиться ко мне с почтением. Думаю, если вы хотите и дальше работать в этом доме, вам придется выполнять приказы генерала. Он не любит, когда его подводят.

Ухмылка на лице лакея медленно таяла с каждым моим словом, а на последнем замечании он затушил сигарету в пепельнице и нехотя встал. Видимо, я попала в точку, но это было не сложно: и звание Шелтера, и весь его вид буквально кричали о том, что он не терпит непослушания.

Впрочем, мне подобное выступление тоже могло выйти боком, если генерал узнает, что я пыталась воспитывать угрозами его прислугу. В конце концов, кто я на самом деле такая?

– Я позавтракаю на террасе, – добавила я, переведя взгляд на госпожу Холт.

Та молча кивнула. По ее лицу было не понять, как она относится к разыгравшейся сцене. Кажется, искусству бесстрастного выражения лица она училась у самого генерала.

Глава 11

– В гостиной? – переспросила я, не веря своим ушам.

Госпожа Холт равнодушно пожала плечами, на ее строгом лице не промелькнуло и тени эмоций.

– Генерал велел пригласить вас туда. Он часто проводит вечера там, с гостями или один. Глен подаст ему бренди, как обычно. Что подать вам?

Я только покачала головой, молча отказываясь от всех угощений и пытаюсь понять, что задумал Шелтер.

Его не было весь день, поэтому до самого позднего вечера я оказалась предоставлена самой себе. Даже ужинала в одиночестве, поскольку генерал вернулся позже, когда я поднялась к себе. Я уже успела понадеяться, что и сегодня у него не останется на меня сил или времени, но

не сбылось: госпожа Холт появилась на пороге моей комнаты почти час спустя после ужина с сообщением о том, что генерал желает меня видеть. В гостиной. Странный выбор места. – Обычно он выпивает бокал бренди и выкуривает пару сигарет у камина, прежде чем идти спать, – пояснила Холт, не дождавшись от меня пожеланий по напиткам. – Очевидно, сегодня он желает сделать это в вашей компании.

Звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я не представляла, по какой причине генералу нужна моя компания, чтобы выпить и покурить. И до сих пор мне хотелось верить, что если мне и придется «развлекать» его, то это будет происходить за плотно закрытой дверью спальни, а не там, где любой обитатель дома сможет нас увидеть. Или услышать.

Но делать было нечего, послушаться я не могла. Впрочем, нет, могла, конечно, но предполагала, что это только разозлит «хозяина» и закончится для меня еще большими проблемами.

– Шкатулка с сигаретами лежит в комод у противоположной от входа стены, во втором ящике сверху, – добавила экономка.

И по этой фразе я поняла, что она, как и Глен, прекрасно понимает мое истинное положение. Однако, в отличие от Мег, госпожа Холт не позволяла себе демонстрировать свое отношение тоном или взглядом. За что я была ей благодарна.

Она проводила меня до дверей нужной гостиной на первом этаже, чтобы я не плутала по все еще незнакомому особняку, но в комнату я вошла одна.

Генерал уже ждал меня. Стоял у камина со скрещенными на груди руками и смотрел на огонь. Стоило мне войти, он сразу повернул голову в мою сторону. Комната освещалась лишь торшером у кресла, несколькими бра и настольной лампой в дальнем конце, поэтому в полутьме отблески пламени сделали лицо Шелтера еще более мрачным и резким, чем обычно. Видеть его без военной формы было непривычно, но как оказалось, он все-таки не ходит в ней постоянно. Сейчас на нем были обычные темные брюки и белая рубашка, рукава которой он закатал почти до локтя. Менее внушительно генерал выглядеть не стал, но я поймала себя на мысли, что сейчас он не пугает меня так сильно, как в предыдущие дни. Может быть, потому что больше похож на того «охранника», каким я встретила его впервые. И каким он мне, если быть честной, даже понравился тогда.

– Добрый вечер, милая, – поздоровался Шелтер, отвлекая от неуместных мыслей.

– Добрый вечер, господин генерал, – отозвалась я, заставляя себя улыбнуться и посмотреть на него, а не в пол.

Я хорошо помнила пожелание, высказанное им накануне, и еще лучше помнила обещание, данное себе утром.

– Надеюсь, ты не против уделить мне некоторое время этим вечером?

Я уже собиралась повторить, что мои желания не имеют значения, но заметила тень улыбки в абсолютно черных при таком освещении глазах и припомнила его слова о том, что он дает мне возможность сделать вид, будто это мое решение.

– Совсем нет, господин генерал.

– Тогда присаживайся.

Он сделал приглашающий жест в сторону одного из кресел. Того, что стояло подальше от камина и соседствовало с торшером, хорошо его освещающим. Сам он сел в кресло напротив, рядом с которым стоял небольшой столик.

Я едва успела сделать несколько шагов, как в гостиной появился Глен с подносом, что напомнило мне про сигареты. Решив не дожидаться просьбы, сразу шагнула к описанному экономкой комоду и выдвинула нужный ящик, достала шкатулку и замешкалась в поисках зажигалки или спичек, но ничего подобного здесь не лежало. Я даже проверила в самой шкатулке, но там были только длинные коричневые сигареты, совершенно не похожие на то, что курили в Оринграде. Или то, что курил Глен сегодня утром. Они даже пахли иначе: я уловила нотки шоколада в сложном букете ароматов.

– Что-то потеряла? – насмешливо уточнил генерал, когда лакей ушел, снова оставив нас наедине.

– Не вижу ни спичек, ни зажигалку, – честно призналась я. – Они лежат отдельно?

– Просто давай сюда шкатулку, – вздохнул Шелтер. – Мне не нужны спички.

«Ах, ну да, он же стихийник», – запоздало вспомнила я, когда он взял одну из сигарет, и ее кончик сам собой вспыхнул красным, стоило генералу поднести ее ко рту. Я оставила шкатулку

на том же столике, куда ему подали бренди, а сама наконец дошла до кресла. И к своему удивлению обнаружила на нем книгу.

– Ты ведь обучена грамоте, Мира? – поинтересовался Шелтер, когда я взяла книгу в руки.

– Конечно.

– Тогда почитай мне.

Хорошо, что я успела сесть, иначе бы упала от удивления. Генерал Варнайского Магистрата Оллин Шелтер по прозвищу Кровавый просит меня почитать ему? Перефразируя его самого, где-то здесь должен быть здравый смысл, но я его в упор не видела.

– Вы хотите, чтобы я вам почитала? Вслух? – уточнила я. На случай, если все-таки ослышалась или что-то не так поняла.

– Не думаю, что существуют иные способы почитать другому человеку, кроме как вслух.

– Хорошо... – пробормотала я, все еще удивленная. – С начала?

– Да.

Я раскрыла книгу, откашлялась и принялась читать. Это было так странно. Последний раз я читала вслух, чтобы развлечь маму во время болезни. От воспоминания горло на мгновение перехватило, и мне пришлось откашляться еще раз. К счастью, мне удалось быстро взять себя в руки, и вскоре голос зазвучал спокойно и уверенно, я даже начала играть им, подстраиваясь под разных персонажей выбранного генералом романа.

Переворачивая страницы, я время от времени бросала быстрый взгляд на Шелтера, но каждый раз обнаруживала его с закрытыми глазами. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, вытянув вперед длинные ноги и скрестив их в лодыжках. Поначалу его окутывал пахучий сигаретный дым, но со временем он развеялся, а в руке Шелтера появился бокал с бренди, который тоже постепенно опустел.

У меня от чтения пересыхало во рту, и в конце концов сильно запершило в горле. Язык стал заплетаться, я начала путать слова, приходилось перечитывать строчки по два раза, то и дело откашливаясь.

– Достаточно, – заявил генерал.

И я с облегчением замолчала на полуслове.

– В следующий раз попроси себе стакан воды, чтобы можно было смачивать горло в процессе, – посоветовал он.

– В следующий раз?

– Да, мой отпуск продлится недели три. Гости у меня случаются не так часто, хожу я куда-то еще реже. Развлечений в этой глуши не так много, музыку я не очень люблю, а как ты читаешь мне понравилось. Очень артистично, почти как спектакль.

– М-м-м, спасибо, – неуверенно протянула я.

Неужели он именно это имел в виду, когда говорил, что я буду развлекать его после ужина – чтение вслух? Серьезно?

– Скажи, что ты сделала с тем солдатом?

Вопрос прозвучал очень тихо и спокойно, но я вздрогнула так, словно генерал гневно прокричал его мне на ухо. Подняла на него испуганный взгляд, почему-то вспоминая парня, которого он застрелил.

– Когда я задаю вопросы, на них полагается отвечать, – чуть повысив голос заявил Шелтер, не дождавшись другой реакции.

– С-с к-каким солдатом? – только и смогла уточнить я, слегка заикаясь.

– Тогда, на лесной дороге. Я отправил тебя к Этьену, но он был занят раненым. Другой раненный страдал от боли, и ты что-то сделала с ним: он успокоился.

– Я... ничего, – пробормотала я недоуменно. – Просто... пожалела его.

– Этьен говорит, ты что-то шептала.

– Да я... Я просто попыталась его утешить, отвлечь от мыслей о боли. Ничего другого.

– Ты умеешь заговаривать боль?

Генерал больше не закрывал глаза. Он сидел очень прямо и сверлил меня темным взглядом, вновь просвечивая насквозь, залезая в голову и под кожу. Голова начинала болеть, а по коже бежали мурашки.

– Нет же! – в отчаянии повторила я. – Ничего такого... Это была просто... присказка... Не знаю, как объяснить. Знаете, как утешают детей, когда им больно?

– Нет, – уронил он холодно. – Не знаю. У меня нет детей.

Я хотела возразить, что он и сам был ребенком, но вовремя прикусил язык. Наверняка Шелтер и без меня об этом прекрасно знает. Раз ответил так, значит, его в детстве не баловали утешением.

– Это были просто слова, – вздохнула я, разведя руками. – Я просто хотела его утешить.

– Значит, ты утверждаешь, что в твоём шепоте не было магии?

– Господин генерал, я не владею никакой магией, – заверила я. – Да и какая магия может быть в обычном шепоте?

Он отвернулся, и мне показалось, что с груди свалился огромный камень. Я и не заметила, как меня им придавило. Шелтер снова потянулся к шкатулке и достал оттуда еще одну сигарету, поджег ее так же, как и предыдущую, и глубоко затянулся. Выпуская облачко казавшегося белым дыма, он снова посмотрел на меня.

– Слышала когда-нибудь легенду о шептуньях?

Я недоуменно моргнула.

– О ком?

Генерал снова затянулся, продолжая сверлить меня взглядом. Потом, видимо, все-таки решил, что мое замешательство не наигранное, и снова «отпустил», переведя взгляд на по-прежнему ярко полыхающий камин.

– Когда-то очень давно, несколько веков назад, на том месте, где сейчас находится Красная Пустыня, жило одно варварское племя. Оно не поклонялось никаким богам, не искало их защиты, почти не имело воинов и совсем не имело магов, но несмотря на это никогда и не перед кем не преклоняло коленей. Говорят, защитой того племени служили так называемые шептуньи. Женщины, каждое свое желание умеющие превращать в мощное заклятие, просто произнося его шепотом. Едва ли все было действительно так просто, как об этом говорят легенды, но суть в том, что ворожили они шепотом. Они общались друг с другом на огромных расстояниях, умели слышать предсказания в шепоте ветра, исцеляли болезни, останавливали своим шепотом любую армию. Говорят, самые сильные из них могли свести с ума и довести до могилы любого человека на любом расстоянии. Просто шептали разные вещи, внушая жуткие кошмары, а ветер доносил их шепот до адресата.

Шелтер замолчал, а я с трудом сглотнула, чувствуя, как меня охватывает дрожь. Вспомнились те немногие случаи, когда я слышала предсказания в шепоте ветра. И мамина любимая присказка: «Пусть мы не можем говорить о наших желаниях, никто не может запретить нам шептать». Я тряхнула головой, чтобы не увязнуть в воспоминаниях.

– Так умели только женщины того племени? – спросила я, стараясь не демонстрировать внезапно накотившего волнения.

– Да, причем не все. Лишь некоторые обладали этим даром, он передавался от матери к дочери. И что интересно: у таких женщин всегда рождался только один ребенок – дочь.

– Всегда? – удивилась я.

– Так говорят, – генерал пожал плечами. – Но это похоже на правду: любое могущество имеет свои ограничения и свою цену. Что-то вроде той обратки, о которой я говорил тебе вчера.

Я кивнула, хотя до конца не поняла, как так может быть, пока просто приняла как данность.

– И куда же они делись, эти могущественные женщины?

– Никто точно не знает, что случилось, – со вздохом ответил Шелтер, снова поднося сигарету к губам. – Говорят, то племя никогда не нападало на соседей само, но соседям оно не давало покоя.

– Почему?

– Потому что многие люди так устроены: им всегда нужно чужое. Чужие земли, чужие деньги, чужие женщины, чужие дети, чужое счастье, чужая удача, чужая сила... Своего недостаточно.

Кто-то, наверное, боялся, что рано или поздно непонятная, но почти безграничная сила обратится против них. Другие, несомненно, искали причины своих бед – болезней, голода, дурной погоды – в чужом злом умысле и винили во всем шептуний. Так или иначе, а против племени собралась небывалая армия. Такая, которую не смог бы остановить никто. Воины, маги, шаманы, пророки – все объединились против них.

Генерал снова прервался ради глубокой затяжки.

– И что было дальше? – нетерпеливо спросила я, непроизвольно подавшись вперед и до боли сжимая в руках книгу, которая продолжала лежать у меня на коленях.

– А вот на этом история обрывается, дальше неизвестно никаких подробностей. Говорят, почти никто не вернулся из того похода, а кто вернулся – никогда о случившемся не рассказывал, да и

вообще больше не разговаривал. Известно только, что племя тоже исчезло вместе с шептуньями, а там, где они жили, с тех пор протянулась от края до края континента непреодолимая Красная Пустыня. И никто не знает, как далеко она уходит на восток. И есть ли что-нибудь за ней.

– Даже мореплаватели? – удивилась я. – Они ведь могут пройти на тот конец земли по морю.

– Не могут, – возразил генерал, едва заметно улыбаясь. – Говорят, сам Варег те моря сторожит. Корабли в них исчезают навсегда, бесследно. Ходят слухи, что годы спустя некоторые находят далеко-далеко от тех проклятых берегов покинутыми. Трюмы полны, а команды и след простыл. Ни крови, ни следов захвата. Словно люди в какой-то момент просто покинули корабль, но все шлюпки на месте.

По спине протянуло холодом, хотя рядом по-прежнему жарко пылал камин. Я поежилась, живо представляя себе описанное генералом. У меня всегда была очень богатая фантазия. Выпутавшись из липких объятий кошмарного видения, я заставила себя снова посмотреть на Шелтера.

– Зачем вы рассказали мне эту историю?

– Легенды гласят, что несколько шептуний осталось. Якобы они скрылись среди людей и по сей день ходят среди нас. Ты уверена, что не одна из них? У твоей матери были другие дети?

Я покачала головой, но тут же возразила:

– Только это не значит, что я шептунья. Обладай я такой силой, разве оказалась бы здесь?

Обладай моя мать такой силой, разве умерла бы она от болезни? Это интересная и немного жуткая легенда, но ко мне она не имеет никакого отношения. Я лишь пожалела того солдата. Иногда прикосновение и нежные слова значат больше, чем любая магия.

– Что ж, – не стал спорить Шелтер, – скорее всего. Ладно тогда, можешь идти к себе.

Наверное, стоило резво подскочить, как можно быстрее попрощаться, пока он не передумал, и спрятаться в своей комнате, но я поняла, что больше не могу играть в кошки-мышки, не могу находиться в подвешенном состоянии, постоянно ожидая, что он вдруг решит потребовать свое. Это было невыносимо. Поэтому я осталась сидеть, вопросительно глядя на Шелтера.

– И это все? – хрипло спросила я, с трудом находя голос. – Вы хотели только послушать, как я читаю, и рассказать мне страшную сказку в ответ?

Генерал нарочито удивленно приподнял брови и поинтересовался:

– А ты хотела заняться чем-то еще? Я открыт для предложений.

Это уже точно было издевательством, поэтому я не стала выдавливать из себя улыбку.

– Зачем вы так, генерал Шелтер? Вы победили. Я здесь, как вы и пожелали, полностью в вашей власти, абсолютно беззащитна перед вами. Вы вольны делать со мной все, что пожелаете, я не смогу вас остановить, даже если попытаюсь. Зачем еще издеваться? Зачем вы играете со мной? Вас забавляет мой страх? Это одно из тех удовольствий, которые вы предпочитаете вместо сладкого?

Его лицо переменялось. Тонкие губы сжались в прямую линию, генерал потушил окурок в пепельнице, снова на несколько секунд отводя от меня свой просвечивающий насквозь взгляд.

– Да, пожалуй, не стоило тянуть, а сразу поговорить с тобой обо всем, – признал он с тихим вздохом.

Тон его тоже переменялся, стал похож на тот, каким он говорил со своим возницей и с Мег. Он стал... нормальным, человеческим, голос прозвучал немного устало.

– Но ты сама виновата, милая, нечего было так старательно притворяться спящей, когда я пришел к тебе в первую ночь. Я бы объяснил тебе все еще тогда.

– Объяснили – что?

Он скрестил освободившиеся руки на груди, снова глядя на меня в упор.

– Я не собираюсь спать с тобой, Мира. Твоя драгоценная невинность меня совершенно не интересует, оставь ее себе.

Я моргнула, осмысливая сказанное. Прозвучало, возможно, немножко грубо, но мне его слова показались музыкой. Я почти физически ощутила, как из сердца вынули что-то острое и большое, из-за чего то болело уже несколько дней, постоянно тревожно сжимаясь и неровно колотясь.

– Правда?

– Да, – пожал он плечами, словно его удивляло мое недоверие. – Хочешь верь, хочешь нет, но в моей жизни хватает женщин, которые с радостью делают со мной постель. У меня нет

необходимости навязывать себя той, что будет до последнего отбиваться. А ты из тех, кто непременно будет, это я понял еще в лесу. Должен признать, что в отличие от Магистра, я совершенно равнодушен к девственницам. Даже, пожалуй, наоборот, предпочитаю женщин опытных, которые знают, чего хотят, и знают, как доставить удовольствие мне.

Его откровенность меня смутила. Хотя бы потому, что еще никогда мне не доводилось обсуждать подобные темы с мужчиной. Шелтер вообще оказался первым человеком в моей жизни, кто так спокойно говорил о близости. Его... предпочтения шли вразрез со всем, чему меня учили дома, а это смущало еще больше.

А еще оставался непонятным важный момент.

– Но зачем тогда? Зачем вы попросили меня в награду? Вы могли попросить что-то, что вам действительно нужно.

– Что, например? – хмыкнул он и обвел взглядом гостиную. – У меня все есть. Даже больше, чем мне нужно.

– И все равно не понимаю, – я покачала головой, чувствуя, что в действиях генерала обязан быть какой-то мотив или тайный смысл. – Вы думали, что я шептунья? В этом все дело? И что вы будете делать со мной теперь, когда это оказалось не так?

Шелтер вдруг склонил голову набок и улыбнулся непривычно искренне.

– Тебе даже на секунду не приходит в голову мысль, что я мог сделать это из сострадания? Что я мог просто пожалеть тебя?

Наверное, мне не удалось скрыть удивление и последовавшее за ним сомнение, потому что улыбка генерала превратилась в едкую усмешку.

– Простите, генерал Шелтер, но вы не похожи на человека, способного на сострадание и жалость.

– Неужели? Ты знаешь меня... Сколько? Одну прогулку по лесу и один совместный ужин, не считая сегодняшних наших посиделок? И уже такие категоричные выводы?

Вопрос прозвучал резко и как будто... обиженно? Нет, мне, должно быть, почудилось, потому что быть такого не могло. И все же я виновато опустила взгляд в пол.

– Я видела, как вы застрелили того солдата, генерал, – сказала, словно оправдываясь. – Он просто отвлекся на секунду, а вы убили его, не дав шанса оправдаться.

– Ах вот оно что, – насмешливо фыркнул Шелтер. – Ты Торреса пожалела. А ты не заметила, к чему привела его невнимательность?

Я напрягла память, но не смогла понять, о чем он говорит. Все события того дня и вечера превратились в моей голове в кашу, перед глазами вставали только отдельные фрагменты: убийство солдата, встреча с варгами в лесу, как Шелтер нес меня на руках...

– Сколько рядовых было с нами до того, как Торрес отвлекся? – снова требовательно спросил Шелтер, не дождавшись моего ответа. – Я тебе напомню: двое были ранены, ими занимались Этьен и Малик. Двое караулили сиранцев: Торрес и Велс. Кaleb и Хофф прямо перед этим вытащили Гора из машины, на которую упало дерево. Умеешь считать, Мира? Сколько получается?

– Восемь, – испуганно выдохнула я, чувствуя, что зря завела этот разговор: генерал злился.

– А потом осталось четверо. Одного застрелил я, одного так и не смог спасти Этьен. Еще двое погибли от рук сиранца. Торреса он просто ударил, а Велса сразу застрелил. А потом и Гора. Бедный парень... Выжил в той машине, и погиб пару минут спустя от пули. Из-за того, что Торрес отвлекся. И ладно бы отвлекся на что-то дельное. Нет, он отвлекся на тебя. Думаю, останься ты на одну ночь в его власти, сочувствия к нему у тебя бы поубавилось. За ним и раньше водились подобные грешки, но нет в армии Магистра закона, по которому я мог бы наказать рядового за несдержанность в отношении побежденных женщин. Если это не мешает делу. Но он отвлекся – и двое погибли. Два хороших парня, два старших сына, между прочим. Глупо и бессмысленно, в ситуации, когда они считали, что все под контролем их товарища. Что я должен был сделать, по-твоему? Выпороть его? И ждать, когда он снова подведет остальных и погибнут другие? Ты сама могла погибнуть, если бы не реакция Морана, повалившего и прикрывшего тебя.

От его резкого тона и ставшего громким голоса у меня перехватило горло, а к глазам подступили слезы. Я вспомнила, как рядом со мной упал тот помятого вида солдат, и подивилась, что совсем не думала об этом потом. словно моя память решила затянуть

неприятные эпизоды туманом. Только убийство Торреса не смогла стереть – слишком ярким оно оказалось.

– Я не святой, милая, – неожиданно тихо и спокойно добавил генерал. – И прозвище свое заслужил. Но никогда и ни с кем я не был бессмысленно жесток. Ни одной жизни я не отнял ради собственного удовольствия. И сожалений у меня куда больше, чем ты можешь себе представить. Доброй ночи.

Глава 12

После разговора с генералом мне о многом предстояло подумать, чем я и занималась добрую половину ночи, вместо того чтобы спать. Однако на удивление на следующее утро проснулась рано и достаточно легко. Страх улетучился. Переваживая слова Шелтера, прокручивая в голове нашу беседу и все его поведение снова и снова, я все больше убеждалась, что он не играл, не притворялся и не давал пустые обещания. Можно наконец успокоиться: никто не собирается насиловать меня по ночам ради собственного извращенного удовольствия.

Следом пришло запоздалое понимание: он ведь спас меня. То есть поняла я это еще вечером, но полностью прочувствовала и испытала благодарность только утром. Если бы не вмешательство генерала, я бы последние три ночи делила постель с Драгзом (Магистр особого интереса ко мне не проявил). И от одной мысли об этом хотелось помыть руки и прополоскать рот.

Подумав еще немного, я пришла к выводу, что генерал пытался помочь мне с самого начала. То, что я приняла за прилюдное унижение, когда он назвал меня старой и усомнился в невинности, вероятно, было лишь попыткой оставить меня дома. Попытка провалилась, но ведь он ее предпринял.

«Впрочем, мог бы дать мне сбежать в ту ночь, – напомнила я себе. – И через многое мне не пришлось бы проходить».

А главное, тогда я еще могла вернуться домой. Теперь же... Теперь, чем больше времени проходило, тем больше косых взглядов мне стоило ждать в Оринграде. Кто поверит, что мне удалось сохранить себя в неприкосновенности? Пожалуй, в дальнейшем только брак с вывешенной простыней сможет спасти мою репутацию.

Внутренний голос слабо попытался напомнить, что я хотела уехать из родного города, хотела оставить оринградские традиции в прошлом – и моя мечта сбылась. Но я велела ему заткнуться. Что-то пока не очень мне нравилось вынужденное путешествие. Пусть даже Шелтеру хватало развлечения в виде вечерних чтений вслух, он не будет возиться со мной постоянно. Спас, привез домой, велел кормить и не обижать – и на том спасибо, конечно, но дальше барахтаться придется самой. А лакей Глен уже дал понять, что беззаботной моя жизнь в доме генерала не будет. И как только подтвердится, что я никакая не особая гостья, он вернется к своим комментариям, в этом я не сомневалась.

Однако утром произошло то, что обещало отложить на неопределенный срок новые оскорбления со стороны наглого лакея. Утром приехали... мои вещи.

На три больших чемодана, пару чемоданов поменьше и несколько шляпных коробок я молча смотрела долгую минуту, не зная, как реагировать, когда Глен – заметно пристыженный и нешуточно напуганный – принес и поставил их у двери, после чего удалился с тихим извинением.

– Откуда это все взялось? – пробормотала я вслух, просто чтобы убедиться в реальности происходящего.

Потом для верности еще и ущипнула себя за руку. Нет, я не спала.

Сдвинуться с места меня заставил стук в дверь и появление горничной Марии. Не дожидаясь моего разрешения, девушка вошла и принялась возиться с чемоданами, щебеча о том, что ее послала госпожа Холт.

– Помочь вам вещи разложить, может, что-то почистить или погладить нужно. И давайте я помогу вам переодеться! Как вы, должно быть, рады возможности наконец сменить платье. Для дамы вроде вас наверняка ужасно несколько дней ходить в одном и том же наряде, каким бы красивым он ни был. И давайте я заберу зеленое платье, оно точно нуждается в чистке после такого долгого ношения.

Я заявила, что переоденусь без посторонней помощи. Возможно, получилось немного нервно, но я была слишком взволнована и сбита с толку, чтобы соблюдать спокойствие. Взяв свежее белье и первое подвернувшееся под руку платье, я скрылась в ванной комнате – единственном месте, где могла запереться и на какое-то время гарантированно остаться одна. Там я смогла выдохнуть и немного подумать о случившемся.

Итак, откуда могли взяться вещи? К тому же – как я тут же выяснила – аккурат моего размера. В столице Магистрата я знала всего несколько человек: самого Великого Магистра, господина Драгза, Риталя Морана и Мег. Первых двоих я могла легко вычеркнуть, поскольку никто из них не стал бы присылать мне вещи. Моран мог бы. Теоретически, он даже мог определить на глаз мой размер, но он никак не мог знать, что мне нужна одежда и что она должна прийти как «мой» багаж.

Остается Мег, а она могла купить и прислать мне несколько чемоданов одежды только по распоряжению генерала и за его счет. Получалось, что Шелтер продолжал оберегать мою репутацию в глазах собственной прислуги.

– Надо бы сказать ему спасибо, – пробормотала я, лоя в зеркале взгляд собственного отражения.

Сегодня это отражение, к слову, выглядело повеселее, чем накануне. Глаза ожили, но теперь на лице была написана озадаченность. Пришлось прогнать это выражение, чтобы не выдавать себя Марии. Та и так бросала на меня чересчур подозрительные взгляды, когда я вернулась в спальню. Полагаю, потому что уже успела разместить в шкафу и комоды одежду и профессиональным глазом определила, что абсолютно все вещи совершенно новые.

К счастью, ни вопросов, ни комментариев я от нее так и не услышала. Она лишь забрала у меня вещи, которые я носила эти пару дней, и, присев в быстром книксене, поторопилась удалиться.

Я же отправилась искать генерала, чтобы поблагодарить за заботу. Так или иначе, а это казалось мне правильным. К сожалению, выяснилось, что мы с ним разминулись: пока я занималась внезапно свалившимся на меня багажом, он успел позавтракать и уехать по делам. По моей просьбе завтрак снова накрыли на террасе. Здесь было чудо как хорошо: тень, легкий теплый ветерок, шелестящий листвой, запах цветов, красивый вид, пение птиц. Я вслушивалась в их щебетание, в глубине души надеясь услышать и печальную мелодию, что сначала показалась мне пением ветра в трубах. И, конечно, помимо воли я прислушивалась и к самому ветру, надеясь снова услышать мистический шепот, предсказывающий судьбу.

Легенду, рассказанную генералом Шелтером, я гнала прочь, но она все равно продолжала звучать у меня в голове, переплетаясь с воспоминаниями из детства.

– Да нет, бред все это, – сказала я себе тихо, любуясь бабочкой, порхающей над кустом незнакомых мне мелких белых цветов. Замысловатый рисунок на ее крыльях переливался в лучах солнца всеми цветами радуги.

А если нет? Что если мой – как и мамин – шепот действительно обладает какой-то силой? Возможно, мама и сама об этом ничего не знала, потому что меня не научила, и себя от болезни не спасла. Но ведь шепот всегда слышен только в том ветре, что дует со стороны Красной Пустыни. Это не может быть простым совпадением.

Мне вспомнилось, как еще в моем детстве Анна Кроули говорила маме, что та словно приворожила шоколадом весь город.

– Кто его хоть раз попробует, тот обязательно снова возвращается, – со смехом говорила она. – Как ты это делаешь?

– Просто готовлю от души, – отвечала мама с улыбкой. – И когда готовлю, желаю всем счастья и добра. Возможно, они чувствуют это, когда едят его или пьют?

И меня она всегда учила делать то же самое. Возможно, поэтому клиенты и не разбежались, когда вместо мамы в кафе стала готовить только я. Потому что я делала то же самое: заговаривала шоколад так, что люди чувствовали себя счастливее, когда покупали его в нашей шоколаднице? Звучало дико и немного нездорово, но некоторая логика в такой версии была. Тогда что мне мешает попробовать сейчас использовать гипотетическую силу шепота, чтобы освободиться?

Я еще долго сидела на террасе, слушая пение птиц, попивая остывший чай и продумывая, как заставить генерала Шелтера вернуть меня домой.

* * *

– Генерал Шелтер?

Я подкараулила его в главном холле и окликнула, едва он успел войти. Даже фуражку снимал, уже оборачиваясь и ища меня взглядом. Он снова был в военной форме, в более скромном мундире, в котором я видела его чаще всего. И, к счастью, сегодня генерал вернулся достаточно рано: солнце еще не успело опуститься к горизонту.

– Мира? – как будто удивился он.

Кажется, Шелтер никак не ожидал, что я стану сама искать с ним встречи. Темные глаза скользнули по мне от макушки до пяток, оценивая внешний вид. На мне по-прежнему было платье, которое я наугад выбрала утром: темно-синее и, слава Тмару, закрытое, с длинным рукавом. Оно, конечно, выглядело не так соблазнительно, как нарядное зеленое, но было по-своему красивым, даже элегантным. И я чувствовала себя в нем гораздо спокойнее и увереннее. – Я вижу, твои вещи наконец приехали, – заметил генерал удовлетворенно, отдавая фуражку появившемуся словно из ниоткуда Глену.

Тот недовольно зыркнул в мою сторону и поспешно удалился. Я заговорила только тогда, когда в огромном холле, размером почти с наш городской храм Тмара, мы с генералом снова остались вдвоем.

– Да, и я очень благодарна вам за это, – с чувством произнесла я, улыбаясь хозяину дома почти без принуждения.

– Пустое, – отмахнулся он.

– Нет, не пустое, – возразила я серьезно, заставляя себя смотреть ему в лицо, но опасаясь смотреть в глаза. Поэтому я фокусировала взгляд то на бровях, то на серебрищихся сединами висках. – Для меня это важно, вы и сами знаете, потому и сделали так, как сделали. А я наговорила вам вчера всякого вместо того, чтобы поблагодарить за доброту и за спасения из дворца Магистра и от власти Драгза. Вы... думаю, вы до конца не осознаете, что для меня значило бы остаться там.

– Почему же, – возразил Шелтер, приближаясь ко мне с настороженным выражением на лице. Видимо, начал подозревать неладное, поэтому я смущенно опустила взгляд, боясь, что через него он читает мои мысли.

– Ты рассказала мне достаточно о традициях и верованиях своей родины, чтобы я понял.

– Тогда вы поймете и мое желание вас отблагодарить. Как умею.

– Звучит интригующе, – хмыкнул он, заставляя меня смутиться еще сильнее.

– Я кое-что для вас приготовила. И если вы пройдете на террасу и подождете меня там пять минут, я покажу, что именно, – на одном дыхании выпалила я, сцепляя перед собой руки в замок так, что пальцы побелели. И это наверняка не укрылось от его взгляда.

– Думаю, пять минут – не самая большая цена за мое любопытство. Только не опаздывай. Я заверила, что буду точно в указанный срок и почти бегом направилась в кухню, надеясь, что он действительно пойдет на террасу. И что я уложусь в назначенный мной же срок. Ведь у меня почти все было готово.

Готовиться осуществить задуманное я начала сразу после завтрака. Бедная кухарка – Галия, как я выяснила, – едва не упала в обморок, когда я начала расспрашивать, могу ли воспользоваться кухней и есть ли у нее нужные мне ингредиенты. Впрочем, через пять минут беседы она поняла, что на кухне я не новичок, а потом ее и вовсе одолел профессиональный интерес. Оказалось, что варить густой горячий шоколад она не обучена, умеет только заваривать обычный какао, поэтому я обещала дать ей несколько уроков, если она пустит меня похозяйничать на кухне сегодня и поделится нужными продуктами. Сошлись на том, что я буду готовить под ее присмотром и объяснять все, что делаю.

Однако мне очень нужно было приготовить горячий шоколад в одиночестве, чтобы никто не помешал мне шептать. Поэтому я приготовила несколько вариантов напитка просто для вида и угостила им саму кухарку и другую прислугу, даже пожилому садовнику, с которым познакомилась еще накануне во время прогулки, отнесла чашку. Тот в благодарность насобирав мне целую миску крупной красной клубники, которая в этих краях, как оказалось, уже начала плодоносить. Уж не знаю, магия тому причиной, другой климат, особый сорт или какие-то секретные техники господина Юнта, но ягода оказалась не только красной, но и очень сладкой, и у меня тут же родилось небольшое дополнение к плану.

На мое счастье Галия прекрасно понимала, что готовить шоколад надо непосредственно перед подачей, а провозившись со мной несколько часов на моих «пробных» порциях, была вынуждена вернуться к своим делам. Поэтому шоколад для генерала я готовила уже

самостоятельно. И хотя кухарка возилась поблизости, мне это не мешало тихо нашептывать ковшику свое желание: освободиться и уехать домой. Текст желания я придумывала весь день, поэтому сейчас нашептала его быстро и легко. После чего разлила шоколад по чашкам, добавила в порцию Шелтера несколько дополнительных специй, водрузила миску с клубникой и две чашки шоколада на поднос, добавила сюда же два стакана с чистой водой и поторопилась на террасу. Сердце стучало в ушах, во рту пересыхало, а руки дрожали, но в груди горел огонек надежды – и это было самое главное.

Конечно, в обозначенный срок я все равно не уложились: очень уж велик был дом генерала, а с нагруженным подносом не побегаешь. Но Шелтер все равно меня дождался.

Он стоял у самой ограды террасы спиной к дому и к двери, из которой я появилась, то ли любуясь садом, то ли просто глядя куда-то вдаль. Руки его были сцеплены в замок за спиной, плечи как всегда расправлены. Я внезапно поймала себя на том, что застыла на полпути к небольшому плетенному столику, за которым завтракала два дня подряд, любуясь генералом: его горделивой осанкой, крепким телом и сидящей точно по фигуре черной формой. Тряхнула головой, чтобы отогнать наваждение и все-таки поставила поднос на столик.

Только тогда Шелтер заметил мое появление и оглянулся, скользнул взглядом по подносу и со вздохом констатировал:

– Шоколад. Кто бы сомневался.

Мне почудились в его тоне нотки разочарования. Интересно, чего он ждал? У меня не хватило фантазии вообразить.

– Я не оставляю надежды убедить вас в том, что это вкусно, – обезоруживающе улыбнулась я, жестом приглашая его присесть.

Генерал неожиданно послушно сел в предложенное плетеное кресло, взял чашку, осторожно понюхал содержимое, пригубил и вернул ее на стол без каких-либо заметных эмоций. Садясь в кресло напротив него, я напомнила себе, что и не жду его одобрения. Главное – чтобы он все выпил.

– А это что? Конфеты? – поинтересовался Шелтер, кивая на вазочку.

– Это клубника в глазури из темного шоколада, – объяснила я, пододвигая вазочку ему поближе. – Попробуйте. В таком шоколаде почти нет сладости, вам должно понравиться.

Он взял одну ягоду, покатав в пальцах, разглядывая со всех сторон. Она была полностью покрыта шоколадом и действительно походила на конфету своеобразной формы. Я насаживала каждую клубничину на деревянную шпажку, чтобы обмакнуть в глазурь целиком, а потом втыкала шпажку другим концом в разрезанное пополам яблоко, чтобы ягоды подсыхали на весу. Кажется, генерал успокоился только тогда, когда нашел след от шпажки и понял, как я покрыла клубнику шоколадом так ровно.

Раскрыв для себя эту тайну, Шелтер наконец откусил половину: ягоды были слишком крупными, чтобы поместиться во рту целиком. Тонкая корочка глазури, конечно, треснула с едва слышным хрустом и осыпалась, но самые крупные кусочки генерал успел поймать и отправить в рот.

Почему-то это простое, естественное движение заставило меня искренне улыбнуться и абсолютно успокоиться. Если сердце и билось все еще не совсем ровно, то не от страха, зато руки дрожать перестали и дышать стало легче.

– Почему ты не вышла замуж? – неожиданно поинтересовался Шелтер, переключая внимание с покрытой шоколадом ягоды на меня. – Судя по тому, что я успел узнать об Оринграде, двадцать три года для вашего города – это практически порог старости для девушки. В том смысле, что она уже почти выходит из возраста невест. У вас замуж начинают выходить во сколько? В пятнадцать?

– В шестнадцать, – поправила я. – Тмар дает свое благословение с шестнадцати. В пятнадцать могут разрешить венчание, но только в особых случаях.

– Примерно представляю себе эти случаи, – хмыкнул Шелтер, закидывая в рот вторую половину ягоды.

Глазурь, конечно, успела немного растаять и испачкать ему кончики пальцев, поэтому генералу пришлось их облизать. А мне пришлось облизать внезапно пересохшие губы.

– Так почему же? – повторил Шелтер свой вопрос, снова поднося к губам чашку. – Ты красивая, очевидно, хозяйственная, здоровая. Все слагаемые невесты, на которую есть спрос, налицо, поэтому я исключаю вероятность того, что к тебе никто не сватался. Почему ты отказывала?

Я пожалала плечами, не зная, как ответить. Не рассказывать же ему о своих тайных мечтах, надеждах и желаниях – засмеет.

– Когда мне было пятнадцать, мама умерла, а отец заболел. Мне пришлось ухаживать за ним. Я не могла его бросить.

– Заболел? – насмешливо переспросил генерал. – Милая, пьянство – это не болезнь. Пьянство – это банальная распушенность.

Внутри вдруг стало холодно и неприятно.

– Откуда вы знаете? – тихо спросила я, пристыженно опуская глаза. Почему-то за пьянство отца стыдно всегда было только мне.

– Да так, навел справки, – признался он. – Должен же я знать, что за награда мне досталась.

Я не удержалась от горькой усмешки.

– Конечно. Хозяину полагается знать свое имущество.

– Как-то так, да, – спокойно согласился Шелтер. – Значит, ты не выходила замуж, чтобы продолжать жить с отцом-пьяницей и заботиться о нем. Что, настолько негодные женихи попадались?

Я удивленно посмотрела на него. Нет, если он действительно читает мысли, то я пропала.

Впрочем, нет, пьет же он шоколад. Если бы знал, что я задумала, не притронулся бы к чашке.

– Не смотри на меня так, – хмыкнул генерал. – Это простая логика. Либо ты была влюблена в кого-то конкретное и все ждала, что замуж позовет он, либо замуж тебя звали те, с кем ты ожидала куда худшей жизни, чем с отцом. Рядом с отцом ты по крайней мере оставалась хозяйкой себе и своему телу.

Может быть, это было и логично, но все равно становилось как-то не по себе от его пронизательности.

– Вы знаете, что с моим отцом? – спросила я, просто чтобы сменить тему. – Он жив? Как он?

– Жив, – фыркнул Шелтер. – Шоколадница ваша, конечно, без тебя не работает, поэтому на что он жить собирается, я не знаю.

– Ему будет трудно без меня, – пробормотала я в зачет первой попытки. Не подействовал ли еще заговоренный напиток?

– Он взрослый мужик, как-нибудь справится, если захочет, – отрезал генерал.

Видимо, пока не помогло.

– А почему вы не женаты, генерал Шелтер? – вернула я ему вопрос. – Вы ведь не женаты, насколько я понимаю?

– Не женат, – кивнул он, но отвечать на основной вопрос не торопился, предпочел потянуться за еще одной ягодкой.

– Это из-за той женщины? – предположила я тихо, чтобы случайно проходящий мимо садовник не смог бы услышать. – С которой я видела вас во дворце Магистра. Она ведь его жена, да?

– Да.

Кажется, генерал снова перешел в режим лаконичных ответов на отдельные вопросы. Стоило понять, что тема ему или неприятна, или неинтересна, но я почему-то не могла перестать спрашивать.

– У вас с ней роман?

– Роман? – насмешливо переспросил он. – Я разве похож на человека, у которого может быть роман? Я просто сплю с ней время от времени, уже давно. Когда-то давно Наризель мне очень помогла.

– Она вас намного старше.

– И что с того? Она красивая женщина, а когда мы познакомились, была еще красивее.

Впрочем, это скорее приятный бонус. Гораздо важнее то, что она очень влиятельна.

– Значит, это не любовь, а просто расчет? – уточнила я, не совсем понимая смесь охвативших меня эмоций. Разочарование странным образом переплеталось с удовлетворением, как будто генерал сказал что-то приятное и в то же время – отвратительное.

Шелтер со вздохом откинулся на спинку кресла, что сделало его позу более расслабленной.

Низко опустившееся солнце попало ему на лицо, и генералу пришлось слегка прищуриться. В уголках глаз появились заметные трещинки маленьких морщин, но зато в лучах заходящего солнца стало хорошо видно, что радужка у него все же темно-коричневая, а не черная, как иногда казалось.

– Любовь, милая, не для таких, как я, – наконец заявил он, глядя не на меня, а на опустевшую наполовину чашку с шоколадом, и слегка крутя ее пальцами. – Как и брак, и выводок детишек. Моя жизнь – война. Огонь, кровь и смерть. Сюда я приезжаю между кампаниями на две-три недели, максимум – на месяц, а все остальное время – или новое завоевание, или наведение порядка на ранее завоеванных территориях, или учения.

– Но любая война рано или поздно кончается, – возразила я.

– Для людей вроде тебя – да, – согласился генерал, не отрывая взгляд от чашки. – Моя война если и закончится, то в Ралинте.

– Где? – не поняла я.

Только тогда он снова посмотрел на меня и с улыбкой уточнил:

– Это местечко на окраине столицы, там находится мемориальное военное кладбище, где хоронят высший командный состав и иногда офицеров попроще, если они чем-то отличились. Его слова прозвучали очень буднично, без горечи и сожалений. Наверное, по-другому генерал Шелтер свою жизнь – и свою смерть – не видел. Грустно за него почему-то стало мне.

– Но ведь у вас бывают отпуска, вы сами только что сказали. Разве вам не хочется, чтобы дома вас кто-то ждал? Жена, дети? Чтобы они молились за вас, пока вы на войне, чтобы они бежали вам навстречу, когда вы приезжаете домой.

Шелтер нахмурился, как будто впервые задумался о таком варианте, и бесстрастно пожал плечами.

– Не знаю. Чтобы чего-то хотеть, надо знать, каково это. Я живу так, как живу, и другой жизни не знаю. Я в действующей армии с шестнадцати, а сейчас мне тридцать шесть, если тебе интересно. Магистрат ведет завоевательные войны с тех пор, как нынешний магистр пришел к власти, а это уже чуть больше тридцати лет. И он не остановится, пока жив. А Великие Магистры живут непристойно долго, дольше чем обычные люди и даже обычные маги. Поэтому вся моя жизнь – одна сплошная война. Меняются лишь места, армии противников, поставленные задачи и мои звания.

– Неужели вам это нравится? – не поверила я. – Жить такой жизнью. Приходить, убивать, завоевывать...

– Это моя работа, Мира, – чуть жестче перебил он. – Кто-то варит шоколад, а кто-то завоевывает территории. Впрочем, нет, есть нюанс: это служба. Я служу Магистрату, Великий Магистр отдает мне приказы. Нравятся они мне или нет, я обязан их выполнять, потому что иначе – это измена.

– И вы не хотите заняться чем-нибудь другим? – зачем-то предложила я.

– Чем? Шоколадом? – усмехнулся он. – Война – единственное, что я умею.

– Война – зло, – не удержалась я. – Вы ведь совсем не злой. Зачем вы этому потворствуете?

– Ты что, думаешь, если завтра я уйду в отставку, войны прекратятся? Пойми, милая, дело не во мне. Магистрат все равно будет идти войной на соседей. Это вопрос амбиций одного человека. Во главе его армии могу стоять я или другой генерал – не имеет значения. Завоевание будет продолжаться. Мы будем идти войной на одних, другие будут идти войной на нас – так было, есть и так будет всегда, потому что это в человеческой природе. Правит сильный, а кто сильнее можно выяснить только в драке. Кто-то должен этим заниматься, и кто-то все равно будет. Я делаю это достаточно хорошо, я решаю поставленные задачи максимально эффективно, а значит – с наименьшим количеством жертв. Пусть меня и зовут Кровавым, но лишнюю кровь я стараюсь не лить – ни своих солдат, ни чужих.

– Что-то незаметно, – проворчала я, уже чувствуя, что наш разговор уходит не туда, но совершенно теряя контроль над ним. – Вы могли пощадить тех сиранцев, но вы их убили.

Он вдруг подался вперед, упираясь локтями в стол, его лицо оказалось в опасной близости от моего, мне потребовалось все мое мужество, чтобы не отодвинуться.

– И чего бы я добился, если бы пощадил их? – вкрадчиво поинтересовался Шелтер. – Они напали на нас исподтишка, сразу убили троих моих людей и троих потеряли сами.

Предположим, я бы их отпустил или арестовал и сдал в Сиране властям, а те бы им устроили побег, неважно. У них бы появилась иллюзия, что от варнайцев можно уйти, они собрали бы новый отряд и напали бы снова. И снова погибли бы и мои люди, и их люди. А оставшихся в живых и сдавшихся в плен опять бы отпустили в Сиране. Или пусть даже не отпустили бы, а посадили в тюрьму или отправили на каторгу. История все равно повторялась бы снова и снова, каждый раз вроде с незначительными, но все-таки потерями. А шесть висельников на дороге –

это страшно и безысходно. Поверь моему опыту: история разнесется по всему Сирану, обретет новыми кровавыми подробностями, а потом выйдет за пределы страны, докатится в совершенно нереальном и ужасающем виде до других. Со временем висельников в ней станет не шесть, а шестнадцать или даже шестьдесят. И каждый мужчина в Сиране или там, куда я приду следом, подумает трижды, прежде чем ввязаться в подобную бессмысленную и безнадежную авантюру. Подумает-подумает да останется там, где и должен быть: с женой и детьми.

– Так это акция устрашения? Чтобы сломить волю чужого народа к сопротивлению? – поняла я. И не удержалась от еще одного возражения: – Но всегда будут те, кто готов бороться за свою свободу.

Странно, но сегодня мои возражения не злили его так, как накануне. Лишь вызывали улыбку или едкую ухмылку.

– Свободу? Это еще одна иллюзия, милая, общее заблуждение. Что ты называешь свободой? Сиранскую Республику, погрязшую в коррупции, где правы всегда те, кто больше платит? Или ваши религиозные догматы, по которым беременную тебя могли бы забить камнями, вздумай ты вернуться после Магистра к себе домой? Нормальная такая свобода: женщину увозят против ее воли, насилуют, боги распоряжаются так, что в ней завязывается новая жизнь – а виновата во всем она и должна понести наказание. Нет, милая, это не свобода, это просто другая диктатура. Не надо мне говорить, что Сиран и Оринград были божественной обителью на земле, а потом пришел злой я и превратил их в пекло. А Ниланд? Их монарх продал своего союзника за клочок земли размером с половину вашего города. Вот и вся его любовь к свободе и независимости. Шелтер замолчал, продолжая смотреть мне в глаза, словно ждал какой-то реакции, но у меня лишь перехватило горло от волнения. Я не знала, что возразить ему. Я и сама понимала, что жизнь в Оринграде далека от идеала, потому и хотела сбежать от нее. Но то, что говорил он, все равно казалось неправильным, только я не могла облечь в слова причины. И почему-то казалось, что генерал сам прекрасно знает, что это неправильно, потому непроизвольно повышает голос. Слово спорит с кем-то, но этот кто-то – не я.

Не дождавшись ответа, он снова потянулся за чашкой с шоколадом и продолжил:

– Я тебя уверяю, что вернись ты беременной в Оринград сейчас, никто пальцем не посмел бы тебя тронуть. И даже не важно, имело место насилие или тебя просто соблазнили и бросили. Знаешь, почему? Потому что теперь там живут по законам Магистра, а по законам Магистра за подобную расправу полагается смертная казнь. Так разве это не свобода для женщины, попавшей в подобную ситуацию? Все в мире относительно, милая, и свобода тоже. Нет абсолютного зла, как нет абсолютного добра. Мы просто каждый делаем свое дело. Он одним глотком допил приготовленный ему шоколад. Я проследила за опустевшей чашкой, возможно, слишком внимательно, а потом снова посмотрела Шелтеру в глаза.

– Отпустите меня, пожалуйста, – прошептала, надеясь, что он примет это за недоверие к собственному голосу. – Я ведь вам не нужна.

– Прости, милая, но не могу, – тихо отозвался генерал. – Ты моя награда. Награда от самого Магистра. Награда, какой он не достаивал еще ни одного военного. Такими наградами не разбрасываются.

– Можете, – так же шепотом возразила я. – Я теперь ваша собственность, вы можете мною распоряжаться. Магистр не узнает. Ему нет до меня дела.

Шелтер вдруг снова прищурился, но уже не из-за солнца, оно теперь не попадало на его лицо. Медленно опустил взгляд на чашку, снова поднял его на меня, и мое сердце практически остановилось. Во взгляде генерала промелькнуло понимание, которое тут же сменилось злостью.

– Вот, значит, как ты решила отблагодарить меня. Осторожно, милая, – теперь его голос снова звучал так же угрожающе, а взгляд прожигал, как в самом начале знакомства. – Будешь играть со мной, я могу и передумать быть добрым.

– Я не... – попыталась оправдаться я, но все слова позорно разбежались из головы. Меня все больше засасывало в темнеющие от гнева глаза, казалось даже, что солнечный свет исчезает и мир погружается во тьму.

– Я тебя спас, я же могу и погубить. Будешь плохо себя вести – сдам в бордель на обучение.

Там на невинных девиц всегда спрос имеется. А когда тебя как следует объездят, вернешься ко мне опытной и сговорчивой, наученной улаживать мужчину всеми доступными женщине

способами, и толку от тебя станет больше. Так что подумай как следует: какой жизни ты хочешь рядом со мной?

Он встал так резко, что легкое плетеное кресло опрокинулось. Шелтер не стал утруждать себя, поднимая его. Просто скрылся в доме.

С его уходом вокруг снова стало светло, только очень холодно. Я обняла себя руками, пытаюсь унять зябкую дрожь. Грудь разрывало от боли, а глаза застилала слезы. Я заставила себя вдохнуть, а следом из меня вырвалось громкое рыдание.

Глава 13

Следующие два дня я снова вздрагивала от каждого стука в дверь и даже простого шороха в коридоре. С замирающим сердцем ждала, что генерал Шелтер исполнит свою угрозу или придумает мне какое-то другое наказание. Я снова ворочалась в постели полночи или бродила по комнате как неуспокоенный дух, а днем предпочитала не попадаться никому на глаза, а потому безвылазно сидела в своей комнате.

Ничего не происходило. Изменилось лишь то, что меня больше не приглашали разделить с генералом трапезу или почтить ему вечером. Завтрак, обед и ужин госпожа Холт или Мария подавали мне в комнату. Никакого ощутимого наказания так и не последовало.

На третий день, когда госпожа Холт принесла поднос с как всегда чересчур обильным завтраком, я осмелилась спросить, можно ли мне выйти погулять в сад.

– Насколько я знаю, в комнате вас никто не запирает и ваши передвижения по дому и прилегающей территории никак не ограничены, – холодно ответила та, поджимая губы.

– То есть генерал Шелтер не очень зол на меня? – тихо уточнила я, почему-то чувствуя себя провинившимся ребенком.

Вообще-то госпожа Холт была ненамного старше меня. Наверное, примерно одного возраста с Анной Кроули. Но очень уж она напоминала строгую школьную учительницу. Услышав мой вопрос, экономка только удивленно приподняла брови.

– Мне об этом ничего неизвестно. Но если вы считаете, что разозлили его, то уместнее будет извиниться, а не прятаться в комнате. Правда, сейчас его нет дома, генерал уехал по делам.

– У него много дел, – заметила я, нервно ковыряя пальцами румяную булочку с изюмом, какие тут неизменно подавали к завтраку.

– Хватает, – лаконично отозвалась экономка. И после небольшой паузы вдруг продолжила: – Поэтому не добавляйте ему проблем. Здесь вам никто за это спасибо не скажет. Генерал и так очень рискует ради вас.

Бросив эту загадочную фразу, она резко повернулась и стремительно направилась к двери, я едва успела остановить ее вопросом:

– Рискует чем? Почему?

Госпожа Холт замерла на месте, пару секунд неуверенно потопталась, стремительно снова обернулась ко мне.

– Генерал выпросил вас у Магистра, – заметно волнуясь, пояснила она. Кажется, ей было неловко озвучивать свои мысли. – Это само по себе исключительная дерзость с его стороны.

Если узнают, что он так и... кхм... Что вы не делите с ним постель, к нему появятся вопросы.

– Какие вопросы? – искренне удивилась я. – Неужели в вашей стране спасти девушку от надругательства – это преступление?

Госпожа Холт медленно приблизилась, из-за чего у меня от страха перехватило дыхание. Очень сильно захотелось исчезнуть или спрятаться под стол, но я осталась сидеть на стуле, глядя на нее снизу вверх.

– В нашей стране считается, что Магистр не совершает преступлений, – очень тихо пояснила она. – Девушкам из коллекции оказывается честь, так у нас это называется вслух. Поэтому их не надо спасать. Если генерал Шелтер считает иначе, это повод усомниться в его лояльности. И если он пренебрегает подарком, это тоже повод усомниться в его лояльности. Вам объяснить, что может ждать генерала варнайской армии, в чьей лояльности Магистр усомнится?

Я испуганно помотала головой. Нет, мне определенно не хотелось об этом слушать.

– Тогда я снова прошу: не создавайте ему дополнительных проблем.

Она снова повернулась и направилась к двери, на этот раз я не стала ее останавливать. Как всегда с ее уходом стало чуть легче дышать. Было все-таки в госпоже Холт что-то очень похожее на генерала: та же холодная отстраненность, строгость на грани угрозы. Даже спину она держала так же прямо, как Шелтер. Наверняка и прислугой командовала с тем же хладнокровием, что он – солдатами. И похоже, она была предана ему больше, чем сам генерал – Магистрату.

– Это потому что она служит у него дольше других, – доверительным шепотом сообщила Мария, пришедшая убраться в моей комнате. В связи с тем, что я перестала из нее выходить, ей приходилось делать это при мне. – Обычно в доме главный – дворецкий, но не в нашем случае. Мне кажется, Морроу ее опасается так же, как и другие.

– А как давно она здесь служит? – зачем-то спросила я.

– Здесь-то мы все одинаково служим, – отмахнулась Мария, взбивая подушки на кровати. – Этот дом генералу достался года два назад, после второй крупной победы в новом звании. Но госпожа Холт с ним уж лет восемь. Кажется, он тогда еще майором был, когда на службу ее взял. Она была у него одна за всех.

Мария вдруг непристойно хихикнула и выразительно округлила глаза.

– Если вы понимаете, о чем я, госпожа.

Я не понимала, в чем честно ей призналась. В ответ Мария смутилась и невнятно пробормотала:

– Ну, знаете, как говорят? Постель и постелет, и согреет. Тогда-то он еще был не богат и не знатен...

Последние слова она произносила уже едва слышно, а потом и вовсе замолчала, видать, сообразив, что болтает лишнее.

В тот день поднос на кухню я вернула сама, решив, что сидеть все время в комнате – это действительно не выход. Да и не могла я долго оставаться без дела. За два дня и так едва не сошла с ума: не привыкла долго прохладиться. А значит, следовало придумать, чем я буду здесь заниматься.

Первой свои услуги я предложила, конечно, Галии, поскольку готовить умела лучше всего, да и ее не так боялась, как экономку. Но Галия только холодно ответила, что и без меня справляется. Видимо, ей влетело за то, что она пустила меня на кухню в прошлый раз. Теперь к готовке меня не подпустят.

Зато господин Юнт, садовник, оказался не против ни моей компании, ни моей помощи. Старика явно было уже не под силу ухаживать одному за столь огромным садом.

– Почему генерал не наймет вам помощника? – поинтересовалась я, пока мы вместе пропалывали от сорняков одну из клумб.

– Да не нужен ему этот сад, – с горечью признал Юнт, огорченно махнув рукой. – Не было б меня, он бы тут все на самотек пустил. Я же как? Я ж ему по наследству достался, можно сказать. Работал здесь, когда дом другим хозяевам принадлежал. Пришел сюда еще мальчиком, несколько поколений на моих глазах сменилось. Весь этот сад, можно сказать, моими руками посажен. А когда дом генералу Шелтеру достался, другую прислугу-то он распустил, ему такой штат, какой прежние хозяева держали, не нужен был. Да и вообще, предпочел он набрать новых. А меня, старика, пожалел, должно быть.

– Пожалел? – переспросила я.

– А ты посмотри на меня, – предложил Юнт. – Кому я такой теперь-то нужен?

Я скользнула по нему внимательным взглядом. Да, господин Юнт был уже очень немолод. Когда-то он, наверное, был высок и силен, но теперь ссутулился и ссохся, весь поседел. На носу его сидели очки, но он все равно подслеповато шурился. Трудно в таком возрасте себе новую работу найти, только старые хозяева и стали бы держать старика-садовника за прежние заслуги. Старые хозяева и кровавый генерал, как оказалось.

– Я ему тогда сказал, мол, не прогоняйте, ваша светлость. Я ж тут каждую травинку знаю, за тарелку каши и койку работать буду, только не гоните. Нет, так-то меня бы дочь или сын к себе взяли, но что я у них делать-то буду? Просто жизнь доживать? Да и сад жалко, я ж тут все вот этими вот руками посадил. А генерал на меня посмотрел так и говорит, мол, работайте, господин Юнт, пока силы будут, вам этот сад нужнее, чем мне. Так и сказал, да. И жалованье ни на монетку не сократил, хоть старый я уже, как раньше не могу работать. Хороший он, вот что я тебе скажу, дочка. Говорят, Кровавым кличут, но я того не знаю. Может, на войне он и суров, так то ж война. А я от него за два года слова грубого не слышал. Так-то.

* * *

Ужин мне снова подали в комнату. Я осмелилась спросить госпожу Холт о генерале Шелтере, и та ответила, что он вернулся, но сегодня ужинает с господином Нейбом. Брови у нее при упоминании управляющего странно дернулись, но я так и не смогла понять, какую именно эмоцию они пытались передать. Или скрыть.

Несмотря на внутреннее напряжение, сегодня я съела почти все поданные блюда: работа на свежем воздухе очень возбуждает аппетит. За подносом пришла уже Мария, чему я очень обрадовалась, поскольку у экономки едва ли снова решилась бы спрашивать. А так я выяснила, что господин Нейб, отужинав, поднялся в свою комнату.

– А генерал Шелтер? – заставила я себя уточнить.

– Генерал как обычно отдыхает в гостиной, – пожала плечами Мария.

Кажется, мои вопросы не вызвали у нее никаких эмоций, даже простого любопытства.

Возможно, ей тоже ничего не было известно о том, что генерал мною недоволен.

После ухода горничной я с четверть часа металась по комнате, сомневаясь в принятом еще до ужина решении. Потом все-таки заставила себя снова выйти из комнаты и спуститься в гостиную.

На счастье или на беду, генерал все еще был там. И все еще один. Сидел в том самом кресле под торшером, держа в руке бокал бренди. На его коленях лежала раскрытая книга, но взгляд генерала был устремлен на огонь в камине. По всей видимости, он о чем-то глубоко задумался, потому что даже не заметил моего появления.

– Может быть, почитать вам? – тихо предложила я, не здороваясь.

Тихо, но не шепотом. Во избежание неловкой ситуации.

Шелтер едва заметно вздрогнул от неожиданности и обернулся, но если мой визит его и удивил, то вида он не подал. Долго смотрел на меня, а потом молча встал и протянул раскрытую книгу.

Я сочла это приглашением, подошла ближе, забрала книгу и села в освобожденное кресло.

Вопреки моим ожиданиям, генерал не занял второе, а предпочел отойти к камину и остаться стоять.

– На чем вы остановились? – спросила я больше для того, чтобы заставить его заговорить.

– Читай с начала первой страницы, – лаконично велел Шелтер, не оборачиваясь.

Я принялась читать, безуспешно борясь с нервной дрожью в голосе. Справиться с волнением не удавалось: смысл текста ускользал от меня, а потому я никак не могла правильно распределить интонации, постоянно сбивалась и путала слова.

– Ладно, хватит, – оборвал Шелтер всего через четыре страницы. – Полагаю, ты сегодня слишком устала, чтобы читать.

– Простите меня, господин генерал.

– Ничего, я это как-нибудь переживу, – фыркнул он. – Почитаю сам. Раньше же справлялся.

– Я не об этом, – возразила я, борясь с желанием вскочить и убежать. – Простите, что пыталась... нашептывать вам.

Только тогда он наконец полуобернулся ко мне, но лишь для того, чтобы обжечь холодным взглядом. И как у него только получается?

– Так ты все-таки пыталась?

Я неловко пожала плечами и изобразила некое подобие улыбки.

– После вашего рассказа о шептунях я подумала: почему бы не попробовать? А вдруг получится? Простите, я не имела в виду ничего дурного. Я действительно очень благодарна вам за все, что вы для меня сделали. Просто... Я очень хотела... очень хочу домой.

– Твой дом теперь здесь, Мира, – отрезал Шелтер, снова отворачиваясь к камину. – Смирись. От того, как быстро ты сможешь это сделать, будет зависеть то, насколько хорошо ты будешь себя в нем чувствовать. Больше я для тебя ничего сделать не могу. И хочу заметить: даже это я делать не обязан.

– Я понимаю, – треснувшим голосом заверила я. – Спасибо.

Шелтер поставил почти пустой бокал на каминную полку, снова повернулся ко мне, на этот раз всем корпусом, скрестил руки на груди и уже знакомо просветил любопытным взглядом.

– Что заставило тебя попробовать? Я имею в виду, почему ты все-таки решила, что можешь быть одной из тех шептуний? Когда я рассказал тебе о них, ты выглядела совершенно уверенной в том, что к тебе это не имеет отношения.

Я смущенно опустила взгляд. Сейчас мои фантазии о «заговоренном шоколаде» казались такими глупыми, что даже думать о них было стыдно, не то что говорить. Поэтому я ограничилась частичным признанием:

– Мне однажды показалось, что я слышала предсказание в шуме ветра. Знаете, как такой... шепот. Теперь я понимаю, что просто придумала это. Хотя предсказание, как ни странно, сбылось...

– Предсказание в шепоте ветра однажды слышал и я, – огорошил Шелтер. – И как ни странно, оно тоже сбылось. В каком-то смысле. Полагаю, это ничего не значит. Может быть обычным совпадением. Или самообманом.

Я вскинула на него удивленный взгляд.

– А что вам предсказали?

На лице генерала промелькнуло странное выражение. Какое-то... болезненное, словно воспоминание о том случае или о самом предсказании было ему крайне неприятно. Он едва заметно поморщился и отмахнулся.

– Неважно. Я до сих пор не уверен, что это не было обычной галлюцинацией. Я в тот момент... был не в лучшей форме. Возможно, это было и не предсказанием вовсе, просто внутренним решением. Говорят, если что-то твердо для себя решил, реальность может под тебя подстроиться и подсунуть вариант достижения цели. То ли магия, то ли ты просто начинаешь замечать соответствующие возможности, которые пропускал прежде.

Я на всякий случай кивнула, хотя ровным счетом ничего не поняла.

– Расскажи, что и как ты делала, чтобы... нашептать мне? – неожиданно попросил Шелтер. – Только во время нашего разговора прошептала просьбу, чтобы я тебя отпустил?

Я снова смутилась, на этот раз, вероятно, даже покраснела. По крайней мере, я почувствовала, как жар из груди поднялся по шее к лицу, заставив кожу щек запылать.

– Нет, сначала я нашептала эту просьбу шоколаду, – призналась едва слышно.

– Кто тебя научил так делать? – продолжил интересоваться генерал.

Он все еще сверлил меня взглядом, я чувствовала его, хоть и не отрывала глаз от лежащей на коленях книги.

– Никто... То есть... Я не была уверена, что это поможет. Просто мама всегда шептала добрые пожелания гостям, готовя шоколад. Вот я и подумала... Вдруг это работает?

– Интересно, – пробормотал Шелтер, наконец опускаясь во второе кресло.

И сразу перестал давить на меня своим немаленьким ростом. Я облегченно выдохнула и вопросительно покосилась на него.

– А что именно интересно?

– То, что я не почувствовал вообще никакого магического воздействия, – пояснил Шелтер, задумчиво поглаживая подбородок. – Знаешь, даже в день нашей первой встречи я ощутил нечто... Легкое такое, почти невесомое. Я еще подумал, что это какой-то оберег фонит или наложены слабенькие охранные чары, скажем, от несчастного случая... Или просто кто-то неподалеку колдует, и вибрации долетают. Но в тот раз что-то определенно было. А в этот – вообще ничего.

– А как же вы тогда поняли, что я пытаюсь вам нашептать? – удивилась я.

– Из тебя очень хреновый конспиратор, – хмыкнул он. – Слишком в лоб ты действовала. Надо было хотя бы пару дней выждать после нашего разговора, усыпить мою бдительность. Может быть, нашептывать не так, чтобы я слышал, а исподволь, тихонечко. Тогда даже если бы я почувствовал воздействие, я бы не смог сразу понять, откуда оно и к чему ведет. Наверное. Но что-то ты сделала не так, раз воздействие не возникло.

– Просто никакая я не шептунья, – вздохнула я.

– Возможно, – кивнул генерал. – Зато я не ошибся в другом. Ты боец. Просто пока не тренированный, а потому – слабый. Но ты хотя бы пытаешься что-то делать.

– То есть... вы на меня не сердитесь? – уточнила я настороженно.

Совершенно неожиданно для меня Шелтер... улыбнулся.

– В бордель, так и быть, не сдам, если ты об этом, – заверил он. – Я не сержусь, милая. Просто тогда обидно стало. Знаешь, меня сложно назвать наивным человеком. Но я совершенно не ожидал подвоха от тебя и поверил в то, что ты действительно приготовила шоколад, чтобы сделать мне приятное. Я не на тебя разозлился, а на себя. За то, что позволил себе обмануться. После его слов мне стало по-настоящему стыдно.

– Простите, – повторила я, не зная, что еще сказать.
– Хватит уже извиняться, – велел он. – Если отбросить в сторону эмоции, ты почти все сделала правильно. Кроме главного. Никогда не выступай против того, кто может тебя уничтожить щелчком пальцев, если не уверена в своих силах. По таким противникам надо бить один раз и наверняка. Поэтому не советую тебе пока воевать со мной. Лучше почитай мне еще немного.

Глава 14

На следующее утро я убедилась в том, что официально прощена: завтракать меня пригласили в столовую, компанию мне составляли сам Шелтер и Керам Нейб. Последнее время от времени недобро поглядывал в мою сторону, но причин его неприязни я так и не смогла понять: комментариев он себе не позволял.

Зато госпожа Холт подарила мне несколько сдержанных улыбок, а во второй половине дня Галия снова пустила на кухню: она вдруг решила попробовать приготовить шоколад сама, и я понадобилась ей для надзора и подсказок. Получилось у нее просто замечательно. Поскольку генерал с управляющим снова куда-то уехали, все слуги, включая старого садовника, собрались на террасе ради чашки сладкого бодрящего густого горячего шоколада. Меня гнать не стали, и я неожиданно для себя поняла, что начинаю чувствовать себя среди этих людей почти так же уверенно, как дома.

Так и пошло с того дня. По утрам мы завтракали с Шелтером, иногда к нам присоединялся Нейб, потом генерал уезжал – по делам ли, в гости или еще куда. Я помогала старому Юнту в саду или Галии на кухне, в остальное время гуляла или читала.

С Марией наконец удалось договориться называть друг друга по именам, без «госпожи», помощь с переодеванием она больше не предлагала. Госпожа Холт показала библиотеку и полки, с которых можно брать книги, а господин Юнт каждый раз после совместной работы дарил мне небольшой букет, а потому вазы в моей комнате постепенно заполнились, как и книжные полки. Кухарка Галия учила меня готовить изящные закуски, сложные гарниры и мясные блюда, а я ее – шоколадные конфеты. Даже строгий дворецкий Морроу улыбался каждый раз, когда мы встречались, а камердинер генерала и вовсе пытался флиртовать.

Поначалу меня это напрягало, но потом я поняла, что у него просто такая манера общения: точно так же он флиртовал с Марией, госпожой Холт и Галией.

Не складывалось у меня только с Гленом, но судя по всему, с ним ни у кого не складывалось.

Столь желчного молодого человека мне еще не доводилось встречать, поэтому я старалась лишний раз с ним не пересекаться, особенно наедине. Через пару дней он все же убедился в том, что был прав насчет меня: написал в столицу Мег и расспросил ее, а та ему рассказала обо мне в подробностях. Но к тому моменту это уже не имело значения: всем в доме генерала было очевидно, что я для него не постельное развлечение. Хотя кто я для него, я и сама не понимала. Остальные, кажется, воспринимали меня как бездомного котенка, которого Шелтер подобрал на улице по доброте душевной, притащил домой и оставил жить, себе и другим на радость.

Примерно так ко мне и относились: бегают что-то такое по дому, никому не мешает, проблем не создает, иногда к ногам льнет – так можно и погладить или поиграть.

По вечерам мы ужинали с Шелтером, чаще всего вдвоем. Иногда – на террасе, что нравилось мне гораздо больше шикарной огромной столовой. Здесь было как-то... по-домашнему, что ли. И я совсем не стеснялась есть одной вилкой и держать ее в правой руке. Шелтер почти переставал походить на генерала, иногда забывался и смеялся, если мне удавалось удачно пошутить.

С каждым днем я все больше убеждалась в том, что ему вполне достаточно моей компании и непринужденных разговоров по утрам и вечерам. И все чаще ловила себя на мысли, что мне нравится разговаривать с ним. Да, порой его слова были резки и неприятны, чересчур циничны или откровенно грубы, но его прямота меня парадоксальным образом очаровывала. Он был честен и со мной, и с самим собой, не стремился обелить или оправдать себя, но и к самобичеванию не склонялся. Он называл вещи своими именами, заставляя меня задумываться о многом из того, что раньше я принимала на веру. Шелтер был старше меня на тринадцать лет, но порой мне казалось, что между нами пропасть в несколько жизней. Только слушая его

рассказы о войнах, в которых он участвовал, о странах, в которых побывал, я в полной мере осознала, какой примитивной и ограниченной жизнью жила, как мало в ней происходило. Однако генерал расспрашивал о ней с неподдельным интересом. О жизни в Оринграде, о работе в шоколаднице, об отце и матери, о том, с кем я дружила и что любила делать в свободное время. О себе на подобные вопросы никогда не отвечал. Ни слова о родителях, ни слова о детстве. Как будто он появился на свет уже шестнадцатилетним военным, но даже о том времени не любил вспоминать. Все его рассказы касались последних десяти лет.

В один из дней я набралась смелости и спросила, знает ли он, что стало с теми девушками, которых привезли из Оринграда вместе со мной. Мы сидели после ужина на ступеньках террасы, пили вино (после пары совместных ужинов я все-таки осмелилась начать его пробовать) и наблюдали за тем, как садящееся солнце заливает засыпающий сад расплавленным красным золотом, как краски постепенно блекнут, растворяются в сгущающихся сумерках. Мы сидели рядом, бок о бок, не касаясь друг друга, но я при этом испытывала странную, непривычную близость. Наверное, в других условиях я бы так и не решилась спросить. Шелтер какое-то время молчал, перекатывая в бокале вино, а потом все-таки ответил:

– Магистр их всех одобрил, они сейчас живут в доме коллекции.

– А что с ними будет дальше? – спросила я тихо, сжимая свой бокал слишком сильно.

Шелтер пожал плечами.

– Как я уже говорил, самое позднее через полгода их отпустят. Когда Магистр убеждается в том, что женщина ему больше не нужна, он дарует ей свободу.

– Свободу? – горько переспросила я.

Шелтер повернулся, посмотрел на меня привычно строго и повторил:

– Да, свободу. По законам Магистрата те, кого привезли с завоеванных территорий, становятся рабами. В прежние времена, когда Варнай только начинал завоевания, в рабов превращали целые племена. Абсолютно все население завоеванной территории теряло или жизнь, или свободу. Сейчас иначе. Проигравшая сторона откупается деньгами, ресурсами, потерей независимости, сотней рабов, как правило мужчин или мальчиков, и парой десятков наложниц. Женщины, попадающие к Магистру, через определенное время восстанавливаются в гражданских правах. Это единственный подарок, который они получают от Магистрата: право вернуться домой или остаться свободной гражданкой в Варнае.

– Но что они делают дальше? – продолжала недоумевать я. – Если все знают, что с ними было. Как они с этим живут?

– По-разному, я полагаю, – пожал плечами Шелтер. – Пойми, не весь мир похож на Оринград. Некоторые просят отвезти их домой – это желание исполняется. Как они живут там дальше – этого я не знаю, но, наверное, как-то живут. Другие предпочитают остаться в Варнае или переезжают в город поменьше, но на территории Магистрата. Иногда идут в прислугу, но чаще выходят замуж...

– Замуж? – удивилась я. – После... После такого?

Шелтер снисходительно улыбнулся.

– Это в Оринграде мужчины, судя по всему, так не уверены в себе, что кроме девственниц замуж никого брать не хотят, чтобы их, не приведи Тмар, не сравнили с другим и сравнение не вышло не в их пользу. В Магистрате жениться на женщине из коллекции Магистрата – это очень... популярно среди определенных слоев населения. Мелких дельцов, торговцев, мастеров. Понимаешь, считается, что Магистру привозят лучших, самых красивых иноземок, это раз. Магистр для варнайцев – безусловный лидер, отец народов, практически полубог. Взять в жены женщину, с которой он спал... Не знаю, как тебе это объяснить, ты едва ли поймешь. Но это ценнее любой девственницы.

Он был прав: я не понимала. И еще меньше я понимала, как вообще можно выйти замуж, как можно снова лечь с мужчиной, если кто-то другой брал тебя против твоей воли. Это не укладывалось в моей голове.

– Конечно, бывают и менее радужные ситуации, – признал Шелтер тем временем. – Иногда Магистр остается очень недоволен коллекционной девушкой, тогда он не восстанавливает ее в правах. Она или остается рабыней со всеми вытекающими отсюда последствиями, или отправляется в бордель. Тогда все кончается очень плохо.

Я молча смотрела в свой бокал, уже жалея, что начала задавать вопросы. Солнце село, и, наверное, именно поэтому стало очень холодно.

– А что происходит с теми, кого Магистр не выбрал? – все же спросила я после небольшой паузы.

Разговор угнетал, но неведение пугало сильнее. Отчего-то хотелось знать, какой именно участи мне удалось избежать.

– По-разному. Магистр может подарить девушку кому-то из верхней ложи. В качестве наложницы или обычной рабыни. Но как я уже говорил, это происходит редко. Если понравишься Драгзу, есть вариант приласкать его, за это он тихонечко вернет тебя туда, где взял. Если понравишься Драгзу, но не приласкаешь его, он превратит твою жизнь в пекло: отправит в качестве рабыни на самые тяжелые работы. В отдельных случаях, если девушка не стодилась ни Магистру, ни в качестве подарка, ни самому Драгзу, то ее просто... выставляют за дверь. Доберется до дома – молодец, снова станет свободной. Не доберется – ее проблемы. Я непроизвольно поежилась. Теперь действительно стало понятнее, от чего именно меня спас Шелтер. И хотя внутренний голос велел молчать, я все-таки задала свой последний вопрос: – Вы бы стали мне помогать, если бы я понравилась Магистру? Вы бы попросили меня себе? Генерал сделал большой глоток вина, глядя туда, где солнца уже не было видно, но небо еще оставалось расцвечено во все оттенки алого.

– Не знаю, – честно ответил он. – По крайней мере, тогда бы у тебя был шанс вернуться домой свободной женщиной, а я тебе свободу дать не могу. Это привилегия Магистра. Если бы ты смогла переступить через себя и не сопротивляться слишком сильно...

– Но я бы не смогла! Да и к чему мне тогда была бы свобода? Без чести...

– Милая, запомни раз и навсегда, – неожиданно резко велел Шелтер, поворачиваясь ко мне, – никто не может лишить тебя чести насильно. Тебя могут унижить, растоптать, изнасиловать, избить, но единственный, кто теряет честь в данном случае, – тот, кто утверждает свою силу за счет твоей слабости. Твоя честь не в невинности, забудь этот свой религиозный бред. И не в том, чтобы не позволить плохому случиться с тобой. Иногда человек просто не способен повлиять на обстоятельства. Честь в том, как ты принимаешь то, что с тобой происходит, и как живешь потом. Сломалась или ожесточилась, решив, что теперь у тебя есть повод умереть или мучить других, едва появится возможность, – все, ты проиграла свою честь обстоятельствам. Нашла силы подняться из грязи и вернуться к прежней себе или даже подняться выше – поздравляю, ты с честью вынесла посланное испытание. Уверен, если Тмар существует, он оценит.

Он замолчал и отвернулся. Его дыхание участилось, но лишь это выдавало охватившие генерала эмоции, лицо его оставалось спокойным.

– Мир сложнее, чем тебе кажется, Мира, – продолжил он чуть тише и мягче. – Я знавал шлюх, которые шли в бордель и продавали себя чужим мужчинам, потому что только так могли одеть и накормить детей, когда их муж погибал или хуже того – просто сбежал. И видел вдов, что выходили замуж второй раз за мужчин, которые постоянно издевались над их детьми от первого брака, а они закрывали на это глаза ради собственного комфорта и безопасности. Мнимого статуса честной женщины. И знаешь, первые вызывали у меня больше уважения, чем вторые.

Генерал Шелтер снова посмотрел на меня, и в его темных глазах в тот момент горел такой огонь, что меня натурально бросило в жар.захотелось одновременно отодвинуться подальше, чтобы не опалило, и придвинуться ближе, ободряюще коснуться мужчины, сидящего рядом, потому что я чувствовала: в этом огне горит какая-то личная боль, которую он не позволяет себе озвучить. Может быть, мне только так казалось.

– Нет бесчестия в том, чтобы уступить обстоятельствам, милая. Уступить, чтобы выжить, если тебе есть ради кого или ради чего жить. Всегда помни об этом. И никогда ничего не бойся. Любое страдание – временно, каким бы ужасным ни было, оно заканчивается. Все, что не убивает, делает тебя сильнее. И злее. А то, что тебя однажды убьет, навсегда лишит любых проблем, подарит покой, о каком при жизни каждый из нас может только мечтать.

Отставив в сторону бокал, генерал неожиданно поднялся на ноги и попрощался:

– Спокойной ночи, милая.

Дней через восемь после примирения с генералом, снова помогая Юнту в первой половине дня, я с удивлением заметила в парке, начинавшемся за садом, капитана Морана. Даже хотела подойти и поздороваться, но оказалось, что он о чем-то эмоционально говорит с Керамом Нейбом, а тому лишний раз на глаза я показываться по-прежнему не хотела. Я поторопилась уйти подальше, чтобы меня не заметили, и только после задалась вопросом: как Моран здесь оказался и какие дела могут связывать его с управляющим генерала?

Ответ на первый вопрос получила уже вечером: выяснилось, что сегодня генерала решили навестить несколько друзей, в том числе и капитан Моран. Я уже достаточно хорошо знала дом, чтобы успеть занять удобную позицию, с которой хорошо просматривался холл и было совсем не видно меня, а потому спокойно тайно наблюдала за тем, как генерал, надевший по такому случаю военную форму, приветствует своих гостей.

Помимо капитана Морана, Шелтера навестил еще один условно знакомый мне офицер. Один из тех, кого я видела тогда в городском доме генерала. Тот самый, что узнал меня, поскольку мельком мы виделись еще у стен Оринграда. Третий гость был мне совершенно незнаком. Он выглядел гораздо старше остальных, и его Шелтер приветствовал как-то особенно тепло. Или мне так просто показалось.

Мужчины исчезли в направлении любимой гостиной хозяина, а я отправилась на кухню. Пока генерал проводит время с гостями, я могла спокойно заниматься своими делами, а мне еще пару дней назад пришла в голову идея новой подачи горячего шоколада, которую я теперь могла попробовать воплотить в жизнь.

Гости Шелтера не вызвали на кухне никакой суеты. Даже наоборот. Оказалось, что генерал и его товарищи коротают подобные вечера за сигаретами, бренди, картами и холодными закусками, которые удобно положить в рот целиком. Галия все подготовила заранее и теперь только выкладывала на большие блюда, а Глен относил их в гостиную по мере опустошения предыдущих.

– Потом через часик или два, когда им надоест хлестать бренди, останется только подать кофе, – объяснила мне кухарка расслабленно. – Так что ежели тебе нужна плита, колдуй на здоровье, а мы с удовольствием потом попробуем результат. Что у тебя сегодня?

– Цветы, – лаконично отозвалась я, загадочно улыбаясь. – Есть зефир?

Галия оказалась так заинтригована, что зефир у нее нашелся в избытке. Я растопила его, чтобы соединить в однородную массу. Когда та немного остыла, раскатала ее в большой пласт, из которого ножом вырезала десятка полтора цветков, похожих на крупные ромашки. Эту идею подал мне сад Юнта: многие цветы в нем закрывались на ночь и постепенно распускались вновь с первыми утренними лучами солнца.

Я уже собрала с десятков «бутонов», поместив их основания в маленькие шоколадные чашечки размером с наперсток, когда Глен вернулся с очередной опустевшей тарелкой из-под нанизанных на шпажки кусочков ветчины, сыра и хлеба и сообщил:

– Они хотят шоколада.

Мы с Галией, которая помогала делать новые шоколадные «наперстки», одновременно вскинули головы и удивленно посмотрели на него.

– Горячего шоколада, – уточнил Глен, выразительно глядя на меня. – И чтобы ты сама его подала. Кажется, господа офицеры жаждут твоей компании.

По его губам скользнула сальная улыбочка, от которой мне стало не по себе. Впрочем, сегодня у меня уже не было оснований подозревать, что генерал заставит развлекать компанию своих друзей каким-то непристойным образом. Уж если он ни разу не воспользовался мной сам, едва ли станет отдавать друзьям. Поэтому в обморок я падать не торопилась, лишь подскочила и снова метнулась к плите, лихорадочно соображая, какой вариант приготовить.

Остановилась на умеренно сладком и средне-густом, с терпкими нотками и добавлением ароматной корицы. Разлила по четырем чашкам, которые Галия помогла разместить на подносе. Немного подумав, я все же решила поставить на поднос и маленькую тарелку с четырьмя зефирными «бутонами».

Пока я шла к гостиной, неся в руках грузеный поднос, сердце все равно тревожно билось, а руки едва заметно подрагивали, из-за чего изящные чашки из тонкого фарфора пронзительно позвякивали о блюдца.

Глен проводил меня до гостиной и открыл дверь, но внутрь я вошла одна. Вошла и замерла у порога, пригвожденная к месту четырьмя парами глаз. Все разговоры мгновенно стихли, лишь приглушенная музыка, доносившаяся из смешного аппарата, стоявшего в углу, продолжала играть.

Мужчины сидели, разделившись на две пары. Генерал Шелтер и его самый старший гость – за одним небольшим столиком, на котором между ними стояла клетчатая доска с какими-то фигурами. Капитан Моран и еще один молодой офицер – за другим столом, они играли в карты. В гостиной было довольно жарко, поэтому Моран и его партнер по игре сняли мундиры и расстегнули несколько верхних пуговиц на рубашках. Генерал и его старший товарищ переносили жару лучше и целостность формы не нарушили. В воздухе висел сигаретный дым и пахло алкоголем, что всколыхнуло не самые приятные воспоминания, и сердце в моей груди снова тревожно трепыхнулось.

Первым опомнился Моран: вскочил с места, за считанные секунды оказался рядом и перехватил тяжелый поднос.

– Давай, я сам поставлю.

Он отнес поднос на большой круглый стол, которого обычно я в этой комнате не видела, но сегодня на нем были расставлены закуски и напитки. Нашлось местечко и для шоколада. Пока капитан занимался моей ношей, ко мне подошел второй молодой офицер, улыбающийся мне как старой знакомой.

– Добрый вечер, Мира. В прошлый раз мы не успели познакомиться, ты слишком быстро упала в обморок. Позволь представиться – майор Анжей Винт.

Он протянул мне руку, и я подала ему свою. Майор слегка сжал ее и тут же наклонился, коснулся губами тыльной стороны ладони.

– Совершенно очарован, – понизив голос, сообщил он, глядя мне в глаза явно с каким-то намеком.

Мне совершенно не хотелось разбираться, с каким именно, поэтому я торопливо высвободила руку и отвернулась, тем более ко мне как раз подошли генерал Шелтер и четвертый мужчина. Он, наверное, был даже старше моего отца, но оставался подтянутым и в какой-то степени привлекательным. Карие глаза светились симпатией, губы кривились в дружелюбной улыбке. Мужчина смотрел на меня с плохо скрываемым любопытством и какой-то... радостью, что ли. Причины второго я не понимала.

– Мира, позволь представить тебе полковника Олдриджа Лингора, моего доброго друга и наставника. Он очень хотел с тобой встретиться.

Голос генерала Шелтера, когда он представлял мне старшего товарища, прозвучал непривычно мягко.

– Я слышан о вас, барышня.

Полковник Лингор легонько поклонился и протянул ко мне сразу обе руки. Я неосознанно повторила его жест, и он сжал мои ладони в своих. Хоть целовать не стал. Голос его тоже звучал очень мягко и даже, я бы сказала, нежно, как будто лаская. Но не как мужчина ласкает женщину, а скорее как мать – ребенка.

– И очень хотел увидеть своими глазами. И попробовать ваш шоколад. Очень надеюсь, что вы составите нам компанию, хотя бы ненадолго.

Я перевела вопросительный взгляд на Шелтера, не зная, чего от меня ожидают: чтобы я осталась или вежливо откланялась и исчезла с глаз долой. Генерал едва заметно кивнул, и я снова перевела взгляд на полковника.

– Конечно. Очень приятно познакомиться. Вы угощайтесь шоколадом, пока он не остыл. Он сегодня особенный.

Шелтер рядом выразительно кашлянул и посмотрел на меня, чуть нахмурившись. Я поторопилась заверить:

– Не настолько особенный. Просто я добавила к нему кое-что необычное.

Заинтригованные, мужчины вместе со мной переместились к столику. Я указала им на тарелочку с «бутонами».

– Вот, положите это в чашку.

Полковник Лингор первым последовал моему совету. От высокой температуры содержимого чашки тонкостенный шоколадный «наперсток», державший «бутон», растаял и зефирный

цветок раскрылся, ложась водяной лилией поверх горячего шоколада. Мужчины охнули и рассмеялись. Все, кроме генерала, конечно.

– Потрясающе, – похвалил Лингор. – Настоящая магия. Тебе с ней повезло, Оллин, надеюсь, ты это понимаешь.

– Угу, каждый день умираю от восторга и радости, – хмыкнул Шелтер с едкой ухмылкой. Меня это совершенно не обидело. Тем более генерал, как и все, взял себе чашку с тающим зефирным цветком и отнес к своему месту. После чего придвинул стул для меня, предлагая сесть рядом с ним и полковником.

– Мира, иди лучше к нам! – позвал майор, тасуя карты. – Мы возьмем тебя в игру, а в шахматы втроем играть нельзя.

– Нет, она будет сидеть здесь и смотреть, как я играю, – неожиданно резко осадил его генерал, жестом приглашая меня садиться.

– Но почему? – тоном обиженного ребенка протянул Моран.

– Потому что я так хочу, – отрезал Шелтер, садясь в свое кресло.

Полковник Лингор снова улыбнулся, майор Винт вздохнул, а капитан Моран махнул рукой, веля майору сдавать.

– Значит, ты родом из Оринграда, Мира? – уточнил Лингор, переставляя на доске фигуру в форме коня.

Я не знала правил игры, в которую они играли, поэтому с любопытством изучала доску, уставленную красными и черными слонами, конями, человечками и каким-то еще непонятными фигурками.

– Да.

– Шоколад – это просто твоя бывшая работа или настоящая страсть?

Вопрос прозвучал для меня непонятно, поэтому я пожала плечами, наблюдая за тем, как Шелтер передвинул фигуру другого цвета – слона – на квадратик, где стоял человечек. Последний поле просто покинул.

– А в чем смысл этой игры? – поинтересовалась я и потому, что мне было любопытно, и потому, что совершенно не хотелось и дальше отвечать на вопросы о себе, каким бы положительным ни казался полковник Лингор.

– В общем-то, все как на настоящей войне: две армии идут друг на друга, но всем солдатам умирать не обязательно. Достаточно загнать в угол короля и свергнуть его, – ответил Шелтер.

– Свергнуть? – переспросила я.

Полковник Лингор более подробно объяснил мне название фигур, как они ходят, что означает «поле биты», как одна фигура «убивает» другую, что такое «шах» и что такое «мат». За это время они с генералом успели сделать по несколько ходов.

– А почему вы не убиваете коня полковника? – спросила я у генерала, когда мне показалось, что я разобралась с игрой, но Шелтер вдруг пошел совсем не так, как я того ожидала.

– Потому что потеряю ферзя, – невозмутимо пояснил генерал, неторопливо доставая из шкатулки сигарету, пока полковник обдумывал ответный ход.

– Но если вы его не убьете, вы потеряете пешку, – заметила я.

Полковник Лингор тихонько рассмеялся, но как-то невесело.

– Как верно заметил Оллин, здесь почти все как на настоящей войне: иногда приходится жертвовать пешками, чтобы достичь главной цели.

Заявив это, он... не тронул пешку, а просто переместил своего ферзя. Я нахмурилась, вновь ничего не понимая. Вопросительно посмотрела сначала на полковника, а потом и на генерала. Последний улыбнулся мне сквозь облачко дыма, от которого я невольно закашлялась. До сих пор не понимала, как он может так спокойно вдыхать столь едкий дым. У меня от него перехватывало горло.

– Как я уже сказал, необязательно погибать всем, надо только поставить в безвыходное положение короля и напасть на него, – спокойно пояснил генерал. – Для этого необходимо стратегически верно разместить фигуры на доске, а потом объявить шах и мат.

– Оллин, тебе стоит научить девочку игре, – предложил вдруг Лингор.

– О, нет-нет, – запротестовала я. У меня и так голова шла кругом от противоречивых правил. – Генералу будет неинтересно со мной играть.

– Я бы с этим поспорил, даже на деньги, – тихо хмыкнул полковник, бросая на генерала насмешливый взгляд исподлобья.

Тот сделал вид, что ничего не заметил.

– Я никогда не смогу у него выиграть, – пояснила я свое предположение.

– У Оллины никто не может выиграть.

И вопреки собственному заявлению несколько минут спустя полковник Лингор объявил генералу Шелтеру шах и мат.

– Вот видишь, тебе все еще удастся меня обыграть, – проворчал генерал, явно недовольный проигрышем.

– Тут главное правильно использовать отвлекающий маневр, – рассмеялся полковник и почему-то подмигнул мне.

Они снова расставили фигуры, поменявшись на этот раз их цветами, и играли еще какое-то время, честно пытаясь объяснить мне, почему делают тот или иной ход, но у меня от обилия сигаретного дыма разболелась голова, я начала слишком заметно кашлять, и генерал велел мне идти.

– Не будем травить девушку. Иди, милая.

Я с облегчением подскочила, забрала с обоих столиков опустевшие чашки и торопливо унесла их вместе с подносом, только в коридоре переводя дыхание.

Интересно, с чего этому полковнику так захотелось со мной познакомиться? Любит горячий шоколад, в отличие от Шелтера?

Посмотрев на четыре пустые чашки, я мысленно отметила, что любит или нет, а уже третий раз генерал Шелтер выпил приготовленный мною шоколад до дна.

* * *

На кухне меня, конечно, ждали с расспросами, причем не только Галя, но и Мария. Однако мой скупой рассказ – шоколад попробовали, остались довольны, господа играют в шахматы и в карты, курят и пьют – их как будто немного разочаровал. Интересно, чего именно они ожидали? В качестве компенсации я сварила еще несколько порций, добавив в каждую распускающийся зефирный цветок. Галя и Мария пришли в такой же восторг, как и господа офицеры. Даже дворецкий Морроу расплылся в довольной улыбке. А я взяла поднос поменьше, чтобы отнести чашку горячего шоколада и маленькое блюдечко с цветком господину Юнту. Судя по свету в оранжерее, тот, невзирая на поздний час, продолжал возиться там.

Старик как всегда был заметно тронут, и заболтал меня на добрых двадцать минут, успев за это время осушить чашку, поэтому я забрала ее обратно на кухню.

Едва вернувшись в холл, я заметила Глена, который пересекал его с очередным пустым блюдом из-под закусок. Встречаться с ним наедине не хотелось, вредный лакей никогда не упускал случая сказать гадость в такой ситуации, отпустить сальную шуточку или сделать многозначительный мерзкий намек. Поэтому я торопливо нырнула в небольшую нишу в стене, прикрытую гобеленом, чтобы он меня не заметил. Подобных укрытий хватало по всему дому, и я ими порой пользовалась, чтобы избежать неприятных встреч с лакеем или управляющим. Звук шагов Глена вскоре растворился в тишине, и я уже собиралась выскользнуть из ниши и продолжить путь на кухню, когда шаги вдруг послышались вновь. Я замерла, осторожно отодвинув ткань гобелена, чтобы посмотреть, кто идет на этот раз. Если Мария или госпожа Холт, можно больше не прятаться.

Еще не увидев идущего, я уже поняла, что мне не повезло: к звуку шагов примешивалось мерное постукивание трости. Холл от входной двери к лестнице пересекал господин Нейб. С ним мне хотелось встречаться не больше, чем с Гленом, поэтому я решила дожидаться, когда уйдет и он. Но мне опять не повезло: не успела в холле воцариться полная тишина, как его покой снова был нарушен, на этот раз приближающимися голосами.

Голос Шелтера я, конечно, узнала сразу, а прислушавшись, поняла, что разговаривает он с полковником Лингором.

– Не знаю, куда она делась. На кухне сказали, что пошла к Юнту в оранжерею, но в оранжерее уже погашен свет, значит, оттуда они оба ушли. В комнате ее нет, а где еще искать – не знаю. Она любит прятаться.

– Сложно ее винить за это, – хмыкнул полковник Лингор.

Я вновь одним глазом выглянула в щелочку между стеной и гобеленом: генерал и полковник остановились прямо напротив моего укрытия. По обрывку их разговора стало понятно, что

говорят они обо мне – для чего-то Шелтер велел меня найти – но как бы любопытно ни было, выскочить сейчас из ниши казалось плохой идеей.

– Ты уж не обижай девочку, Олли, – мягко попросил полковник, с улыбкой глядя на младшего товарища. – Сам понимаешь, через что ей пришлось пройти. Она еще нескоро отойдет и свыкнется с тем, как изменилась ее жизнь.

Шелтер скрестил руки на груди и недовольно посмотрел на Лингора.

– Ничего по-настоящему ужасного с ней случиться не успело, – отрезал он. – И вообще, ладно она, перепуганная дуреха, шарахалась от меня, как Варег от священного круга, но ты-то... Я на твоей памяти хоть одну девочку когда-нибудь обидел?

– Ну-ну, не злись, – полковник отечески похлопал генерала по плечу. – Я же не об этом. Просто имей в виду: она не солдат, у нее от твоего сурового вида сердечко небось так и заходится в ужасе. Она же тебя совсем не знает. Это я вижу, что ты к ней искренне привязался...

– Ни к кому я не привязался, – буркнул Шелтер, глядя в пол.

В сочетании с его комплекцией и генеральской формой выглядело это до того забавно, что мне пришлось зажать себе рот рукой дабы не рассмеяться.

– А зачем ты тогда ее себе попросил? Зачем спас от Магистра? Сколько девиц ты ему привез за это время? Тебе это никогда не нравилось, но ты не вмешивался. Ты мог получить за свою победу очень многое, но ты предпочел получить ее. Почему?

– Да я сам не знаю! – немного раздраженно отозвался Шелтер, расплетая руки и делая несколько шагов вперед, чтобы не разговаривать с Лингором лицом к лицу. – Варег за руку дернул, не иначе.

Шелтер остановился и неожиданно прижал обе ладони к лицу. Будь на его месте ребенок, я бы решила, что он собирается заплакать, но от генерала такого ждать не приходилось. Он лишь растер лицо руками, отнял их и неожиданно тяжело вздохнул.

– Я видел, как ее забирали, – признался он тихо, не поворачиваясь к Лингору. – Моя машина ехала по той же улице, и нам пришлось остановиться, потому что Драгз своим фургоном перегородил дорогу. Я смотрел, как ее забирают и... Воспоминания ожили. Снова. Так ярко и четко. И так... больно. Как будто все случилось вчера.

– Понимаю, – кивнул Лингор, сверля взглядом затылок генерала. – Но разве она была рыжей? Шелтер покачал головой.

– Нет, не была. Мира на нее вообще не похожа, дело не в этом.

– Да, конечно, – снова с пониманием кивнул полковник. – Но в этом нет ничего страшного, Олли. Нет ничего страшного в обычных человеческих привязанностях, в чувствах. Она славная девочка, вы можете очень помочь друг другу. Ей нужна защита, а тебе нужно, чтобы кто-то наконец согрел твое сердце. Потому что сколько бы женщин ни грело твою постель, тебе всегда будет чего-то не хватать, пока хотя бы одна не дотянется до сердца. Тебе нужна причина жить, Олли. Кто-то, ради кого ты будешь жить.

– Мне есть ради чего жить, – возразил генерал.

– У тебя есть то, ради чего ты готов умереть. Это не одно и то же.

Шелтер упрямо покачал головой.

– Все это очень некстати, Олдридж. Не вовремя. Сейчас плохой момент для привязанностей и чувств. Они делают тебя слабым. Уязвимым.

– Олли, сколько уже длится это твое «сейчас»? – все тем же мягким, отеческим тоном спросил Лингор. – И сколько оно еще продлится? Так ведь и жизнь пройдет незаметно. Останешься старым одиноким воякой, как я. Не повторяй моих ошибок. Бери, что тебе боги посылают, и не сомневайся.

Шелтер раздраженно фыркнул и обернулся к нему.

– Так все-таки «не обижай» или «бери и не сомневайся»?

– Ты прекрасно понял, что я имею в виду, – с укоризной парировал Лингор. – Отключи уже кровавого генерала и позволь себе хотя бы немного побыть мужчиной.

На мое удивление, Шелтер лишь снова опустил глаза и смиренно кивнул.

– Я передам ей, что ты хотел попрощаться.

Они пожали друг другу руки и коротко обнялись. Полковник тихо сказал Шелтеру еще что-то вроде: «Будь осторожен», после чего ушел.

Генерал почему-то не торопился покинуть холл. Теперь я видела его плохо, но слышала, что он расхаживает взад-вперед. Остановился только тогда, когда послышался приближающийся стук каблучков.

– Ты звал? – мягко поинтересовался голос госпожи Холт, но та остановилась вне поля моего зрения.

– Да, Арра, найди мне, пожалуйста, Миру. Когда все гости разойдутся, пусть приходит в гостиную, я буду ее ждать.

– Хорошо.

Они оба покинули холл, каждый в своем направлении, но я так и осталась стоять в нише, вцепившись в маленький поднос до боли в пальцах. Сообразила ослабить хватку только тогда, когда услышала тихое нервное позвякивание: от напряжения руки задрожали, а с ними – и пустая посуда.

Вот тебе и полковник с добрыми глазами! Все уже было так хорошо, а теперь что? Не обижай, но свое не упускай? Позволь себе быть женщиной? Что бы это значило? Зачем Шелтер снова хочет видеть меня в гостинной? Что-то в его голосе подсказывало, что сегодня он не попросит меня почитать.

Пока я размышляла, что же делать, в холле опять послышались шаги и голоса. И постукивание трости, которое означало, что снова приближается Керам Нейб. Я закусила губу, стараясь превратиться в каменную статую, не издающую ни малейших звуков. Но едва не ойкнула в голос, когда слова управляющего прозвучали достаточно разборчиво:

– Не понимаю, к чему эти сложности? Почему нельзя просто убить его?

– Потому что это ничего не даст. Умереть для него слишком легкий выход. Он должен ответить за все, что сделал. Должен видеть, как рушится то, что он построил, и превращается в тлен все, чего он достиг.

Я вновь не удержалась и чуть отодвинула в сторону гобелен, чтобы посмотреть, кто говорит.

Голос был похож на капитана Морана, но тон звучал так непривычно, с такой злостью и затаенной ненавистью, что мне сложно было поверить. Однако это действительно оказался он.

– Зато убить – надежнее, – отрезал Нейб тихо. – А сложные схемы до добра не доведут. Еще эта девчонка... Попомни мои слова, поймеем мы с ней проблем – мало никому не покажется.

– Не поймеем. Она никто. Просто милая красивая глупышка из Оринграда. Всех достоинств – готовит вкусно.

– А я тебе говорю, не так она проста, как кажется...

И тут я едва не выронила от страха поднос. Вовремя успела его перехватить, но чашка громыхнула о блюдце так громко, что я едва не застонала от огорчения. Мужчины замолчали и тревожно оглянулись. На мое счастье, никто из них не понял, откуда донесся звук, а потому и меня они не обнаружили. Лишь поторопились уйти прочь.

«Может, просто остаться в этой нише навсегда?» – в отчаянии подумала я.

Глава 16

– Вы хотели меня видеть, генерал Шелтер?

Я с трудом заставила себя войти в гостиную, остановилась в двух шагах от двери, словно собиралась в любой момент убежать. Как будто это могло помочь.

Шелтер стоял у раскрытого окна, то ли прислушиваясь к пению вечерних птиц, то ли просто дыша свежим воздухом. В комнате по-прежнему висел тяжелый запах табака и резкий сладковатый – алкоголя. Смешной аппарат в углу больше не проигрывал музыку, но шахматная доска с оставшимися на ней фигурами все еще лежала на столе.

– Куда ты пропала? Полковник Лингор хотел с тобой попрощаться.

Генерал повернулся, сделал ко мне несколько шагов, и я не справилась с собой: испуганно отступила назад. Шелтер тут же остановился и удивленно нахмурился. Конечно, ведь последнее время я не шарахалась от него.

– В чем дело, Мира? Почему ты вдруг снова стала меня бояться?

– Я не боюсь, – дрогнувшим голосом возразила я.

Уголки его губ приподнялись в улыбке, но она получилась какой-то грустной.

– Тогда попробуй сказать это еще раз, более убедительно. Без дрожи и панических ноток.

– Простите, генерал, – вздохнула я.

Мне не хотелось его обижать, но я ничего не могла с собой поделать: сигаретный дым и висящий в воздухе запах рождали неприятные ассоциации, а на фоне подслушанного разговора заставляли снова ждать подвоха.

– Жизнь научила меня, что после посиделок в компании друзей за рюмкой чего-нибудь крепкого мужчина становится непредсказуем. И иногда немного опасен.

На его лице отразилось понимание, но генерал вновь сделал несколько шагов ко мне, на этот раз более медленных, плавных. Я смогла заставить себя остаться на месте.

– Я не пьян, Мира, не бойся. Сама посмотри.

Шелтер подошел еще ближе, чуть наклонился, чтобы мне было проще заглянуть в его глаза.

Они действительно оставались совершенно ясными. У отца после подобных вечеров взгляд становился совсем другим: мутным и злым. Генерал же внешне никак не изменился. Я не сдержала вздох облегчения. Если он трезв, то едва ли стоит опасаться его больше, чем обычно.

– Я никогда не пью до опьянения, – зачем-то сообщил он, снова выпрямляя спину. – И уж тем более до потери контроля или человеческого облика. Только для снятия напряжения.

– А по вам и не скажешь, что вы бываете напряжены, – лягнула я от все сильнее охватывающего волнения.

Теперь действительно волнения, а не страха: сердце снова билось быстро и неровно не потому, что я боялась неожиданных поступков с его стороны, просто он подошел совсем близко. Его взгляд скользил по моему лицу, а в голове до сих пор звучало эхо непривычно эмоционально произнесенных слов: «Воспоминания ожили. Снова. Так ярко и четко. И так... больно...»

Интересно, что это за болезненные воспоминания, которые спровоцировала сцена у шоколадницы? До безумия, до невыносимого зуда во всем теле хотелось спросить, хотелось снова услышать этот тон: непривычно тихий и такой... уязвимый, что ли. Я видела Олли Шелтера уже с очень разных сторон, но вот он открылся мне с новой. Точнее, не мне, а своему старшему товарищу, который называл его ласковым «Олли», как ребенка. Интересно, кто-нибудь еще называет так кровавого генерала Шелтера? Жена Магистра, например...

– Надеюсь, полковник Лингор не обиделся, что я не попрощалась с ним, – выдавила я, как всегда загипнотизированная темным взглядом генерала. – Не думала, что он захочет.

– Ты ему очень понравилась, – спокойно объяснил он, больше не приближаясь, но и не отстраняясь, не «отпуская» мой взгляд, но и не пробираясь своим мне в голову и под кожу.

– Вы давно знакомы? – поинтересовалась я, когда молчание между нами неприлично затянулось.

– С моего детства. То немного хорошее, что во мне есть, – исключительно его заслуга.

– Он вас воспитывал?

– В каком-то смысле.

– Вы из-за него стали военным?

Шелтер покачал головой, но развивать тему не стал, а я поняла, что сама загнала себя в угол.

Вот как я теперь расскажу ему о подслушанном разговоре Морана и Нейба? Он же начнет спрашивать и поймет, что я слышала не только их. И как он к этому отнесется? Да одному Тмару известно!

Наверное, если бы я подумала еще немного, то решила бы, что реакция генерала не может быть страшнее, чем гипотетические последствия заговора, который, возможно, зреет прямо у него под носом среди наиболее приближенных к нему людей, но следующая фраза Шелтера выбила из моей головы все посторонние мысли:

– Один из моих соседей устраивает вечеринку через несколько дней. Торжественный ужин, танцы, фейерверк. Хочу, чтобы ты пошла туда со мной.

Я бессмысленно хлопнула глазами, давая ему время махнуть рукой, рассмеяться и заявить, что он пошутил. Генерал этого не сделал, поэтому пришлось с трудом выдавить:

– Я... не могу.

– Почему?

Он издевается?

– А кем я там буду? Наложницей, которую добрый господин вывел на прогулку? Неужели вы не понимаете, насколько это унижительно? Я не человек вашего круга, господин генерал. Для граждан Варнайского Магистра я вообще не человек. Так, игрушка...

– Ты не игрушка, – спокойно возразил он. – Разве я хоть когда-нибудь к тебе так относился? И ты не наложница.

– Фактически – нет, – торопливо согласилась я, боясь его задеть или разозлить. – И вы действительно все время были исключительно добры ко мне и деликатны, насколько это возможно в моем положении. И я вам за это очень благодарна, правда, вы даже представить себе не можете, насколько сильно. Но даже ваша прислуга понимает, кто я на самом деле...

– Моя прислуга – возможно, но среди местных жителей тебя никто не знает. И как ты здесь оказалась – тоже. Ты будешь просто моей спутницей. Поверь, никто и никогда не будет груб с моей спутницей. Просто потому что люди ценят собственную жизнь куда больше, чем возможность кому-нибудь нагрубить.

– Они будут смотреть на меня...

– Никто не будет на тебя смотреть! – заверил Шелтер. И неожиданно снова улыбнулся. – Разве что мужчины – с восхищением. Еще раз тебе говорю: я буду рядом, и никто не посмеет тебя обидеть. А если кто-нибудь попытается, то пожалеет об этом.

Я испуганно притихла. Вот зачем ему это? Зачем тащить меня на какую-то вечеринку? Едва ли ему может не хватать общения на подобных мероприятиях. И он что-то там говорил о женщинах в своей жизни, которые с удовольствием делят с ним постель. Неужели не найдется достойной, кто согласится пойти с ним в гости? Хотя, не считая госпожи Магистр, я пока не видела с ним ни одной любовницы, но вероятно, он просто не водит их сюда.

– Мне не в чем, – брякнула я, пытаюсь зайти с другой стороны. – Мои платья хороши для того, чтобы работать в саду или на кухне, но не для того, чтобы ходить в гости к людям вашего уровня.

– Тоже мне проблема, – фыркнул Шелтер. – Я купил тебе эти платья, куплю и вечернее. Это просто дополнительные расходы.

– Совершенно лишние! Вы и так много на меня потратили...

– Я не обеднею от покупки пары дамских нарядов. У тебя будет лучшее платье из доступных в этой глуши. Впрочем, нет, я велю Мег купить тебе платье в столице. Ведь все, что она покупала до сих пор, оказалось в пору, так?

– Да, но...

– Ты ведь понимаешь, что на любой твой аргумент я найду ответ? – насмешливо перебил Шелтер, скрещивая руки на груди. – Ты можешь продолжать пытаться, но будет все равно по моему.

Я посмотрела на него с отчаянием. Конечно, он привык, что все ему подчиняются и любое его распоряжение выполняется. И я, в общем-то, должна вести себя так же, но от одной мысли, что мне придется идти туда, где мне не место, внутри все переворачивалось.

– Зачем, генерал Шелтер? – жалобно спросила я, заглядывая ему в глаза. – Я даже нож и вилку в руках держать не умею, как вы. Пусть никто не скажет мне этого в лицо, я все равно буду знать, что ваши друзья смеются надо мной. Не место мне среди них, понимаете? Неужели у вас нет более достойной кандидатуры в спутницы?

Генерал вновь долго молча смотрел на меня, и по его лицу как всегда было совершенно непонятно, о чем он думает.

– Мира, пойми и ты, – наконец заговорил он. – Мой отпуск заканчивается через девять дней. Через девять дней я уеду на какую-то другую войну. Я не знаю, куда поеду и какая передо мной будет поставлена задача. Знаю одно: каждый раз, когда уезжаю отсюда туда, я рискую сюда больше никогда не вернуться. Даже если вернусь, случится это нескоро. Мир и покой в моей жизни – лишь короткие мгновения, которые уже через месяц будут казаться сном. Да, ты не моя гостья, находишься здесь не по своей воле, и на самом деле мы не друзья. Ты рабыня, которую отдали мне в подарок как какую-то вещь, и в глубине души наверняка меня ненавидишь и презираешь. Когда я уеду, ты, вероятно, будешь молиться своему Тмару, чтобы я не вернулся. Это все понятно и естественно, на твоём месте я чувствовал бы то же самое. Но раз уж судьба распорядилась так, что я стал твоим хозяином, я хочу, чтобы ты поехала на этот вечер в качестве моей спутницы. Хочу, чтобы ты надела такое же красивое платье, в каком была во дворце Магистра, но надела его для меня. Хочу, чтобы ты была рядом и улыбалась мне так, словно тебе действительно нравится проводить со мной время. Я ведь не требую ублажать меня в постели. Просто хочу, чтобы ты несколько раз станцевала со мной. Неужели это так много, Мира?

Мне словно воткнули тонкую иглу в сердце, от боли даже слезы на глаза навернулись. Я не сразу поняла, что задерживаю дыхание, выдохнула только когда Шелтер замолчал. Что-то было такое в его взгляде, в его голосе, что заставляло так странно себя почувствовать. Какая-то едва уловимая тоска, тщательно скрываемая горечь. Я не понимала причин, но отказать теперь уже не могла.

– Если вы так ставите вопрос, то, конечно, я поеду с вами. Надену любое платье, какое вы пожелаете. Только вот танцевать я тоже не умею...

– Это проще, чем тебе кажется, – заверил Шелтер уже своим обычным бесстрастным тоном. – Сейчас я тебя научу.

Совершенно без предупреждения он одним шагом преодолел оставшееся между нами расстояние и обнял одной рукой за талию, а другой поймал мою ладонь.

– Клади руку мне на плечо... Вот так, молодец. Это самый популярный и самый простой танец светских вечеринок. Я ведущий, ты ведомая, поэтому я начинаю движение с правой ноги, а ты с левой. Давай. Сначала просто шаг в сторону. Ты с левой ноги...

Его голос звучал в ушах, но окружающая действительность тонула в тумане и рассыпалась с того мгновения, как Шелтер оказался вплотную ко мне, касаясь и прижимая к себе. Это было уже не случайное соприкосновение плеч на заднем сиденье повозки, не вынужденная близость в момент, когда он нес меня на руках. Нет, на этот раз меня всю окутало его теплом, его запахом, его голосом – гораздо сильнее, чем минуту назад, когда мы просто стояли друг напротив друга. И вроде изменилось не так много, но мир словно перевернулся, акценты сместились до такой степени, что я саму себя забыла и перестала узнавать. Я чувствовала запах бренди, исходящий от губ генерала, могла разглядеть в деталях тень вечерней щетины. До боли в руках захотелось коснуться его щеки, ощутить кожей колючую шершавость, а потом попробовать шевелящиеся губы на вкус, потому что все равно не разбирала, о чем он там толкует. Я просто слушала низкий тихий голос, от которого вставали дыбом маленькие волоски на шее. Не из-за страха, а из-за какого-то другого, пока почти незнакомого чувства.

– Сначала просто шаг в сторону. Ты с левой ноги...

Эти слова я прекрасно услышала и даже почувствовала, как Шелтер собирается начать движение, но почему-то все равно попыталась шагнуть в другую сторону. Смутилась, чувствуя, как лицо заливается краской под его невозмутимым взглядом.

– Простите... – выдохнула едва слышно, потому что голос мне совершенно не подчинился.

– Ничего страшного, – заверил он, возвращаясь в исходную позицию. – Давай попробуем еще раз, с другой левой ноги.

Я нервно рассмеялась, хотя мне все еще было неловко, но на этот раз шагнула правильно. Напряжение немного отпустило.

– Так, теперь вторую ногу приставить к первой. И теперь примерно такой же шаг, но ты идешь назад, с той же ноги... Вот так...

Я следовала за его указаниями в тишине гостиной, в которой за музыку могло сойти разве что пение птиц за открытым окном, ничего не соображая и не запоминая, пока генерал наконец не остановился.

– Вот, у тебя прекрасно получается, Мира.

И я с удивлением поняла, что дыхание Шелтера тоже немного сбилось. Его рука продолжала обнимать меня, а горячая ладонь все еще сжимала дрожащие пальцы. С огромным трудом мне удалось оторвать взгляд от его подбородка и посмотреть в глаза. Удалось не просто посмотреть – а заглянуть куда-то внутрь, глубоко, как будто генерал на мгновение снял свои щиты, приоткрыл обычно запертую дверь. Только смотреть туда оказалось неожиданно страшно.

– Я не собираюсь молить Тмара о вашей смерти, господин генерал, – только и смогла сказать я Шелтеру. – И я вас не ненавижу. И уж тем более не презираю.

Он снова улыбнулся.

– Мне приятно это слышать.

– Сегодня вы похожи на настоящую леди, Мира, – восторженно выдохнула Мария, отходя в сторону и давая мне возможность повернуться к зеркалу и рассмотреть себя. И она оказалась права. Такой красивой я видела себя второй раз в жизни. Печальная ирония судьбы: мне пришлось попасть в рабство, чтобы узнать, как я могу выглядеть. И пусть всякие «великие магистры» называют меня старой и неказистой, мое отражение в зеркале упрямо заявляло обратное.

На меня снова смотрела лишь смутно знакомая красавица с идеальной кожей и яркой внешностью, но между мной во дворце Магистра и мной в доме генерала Шелтера была одна принципиальная разница: сегодня светилась не только кожа, но и глаза. Мне не приходилось заставлять себя улыбаться: губы, у которых вдруг обнаружился объем, сами расплзались в улыбке. Оказалось, что готовиться к «выходу» самостоятельно, когда услужливая горничная лишь помогает, – это невероятно приятно. Я чувствовала себя окрыленной.

Мария постаралась на славу, соорудив из моих волос сложную прическу, которую держали не менее двух десятков заколок и булавок. Несколько прядей были выпущены на свободу, свисали тугими завитками и забавно подрагивали от каждого моего движения.

Немного удручало платье. Во-первых, оно оказалось зеленым. Интересно, на кого произвело такое неизгладимое впечатление предыдущее: на генерала или на Мег? Впрочем, я не могла отрицать, что этот цвет мне очень идет.

Во-вторых, оно выглядело еще более открытым: никаких бретелей вообще, тугий корсет,шитый в платье, высоко поднимал грудь, а от груди ткань свободно ниспадала до самого пола, местами подчеркивая фигуру, местами скрывая. Плечи, руки, ключицы – все оставалось открытым, шея казалась непривычно длинной, но это смотрелось красиво. Вот только все время хотелось чем-то прикрыться.

К счастью, к платью прилагались длинные перчатки, закрывавшие руки выше локтя, и тонкая полупрозрачная накидка.

– Жаль, у вас нет украшений, – вздохнула Мария. – Сюда так и просится какое-нибудь колье. Да, шея и зона декольте при таком платье и без украшений смотрелись немного сиротливо, но сейчас я искренне считала, что и так сойдет. Не опозориться бы своим поведением.

Все пять дней, что прошли с момента «приглашения» генерала быть его спутницей, я старательно готовилась к событию. Попросила Морроу дать мне несколько уроков местного этикета, в частности, объяснить, как разобраться в вареговом количестве столовых приборов, которые мне продолжали раскладывать перед каждой трапезой, и как их правильно держать.

Если дворецкий и был удивлен моей просьбой, то вида не подал, все спокойно показал и объяснил. Правда, половина объяснений с первого раза не улеглись в моей голове, но я не постеснялась на следующий день спросить снова.

Теперь я внимательно следила за тем, как ест генерал, и сама на каждой трапезе старалась все делать правильно. Шелтер наблюдал за моими стараниями со снисходительной улыбкой, а по вечерам вместо чтения вслух учил танцевать. После ужина часа два мы кружились по небольшой гостиной под музыку, которую забавный аппарат каким-то образом извлекал тонкой иглой с черных круглых пластинок. И мне это даже нравилось. С каждым разом я чувствовала себя в объятиях Шелтера все спокойнее и увереннее. Привычнее. Правильнее.

И вот наступил день, которого я ужасно боялась, но вместе с тем и предвкушала. Ведь чем-то светский вечер походил на бал из детских сказок про принцев и принцесс. И хотя я ни на секунду не забывала о том, что никакая не принцесса, так хотелось ненадолго ею притвориться.

– Думаю, вам пора, – мягко сообщила Мария, вырывая меня из размышлений, в которые я соскользнула, разглядывая свое отражение.

Я кивнула и встала из-за туалетного столика, перед которым провела последний час, пока Мария меня причесывала и помогала накраситься. Разгладила руками платье, натянула перчатки и прикрылась накидкой. Туфли, к счастью, в этот раз не пугали каблуком, иначе я едва ли смогла бы танцевать. Однако пока я шла от двери комнаты к лестнице, мне все равно казалось, что вот-вот упаду: так сильно я волновалась.

Генерал Шелтер ждал меня в холле. Он был в своей «нарядной» форме: черной с золотом, в которой тогда предстал перед Магистром. Теперь я знала, что она называется «парадной», но про себя продолжала называть по-старому.

Услышав мои шаги, он обернулся, поднял голову и... замер. Его взгляд скользнул по мне от макушки до пят, а потом вернулся к лицу и уже не отрывался от моих глаз до тех пор, пока я не

спустилась по широкой длинной лестнице. И я шла, глядя прямо на него, не чувствуя под собой ног, не чувствуя вообще ничего, кроме его восхищения, хотя он не выдавал его ни жестами, ни мимикой. Все было в глазах.

Я спустилась по лестнице, пересекла последнее незначительное расстояние, что нас разделяло, а Шелтер все молчал и не шевелился. Мне показалось, что он даже не дышит. Я улыбнулась чуть шире: сейчас то, что он на меня смотрит, меня совершенно не смущало. И даже почти не пугало.

– Ты невероятно красивая, Мира, – наконец произнес генерал. Голос его прозвучал как обычно негромко, но непривычно хрипло. – Все, кто думает иначе, или слепы, или глупы.

Думаю, на моих щеках добавилось румянца от этих слов.

– Спасибо, господин генерал.

– Только кое-чего не хватает.

Он сбросил с себя оцепенение, повернулся к появившемуся из ниоткуда Морроу и открыл небольшую коробочку, которая лежала у того на подносе. Из коробочки было извлечено скромное, но ослепительное в своей изящности ожерелье с прозрачными и зелеными камнями. Прежде, чем я успела опомниться, оно холодной змейкой обвилось вокруг моей шеи и было проворно застегнуто Шелтером.

– Что это? – спросила я почему-то шепотом, нащупывая пальцами ожерелье, чтобы убедиться в его существовании.

– Моя спутница не может появиться на светском вечере без драгоценностей, – спокойно объяснил Шелтер. – Тебе это ожерелье очень идет. Вот, посмотри.

Он развернул меня и подвел к зеркалу в полный рост, которое висело на стене ближе к выходу. Оно отразило нас обоих, и должна признаться: на демонстрируемое мне украшение я обратила внимание в последнюю очередь. Сначала встретилась взглядом с генералом, а потом оценила, как мы смотримся вместе. Смотрелись мы хорошо. До того хорошо и правильно, что стало немножечко горько. Горько от осознания, что это лишь иллюзия на один вечер. Только потом я перевела взгляд на тонкую блестящую змейку, переливающуюся в свете ламп. Да, теперь образ стал законченным. Настоящая леди, как сказала Мария.

Шелтер предложил мне локоть, за который я с удовольствием взялась. Повозка ждала нас на той же площадке у подножия изогнутых лестниц, и генерал, как и в прошлые разы, открыл мне дверцу и помог забраться на заднее сиденье. Только теперь его жест уже не казался издевкой, все выглядело правильно и естественно. Сев рядом, Шелтер неожиданно снова переплел наши руки. Я непроизвольно задержала дыхание, но он лишь спокойно велел Мэлу ехать.

Дорога не заняла у нас много времени, хоть и ехали мы то по пустынным полям, то по густому лесу. Ни в один городок так и не заехали, но парочку я видела издали. По пути я успела подумать, что понятие «соседа» здесь несколько отличается от привычного мне.

Дом, к которому мы в итоге подъехали, ничем не уступал дому генерала.

Возможно, был даже немного больше, но из-за другой формы и архитектуры сказать с уверенностью я не могла. Здесь нас подвезли к самому входу, поэтому подниматься по дополнительным лестницам и пересекать мощеную площадку не пришлось, мы сразу нырнули в расщеченный лампами холл и прошли в огромный зал, где уже толпилось немало людей. Нас объявили как «генерал Шелтер и его спутница – госпожа Торн», после чего к нам обернулись десятка два гостей, впиваясь любопытными взглядами и перешептываясь. Я непроизвольно крепче сжала локоть Шелтера, а тот вдруг накрыл мою руку своей, успокаивающе погладил пальцы.

– Не дергайся, улыбайся, – тихо велел он. – Все хорошо.

– Я же говорила, что на меня все будут смотреть, – тихонько пожаловалась я.

Сердце билось уже на пределе и грозило в любой момент перетрудиться и остановиться.

– Они смотрят не на тебя, а на меня, – поправил генерал с ухмылкой. – Я, к твоему сведению, очень завидный жених: у меня прекрасная репутация, я богат, в фаворе у Магистра, достаточно молод и привлекателен, но в то же время есть шанс, что могу в любой момент погибнуть, оставив после себя безутешную, но весьма состоятельную вдову. Поэтому каждый мой выход в свет превращается в бесконечный парад потенциальных невест.

Я нервно рассмеялась и покачала головой.

– Звучит ужасно. Сочувствую. Так вы поэтому взяли меня с собой? В качестве щита от других женщин?

– Что мне в тебе по-настоящему нравится, милая, – это твоя сообразительность, – тихо заметил Шелтер. Вежливая улыбка не отлипала от его губ.

Мы как раз пересекли гостиную и подошли к какой-то паре, на вид немного старше генерала. По всей видимости, они были хозяевами вечера, поскольку генерал вежливо поблагодарил их за приглашение. А потом представил меня как свою «особую гостью». Я изобразила вежливый поклон, как научил Морроу.

Что ж, быть щитом – не самая плохая роль. Можно расслабиться и перестать гадать, почему генерал был так настойчив. Можно... Только почему-то стало грустно. Самую малость.

* * *

Все оказалось не так страшно, как я того боялась. Да, нам с генералом поначалу уделили неприлично много внимания, но это длилось ровно до тех пор, пока в зале не появилась следующая пара гостей.

Обещание Шелтера, что здесь никто не будет меня знать, тоже не сбылось: среди гостей я встретила несколько знакомых.

Первыми на глаза попались капитан Моран и майор Винт. Оба продемонстрировали радость при встрече. Я поначалу смутилась, но внезапно их присутствие и наше знакомство сыграло мне на руку: когда особо любопытные гости принялись расспрашивать, кто я и откуда, Моран и Винт не дали мне раскрыть рта, самостоятельно поведая всем мою «историю».

В их версии я вдруг оказалась сиранкой, к тому же очень знатной. Говоря о моем мнимом происхождении, они ни разу не сказали ничего конкретного. Лишь демонстративно перебивали друг друга, многозначительно переглядывались, замолкали и сыпали фразочками вроде: «Если вы понимаете, о чем я», каждый раз создавая иллюзию, что за их недомолвками кроется тайна государственного масштаба. Якобы моя семья в неразберихе войны очень пострадала от каких-то разбойников-мародеров, а варнайская армия меня героически спасла, после чего я с дипломатической миссией приехала в столицу, а Магистр поручил своему генералу позаботиться обо мне, пока в Сиране не будет наведен порядок. И это тоже было рассказано с недомолвками и предложениями всем слушателям самим додумать детали. Я только надеялась, что мой растерянный вид не слишком сильно портит их легенду. Потому что легенда получилась красивая.

– Что это было? – не выдержав, спросила я у Шелтера, когда он повел меня в очередном танце.

– Не обращай внимания, – неожиданно рассмеялся он. – Вроде взрослые люди, а порой ведут себя как дети. Я просто попросил их на все вопросы о тебе отвечать, что ты моя гостья из Сирана. Во-первых, это объясняет твой необычный говор. Во-вторых, прекрасно прикрывает любые неловкие ситуации, связанные с нарушением этикета: никто не знает правил приличия, принятых в Сиране. Кто же знал, что они устроят такой балаган с сюжетом из пошлого романа. Через его плечо я посмотрела на капитана и майора, которые с широкими улыбками наблюдали за нашим танцем. Моран помахал мне рукой, а я в очередной раз вспомнила о подслушанном разговоре.

Я так и не набралась смелости рассказать о нем генералу, постепенно убедив себя, что все не так поняла. Скорее всего, фразы, которые я услышала, были вырваны из контекста. Сейчас я в этом в очередной раз убедилась. Не может столь обаятельный молодой человек, которому Шелтер так доверяет, замысливать что-то против него. Это просто невозможно, учитывая проницательность генерала и его умение просвечивать человека насквозь, практически читая мысли.

Правда, сама фраза, в каком бы контексте она ни была сказана, тоже совершенно не вязалась с образом добродушного веселого капитана.

– Все в порядке? – услышала я над ухом вопрос Шелтера.

В его голосе мне почудилась искренняя озабоченность. Я перевела на генерала взгляд, всматриваясь в его лицо. Было похоже, что он действительно наслаждается вечером, и мне совершенно не хотелось его портить. Уж если не нашла возможности рассказать до сего момента, то стоило молчать и дальше. Хотя бы до возвращения домой.

– Да. Немного голова кружится с непривычки.

– Неужели ты никогда не бывала на вечеринках, где можно долго кружиться в танце? – недоверчиво прищурился Шелтер.

Я смущенно пожала плечами.

– Конечно, у нас случались городские праздники, но с тех пор, как умерла мама, я на них не ходила.

Он с пониманием кивнул и постепенно вывел нас из круга танцующих, отвел к небольшому диванчику. По периметру комнаты было расставлено немало диванчиков, кресел, стульев и скамеек, чтобы гости имели возможность отдохнуть.

– Посиди немного, я принесу тебе попить.

Генерал исчез из вида, а я счастливо вздохнула. Губы снова расплзались в улыбке, а грудь просто распирало от незнакомого, но такого теплого и приятного чувства. Пусть даже сегодняшняя учтивость – это просто еще одна маска генерала Шелтера. Неважно. Мне было до безумия приятно. Приятно ходить рядом с ним, держась за локоть, приятно оказываться в его объятиях и кружиться в танце под мелодии, исполняемые настоящим оркестром, приятно быть его дамой, за которой он ухаживает.

Да, пусть это маска, иллюзия, но мне так хотелось, чтобы эта иллюзия длилась подольше! Происходящее пугающе напоминало все то, о чем мечтала девочка, собиравшаяся однажды покинуть Оринград ради лучшей жизни и необыкновенного мужчины. После всех ужасных событий, после всех страхов и унижений эта девочка заслужила исполнения мечты хотя бы на один вечер.

Пока Шелтер где-то искал для меня напиток, я скользила взглядом по залу. Гостей в военной форме было очень много. Из знакомых я заметила еще полковника Ридда. Того самого, который оспаривал решение генерала ехать на ночь глядя в Сиран. Я даже успела испугаться: он-то точно не станет поддерживать легенду о сиранской леди, но он скользнул по мне совершенно равнодушным взглядом, не узнав. И у меня отлегло от сердца.

Зато среди гостей не оказалось ни одного мага. По крайней мере, я не нашла взглядом ни одного мужчину с длинными волосами, заплетенными в косу, и в мантии – так, оказывается, называлась эта странная одежда, похожая на женское платье.

За непродолжительными танцами последовал торжественный ужин. Я умудрилась не запутаться в приборах и не уронить себе на платье ничего из еды, по-прежнему не слишком уверенно держа вилку в левой руке. А потом всех снова пригласили танцевать.

Еще дома, обучая меня азам этикета, Морроу объяснил, что я не могу танцевать только с тем мужчиной, с которым пришла. И вместе с тем местные правила приличия запрещали мне танцевать с любым другим мужчиной больше трех раз за весь вечер. Поэтому мы танцевали с Шелтером два танца, после чего меня перехватывал то капитан Моран, то майор Винт. Пару раз меня успели пригласить даже какие-то совсем незнакомые офицеры.

Но с кем бы я ни танцевала, смотрела я только на генерала и ничего не могла с собой поделать. Я искала его взглядом, вместо того чтобы смотреть на партнера, и ловила его собственный, устремленный на меня порой с другого конца большого зала. Я любовалась тем, как сидит на нем военная форма и почему-то совершенно не испытывала к ней отвращения, хотя она и стала символом порабощения моего родного города и меня самой. Может быть, потому, что в доме генерала, чьей формальной рабыней я стала, я впервые почувствовала себя непривычно свободной. Свободной делать то, что хочется, а не то, что приходилось делать изо дня в день, чтобы не вызвать гнев отца, чтобы заработать денег, чтобы блюсти свой статус среди оринградцев.

Я смотрела на генерала и мысленно сравнивала его с другими мужчинами, военными и гражданскими, и никто на мой вкус не был даже наполовину так хорош, как он, хотя в его чертах мне все еще чудилось что-то грубое и варварское, как порой и в его поведении. Он носил столько масок, легко перевоплощаясь из простоватого охранника в великолепного придворного, из хладнокровного убийцы в заботливого хозяина, из обольстительного соблазнителя в романтического героя, что становилось не разобрать, какой он на самом деле, а потому так страшно было ошибиться. Так страшно было привязаться. Или даже влюбиться. Но сегодня невозможно было поступить иначе.

Когда часы пробили девять вечера, все вдруг пришло в движение. Музыка стихла, а гости, возбужденно переговариваясь, потянулись к выходам в сад. Шелтер перехватил меня у еще одного случайного кавалера и тоже подтолкнул к высоким стеклянным дверям.

– Что происходит? Куда мы идем? – встревоженно спросила я, но он лишь загадочно улыбнулся в ответ.

– Увидишь.

Мы все столпились на площадке перед домом, не углубляясь в сад. Я не знала, чего мы ждем и куда смотреть, но когда в темное небо с легким свистом с земли взлетела золотая звезда, мой взгляд мгновенно приклеился к ней. Она взмыла высоко-высоко, постепенно замедляясь, потом почти замерла и вдруг с оглушающим грохотом взорвалась, разлетелась по небу мелкими сверкающими осколками.

Я непроизвольно вздрогнула, отшатнулась назад и едва не потеряла равновесие, но рука Шелтера вовремя легла на мои обнаженные плечи, одновременно согревая – после душного зала свежий вечерний воздух казался приятным, но от этого не переставал быть холодным – и даря надежную опору. Вторая его рука поймала мою ладонь и легонько сжала.

А в небо тем временем взмыла еще одна звезда, на этот раз красная, и снова взорвалась, разлетевшись во все стороны яркими огоньками. За ней последовали новые залпы: друг за другом почти без перерыва, с неизменным грохотом дробясь на десятки мелких звезд. Желтые, зеленые, красные, фиолетовые – они чертили в небе каждый свою фигуру, то взрываясь несколько раз, то разбрасывая искры с тихим хрустом, то осыпаясь вниз всполохами огня. От непривычного восторга у меня перехватило дыхание, а губы снова свело в радостной улыбке. Я сама не знала, почему этот грохот и яркие переливы света, режущие глаз, вызывают у меня такое острое, незнакомое чувство счастья. Или причиной тому стали руки генерала, крепко державшие меня, дарившие одновременно опору и защиту и едва ощутимо ласкавшие осторожными поглаживаниями. Я не знала наверняка. Сердце заходило в груди, и иногда я оглядывалась на своего спутника, ловила его мягкую улыбку и на несколько секунд тонула в темноте глаз, забывая о расцвеченном огнями небе. Мне все казалось, что вот сейчас он наклонится ко мне, коснется губами в настойчивом, но непременно нежном поцелуе – и это одновременно пугало до паралича и будоражило фантазию.

* * *

Когда представление закончилось, я не сразу пришла в себя. Сердце еще гулко колотилось, то и дело замирая в ожидании нового залпа, окружающая действительность казалась нереальной как сон. Люди вокруг уже шли обратно, в зал, где снова играла музыка, а я все стояла, запрокинув голову и глядя в небо, слегка затянутое полупрозрачной завесой дыма.

Генерал меня не торопил. Толпа обтекала нас с двух сторон, а он продолжал обнимать за плечи и просто молча стоять рядом. Лишь когда на открытой площадке мы остались совсем вдвоем, тихо поинтересовался:

– Понравилось?

Я лишь кивнула в ответ, продолжая смотреть в небо, на котором уже снова были видны настоящие звезды – тусклые, маленькие и далекие.

– Раньше такого не видела, да? – как всегда легко догадался он.

Я покачала головой, подтверждая его предположение.

– В Оринграде такого не устраивали, – выдавила я неровным от волнения голосом.

– Тогда, может быть, не так уж плохо, что тебе пришлось оттуда уехать? – еще тише, чем до этого, поинтересовался Шелтер.

Я снова перевела на него взгляд, на этот раз задерживаясь на его лице чуть дольше. Неловко пожала плечами. Признаться в том, что сегодня мне с ним здесь так хорошо, как никогда раньше, было стыдно и немножечко страшно.

– Идем обратно? – предложил Шелтер, кивая на дом за нашими спинами. – Или хочешь еще немного погулять, отдохнуть в тишине?

Я тут же радостно закивала. Да, я хотела остаться с ним здесь еще ненадолго, наедине, в полутьме сада. Чем-то она мне напоминала тот лес, сквозь который он нес меня на руках, напоминала то самое первое хрупкое ощущение связи между нами. Хотелось продлить момент, исправить им прошлый раз, когда все закончилось жестоким приговором и болью в ногах, продлившейся пару дней.

Шелтер повернулся, скользнул горячими ладонями по обнаженным плечам и рукам.

– Где твоя накидка? Если мы остаемся погулять, то нужно ее взять с собой, а то ты простудишься.

– Я оставила ее где-то в зале, наверное, когда сидела на диванчике, – предположила я.

Голос по-прежнему не слушался, ломался, выдавая мое волнение. Шелтер кивнул и шагнул в сторону стеклянных дверей, на секунду замер, уточняя:

– Подождешь меня здесь?

Я кивнула, и он пообещал, что вернется быстро. А мне и не хотелось, чтобы он торопился: холод пока не чувствовался, а небольшая передышка могла помочь привести в порядок мысли и чувства. Если, конечно, это вообще возможно.

Стоило генералу скрыться из вида, как я поняла, что стоять самостоятельно мне все же тяжело. Слишком много танцев, эмоций и пузырчатого вина в перерывах. Оглянувшись по сторонам, я заметила высокие кусты, обрамлявшие площадку и отделявшие ее от сада, и скамейку в их тени. Я поторопилась к ней и буквально рухнула на холодное деревянное полотно, тяжело дыша: сердце никак не желало успокаиваться.

– Перестань, – одернула я себя шепотом. – Все ведь хорошо. Все лучше, чем хорошо и чем ты имела право рассчитывать. Ну же, давай, не волнуйся... Дыши ровнее.

Как ни странно, это помогло. В голове прояснилось, сердце унялось, и я почувствовала прилив сил. Посмотрела в сторону дома, но на фоне светлых окон пока никто не появился.

– Так что же, бравого генерала можно вычеркивать, как я понимаю? – донесся до меня женский голос.

– С чего это? – отозвался другой.

– Так ведь этот вариант, судя по всему, достанется сиранке, – неуверенно предположил третий. Я замерла, даже дышать перестала, передвинулась на ту половину скамейки, где тень казалась гуще, но потом поняла, что разговаривающие и так не смогут меня увидеть: они находились с другой стороны кустов. Кажется, не только мы с Шелтером решили остаться подышать свежим воздухом.

– Не смешите меня, – фыркнула четвертая девушка. – Она просто гостья, его дипломатическая миссия. Отправится потом в свой Сиран.

– Не скажи, – возразила первая. – Они друг на друга так смотрят... Даже наблюдать за ними жарко становится.

Девушка хихикнула и одна из подруг ее поддержала.

– Ну, тогда, возможно, он ее соблазнит, а потом она отправится в свой Сиран, – скорректировала прогноз четвертая.

– Или ему велют на ней жениться для укрепления влияния Магистрата на приморских территориях, – почти пропела третья девушка.

– Расслабьтесь, – хмыкнула вторая. – Моя разведка донесла, что никакая она не знатная гостья и даже не сиранка. Она из Оринграда, из коллекции Магистра. Ее подарили Шелтеру в качестве награды.

– Да ладно, – усомнилась первая. – Он бы не посмел притащить наложницу в приличное общество.

– Поверь мне, – снова возразила вторая, – он посмел бы. Но это неважно, каждый развлекается, как ему больше нравится. Так что натешится он с этой рыжей, потом она залетит, он из нее эту дурь выбьет, а после такого обычно наложницы теряют для них интерес.

– Фу, перестань! – перебила третья девушка. – Это так отвратительно! Сначала они их пользуют, потом калечат, а потом выкидывают... Это мерзко. Я бы не хотела выйти замуж за такого.

– Дело-то житейское, – вздохнула четвертая. – У мужчин свои потребности. Пусть лучше удовлетворяют их с ними, чем с нами. Но бастарды на стороне, особенно от рабынь, никому не нужны. Так что лучше пусть на ранних стадиях решают эти вопросы. Сами.

– Мне вас даже слушать тошно, – пробормотала первая. – Я бы за чудовище, способное так поступить с женщиной, пусть даже с рабыней, никогда не вышла... Вешать за такое надо.

– Тогда обрати внимание на более юных офицеров, – предложила подруге вторая. – Обычно вплоть до чина майора им не позволяют брать себе наложниц с территорий. Правда, они с большой долей вероятности развлекаются по публичным домам. А там свои риски, ты понимаешь, о чем я. Да и с таким никогда не знаешь, куда кривая выведет. Он может погибнуть на войне до того, как разбогатеет на ней. И останешься ты с одной только пенсией офицерской вдовы... В лучшем случае. В худшем – с детьми и пенсией. В пору будет самой в публичный дом на заработки идти.

– Все, я больше это слушать не буду, пойду лучше танцевать, – заявила третья.

– Я с тобой, – поддержала ее первая.

– Да сейчас все пойдем, – вздохнула вторая.

Четвертая промолчала. Зашуршали платья, зашелестели тихие шаги и, резко сменив тему на что-то безобидное, вроде моды на наряды с открытой спиной, группка девушек потянулась к дому, но я уже не обращала на них внимания.

Наверное, опрокинь они на меня таз ледяной воды, мне не стало бы так холодно, тоскливо и мерзко, как стало сейчас. Спуск с небес на землю оказался быстрым и болезненным. Я не до конца поняла, о чем толковали девушки, но от осознания того, что им известна правда обо мне, стало ужасно неприятно, словно на меня прилюдно выплеснули ведро помоев. То есть пока не прилюдно, а в узком кругу, но появиться после такого на людях я категорически не могла. Ведь теперь правда наверняка распространится между гостями. Я окажусь не только наложницей, но и лгуньей. Я не знала, что хуже.

– Вот ты где, – раздался надо мной знакомый и слегка недовольный голос. – Я уж думал, что сбежала опять.

Шелтер сел рядом, накинул мне на плечи тонкую ткань, которую все же отыскал где-то в зале, а потом наклонился, пытаясь заглянуть в лицо.

– Мира, что случилось? Тебе плохо? Тебя кто-то обидел?

Я сначала медленно покачала головой, но тут же передумала и кивнула, уточнив:

– Я все-таки очень устала, генерал Шелтер. Мы можем поехать домой?

Голос снова звучал надтреснуто, но я надеялась, что никакой разницы с тем, как это было после цветных взрывов, он не заметит.

Шелтер деликатно коснулся пальцами моего подбородка, уже знакомым движением заставил посмотреть себе в глаза.

– Милая, что случилось? – и снова этот тихий голос, такой мягкий тон, от которого внутри все сладко сжимается. – Я отлучился всего на две минуты, а на тебе уже лица нет.

– Я же говорю: устала, – я попыталась изобразить улыбку. – Не рассчитала силы. Думала, посижу и пройдет, но становится только хуже. Если вы хотите побыть на вечере еще, то идите без меня, я тут посижу.

– Мне кажется, я ясно дал понять, что хочу быть здесь с тобой, – заметил генерал, снова переключаясь на обычный бесстрастный голос. – Если ты устала, значит, вечер закончен, едем домой. Идти можешь? Или... – он вдруг лукаво улыбнулся. – Или мне понести тебя на руках?

Глава 18

Если Мэл и удивился тому, что мы вернулись к повозке так рано, то вида не подал. Мы заняли на заднем сиденье свои обычные места, но на этот раз Шелтер не стал переплетать наши руки, чему в данном случае я обрадовалась.

Повозка тронулась в обратном направлении. Опустившуюся на мир темноту разрезал яркий свет ее передних фонарей. Я смотрела в темное окно и видела лишь невнятные силуэты, мелькавшие за ним.

Шелтер долго молчать не стал. Его вопрос прозвучал, едва мы отъехали:

– Может быть, все-таки объяснишь, что случилось? Мне казалось, ты наслаждаешься вечером не меньше, чем я. И не надо снова рассказывать о том, что ты устала. Если бы дело было в усталости, ты не сидела бы сейчас ко мне спиной.

Я удивленно оглянулась на генерала. Действительно, сама того не заметив, я так старательно смотрела в окно, что повернулась к нему почти всем корпусом. Стало немного неловко. В конце концов, со своей стороны Шелтер сделал все необходимое, чтобы я хорошо провела время. То, что кто-то из подчиненных – Моран? Винт? – нашептал кому-то правду обо мне, не его вина. И все же обижалась я на него. Объясняться при вознице было как-то неловко, но Мэл смотрел только вперед, как будто пассажиры на заднем сиденье для него вовсе не существовали.

Поэтому я рискнула спросить, разворачиваясь к своему спутнику:

– Генерал Шелтер, что в ваших краях означает «залететь»? В контексте отношений мужчины и женщины.

Его брови удивленно прыгнули вверх. Кажется, он ожидал каких угодно слов, но только не такого вопроса.

– М-м-м, это то же самое, что для тебя «понести», – объяснил он без тени смущения. – То есть забеременеть.

Я кивнула. Да, примерно так я это и поняла. Нервно ломая пальцы, заставила себя задать следующий вопрос:

– Что происходит с наложницей, которая... э-э-э... «залетит»? Что означает «выбить из нее эту дурь»?

Вот теперь генералу стало неуютно. Настолько, что даже я заметила, хотя он остался почти так же невозмутим. Но за прожитые под одной крышей две с половиной недели я научилась определять оттенки его эмоций по тому, куда он смотрит и как дышит. Сейчас Шелтер перевел взгляд на затылок возницы и резко втянул в себя воздух.

– Вот, значит, чего ты наслушалась, пока я отходил. Интересно, от кого?

– Это неважно. Можете объяснить?

Он сжал челюсти, его глаза слегка сузились, выдавая закипающую злость и раздражение. У него была возможность просто отмахнуться от меня, велеть не задавать глупых вопросов, но Шелтер предпочел объяснить:

– В Магистрате не приветствуются побочные дети от наложниц. К бастардам от низкородной, но свободной женщины относятся терпимей, разве что маги стараются их избегать.

– Почему? То есть, почему именно маги?

– Считается, что чем больше у мага детей, тем сильнее дробится его сила, уходя к наследникам. Это, кстати, еще одна причина, по которой девушек из коллекции держат в доме не менее месяца после того, как Магистр окончательно теряет к ним интерес. Чтобы исключить вероятность отпустить беременную. У Магистра есть два наследника, рождения дополнительных детей он всячески избегает.

– Чтобы не потерять силу?

– Именно.

– Но... разве с этим можно что-то сделать? – удивилась я. – Рождение детей в руках Тмара. Шелтер повернулся и посмотрел на меня со странным выражением на лице. То ли с жалостью, то ли с сочувствием.

– Это не совсем так. Есть разные варианты... Зелья, операция обычным медиком или магом... Зелья и маг, конечно, самое безопасное и наименее болезненное, у женщины остается шанс иметь детей в будущем, но стоит дороже.

Я смотрела на него, вновь ожидая, что вот-вот он признается, что пошутил. Это, конечно, будет самой дурацкой на свете шуткой, но пошутил же он тогда про дракона...

Однако Шелтер смотрел на меня без тени улыбки. И вновь что-то темное шевелилось на дне его глаз. Темное и пугающее. Подавленная злость? Затаенная боль? Я не могла понять.

– Это чудовищно, – выдохнула я едва слышно.

– Варнайцы так не считают, – спокойно возразил генерал. – По крайней мере, многие из них... Но чудовища вообще редко воспринимают себя чудовищами. Все относительно, как я уже говорил. Это мало чем отличается от забивания камнями женщины, забеременевшей вне брака. Варнайцы хотя бы относятся так только к рабыням, наложницам. И то смертельные случаи караются законом. А с гражданкой Магистра никто не посмеет так поступить. Такое решение может принять только она сама.

Руки произвольно сжались в кулаки, короткие ногти больно впились в ладони. В чем-то он, наверное, был прав: убить нежеланного нерожденного ребенка и убить незаконного нерожденного ребенка вместе с матерью – эти два жестоких обычая могли поспорить друг с другом за звание самого отвратительного. Просто я успела решить, что в Магистрате подобные зверства не допускаются. А оказывается, они запрещены только в отношении полноценных граждан.

– Вы ведь тоже маг? – тихо спросила я, ненавидя саму себя. – Вы так делали?

– Ты могла бы уже понять: я не держу наложниц и никогда не держал, – холодно ответил Шелтер. – Предпочитаю свободных женщин, которые спят со мной или ради собственного удовольствия, или из любви к звонкой монете. Обычно такие женщины умеют обезопасить себя от неуместных последствий. О том, чтобы хоть одна забеременела от меня, мне ничего неизвестно.

Я уже открыла рот, чтобы задать еще какой-то вопрос, но тут раздался громкий хлопок, повозка вдруг резко вильнула, меня кинуло на Шелтера, а он перехватил, крепко обнимая и пытаясь зафиксировать на месте.

– Держись! – успел крикнуть генерал, прежде, чем повозка накренилась, и нас резко дернуло в другую сторону, а потом куда-то еще.

Нас обоих болтало то туда, то сюда, мир кружился, Шелтер то наваливался на меня всем весом, то отлетал в другую сторону, и уже я наваливалась на него. Я снова приложила голову обо что-то твердое, но на этот раз не потеряла сознание, только искры из глаз посыпались. Рядом что-то скрипело и скрежетало, я услышала, как выругался Мэл, а потом все резко стихло.

– Цела? – спросил где-то рядом голос Шелтера прежде, чем я успела окончательно осознать произошедшее.

Я его не видела, но ощущала – он продолжал сжимать меня в объятиях, куда крепче, чем во время танцев. Мы все еще находились на заднем сиденье повозки, но вокруг стало почему-то очень темно. Настолько, что я ничего не могла разобрать, пока несколько раз не моргнула и глаза не начали привыкать.

– Мира? – снова настойчиво позвал Шелтер, слегка тряхнув меня.

– Цела я, цела, – заверила я тихо.

И тогда он отпустил. Перегнулся через меня, дернул ручку дверцы, но та и не подумала открыться. Генерал приглушенно выругался и попытался открыть дверь со своей стороны, но та тоже не поддавалась. Он велел мне подвинуться, развернулся сам и с силой ударил по двери ногой. Один раз, другой... На третий дверца все же распахнулась.

Я все это время смотрела вперед, на Мэла. Он лежал на руле, не шевелясь.

– Что с ним? – успела я спросить, прежде чем Шелтер дернул за руку.

– Потом! Вылезай! – отрывисто скомандовал он.

Генерал выбрался из повозки сам и буквально вытащил меня, поскольку я все еще едва шевелилась, не понимая, что происходит.

Времени объяснить ситуацию ему не дали. Только я успела выпрямиться, как на другой стороне дороги мелькнула вспышка.

– На землю! – велел Шелтер, больно толкнув в плечо.

Зато выбора не осталось: я потеряла равновесие и шмякнулась на покрытую мелкими ветками и сухой хвоей траву, краем глаза замечая резкое движение Шелтера и вырастающую перед нами из ниоткуда стену. Впрочем, почему из ниоткуда? Она выросла из земли.

Мгновение спустя что-то гроыхнуло, стена разлетелась на десятки осколков, которыми меня и накрыло. То есть, должно было накрыть, если бы Шелтер не успел накрыть собой, защищая от в перспективе весьма болезненных ударов. Секунду спустя упавшие рядом осколки взмыли в воздух, и их швырнуло туда, откуда прилетело чужое заклятие.

Генерал вскочил сам и дернул вверх меня, поднимая на ноги.

– Беги в лес, Мира, – почти прорычал он на ухо и подтолкнул вперед – Спрячься!

Все еще слегка оглушенная происходящим, я сделала несколько шагов к густо растущим деревьям, как Шелтер и приказал, только потом на секунду замерла, чтобы подхватить длинный подол платья. И не удержалась – обернулась через плечо, увидела, как вокруг генерала закручивается огненный вихрь, а к нему приближаются пять фигур в бесформенных балахонах с накинутыми на голову капюшонами. Они плыли по воздуху, как призраки.

* * *

Казалось, что все вернулось назад. Не было никакого дворца Магистра и дома генерала Шелтера. Не было вечерних чтений и совместных трапез, не было танцев на балу и даже прогулки по лесу, когда я так уютно лежала в его руках. Словно все это мне привиделось, пока я бежала по лесу, пытаясь спастись от варнайцев, вернуться домой.

Я снова бежала сквозь лес, не разбирая дороги, натываясь на ветки, которые норовили то выколоть глаза, то разорвать платье. Только само платье, а еще туфли на ногах, и убеждали меня, что с прошлого раза, когда я заблудилась ночью в лесу, прошло немало времени. Как ни странно, из-за обуви я и пострадала. Да, туфли, которые Мег прислала мне к платью, имели достаточно удобный для танцев каблук, но на беготню ночью по лесу они не были рассчитаны. В темноте я наступила на что-то, нога неудачно подломилась, я вскрикнула от пронзившей ее боли и повалилась на землю.

Попытка встать закончилась приглушенным стоном: я очень постаралась не шуметь.

– Меня как будто прокляли, – прошипела я, растирая ногу чуть повыше поврежденного места, надеясь унять боль.

Сзади послышались шорох шагов, треск ломающихся веток и чье-то тяжелое дыхание. Я обернулась, как могла вытянула шею, вглядываясь в темноту и задерживая дыхание. Перед глазами все сливалось в бесформенную черную массу, хоть и удавалось иногда заметить движение: раскачивающиеся на ветру ветки.

Треск и шорох послышались снова, я чуть повернула голову и шумно втянула в себя воздух: мне показалось, что между деревьями мелькнула фигура в бесформенном балахоне. Я тут же пригнулась, стараясь стать незаметной. Тихонечко отползла к густым кустам, чтобы спрятаться в их тени. Нога ныла и болела, но я стискивала зубы, не издавая звуков.

Шорох неторопливо приближался, и теперь уже сомнений не оставалось: кто-то шел следом, скорее всего, искал меня. Шелтер? Могла ли я в темноте от страха принять черную с золотым военную форму за балахон с капюшоном? Могла, наверное, но генерал звал бы меня. Да и если это он, земля ему подскажет, где именно я спряталась.

А если нет? Если он уже мертв, ведь он остался один против пятерых противников... И это только те, кого видела я, их могло быть и больше... От одной мысли в груди вдруг стало холодно и пусто, как после слов врача о том, что маме больше не будет плохо, что она умерла. Шаги были уже совсем близко. Я попыталась сжаться в маленький комочек, пригибаясь к земле, замуривая глаза от страха. Как будто я могла стать менее заметной, если сама не буду видеть неизвестного врага.

Оказавшись рядом, шорох внезапно стих. Я поняла, что бесформенная фигура в балахоне остановилась рядом, оглядываясь по сторонам, чувствуя, что я где-то здесь.

– Иди мимо, – едва слышно прошептала я, не выдерживая напряжения. – Пожалуйста, иди дальше, меня тут нет. Пожалуйста...

Шорох и шаги возобновились и постепенно начали удаляться. Я облегченно выдохнула, чувствуя, как силы покидают меня. Голова легла на холодную землю, я даже не заметила, когда успела распластаться на ней.

Надо было встать, но я не знала зачем. Куда мне идти? Да и как – с такой-то ногой? В ушах шумело, и я никак не могла понять: это от усталости или от поднявшегося ветра, раскачивающего верхушки деревьев?

Меня тоже начало раскачивать, как качает на волнах перед погружением в сон. Возможно, я действительно собиралась уснуть, но тут рядом оглушительно громко треснула ветка, снова послышался шорох, а потом чьи-то руки схватили мои плечи и грубо дернули вверх.

Я вскрикнула от неожиданности и прошившей ногу острой боли, но тут же испуганно замолчала, оказавшись лицом к лицу с незнакомцем в черном балахоне. Ну, или должна была оказаться лицом к лицу, если бы у него оно было, потому что под капюшоном клубилась черным дымом тьма, а за ней просматривалась лишь звериная морда. И я снова в ужасе закричала, дернулась, пытаюсь вырваться из цепкой хватки, но мужчина – как мне казалось – только сжал пальцы сильнее, причиняя ощутимую боль.

Он дернул меня, пытаюсь заставить идти, но я словно вросла в землю. И снова попыталась сбросить с себя его руки.

– Не рыпайся, – приглушенно прорычал он.

Я на мгновение замерла, опять пытаюсь разглядеть, что прячется за тьмой капюшона, мужчина тоже замер, а следом в тишине леса прозвучал оглушительный выстрел. Руки, державшие меня за плечи, конвульсивно сжались, и в следующее мгновение хватка ослабла. Мужчина в балахоне повалился на землю. Испуганно проводив его взглядом, я подняла глаза, пытаюсь рассмотреть, кто стрелял.

В нескольких метрах от меня стоял генерал Шелтер. Слегка потрепанный, но совершенно точно живой, даже не раненый: он стоял так же прямо, как обычно.

Из груди вырвался вздох облегчения, я шагнула генералу навстречу. Едва не запуталась в ногах мертвеца, потом – в платье, а в заключение рисковала упасть от боли, но все равно смогла сделать пару шагов. Остальное расстояние Шелтер успел преодолеть сам. Я порывисто обняла его, утыкаясь лицом в плечо, чувствуя, как теплые руки скользнули вокруг замерзших плеч, согревая и даря ощущение безопасности.

Когда это успело случиться? Без малого три недели назад рядом с генералом у меня замирало сердце и холодели руки, а теперь я прикинула к нему, с трудом сдерживая слезы, испытывая

только облегчение и радость от того, что он здесь. Его близость вселяла уверенность и спокойствие. И я была так рада, что он жив.

Шелтер молчал. Сначала просто крепко обнимал, потом его рука заскользила по моим плечам, успокаивающе поглаживая, коснулась волос. Я прижималась к нему так тесно, что чувствовала, как быстро и неровно бьется сердце в его груди. Совсем как мое. Даже странно, вот уж не думала, что наши сердца могут биться в унисон.

– Все хорошо, милая, все закончилось, – наконец хрипло уронил он. – Ты в порядке?

Я судорожно кивнула и заставила себя немного отстраниться. Ровно настолько, чтобы заглянуть Шелтеру в лицо, мои руки продолжали обнимать его.

– Кто это? Что им было нужно?

– Отступники, – лаконично сообщил генерал. Заметив мое замешательство, пояснил: – Это маги, которых за те или иные преступления изгнали из ложи. Чаще всего они становятся наемниками. Вероятно, они пытались меня убить. Нас обоих.

– Что у них с лицами? Я видела не человека, а... чудовище...

– Это маски, – улыбнулся Шелтер. – Они вне закона, а потому прячут лица.

Он вдруг нахмурился, потом снова улыбнулся и потянулся к моим волосам. Демонстративно вытащил из них веточку, почти в точности повторяя то, что в прошлый раз сделала я. Меня разобрал нервный смех, а следом я попыталась отстраниться сильнее, потому что вдруг осознала, в каком неприглядном виде предстала перед ним. Большая нога тут же дала о себе знать. Я ойкнула и зашипела, а генерал снова поддержал меня за плечи, нечаянно коснувшись холодным металлом пистолета обнаженного плеча. По телу тут же пробежала дрожь.

– Опять нога? – насмешливо поинтересовался Шелтер.

Я смущенно кивнула.

– Кажется, я ее подвернула.

– Идти, я полагаю, не можешь? – деловито уточнил он.

А потом вдруг коснулся моей щеки тыльной стороной ладони, скользнув по ней почти в таком же ласкающем движении, как в ту ночь, когда я старательно притворялась спящей.

– Признайся, милая, тебе просто нравится, когда я ношу тебя на руках, – предложил он тихо тем самым голосом, от которого внутри все вздрагивало, сжималось и ныло томительно-сладко.

Мне даже возразить на его предположение оказалось нечего, оставалось надеяться, что в темноте не видно, как я краснею. Шелтер наклонился ко мне, словно пытаясь что-то разглядеть. На несколько мгновений его лицо оказалось так близко, что я снова подумала: «Сейчас он меня поцелует».

И он поцеловал. В лоб.

Глава 19

Прежде чем отнести меня обратно к повозке, Шелтер проверил застреленного мага. Тот действительно оказался мертв. Генерал оставил его лежать там, где он упал.

Еще четыре тела лежали рядом с повозкой, но меня волновала не столько судьба напавших на нас отступников, сколько возницы Мэла. Не могу сказать, что мы успели подружиться, но парень мне нравился: он был не слишком умным, но добрым.

К счастью, когда Шелтер коснулся его, он застонал и зашевелился. Только вот управлять повозкой больше не мог: у него оказалась разбита голова, кровь заливала лицо, и он выглядел ужасно бледным, словно был в шаге от могилы.

Генерал помог ему перебраться на соседнее сиденье и сел за руль сам. Несколько раз жалобно взвывая, повозка зарычала и тронулась с места.

У меня в голове все еще царил сумбур, мысли метались из стороны в сторону и ни одна не желала оформиться до конца. Получалось только волноваться за Мэла и раз за разом прокручивать в голове момент, когда неизвестный маг схватил меня, и я против воли заглянула в его лицо, закрытое иллюзией звериной морды.

В доме генерала наше возвращение наделало немало шума. Лакей Глен и камердинер генерала осторожно вытащили из машины Мэла, а меня Шелтер вновь отнес сам. Сразу в мою комнату, где оставил заботам охающей Марии. Ногу мою велел не трогать, сказал, что сейчас придет тот,

кто ею займется. Поэтому Мария только суетливо подложила мне под спину подушки и раз пять спросила, не принести ли мне чая, воды или бокал вина. Я от всего отказалась. Вскоре дверь в мою комнату открылась и на пороге появился мужчина-маг, в котором я не сразу, но все-таки узнала магистра Этьена. Сегодня он был в другой мантии: темно-синей, расшитой цветными узорами. Темные волосы его были распущены, а значит, он – готов колдовать.

Этьен вежливо улыбнулся и поздоровался. Мне показалось, что он меня не узнал, но он сел рядом и заметил, потянувшись к моей лодыжке:

– Не бережешь ты свои ножки, Мира. А зря.

Я виновато улыбнулась, пожала плечами и попыталась пошутить:

– Надеюсь, в этот раз генерал хотя бы разрешил вылечить меня до конца? Вроде сегодня я ничем не провинилась.

Этьен замер и посмотрел на меня неожиданно серьезно. На его узком лице карие глаза казались непропорционально большими. Улыбка на моих губах против воли погасла.

– Ты ведь понимаешь, что в прошлый раз он не наказывал тебя? Нет?

– А что же он делал? – нахмурилась я.

– Защищал тебя.

– От кого?

– От тебя самой, – резко заявил Этьен. – А ну как ты бы снова куда-то ломанулась? Так бы и сгнула по пути. А с большими ногами не побегаешь.

Заявив это, он занялся моей новой травмой, а мне оставалось только закусить губу, размышляя над его словами. До сих пор мне не приходило в голову посмотреть на тот приказ генерала с этой точки зрения.

Несколько минут спустя от растяжения осталось лишь воспоминание и легкое ноющее ощущение, какое порой возникает при заживании разного рода болячек. Я поблагодарила мага, тот заверил, что оно того не стоит, и ушел.

– Давайте я помогу вам разобраться прическу... точнее, ее остатки, – предложила Мария, уже доставая из комода ночную сорочку. – И расчешу волосы. Вам нужно отдохнуть.

Помощь с волосами я приняла, а вот от ночной одежды отказалась, попросила достать из шкафа любое платье, у которого есть карманы. Прежде чем лечь спать, следовало рассказать Шелтеру нечто очень важное, что последний час просто не хотело формулироваться в мыслях. После манипуляций Этьена у меня не только нога исцелилась, но и в голове прояснилось.

Мария моей неугомонностью оказалась недовольна, но спорить не стала. Хотя мне и удалось убедить ее называть меня просто Мирой, она все равно пока относилась ко мне как к госпоже.

Четверть часа спустя я снова выглядела вполне обычно и пристойно, как выглядела каждый день. Печально причитая, Мария унесла мое вечернее платье с собой.

– И испачкалось все, и порвалось... Как же так, такая красота. Я постараюсь что-нибудь сделать, – пообещала она, исчезая за дверью.

Однако меня судьба платья интересовала сейчас меньше всего. Я спустилась вниз, надеясь, что найду генерала где-нибудь на первом этаже. Смешно, но я до сих пор не знала, где его личная комната. К счастью, он действительно оказался внизу, в большом зале, в котором находился выход на террасу. К сожалению, генерал был не один.

– Надо было хоть кого-то оставить в живых.

Ворчливый голос Керама Нейба заставил меня замереть на месте и метнуться в сторону, к стене.

– Чтобы допросить и выяснить, кто их послал.

– Будь я один, то рискнул бы, – согласился голос Шелтера. – Но со мной были Мира и Мэл. Сдерживаться и оставлять живого означало рисковать их жизнями.

– Мэл будет очень тронут, узнав, что вы так дорожите его жизнью, – насмешливо произнес голос магистра Этьена.

– Как он? – вопрос прозвучал бесстрастно: если генерал и не оценил иронию мага, то продемонстрировать не стал.

– Жить будет, но пару дней вам придется обойтись без водителя. Пусть полежит. Голова – это такое дело, тут одной магией не обойтись.

– Слушайте, да к Варегу Мэла, – недовольно огрызнулся Нейб. – Генерал, надо понять, что происходит. Я не припомню, чтобы раньше кто-то так нагло и открыто покушался на вашу жизнь.

– Спокойно, Керам, – осадил его Шелтер. – Мы разберемся. Есть у меня подозрения...

На этом я решила, что пора вмешаться. Отошла от стены и продолжила свой путь, больше не таясь, а потому разговор успел смолкнуть до того, как я появилась в зале.

Мужчины действительно были здесь втроем. Шелтер сидел в глубоком кресле, Нейб стоял у выхода на террасу, как всегда опираясь на трость, а магистр Этьен удобно устроился на диване. Однако стоило мне появиться, он тут же подскочил на ноги. Генерал остался сидеть.

– В чем дело, Мира? – спросил он, тревожно хмурясь – Я думал, ты легла спать.

– Мне очень нужно поговорить с вами, господин генерал, – прямо заявила я, против воли настороженно косясь на управляющего.

– Говори, – разрешил Шелтер.

– Наедине, – уточнила я.

– Кажется, мне пора удалиться, – хмыкнул Этьен, поглядывая то на меня, то на Шелтера. – Генерал, вы уверены, что в этот раз действительно не пострадали? Может быть, я все-таки проведу обследование?

– Я в порядке, – заверил Шелтер, глядя на меня не то вопросительно, не то удивленно.

– Точно? А то смотрите, завтра обнаружите у себя какой-нибудь перелом, а меня уже не будет.

Порталы – магия энергозатратная. Не хотелось бы прибегать к ней лишний раз.

– Я в порядке, Этьен, – немного раздраженно повторил Шелтер, тяжело поднимаясь из кресла.

И неожиданно кивнул мне. – Идем-ка со мной, Мира. Прошу меня простить, господа.

Он вышел из зала, оставив крайне недовольного Керама Нейба и обеспокоенного Этьена вдвоем. Я последовала за ним, полагая, что генерал отправится в свою любимую, более закрытую гостиную, где нас сложнее будет подслушать. Однако Шелтер почему-то привел меня на кухню.

По случаю нашего ужина в гостях Галии дали выходной на этот вечер, поэтому здесь было пусто и царил полутьма. Горело лишь несколько маленьких светильников на стенах, которые Морроу по всему дому выключал последними, когда сам укладывался спать.

Шелтер сел в торце длинного стола, за которым ела прислуга, и посмотрел на меня. У него был усталый вид, похоже, магическая стычка не прошла бесследно, но губы все равно едва заметно дрогнули в улыбке.

– Свари мне шоколад, – попросил генерал неожиданно.

– Какой? – несколько оторопело поинтересовалась я, недоверчиво глядя на него.

– Тот, что ты варила в первый раз. Тогда, в Оринграде.

Я нахмурилась, практически забывая, для чего вообще спустилась вниз и нашла его. Что за странная просьба?

– Вам же не понравилось...

Он улыбнулся шире и покачал головой.

– Еще как понравилось. Никогда не думал, что горячий шоколад может быть таким.

– Но почему вы тогда сказали, что он был пресным? – продолжала недоумевать я.

Это все что, какая-то шутка?

– Я солгал, – со вздохом признался генерал, пожав плечами.

– Зачем?

– Чтобы не платить.

Я неуверенно улыбнулась ему в ответ.

– А по вам и не скажешь, что вы ищите способы сэкономить.

– Иногда трудно удержаться. Так ты сварешь?

– Конечно, – заверила я, подходя к плите и чувствуя, как губы расползаются в улыбке шире.

Совсем как на вечеринке до того, как я подслушала разговор девушек. Даже не думала, что мне будет настолько приятно узнать, что генералу нравится мой шоколад.

* * *

– Я не собиралась подслушивать, это вышло случайно, – заверила я генерала четверть часа спустя, когда шоколад был сварен и разлит по чашкам, и я села рядом с Шелтером. В глаза ему предпочитала не смотреть, делая вид, что все мое внимание сосредоточено на помешивании шоколада в чашке. – Только, пожалуйста, не спрашивайте, как именно это вышло.

– Хорошо, – спокойно согласился он, тоже помешивая маленькой ложечкой свой напиток. – И что же такого ты услышала?

– Обрывок разговора капитана Морана и господина Нейба. Господин Нейб спросил, почему нельзя просто убить кого-то, мол, так оно надежнее, а капитан Моран возразил, что этого недостаточно, нужно, чтобы этот кто-то видел, как рушится все, что он создал.

Я испуганно замолчала и все-таки осторожно покосилась на Шелтера. Его лицо пока не выражало никаких эмоций, только готовность слушать.

– И? – подтолкнул он.

– Что – и? – растерялась я. – Это же наверняка они! Они организовали нападение на вас. Шелтер понимающе кивнул, хмыкнул и покачал головой.

– Нет, Мира, ты ошиблась. Они говорили не обо мне.

– А о ком же тогда?

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Но Керам и Риталь не могут ничего замышлять против меня. В них я абсолютно уверен.

Я растерянно хлопнула глазами. Пусть и сама еще недавно думала, что наверняка ошиблась, сейчас, после событий на лесной дороге, я не сомневалась, что тот разговор шел именно о Шелтере.

– Но как вы можете быть уверены? О ком еще могла идти речь?

– Да о ком угодно, – отмахнулся генерал. – У них могут быть какие угодно враги. Я не собираюсь вмешиваться.

– Разве у них могут быть общие враги? – усомнилась я. – Что у них вообще может быть общего?

– Они братья, Мира, – сообщил Шелтер спокойно. – По матери. Керам старший. Его отец погиб, когда он был совсем маленьким. Мать вышла замуж второй раз за отца Риталья. Тот сына от первого брака дома едва терпел, имя свое ему не дал, а как только возраст позволил, выгнал служить в армию. У Керама к военному делу душа никогда не лежала, но кто ж его спрашивал? Кое-как он дослужил до капитана, был ранен и списан. Прозябал в нищете на скромную пенсию. Когда Риталь стал моим адъютантом, он рассказал мне про брата, попросил найти какую-то возможность помочь. Как-то так вышло, что, несмотря на отношение отца, братья выросли очень дружными. Я взял Керама к себе управляющим, и он оказался очень смышленным, так что я не пожалел. А Риталь с тех пор безоговорочно мне предан. Потому что благодарен. Они оба. Так что нет, Мира, им не нужны ни моя смерть, ни мой крах. Я смущенно насупилась. Звучало разумно, но до конца не убедило. Я никак не могла понять, почему, пока не вспомнила еще один момент.

– То, о чем они говорили, должно как-то касаться вас. Потому что господин Нейб упомянул меня, сказал, что я могу создать проблемы, а капитан Моран возразил, что я проблемой быть не могу.

– Мира, ты просто что-то не так поняла, – настойчиво повторил генерал. И немного раздраженно, как мне показалось. – Сама подумай: меня сегодня пытались убить, а с твоих слов они говорили о том, что это не вариант.

– Может быть, они передумали, – не сдавалась я. – Вдруг господин Нейб убедил капитана Морана?

Шелтер снова приглушенно рассмеялся, поднося к губам чашку с шоколадом. Я обиженно замолчала.

– Прости. – Заметив мою реакцию, генерал оборвал смех. – Я очень ценю твое беспокойство и желание помочь. Только я уверен, что тот, кто сегодня подослал ко мне отступников, задумал убить меня уже давно.

– Откуда вы знаете? – удивилась я, от волнения крепче сжимая чашку, которая пока так и оставалась полной.

Генерал ответил не сразу, сделал еще один задумчивый глоток, словно размышлял, стоит ли посвящать меня в свои догадки. Я уже думала, он скажет, что это не мое дело, но он объяснил:

– Полагаю, это продолжение нападения на нас по дороге в Сиран. Очень уж почерк похож.

Мне снова пришлось несколько раз бессмысленно моргнуть, прежде чем его слова улеглись в голове.

– Вы думаете, это месть сиранцев за проигрыш в войне?

– Я думаю, что в прошлый раз кто-то использовал сиранцев, чтобы их руками избавиться от меня, – поправил Шелтер. И тут же пояснил, видя мою растерянность: – Понимаешь, то нападение было или очень глупым, или подозрительно удачным. Откуда сиранцы могли знать, что я поеду вечером по той дороге? А если они не целились специально в меня, то какой смысл был в их акции? Подумаешь, убили бы несколько варнайских офицеров и рядовых. Какой от этого прок? Другое дело – убить генерала. Но тогда кто-то должен был им сообщить, что еду я.

– А кто знал, что вы поедете именно вечером?

– Да многие, – Шелтер поморщился. – Моран, конечно, полковник Ридд, еще несколько офицеров. Плюс кто-то мог слышать из рядовых.

– Мне показалось, полковник Ридд тогда удивился, что вы поедете, – возразила я, внутренне содрогаясь от воспоминаний о том дне.

– Нет, он подозрительно картинно возмутился этим, – тихо заметил Шелтер. – Он знал, что я собираюсь ехать. И что я тороплюсь.

– Но он тоже был с нами. И мог погибнуть.

– Мог, но не погиб, – хмыкнул Шелтер. – Прекрасное алиби.

– И зачем ему это?

– А мы давно не ладим. У него были все шансы стать генералом, но повышение досталось мне, хотя я моложе и служу меньше. Возможно, он просто пытается таким образом восстановить справедливость.

– И что вы будете теперь делать?

Шелтер посмотрел на меня, и по спине от его взгляда пробежал холодок. Рядом вдруг снова оказался кровавый генерал, готовый расправиться со своими врагами быстро, эффективно и безжалостно.

– Я разберусь с этим, Мира. Мне жаль, что они испортили нам вечер, но больше тебе опасаться нечего. Через три дня я уеду, а со мной уедет и угроза. Мои враги не твоя забота. Это только мои проблемы. Ложись спать, милая, – посоветовал он, допивая и поднимаясь на ноги. – Спасибо за шоколад и за компанию сегодня.

– Генерал, стойте! – Я тоже поспешно вскочила и удержала его за локоть.

Тут же испуганно отдернула руку, а Шелтер удивленно оглянулся на меня.

– Что-то еще?

– Да.

Я опустила руку в карман платья и достала ожерелье, которое он на меня надел перед отъездом.

– Вот, возьмите, – попросила я, стараясь унять дрожь. Даже прикосаться к столь дорогой вещи было немного страшно – вдруг испорчу? – А то еще случится что-нибудь...

– Не возьму. Это теперь твое. Считай его подарком.

– Я не могу, – испуганно заявила я, помотав головой для убедительности. – Это очень дорого.

Одно дело принять от вас платье, другое...

– Мира, – перебил генерал с усталым вздохом. – Давай не будем спорить. Это ожерелье твое, и не смей отказываться. В конце концов, это твоя единственная страховка. Может пригодиться. Наверное, я сегодня все-таки очень сильно ударила голову во время нападения, потому что его слова снова казались мне бессмысленными. Какая еще страховка?

Шелтер слегка раздраженно закатил глаза, как будто его утомила моя непонятливость. Он шагнул ко мне и чуть наклонился, приближая свое лицо к моему.

– Я не хотел тебе этого говорить, чтобы не усложнять наши... отношения. Я советовался с законниками. Со всеми, до кого время позволяло доехать. Насчет тебя. Освободить тебя я не могу, но ты все-таки не обычная рабыня. Ты моя награда за службу. Врученная мне Магистром при свидетелях на официальной церемонии. А это значит, что в своей посмертной воле я могу потребовать, чтобы ты никогда не принадлежала другому. Все, с кем я советовался, сошлись во мнении, что Магистр удовлетворит такое последнее желание национального героя. Так что я внес в завещание соответствующий пункт. Если я погибну во время очередной кампании, ты получишь свободу. Конечно, никто не будет с тобой возиться, тебе просто выдадут документы гражданки Варнайского Магистрата. Теперь, когда ты столько времени провела в моем доме, в Оринград тебе лучше не возвращаться, но и здесь ты жить не сможешь. Завещать тебе даже скромную сумму я не могу, потому что пока я жив, ты рабыня и не можешь быть включена в завещание. Поэтому единственное, что у тебя останется, – это мои подарки. Дарить наложнице одежду и украшения я в праве. А мы ведь никому не скажем, что ты не была наложницей в

полном смысле этого слова? Так вот, ты всегда сможешь заложить это ожерелье или продать. Денег хватит, чтобы уехать, куда ты захочешь, и на первое время там. Поэтому спрячь его как следует. На крайний случай. Сама видишь: если меня не убьет война, то свои же готовы всадить нож в спину. Я не смогу защищать тебя всегда.

Я смотрела в его глаза, казавшиеся сейчас совсем черными, с ужасом и непониманием. Когда Шелтер замолчал, я смогла задать только один вопрос:

– Почему?

– Что почему?

– Почему вы так добры ко мне? То, что вы делаете сейчас, выходит за рамки обычного милосердия. Чем я заслужила?

Уголки его губ вновь приподнялись в улыбке. Сегодня генерал был щедр на них.

– Не волнуйся, милая. Отрабатывать мою щедрость не заставлю.

– Зачем вы так? – обиделась я. – Теперь я знаю вас достаточно хорошо, чтобы не оскорблять подобными подозрениями. Но я все равно не понимаю...

– А я не готов объяснять, – спокойно парировал он. – Просто прими, как данность, Мира.

Считай, что я... замаливаю грехи. Может быть, мне зачтется твоим Тмаром. Или другим богом. Хотя, конечно, я надеюсь, что их не существует, ибо груз моих грехов слишком велик.

Глава 20

Утром за завтраком генерал был молчалив, задумчив и хмур. На его лице оставались следы вчерашней усталости, как будто вместо того, чтобы спать, он всю ночь занимался какими-то делами. О нападении напоминало несколько ссадин и мелких царапин, которые он не стал залечивать. На нем была повседневная военная форма, и это означало, что он снова собирается уехать по делам.

– Как себя чувствует Мэл? – спросила я, просто чтобы хоть как-то завязать разговор и отвлечь Шелтера от явно невеселых дум.

– С ним все в порядке, насколько мне известно, – отозвался генерал после небольшой паузы, как будто не сразу понял смысл вопроса. – Пока отлеживается. Если хочешь, можешь его навестить, ему будет приятно.

Я кивнула, давая понять, что мне эта идея нравится и я обязательно зайду к пострадавшему вознице.

– А как же вы теперь без него? Вы ведь куда-то собираетесь, да? Кто вас повезет?

Шелтер, до сих пор больше внимания уделявший собственной тарелке, наконец поднял на меня взгляд и улыбнулся. С заметным усилием.

– Ты вчера могла убедиться, что я прекрасно справляюсь с вождением сам. Водитель в моей жизни не реальная необходимость, а скорее дань положению. Как и камердинер. Знаешь, я ведь прекрасно могу одеваться и раздеваться сам, на войне у меня нет помощников.

– Так вы их держите только потому, что вам так положено? – удивилась я. – Они подчеркивают ваш статус богатого человека?

– Я держу их, потому что теперь достаточно богат, чтобы оплачивать прислугу, – поправил Шелтер. – А людям нужна работа. Это своего рода перераспределение средств в обществе.

Я снова кивнула, на этот раз медленно, задумчиво. Генерал снова и снова заставлял меня смотреть на привычные вещи с неожиданных точек зрения, из-за чего мир, ранее такой простой и понятный, обретал новые очертания, играл неожиданными красками. Порой это пугало, но в то же время очень мне нравилось.

– Вы надолго сегодня? – поинтересовалась я, помолчав немного. – Вернетесь к обеду или к ужину?

– К обеду точно нет, даже к ужину едва ли, так что не жди меня. Через три дня я уеду, а кое-какие дела еще остались.

Внутри что-то неприятно дернуло, я нахмурилась, недовольно ковыряя пальцами рыхлую булочку. Обычно они мне очень нравились, но сейчас аппетит вдруг пропал.

– Какой-то дурацкий у вас отпуск, генерал Шелтер, – не сдержавшись, проворчала я. – Вы совсем не бываете дома, только и делаете, что разъезжаете по делам.

– Только не говори, что ты по мне скучаешь, – насмешливо попросил он.

Я бросила на него взгляд исподлобья. Он сидел как всегда очень прямо, держа в руках изящную чашку с кофе, так и не донеся до рта. Судя по кривой ухмылке, его слова были просто едкой шуточкой, на какие он бывал щедр, но я вдруг с удивлением поняла, что они попали точно в цель.

Это стало для меня неожиданным открытием, как накануне я с удивлением поняла, что близость генерала вселяет в меня покой и уверенность в собственной безопасности. Теперь оказалось, что я начала по нему скучать. Начала заранее, ведь он еще не уехал, а мне уже стало грустно от мысли, что вскоре я буду завтракать, обедать и ужинать одна. Ну, может быть, слуги возьмут в свою компанию, как делают иногда и сейчас, когда Шелтер в отъезде. Но это будет не то. Мне будет не хватать его общества. Его умных, пусть и циничных, рассуждений, его рассказов, порой неуместных и жестоких шуток.

Три дня. Один из которых он уже совершенно точно проведет неизвестно где, вернувшись ближе к ночи.

– Хорошо, не буду, – буркнула я, снова опуская взгляд на истерзанную булочку.

На несколько долгих секунд в столовой повисла тишина, которую разрушило позвякивание чашки, опустившейся обратно на блюдце.

– Хочешь, я никуда не поеду? – неожиданно предложил Шелтер.

Я удивленно посмотрела на него, забывая о многострадальной булочке. Как это часто случалось, попала в плен темных глаз. Только сегодня их тьма не пугала. Как обычно, она казалась вездесущей, обволакивающей и проникающей внутрь, но сейчас еще и необычно теплой, как летняя ночь.

– Только скажи – и я останусь, – продолжил Шелтер мягко. – Но тогда тебе придется весь день провести со мной, потому что если я останусь, то только ради твоей компании. Так что скажешь? Мне уехать или остаться?

Во рту мгновенно пересохло и язык как будто парализовало. Я не знала, что делать. Вот так открыто заявить, мол, оставайтесь, господин генерал, мне так хорошо с вами? Стыдно же...

Нельзя же забывать о том, что я сюда привезена насильно и должна бы по-прежнему испытывать если не ненависть, то хотя бы неприязнь к завоевателю, вторгшемуся в мой родной город, похитившему меня из дома...

Не получалось. Даже если бы я очень хотела и старалась разжигать в себе негативные чувства к генералу, у меня вряд ли получилось бы, а я даже не старалась. Он был добр ко мне и по странной иронии судьбы заботился о моем благополучии гораздо больше, чем родной отец, о котором я хоть и продолжала вспоминать, но к которому мне все меньше и меньше хотелось возвращаться.

Генерал молчал. Смотрел на меня, забыв про завтрак, и молчал. Ждал ответа.

– Хочу, – наконец тихо и ломко выдохнула я.

– Что? – Он вопросительно приподнял брови, на его губах появилась плутоватая улыбка.

«Вот же негодяй, – в отчаянии подумала я. – Обязательно надо выцарапать из меня полноценный ответ, как будто и так не понятно...»

Откашлявшись, произнесла нарочито громко:

– Я хочу, чтобы вы остались, господин генерал. Сегодня чудесный день, а у вас есть великолепный сад, который вы совершенно не цените. Мы могли бы прогуляться по нему.

Господину Юнту будет очень приятно.

– Хорошо, – легко согласился Шелтер. – Так и сделаем. И, может быть, придумаем что-то еще.

И он спокойно вернулся к трапезе, а у меня только теперь сердце забилось быстрее, мешая дышать и даже думать, я уж не говорю про есть. До сего момента мне все казалось, что он просто подтрунивает надо мной.

Ведь не мог столь серьезный человек бросить все свои дела ради целомудренного общения с «недоналожницей», у которой «всех достоинств – готовит вкусно». Или это на него такое впечатление произвел вчерашний горячий шоколад? Но в этот раз я точно ничего не нашептывала, даже в мыслях ничего постороннего не было.

Следом в душу закралось подозрение: а что, если он никуда и не собирался? Мало ли для чего он надел форму. Или у него просто ничего важного, и он решил разыграть меня, посмотреть, как яотреагирую?

Впрочем, от этих предположений пришлось отказаться, когда после завтрака мы вышли в холл, где генерала уже ждал господин Нейб. Услышав, что Шелтер передумал ехать по делам, управляющий не смог скрыть изумления.

– Но, господин генерал... – попытался возразить он.

Договорить ему не дали:

– Керам, езжай сам. Ты прекрасно справишься и без меня, как справляешься постоянно. А у меня отпуск. И сегодня я хочу отдохнуть от всех дел.

На последних словах он оглянулся на меня и едва заметно улыбнулся. Нейб тоже посмотрел на меня, но от его взгляда мороз пробежал по коже, мгновенно захотелось куда-нибудь спрятаться. И как-то так само собой получилось, что спрятаться я попыталась за спиной Шелтера.

– Как скажете, генерал, – холодно уронил Нейб и поковылял к выходу. Его трость оглушительно громко стучала по гладким мраморным плитам холла.

– Божественный Тмар, что я ему такого сделала? – пробормотала я, когда за Нейбом закрылась дверь. И под вопросительным взглядом Шелтера пояснила: – Он меня с первого дня ненавидит.

– Поверь, лично ты здесь совершенно ни при чем, – заявил генерал, но объяснять не стал. Лишь протянул мне руку и предложил: – Идем?

После секундного колебания я вложила руку в его как всегда горячую ладонь, испытывая одновременно и сомнения, и волнение, и предвкушение.

Шелтер же уверенно потянул меня к выходу.

* * *

– О боже, что это? – изумленно выдохнула я, впервые оказавшись в неприметном одноэтажном строении. Оно стояло с той стороны особняка, куда я до сих пор не доходила.

Мы с Шелтером уже успели нагуляться по саду, действительно очень обрадовав своим визитом старика Юнта. Тот с суетливым вдохновением принялся показывать генералу, что и где он посадил в этом году, как разрослось то, что он посадил в прошлом, и поделился планами на будущее. Как ни странно, Шелтер проявил к его рассказу вежливый интерес и похвалил за отличную работу. Мне тоже перепало похвалы, когда Юнт обратил внимание на клумбы, за которыми последние две недели ухаживала я.

– Оказывается, вот в чем твое истинное призвание, – пошутил Шелтер. – Совсем не шоколад, а цветы.

– Одно другому не мешает, – возразила я. – Просто шоколад и выпечка в том объеме, что я привыкла их готовить, здесь не нужны, а мне крайне необходимо чем-то занимать руки. И потом... Цветы поднимают настроение и дарят вдохновение.

Шелтер кивнул, глядя на меня с какой-то совсем незнакомой задумчивой улыбкой. Иногда я так жалела, что не могу проникать в его голову и подслушивать мысли так же легко, как он забирается в мои. Мне оставалось только гадать, что творится в его душе.

– Пойдем, покажу тебе кое-что, – предложил генерал, когда мы распрощались с садовником, а я пообещала, что приду помогать ему завтра.

И вот тогда Шелтер привел меня в небольшое строение, в котором стояло... оно. Чем-то это напоминало велосипед, каких хватало и в Оринграде, по крайней мере, у него тоже было два колеса и сиденье. Только я не нашла педалей, а колеса были громоздкими, тяжелыми на вид. Да и вся конструкция обвешана чем-то черным вперемешку с серебристыми, блестящими трубами.

– Это мотоцикл, – лаконично объяснил Шелтер. И частично подтвердил мою догадку: – Что-то вроде велосипеда, но ездит как машина: с помощью двигателя.

– Выглядит грозно, – заметила я, обходя «мотоцикл» по кругу и разглядывая хищно изогнутые ручки руля.

– Рычит еще грознее, – ухмыльнулся Шелтер. – И развивает скорость не меньшую, чем машина, только ощущается она совсем иначе, потому что вокруг тебя нет защитного панциря кабины. Только ветер в ушах свистит.

Я попыталась это представить, но не смогла, а генерал неожиданно предложил, оказавшись у меня за спиной и наклонившись к уху:

– Хочешь прокатиться?

Его горячее дыхание обожгло мочку и щекотно коснулось изгиба шеи, от чего по коже пробежала небольшая стайка мурашек, а сердце вновь подпрыгнуло и трепыхнулось.

– Не знаю, – отозвалась я и повторила его же слова: – Чтобы чего-то хотеть, надо знать, каково это. Но я все равно не смогу им управлять. Я и на велосипеде ездить не умею, у меня его никогда не было.

– Ты будешь пассажиром, мы легко поместимся вдвоем. Соглашайся, это тоже весьма вдохновляет. Правда, – он интимно понизил голос, наклоняясь к моему уху еще ближе, – ради этого удовольствия все-таки придется раздвинуть ноги.

Я непроизвольно дернулась, пытаюсь отстраниться, а Шелтер – зараза такая – рассмеялся. И прежде, чем я успела что-то сказать, пояснил:

– Чтобы сесть на мотоцикл. Видишь, сиденье довольно широкое, это почти как сидеть на лошади. Только впереди буду я, и тебе придется держаться за меня.

Иррационально захотелось его стукнуть, и неподобающее желание так напугало меня, что я обхватила себя руками. Во избежание.

Но несмотря на необходимость для поездки смущающей позы, я не смогла воспротивиться искушению согласиться. К счастью, на мне сегодня было платье с расклешенной юбкой, не стесняющее движений. Оставалось только сесть так, чтобы оно не задралось во время поездки очень уж непристойно.

Шелтер вручил мне смешные огромные очки на резинке, такие же надел сам и пояснил:

– Чтобы песок в глаза не летел.

Я не смогла сдержать смех. На мой взгляд, он стал похож на гигантскую муху, только без крыльев. Я, наверное, выглядела так же смешно.

– Держись крепче, – велел Шелтер, когда мы уселись и я положила руки на его плечи, предварительно оправив платье.

– Я держусь.

– Нет, так ты свалишься на первой же кочке. Обними меня обеими руками и держись как следует.

Я смущенно закусила губу, медля исполнить приказ. Неловко было так прижиматься.

– Мира, ты же обнимала меня вчера в лесу, – насмешливо напомнил он. – И ничего страшного не случилось, тебя не поразила молния божественного гнева.

Желание стукнуть его вернулось, поэтому я торопливо обхватила генерала руками, опять же – во избежание.

– Так-то лучше, – хмыкнул он, убирая ногой опору, на которой мотоцикл держался, и отталкиваясь от земли, чтобы сдвинуть его с места.

Секунду спустя взревел тот самый волшебный двигатель, и я тихо ойкнула, когда мотоцикл рванулся вперед, а меня дернуло назад. Руки сами собой крепче вцепились в Шелтера.

Мы выкатились из строения, проехали по узкой дорожке и вскоре выбрались на аллею, где скорость движения стала еще больше. Меня сковало ужасом, захотелось закричать генералу на ухо, чтобы он немедленно остановился, но воздух ударил в лицо, ворвался в легкие, и я почти задохнулась от столь резкого, безжалостного вторжения.

А спустя несколько мгновений задыхалась уже от восторга. Рев двигателя наполнял уши, ветер трепал волосы, и у меня появилось полное ощущение полета. Полета и свободы, какой не могло существовать на грешной земле, только в божественной обители. По крайней мере, так я думала до того момента. Захотелось закричать от внезапно охватившей меня беспочвенной радости, расставить руки в стороны, словно птица крылья, закрыть глаза и поднять лицо к солнцу, пробивающемуся к нам сквозь кроны деревьев.

Но я, конечно, не решилась отпустить Шелтера, памятуя о предупреждении, что свалюсь на первой же кочке.

Не знаю, как долго мы ехали. Мелькали растущие вдоль дороги деревья, вдалеке проплывали домики уже знакомого городка. Ни на одну лесную дорогу мы так и не въехали, словно Шелтер опасался рисковать и давать неизвестным недоброжелателям возможность снова на нас напасть. Хотя едва ли кто-то мог устроить засаду сегодня: ведь никто не знал, что мы поедем кататься.

Но все равно мы проезжали в основном через поля, пока мотоцикл вдруг не сбросил скорость и не съехал на обочину. Мы остановились, Шелтер вновь выставил опору и предложил спешиться.

Мне потребовалось немало времени, прежде чем я смогла вернуть себе контроль над телом, расцепить руки и спрыгнуть на землю. Ставив с себя очки, я положила их на сиденье и оглянулась.

Оказалось, мы остановились на краю солнечного моря. Seriously, я никогда раньше не видела такого: прямо у дороги начиналось огромное поле желтых цветов, убегающее во все стороны до самого горизонта. Высокие стебли, доходившие мне до середины бедра, венчали метелки мелких цветочков, столь ярких, что хотелось зажмуриться, как будто смотришь на настоящее солнце.

Зачарованная, я шагнула вперед, погружаясь в цветущие волны, касаясь кончиками пальцев нежных шелковистых лепестков. И снова задыхалась от восторга, сердце билось в груди как сумасшедшее. Солнце ярко светило надо мной, солнце разливалось вокруг меня, уходя в бескрайнюю даль, где соединялось с прозрачно-голубым небом. Ветер трепал спутавшиеся волосы, теплые лучи целовали кожу, и меня наполнял почти такой же восторг, как во время фейерверка накануне.

Я обернулась, желая спросить у Шелтера, чувствует ли он то же самое, что сейчас испытываю я, ощущает ли кожей теплое солнечное безумие, но не смогла произнести и звука. Оказалось, что я, не заметив, отошла на приличное расстояние, а он остался у мотоцикла.

Генерал сидел на нем боком, скрестив руки на груди и с улыбкой наблюдая за мной. Его волосы тоже были взъерошены, солнце играло, отражаясь от золотистых пуговиц и нашивок его мундира, а сам он шурился от яркого света. Я вновь невольно залюбовалась им: ростом, статью, осанкой. И вновь испытала укол совести.

Ну, не должна похищенная из дома девушка так восхищаться своим похитителем, но я ничего не могла с собой поделать. Быть может, потому, что впервые встретила его не как врага, не как богатого хозяина, а как мужчину одного со мной положения. Встретила тогда, когда, доведенная почти до отчаяния, ждала, что в дом наконец войдет моя судьба.

Дождалась. Судьбу не выбирают. Как не выбирают любовь. Просто он пришел и все изменил, пусть даже сначала перемены казались кошмаром. Но сейчас, стоя посреди залитого солнцем желтого моря, я почти не помнила ужаса первых дней.

Шелтер вдруг встал, расплетая руки, и направился ко мне. Сердце опять подпрыгнуло, а потом ухнуло вниз, провалилось в живот и запульсировало там не то болезненно, не то приятно. По мере того, как сокращалось расстояние между нами, мне хотелось то попятиться, то шагнуть генералу навстречу, но я осталась стоять на месте, пока он не подошел сам.

Подошел, посмотрел в глаза все тем же пронизывающим взглядом, прожигающим насквозь и проникающим в меня. Я тяжело дышала, безотчетно и бессознательно погружаясь в темноту зрачков и почти не отличающейся от них радужки. Солнечный свет как будто был не властен над генералом Оллином Шелтером, не способен развеять тьму внутри него. Но возможно, это было и не нужно?

Руки генерала без предупреждения скользнули вокруг моей талии, крепко прижимая к нему. Я уперлась ладонями Шелтеру в грудь, отклоняясь назад, пытаюсь сохранить дистанцию, хоть и понимала, что это бессмысленно. Примерно так же бессмысленно, как сопротивление Сирана Варнайскому Магистрату.

– О чем ты думаешь, Мира? – тихо спросил Шелтер. – О чем ты думала сейчас, когда смотрела на меня?

– Ни о чем, – попыталась соврать я, но он только покачал головой.

Конечно, его не провести.

– О чем ты думала? – настойчиво повторил Шелтер.

– О том, что вы очень красивый мужчина, – почти шепотом призналась я, чувствуя, как жар стыда затапливает меня. – О том, что вы не должны мне нравиться, но нравитесь.

– Но почему не должен? – все так же тихо и спокойно уточнил он, не отпуская мои глаза ни на секунду.

– Потому что вы генерал чужой армии, – неуверенно объяснила я. – Человек, забравший меня из дома и превративший в рабыню.

Шелтер покачал головой.

– Нет, Мира, не я тебя забрал, не я превратил в рабыню. Это сделал Драгз, я просто не мог ему помешать, потому что он не подчиняется мне, он подчиняется Магистру. И не моя вина, что Сиран и Оринград оказались слишком слабыми, чтобы защитить своих граждан. Как не виноват я в том, что твой отец повел себя как последний дурак, подвергнув тебя опасности. Скажи, что плохого сделал тебе лично я? Я хоть раз тебя обидел? Хоть раз злонамеренно причинил тебе боль?

Я тяжело сглотнула и, не найдя голоса, лишь неуверенно пожала плечами и покачала головой. – Тогда почему я не должен тебе нравиться? – почти прошептал Шелтер, наклоняясь ближе. Тому были причины. Пусть он не сделал мне ничего плохого, но я не должна была влюбляться в него. Потому что честных отношений между нами быть не могло. Законных, освященных Тмаром уз. А когда женщина знает, что мужчина не сделает ее своей женой, она не должна позволять обнимать себя. И наверное, именно это я хотела сказать ему, когда открыла рот, но не вышло.

Не спрашивая разрешения, без какого-либо предупреждения Шелтер наклонился еще ниже, накрывая мои губы своими, поначалу лаская медленно, осторожно и томительно нежно, но постепенно усиливая напор.

Его руки скользнули по моей спине, привлекая ближе и одновременно удерживая, но меня уже не надо было держать. Что-то с громким треском сломалось и рухнуло – и то была стена строгого воспитания, которое я получила дома. Она рухнула, разлетелась на куски вместе с желанием сопротивляться. Мои ладони больше не отталкивали его, они скользнули вверх по его груди, к плечам, руки обвили шею. Я вся потянулась к генералу, к его бесстыдным, требовательным и таким нежным губам, приподнимаясь на носочках, чтобы как-то компенсировать разницу в росте.

* * *

Постепенно туман в голове начал рассеиваться, вернулись сомнения, и я испуганно отпрянула, прерывая поцелуй. Шелтер не стал удерживать и продолжать насильно. Ослабил объятия, но ровно настолько, чтобы я смогла лишь немного отстраниться. Его руки продолжали обнимать меня, чему отчасти я была рада: ноги отчего-то снова держали плохо, как в первый момент, когда я только слезла с мотоцикла.

Наверное, сумасшедший поцелуй в каком-то смысле был сравним с непривычной поездкой. Как только мысли окончательно прояснились, я почувствовала охватившую меня мелкую дрожь. Одна рука генерала все еще лежала у меня на талии, а другой он осторожно коснулся головы, погладив по волосам, потом щеки, невесомо лаская горящую кожу, как уже делал раньше. Его неровное дыхание касалось моего лица, но он молчал.

Молчала и я. Тоже тяжело дыша, не решаясь посмотреть ему в лицо. Я опустилась на всю стопу, снова став заметно ниже, мои руки сползли ему на плечи.

– Ты вся дрожишь, – были первые его слова после продолжительной паузы. Голос прозвучал бесстрастно. – Не понравилось? Или я напугал тебя?

Я молча мотнула головой, все еще не решаясь поднять глаза.

– То есть понравилось? – педантично уточнил он.

Я кивнула, ощущая, как дрожь усиливается. Ничего не могла с ней поделать.

– Тогда в чем проблема? Что с вами делают в этом проклятом Оринграде, если у взрослой, полностью созревшей девушки такая простая, естественная между симпатичными друг другу мужчиной и женщиной ласка вызывает подобную реакцию? Такое чувство, что я пытался тебя съесть, а не поцеловал.

Я смущенно уткнулась лицом ему в плечо, отчаянно стараясь взять себя в руки, но проигрывая эту битву. Шелтер успокаивающе погладил меня по плечу. Его прикосновения были легки и почти невесомы, руки обнимали, поддерживая, но не удерживали. Я чувствовала, что, если захочу отстраниться больше, смогу беспрепятственно это сделать, но я не хотела. Мне нравилось чувствовать его руки, ощущать терпкий аромат табака, исходящий от мундира. К нему примешивался еще какой-то запах, незнакомый, но очень приятный, он исходил от его кожи. Безумно хотелось уткнуться носом в шею, чтобы почувствовать этот запах лучше. А еще, может быть, коснуться губами, попробовать его кожу на вкус...

От этих неподобающих желаний меня снова бросило в жар, и просто чтобы отвлечься, я заставила себя сказать:

– Дело не в Оринграде, дело во мне.

Голос прозвучал надломлено, хрипло, я откашлялась, чтобы прочистить горло и признаться уже немного увереннее:

– Просто я целуюсь второй раз в жизни. А первый прошел не очень удачно.

– Расскажи? – предложил Шелтер мягко.

– Это неприятные воспоминания.

Он молча коснулся губами моего лба, потом поцеловал в висок, снова погладил по плечу. Не настаивал, но и не отступал. Его осторожные прикосновения постепенно успокаивали меня, и я вдруг с удивлением обнаружила, что уже рассказываю ту историю.

– Мне было четырнадцать. И был парень года на три старше, который уже начал... Ходить ко мне, понимаете? Выделял меня среди прочих.

– Он тебе нравился? – тихо уточнил Шелтер.

– Наверное. Он был приятным. Мы в каком-то смысле дружили. Он иногда мне помогал, а я ему приберегала угощения. Однажды он заманил меня за дом и принялся целовать, прижав к стене.

– Тебе было неприятно?

– Нет, почему же? Непривычно, но мне понравилось.

– Значит, он захотел больше, чем ты была готова дать?

– Да нет же! Он был достаточно... сдержан.

– Тогда что пошло не так?

– Мой отец нас застал за этим делом, – призналась я, непроизвольно поежившись. Старая обида шевельнулась внутри холодной мокрой жабой. – Кира он прогнал последними словами, а меня выпорол.

Руки Шелтера на мгновение сжались крепче вокруг меня, но тут же снова расслабились. Я повернула голову, прижимаясь к его груди щекой, погладила ладонью грубую ткань мундира. Тяжело сглотнула вставший поперек горла ком.

– Он бил меня ремнем и все приговаривал: «Шлюхам не место в моем доме». Он повторял это и повторял... А рядом плакала мама, просила меня отпустить, но он только вытолкнул ее из комнаты и продолжил. Самое обидное, что у меня и в мыслях не было позволять Киру нечто большее, чем пару поцелуев. Но с того дня... Расхотелось и этого.

Руки генерала снова нежно скользнули по моим плечам, он сжал меня в объятиях крепче, еще раз коснулся губами лба, виска, скулы. Я запрокинула голову, бессовестно подставляя губы под новый поцелуй, который не заставил себя ждать. И на этот раз он оказался медленнее, спокойнее и нежнее.

– Бедная моя девочка, – пробормотал Шелтер тихо, отстраняясь и заглядывая мне в глаза. Его пальцы вновь ласкали кожу на щеке, и я непроизвольно зажмурилась от удовольствия. – Теперь мне многое стало понятней. Кроме одного: как ты можешь называть то место своим домом? И ради этого человека ты рисковала, вступаясь за него перед солдатами?

Я пожалала плечами.

– Он мой отец. Единственный родной мне человек. Да, он часто обижал меня. И маму. Но... Семью не выбирают.

Как судьбу и любовь, подумалось мне, но я не стала озвучивать.

– Он больше тебя не обидит, – заверил Шелтер. – Ты туда не вернешься.

Наверное, его слова должны были меня успокоить, но мне почему-то стало ужасно грустно и тоскливо. Не потому что я скучала по отцу. Я скучала по Оринграду. По запаху моря, по крику чаек, по портовому шуму. По узким, порой невообразимо кривым улочками, по моим гостям, с некоторыми из которых у нас сложились почти дружеские отношения, по Анне Кроули. Я скучала даже по лохматому, вечно голодному Бардаку, а от мысли, что больше не смогу навестить могилу матери мне хотелось плакать.

И, кажется, я вывалила на Шелтера все эти сумбурные мысли и чувства бессвязным лепетом между его поцелуями, которыми он снова и снова покрывал мое лицо, пока я наконец не успокоилась окончательно. Дрожь унялась, ноги теперь держали меня увереннее, а что глаза слезились... Так это просто солнце резало их, поскольку мне приходилось запрокидывать голову.

– И что теперь? – спросила я, когда мы отстранились друг от друга чуть дальше.

Сейчас я могла лучше видеть лицо генерала, такое спокойное и бесстрастное, как и всегда.

Лишь глаза выдавали его с головой, словно он забыл поставить обычный зеркальный щит. В этих глазах я видела и странную тоску, и горячее желание, и даже нечто похожее на страх.

Неужели генерал Шелтер может чего-то бояться? Неужели он может бояться меня?

Логично было предположить, что ему нужно нечто большее, чем просто поцелуи посреди цветущего поля. Готова ли я была это дать? Я не знала. Меня тянуло к нему, нравилось ощущать его прикосновения, но слова отца все еще звучали в ушах: «Шлюхам не место в моем

доме». А как еще назвать женщину, что с готовностью и желанием и ложится в постель к мужчине, который не является ее мужем?

Наверное, Шелтер прочел противоречивые мысли и понял охватившую меня внутреннюю борьбу, улыбнулся и покачал головой.

– Ничего, Мира. Через три дня я уеду. И не знаю, когда вернусь. Если вообще вернусь. Ты будешь меня ждать?

– Буду, – легко выдохнула я.

Конечно, а как же иначе? Неужели у него еще остались сомнения?

– Вот заодно и узнаю, каково это: быть там, когда тебя ждут здесь, – с улыбкой заметил генерал. – И каково возвращаться сюда, когда тебя кто-то ждет.

Я снова шагнула к нему, убивая едва восстановившееся расстояние, коснулась рукой его лба и очертила указательным пальцем защитный круг. Не без труда дотянулась губами до его центра, Шелтеру пришлось наклониться, чтобы у меня получилось.

– Пусть Тмар вас хранит. Я буду молиться за вас, генерал Шелтер.

Он улыбнулся, снова обнимая меня и целуя.

* * *

Это был длинный, солнечный и невероятно радостный для меня день. Пожалуй, я не могла припомнить другого такого за последние несколько лет, а может быть, и за всю мою жизнь! Нацеловавшись в поле так, что у меня заныли губы, мы поехали дальше. Оказалось, что окрестности генеральского дома богаты на живописные места. Здесь даже нашелся водоем. Конечно, он не был похож на море, просто маленькое озерцо или даже пруд, но я с удовольствием окунула в него ноги, хоть для этого и пришлось снять чулки. На предложение присоединиться ко мне, генерал Шелтер лишь скрестил руки на груди и со своей обычной ухмылкой заявил:

– Я залезу в эту воду только в одном случае: если мы с тобой решим поплавать нагишом. За что и был обрызган с ног до головы.

Когда нас одолевал голод, мы заезжали в какой-нибудь небольшой городок, где рядом с рыночной площадью всегда можно было найти несколько кафе. В одном повар прямо при нас пожарил в кипящем масле плоские булочки, растянув тесто руками так, что в центре образовался совсем тоненький слой. Еще горячую зарумянившуюся лепешку он обмакнул в сахарную муку, перехватил шуршащей бумагой и вручил мне. Я от нетерпения обожгла об нее язык и губы.

В другом городе и другом кафе мы съели уже более основательный обед, сидя на террасе, оплетенной каким-то вьющимся растением, от которого образовывалась приятная тень. Было непривычно оказаться гостьей, расслабленно попивающей кофе, пока подавальщики носят туда-сюда, разнося между столиками еду.

В третьем городке мы попали на местный праздник, где всем наливали какой-то холодный, сильно пенящийся напиток. Он оказался сладковатым на вкус, и после пары глотков мне стало еще веселее. Пока я, сжимая в руках громоздкую кружку, которую мы взяли на двоих, ибо одному с ней было не справиться, открыв рот наблюдала за выступлением жонглеров, Шелтер умудрился где-то купить мне цветов.

– Помню, на тебя произвела благоприятное впечатление эта наша традиция, – объяснил он, когда я недоверчиво посмотрела на аккуратный нежный букет, который он мне протянул и обменял на кружку.

За одно это я готова была расцеловать его при всех. Но, конечно, не решилась. И к чести генерала Шелтера, он щадил мою стыдливость, на людях максимум позволяя себе предложить мне локоть. Лишь когда мы останавливались прогуляться в пустынных местах притягивал к себе для нового поцелуя.

Поскольку почти сразу солнце стало припекать, Шелтер снял мундир, а потому в нем никто не узнавал военного. Зато в каждом городке его мотоцикл неизменно собирал толпу местных мальчишек, которые облепляли его и подолгу не давали нам тронуться с места, кланча:

– Дядя, покатай! Ну, пожалуйста, покатай!

Шелтер только смеялся в ответ.

Он вообще сегодня много смеялся, гораздо больше и намного искреннее, чем обычно. Я его практически не узнавала. Как будто генерал еще и помолодел заодно. Лишь заглядывая ему в глаза, я видела все ту же тьму, которая хоть и старалась сегодня быть дружелюбной, но все

равно несла в себе какую-то скрытую угрозу. Только теперь я уже сомневалась в том, что она угрожает окружающим, а не самому Шелтеру.

Солнце успело опуститься довольно низко, когда мы наконец вернулись в особняк. Поставив мотоцикл на место все в том же строении – как выяснилось, оно называлось гаражом, – Шелтер последний раз обнял и прижал меня к себе, целуя жадно и как-то отчаянно, словно понимал, что в следующий раз ему удастся сделать это нескоро. Видимо, позволять себе лишнее на глазах у слуг он тоже не собирался.

И, наверное, это было добрым знаком, только я уже сама не знала, чего хочу, потому и вцепилась в его шею так, что мы не скоро смогли разорвать объятия.

За этим последовал еще один совместный ужин на террасе, после которого мы сидели на ступеньках с бокалом вина, провожая взглядом садящееся за горизонт солнце. Мы делали так часто, но сегодня почти не разговаривали. То ли наобщались за день, то ли каждому было о чем подумать.

Например, о том, что в отпуске Шелтера осталось всего два дня. Теперь от этой мысли сердце сжималось особенно болезненно. Может быть, прав был генерал, что не обзаводился семьей или близкими отношениями с женщинами. Это же с ума можно сойти, если ждать его оттуда. А если он не вернется? До сих пор удача ему сопутствовала, но любая удача рано или поздно заканчивается.

Когда солнце скрылось за горизонтом, а наши бокалы опустели, Шелтер молча поднялся на ноги, протянул мне руку, да так и оставил мою в своей ладони: единственная вольность, которую он допустил в отношении меня в своем доме. Против обыкновения он проводил меня до двери моей комнаты, так и держа за руку.

Я ждала, что он попытается войти следом и все-таки остаться на ночь. Наверное, я бы ему даже позволила. И самое ужасное: я сама этого хотела. Хотела так сильно, что испытала жгучее разочарование, когда генерал, быстро поцеловав напоследок, пожелал мне спокойной ночи, повернулся и пошел прочь. Я почти готова была его окликнуть. Почти...

Оказавшись по другую сторону двери, я поняла, что меня снова колотит как от сильного озноба. – Да что же это такое? – почти простонала я, не понимая, что происходит.

И поторопилась отправиться в душ, чтобы немного прочистить мысли. К счастью, Марию я давно отучила пытаться помочь мне с переодеванием.

Вода помогла. Вместе с дорожной пылью она смыла с меня тревоги, сомнения и неуместное возбуждение. Торопиться некуда. Шелтер обязательно вернется, ведь он непобедимый генерал Варнайского Магистрата. И когда вернется, он обязательно что-нибудь придумает. Придумает, как мы сможем быть вместе так, чтобы это не было бесчестьем для меня.

Завернувшись в халат и подсушив волосы полотенцем, я взяла гребень, прошла в комнату, открыла окно и села на широкий подоконник, усыпанный подушечками, чтобы послушать пение вечерних птиц, пока волосы будут сохнуть.

Как и в первую мою ночь в доме генерала, из окна на меня дохнуло запахом цветов, и пронзительное щебетание птиц ворвалось с теплым дыханием ветра. Едва я успела устроиться поудобнее, как к птичьему концерту добавилась еще одна мелодия.

Я не слышала ее с того вечера больше ни разу, уже успела увериться в том, что мне показалось, но вот «пение ветра в трубах» наконец вернулось. Снова то же простое звучание. Две ноты, слетающиеся друг с другом, как пара в танце. Только сегодня в мелодии я не слышала ни тоски, ни безысходности. Напротив, она заставляла улыбаться, вспоминать о том, как губы Шелтера нежно касались моих, как его пальцы скользили по коже, поднимая дыбом каждый крошечный волосок.

Глава 21

На следующий день Шелтер все же уехал на несколько часов, заявив, что до отъезда ему просто необходимо встретиться с одним человеком. Это позволило мне, во-первых, все же навестить Мэла, который чувствовал себя уже гораздо лучше и рвался вернуться к работе, и, во-вторых, выполнить обещание, данное накануне господину Юнту. Правда, сегодня я категорически не могла порадовать старика поддержанием беседы. Меня то тянуло беспричинно улыбаться,

когда я вспоминала нашу поездку по окрестностям, то я впадала в задумчивость, размышляя, как все сложится дальше, то хмурилась, переживая о том, что Шелтер вскоре окажется далеко, а его жизнь – в опасности. Но то ли садовнику хватало просто «свободных ушей», то ли он понимал больше, чем говорил, но он и не ждал от меня ответов.

Когда наконец послышалось знакомое тарахтение повозки, я поторопилась к главному входу, чтобы встретить генерала, но, к моему сожалению, он приехал не один: с ним был майор Винт. Тот доброжелательно поприветствовал меня как старую знакомую, а вот сам Шелтер остался хмур. Он выглядел так, словно был не очень доволен тем, что я так радостно бежала ему навстречу. Я списала это на нежелание демонстрировать истинные чувства при постороннем. И сама с трудом сдержала досаду, когда осознала, что вечер генерала тоже будет отдан не мне. Госпожа Холт принесла мне ужин в комнату, заявив, что генерал сегодня ужинает с майором и господином Нейбом, с чем мне оставалось только смириться. И надеяться, что после ухода гостя у Шелтера еще останутся силы на общение со мной.

Однако, вернувшись за подносом, госпожа Холт сообщила, что генерал и его гость просят меня сварить им шоколад и ненадолго составить компанию в гостиной. Говорила она это, тревожно хмурясь.

– А господин Нейб все еще с ними? – на всякий случай уточнила я.

Для меня это был единственный повод для беспокойства.

– Нет, он не большой любитель подобных посиделок, поскольку совсем не пьет, – задумчиво пояснила экономка, окидывая меня странным взглядом. Как будто оценивающим. И тут же велела: – Поторопитесь, Мира. Лучше не заставляйте господ ждать.

Я пожалала плечами и кивнула, отложила в сторону книгу, за которой пыталась скоротать время, и отправилась на кухню.

Галия привычно уступила мне место у плиты, а где лежат нужные ингредиенты, я уже и сама прекрасно знала, поэтому шоколад был приготовлен быстро. Жаль только, что сегодня у меня не было припасено зефирных цветков.

В гостиной снова было жарковато и душно от густого, ароматного сигаретного дыма, запах бренди висел в воздухе, как и в прошлый раз. Единственным отличием было то, что хозяин дома и его гость сегодня оба были одеты в обычную одежду. Генерал сидел в своем обычном кресле, а майор – в том, в котором обычно сидела я, когда читала Шелтеру вслух. Сегодня низкий столик стоял между ними, но на нем не видать было ни карт, ни шахмат. Зато я без труда нашла место для своего подноса.

– О, как вкусно пахнет! – восхитился майор Винт улыбаясь. – Что это, ваниль?

– С корицей, – уточнила я, кивнув и улынувшись ему в ответ.

– Прелестно. Оллин, она тебя так каждый вечер балует?

– Нет, – отозвался Шелтер тихо и равнодушно. – Столько шоколада едва ли полезно для здоровья.

– А я бы не удержался, – ухмыльнувшись, заявил майор. – Имея такую возможность прямо под боком, не устоял бы от соблазна лакомиться шоколадом каждый день.

Он вдруг протянул мне руку и поманил к себе. Я оглянулась на Шелтера, но тот казался совершенно безразличным к нашему разговору, поэтому я сделала осторожный шаг к Винту. Тот поймал мою руку и подтянул меня ближе.

– Посиди с нами, Мира. Девушка всегда способна скрасить беседу одним своим присутствием, а уж красивая девушка тем более.

Майор продолжал доброжелательно улыбаться, глядя на меня. И я из вежливости улыбалась ему в ответ, хотя слегка мутный взгляд будил в душе неприятные воспоминания и заставлял внутренне напрягаться.

Оглянувшись по сторонам, я не нашла поблизости места, куда сесть, но можно было подтащить один из стульев, стоявших за карточным столом в другом конце комнаты. Я потянулась в его сторону, но майор дернул меня в другую. Так сильно, что я не удержала равновесие и шлепнулась на ручку его кресла.

– Садись прямо сюда, здесь достаточно удобно, – прокомментировал Винт.

И его улыбка вдруг перестала казаться мне доброжелательной. Сердце испуганно встрепенулось в груди. Я снова посмотрела на Шелтера, но тот продолжал невозмутимо курить, глядя на нас нарочито равнодушно.

Майор Винт тем временем перехватил мою ладонь обеими руками, погладил тыльную сторону кончиками пальцев.

– Да, это руки не леди, а девушки, которая знает, что такое грязная работа, – прокомментировал он со вздохом. – Но вот удивительно: какими порой красивыми вырастают цветы, что стыдливо жмутся под забором или у края дороги. Дадут сто очков форы тем, за которыми старательно ухаживают на какой-нибудь клумбе. Ты очень красивая, Мира, теперь я это лучше вижу. И понимаю, почему Оллин попросил тебя у Магистра.

Он вдруг обхватил меня за талию, снова дернул, перемещая к себе на колени. Я попыталась высвободиться и вскочить, но не тут-то было: майор держал крепко, что убивало всякую надежду на глупую шутку с его стороны.

– Отпустите меня, пожалуйста, – попросила я твердо, пытаюсь дать понять, что его действия неуместны, однако это вызвало лишь дополнительный приступ веселья, и руки майора – неожиданно сильные – сжали меня крепче.

– Темпераментная девочка, – понизив голос, выдохнул он. – Люблю таких. И тело у тебя что надо.

Одна его рука скользнула по животу к груди, по-хозяйски смяла ее, словно примеряясь. Мне в лицо ударила кровь, глаза неприятно защипало. Я перехватила руку Винта и оттолкнула ее, снова попыталась встать, но моему телу не хватало точек опор, а рука майора держала крепко.

– О, да, сопротивляйся мне, девочка, я люблю, когда глупышки вроде тебя сопротивляются. Оллин, она такая сладкая, что я уже готов взять ее прямо здесь.

Ладонь, которая только что мяла мою грудь, ловко скользнула под подол платья и между ног так быстро, что я сжала колени плотнее слишком поздно. Снова перехватила руку, пытаюсь отцепить ее от себя, но на этот раз Винт не сдался так быстро, только рассмеялся еще гаже. Я попыталась обернуться, чтобы попросить помощи у Шелтера, недоумеваю, почему он позволяет своему другу так себя вести.

– Генерал... – в отчаянии выдохнула я, стараясь удержать рвущиеся наружу от страха и обиды слезы.

– Довольно, Анжей, отпусти ее, – бесстрастно велел Шелтер у меня за спиной.

Но, кажется, даже не попытался встать.

– Брось, Оллин, – протянул майор. – Ты развлекаешься с этой куколкой уже почти три недели. Дай мне ее на одну ночь. Тебе жалко, что ли?

– Жалко, – отрезал генерал. – Это моя награда. Заслужи свою и развлекайся с ней. А мое не трогай.

– Раньше ты не был таким высокомерным засранцем, Олли, – неожиданно резко выплюнул Винт, не переставая меня тискать. – Раньше ты был одним из нас и всегда делился с товарищами. А теперь взлетел слишком высоко, да?

– Я делился с вами едой, сигаретами и деньгами, Анжей, – холодно отрезал Шелтер. – Я никогда и ни с кем не делил своих женщин. Отпусти ее, если не хочешь со мной поссориться. А ты не хочешь со мной поссориться, поверь мне.

Хватка майора мгновенно ослабла. Настолько неожиданно, что я едва не свалилась на пол, когда напор, которому я сопротивлялась, вдруг исчез. Я резво вскочила на ноги и, не оглядываясь, бросилась прочь из гостиной.

Однако едва я высочила за дверь, реальность вокруг крутанулась, и меня повело в сторону.

Чтобы не упасть, я схватилась рукой за стену, а потом привалилась к ней спиной, тяжело дыша. Сердце стучало в ушах, меня трясло мелкой дрожью, а хуже всего было то, что я не понимала, что и почему произошло. Чем я дала повод так себя вести со мной? Почему Шелтер оставался так равнодушен?

– Странная девочка, – донесся до меня приглушенный голос майора Винта.

Я испуганно вздрогнула, но тут же поняла, что так и осталась стоять рядом с гостиной, а дверь не закрылась до конца.

– Живет с тобой уже почти три недели, а все как невинная овечка. За это время можно было развратить и тмарову невесту, Оллин. Чем ты тут с ней занимался? Действительно в шахматы играл?

– Между прочим, ты мне все испортил, – каким-то чужим, совершенно незнакомым тоном отозвался генерал.

Впрочем, нет, я уже слышала такой голос у него, просто это было давно, в самом начале. А в последнее время он общался совсем иначе. С тех пор, как мы приехали сюда.
– Я ее две с лишним недели приручал, – вздохнул Шелтер тем временем. – И у меня как раз оставалась пара ночей насладиться результатом. А что теперь? Ты ее напугал – и все начинать сначала.

– Приручал? – переспросил Винт насмешливо. – Наложницу? Оллин, по-моему, ты был не тем занят.

* * *

Наверное, даже если бы на меня сейчас обрушилось небо и сам Тмар сошел во всем своем блистательном величии, я бы не почувствовала себя настолько оглушенной. Я даже не заметила, как оказалась на террасе, лишь почувствовала, как ветер дохнул в лицо, погладил по волосам, словно утешая.

В плетеное кресло я буквально рухнула, потому что ноги в одно мгновение перестали держать. «В свои игрушки каждый играет так, как ему больше нравится».

Холодный, бесстрастный голос до сих пор звучал в ушах, а память услужливо подсовывала моменты последних дней: и как мы танцевали, и как смотрели на фейерверк, и как летели на мотоцикле по пустынным дорогам сквозь солнечные поля, и как целовались, стоя по пояс в цветущем море.

Дура, какая же я дура! Я принимала все его слова и поступки на веру, за чистую монету, хотя знала, как ловко генерал Шелтер умеет менять маски. Мне так отчаянно хотелось верить, что именно там, посреди ярко-желтого поля, он наконец сбросил их с себя и показал истинное лицо, а он, наверное, в тот момент в глубине души хохотал, смеялся надо мной. Над моей доверчивостью, над моими признаниями и откровениями.

Приручал... Да, он ловко и умело приручал меня все эти дни. Сначала заставил поверить, что как любовница я его не интересую. Потом общался почти как с равной, интересовался моим прошлым, рассказывал о себе. Пусть очень сдержанно и мало, но рассказывал же. Постепенно давал привыкнуть к своему обществу, к близости, к прикосновениям и невинным поцелуям. Окружал заботой и дарил сказку, пока я не влюбилась в него.

«Я люблю, когда женщина отдается мне со страстью, желанием и удовольствием».

И я бы отдалась ему именно так. Забыв обо всем, чему меня учили, забыв о том, чего требует моя вера, не дожидаясь официального благословения в храме Тмара. Возможно, сегодня бы и отдалась, если бы он надавил чуть сильнее. Думая, что это станет началом чего-то серьезного, а это на самом деле стало бы концом. Он наслаждался бы мной – и очередной своей победой – пару ночей, а потом... Кто знает? Сдал бы все-таки в бордель, как отслужившую вещь? Оставил бы до следующего отпуска? Или пока не «залечу», как они тут говорят? Или до следующей девицы, которая ему приглянулась бы в походе? А может быть, Магистр решит теперь каждый раз поощрять его новой девушкой из коллекции, раз больше ему уже ничего не нужно?

Дура... Поверила, что он в меня влюбился. Кровавый генерал Оллин Шелтер, блистательный кавалер и офицер, который не стесняется спать с женой Магистра, потому что она может продвинуть его по карьерной лестнице. Свободный мужчина, владеющий домами, землями, огромными деньгами. Национальный герой. И пусть его происхождение сомнительно, кто теперь посмеет его им попрекнуть? За ним выстраиваются очереди красивых, молодых, состоятельных невест, чьи руки не знали холодной воды и тяжелой работы, а потому кожа их гладка как тот шелк, из которого сшита моя ночная сорочка. А я решила, что он влюбится в рабыню? Что он пойдет против общества, рискнет карьерой и своим положением, чтобы я смогла быть рядом с ним честной женщиной? Какая же дура...

Я была уверена, что вот-вот разревусь, но слез не было. Я лишь сидела, ссутулив плечи, глядя прямо перед собой и ничего не видя, ласкаемая ветром, но задыхающаяся, как будто вокруг меня совсем не осталось воздуха.

Сколько времени прошло, сказать сложно. Вечер был теплым, поэтому я даже не могла замерзнуть. Из ступора меня вырвал голос генерала:

– Вот ты где.

Я вздрогнула от звука его голоса, от мягких ноток, которые в нем прозвучали. От надменного холода не осталось и следа, но теперь я уже не обманывалась льстивыми интонациями.

Шелтер опустил на корточки передо мной, пытаясь заглянуть в лицо, протянул руки к моим, но я резко отпрянула, оттолкнувшись ногами от пола, отодвинулась вместе с легким креслом.

– Не трогайте меня, – процедила сквозь стиснутые зубы. Челюсти сводило от напряжения. – Вы мерзавец, генерал Шелтер.

Его рука замерла в воздухе, так и не коснувшись меня, и он убрал ее.

– Неожиданно. И что же тебя заставило прийти к такому выводу?

О, снова этот бесстрастный тон, как будто внутри него нет даже крошечной искры эмоций или чувств. Впрочем, наверное, так и есть. Весь тот скрытый огонь, вероятно, тоже был игрой.

Тонкой и безжалостной.

Я посмотрела на него исподлобья, только сейчас понимая, что слезы все-таки застилают глаза: лицо генерала было размыто.

– И вы еще спрашиваете?

– Милая, если тебя задело, что я не бросился вырывать тебя из его рук, то хочу тебе напомнить...

– Да я уж и без ваших напоминаний все вспомнила!

Челюсти наконец разомкнулись, и слова выплеснулись вместе с переполнившей меня болью. И дальше полились уже неостановимым потоком:

– Вспомнила о том, кто я на самом деле. Даже не человек. Просто игрушка, безвольная кукла. Вы играли со мной, как сытый кот с бестолковой мышью. Хорошее развлечение на время отпуска между делами, борделями и влиятельными любовницами. Доверчивая дуручка, что уверовала в нежного и заботливого покровителя, рыцаря, спасшего ее от бесчестия. Ради чего? Лишь ради того, чтобы постепенно приручить, заставить отдаться самой со страстью и готовностью, с всепоглощающим желанием угодить, с... – я хотела сказать «с любовью и доверием», но вовремя осеклась. Вот только таких стыдных признаний не хватало. – Вы вероломный негодяй и двуличный лживый... мерзавец!

От захлестнувшей меня волны горечи и обиды я позабыла все ругательства, которыми порой так щедро сыпал отец, а потому начала повторяться, но мне было все равно. Слова лишь немного стравливали боль, раздражающую изнутри, но давали надежду, что пока я говорю, меня не разорвет от нее.

– Действительно, вот же я скотина, – снова очень ровным, безэмоциональным голосом произнес Шелтер, глядя на меня почерневшими глазами. – Сделал все, что от меня зависело, чтобы тебе было хорошо со мной. А надо было просто швырнуть на кровать, раздвинуть тебе ноги и взять пару раз, не обращая внимания на слезы, крики и мольбы. Так, что ли, Мира?

– Так по крайней мере было бы честнее! – огрызнулась я. – У меня не возникло бы иллюзий на ваш счет.

– Иллюзий? Так ведь все было бы честно: я соблазняю, ты соблазняешься, мы доставляем удовольствие друг другу. Ты бы жила здесь, не зная бед и нужды. Я бы приезжал два или три раза в год, не слишком обременяя тебя своим обществом. В твоем положении это далеко не самый плохой вариант. Или чего ты ждала? Предложения руки и сердца? Венчания в храме? Надо как-то реально смотреть на ситуацию, милая.

Его слова жалили хуже отцовского ремня. Каждое – обидный, болезненный удар, убивающий что-то важное внутри. Я потянулась ладонями к ушам, закрывая их, не желая больше слушать ровный холодный голос.

– Лучше бы вы оставили меня в коллекции, – пробормотала тихо и устало, чувствуя, как в груди все сковывает льдом. – Я ненавижу вас, генерал Шелтер.

Он поднялся на ноги, выпрямился, скрестил руки на груди. Теперь я не видела его лицо, но откуда-то знала, как именно он на меня смотрит: презрительно, бездушно. Совсем не так, как вчера.

– Вот, значит, как ты заговорила, – уронил он. И слова показались тяжелыми и холодными. – Что ж, изволь. Будет, как заказываешь, на это еще есть время. Будет тебе как у Магистра или как у Драгза. Будет тебе честное отношение как к наложнице. Иди в свою комнату и переоденься во что-то, что я легко смогу снять. Потому что, клянусь всеми богами: что будет проблематично снять, я просто порву и не компенсирую. Иди, Мира, и приготовься. Тебя ждет длинная и неприятная ночь.

Боль мгновенно улетучилась, уступая место страху, но тот так и не пришел. Вместо него меня затопили апатия и равнодушие. Нечто подобное я испытывала во дворце Магистра после того чая, которым нас напоили в доме коллекции. Мне вдруг стало все равно, почти как после смерти мамы.

* * *

Шелтер долго не шел. Или мне только так показалось? На часы я не смотрела, но когда поймала себя на том, что бессмысленно мечусь из стороны в сторону, сжимая в руках тонкую ночную сорочку, мне показалось, что делаю так уже очень давно.

Остановилась как вкопанная посреди комнаты, глядя на гладкий шелк с недоумением. Зачем я ее взяла? Ах да, Шелтер же велел переодеться в то, что будет легко снять. А ее снять легче легкого: спусти с плеч бретели – и сорочка скользнет к ногам, оставив тебя обнаженной.

Вот только зачем я собираюсь выполнить приказ генерала? Пошел он к Варегу со своими приказами! Я зло швырнула ни в чем не повинную ночную одежду в сторону, даже не заметив, куда та упала, и плюхнулась на кровать, скрестив руки на груди.

Пусть рвет. Чем сложнее ему будет, тем лучше. И сопротивляться тоже буду. И кричать. И пусть стыдно, что все будут знать, что происходит. Он сам научил: стыдно за это должно быть ему.

Непрощенное воспоминание о том разговоре на мгновение охладило мой пыл. Тут же ожили все прочие наши беседы, каждая из которых переворачивала мое представление о мире.

Сердито скрещенные руки сами собой расплелись, я обняла себя за плечи, чувствуя, как в горле встает ком.

«Это все была ложь, игра, притворство, – напоминала себе я. – Все было ненастоящим. Он притворялся таким, каким я хотела его видеть».

Помогало слабо. Я снова чувствовала на губах его нежные поцелуи и слышала мягкий шепот:

«Бедная моя девочка...» Он казался таким искренним! Неужели человек может так играть?

Что если я ошиблась? Что если тогда все было правдой, а сегодня – ложью? Вспомнился разговор с госпожой Холт, когда та сказала, что Шелтер очень рискует, не трогая меня и тем самым пренебрегая подарком Магистра. А сегодня майор Винт практически поймал его на том, что я все еще невинна. Моя реакция на его домогательства выдала меня с головой. И... Шелтера тоже. Может быть, он сказал то, что сказал, просто для отвода глаз?

Но почему тогда он не объяснил мне этого на террасе? К чему были жестокие слова и угрозы?

Конечно, он может не видеть ничего плохого в том, чтобы сделать меня любовницей. И да, наверное, с моей стороны было просто крайне глупо ждать, что он на мне женится. Но разве угрожают насилем девушке, которая небезразлична? Разве можно так поступить с той, что действительно дорога?

Так ведь он пока и не поступил, напомнила я себе. Угрожал, но пока не пришел. Может быть, это как в тот раз с борделем? Он разозлился и бросил угрозу в сердцах, а на самом деле ничего такого делать не собирается?

Однако оставалась и вероятность того, что Шелтер притворялся все это время. Достаточно было вспомнить его обольстительный голос при разговоре с магистрессой. Генерал умеет разговаривать с женщинами, когда ему от них что-то нужно.

Я схватилась за голову, а та уже горела от мечущихся в ней мыслей. Слишком много масок, разобраться в них поистине невозможно. Как понять, когда человек врет, если в каждой своей лжи он убедителен так же, как и в правде?

Оставался последний признак. Если он не придет, значит, опять наговорил гадостей сгоряча, а в остальном виновата разница мировоззрений. Тогда еще будет время завтра помириться. Мне даже не стыдно будет попросить прощения за резкие слова в его адрес.

Едва я успела подумать так, в коридоре послышались решительные шаги, и мгновения спустя ручка двери повернулась, генерал вошел в мою спальню. Меня обдало холодом, но я нашла в себе силы поднять на него глаза.

Шелтер был в форме. В полном обмундировании. Странно, я ожидала увидеть его скорее... в халате. Зачем он переоделся? По его лицу, конечно, ничего нельзя было прочесть. Шелтер подошел к кровати, но остановился шагах в трех от меня.

– Я вынужден уехать сейчас, – холодно сообщил он. – Меня срочно вызвали в столицу, к Магистру, мой отпуск закончен.

Вот, значит, где он задержался: служба. Видимо, к нему порталом прислали мага со срочным сообщением. Как вовремя.

– А что будет со мной? – спросила я тихо, громко не получилось бы. И так едва хватило сил не шептать.

– Ничего, – так же равнодушно отозвался Шелтер. Темные глаза снова лишь зеркалили меня, не позволяли заглянуть внутрь. – Ты останешься здесь ждать моего возвращения. Можешь заниматься тем же, чем занималась все это время, отношение к тебе не изменится, соответствующие распоряжения я уже отдал. А мы с тобой продолжим наше общение с того же места, на котором оно было прервано. Как только я вернусь.

Последние слова хлестанули наотмашь, как добротная пощечина. Так же больно и так же обидно, до слез, до судорожно сжавшихся пальцев, всколыхнув внутри всю ту бурю эмоций, что я так старательно пыталась унять, дожидаясь его прихода и убеждая себя в том, что ошиблась. Нет, не ошиблась. Просто нас прервали, а как только он вернется, я свое получу сполна.

– Тогда мне лишь остается надеяться, что вы не вернетесь, – вырвалось у меня.

Его маска дрогнула. На одно короткое мгновение мне показалось, что выпад достиг цели и рана нанесена. В темных глазах даже вспыхнуло пламя. Точно такое же, какое горело в Шелтере, когда он рассказывал мне о чести.

Вспыхнуло – и погасло, лицо снова стало непроницаемым, а голос не дрогнул, когда генерал едко ответил:

– Попробуй помолиться об этом своему бесполезному Тмару, ведь он всегда так внимателен и отзывчив. А еще можешь попробовать шептать, думаю, пользы будет примерно столько же. Я лишь стиснула зубы и опустила глаза, испытав болезненный укол совести. Шелтер уел меня: ведь учение Тмара не предполагает оправданий желать кому-то смерти.

Да и не желала я ее Шелтеру. Даже понимая, что меня ждет с его возвращением, не могла желать ему погибнуть, потому что часть меня все еще оставалась на том залитом солнцем поле в его объятиях. Кожа все еще чувствовала тепло осторожных прикосновений.

Шелтер снова медлил. Стоял напротив меня, тяжело дышал и молчал. Я все ждала, что он скажет что-то еще, но он только так же молча повернулся и вышел из комнаты, даже дверь за собой не хлопнул. И не попрощался.

Я быстрым движением вытерла глаза, которые так некстати затуманили слезы, снова подняла голову – и взгляд сам собой нашел вазу с небольшим букетом. Тем самым, что Шелтер купил для меня во время поездки. Еще вчера я была готова отдать его, если бы только он вошел за мной в спальню и начал целовать, но он этого не сделал. Почему? Сомневался в том, что я дошла до нужного состояния?

И почему не забрал ожерелье, что подарил перед вечеринкой у своего соседа? То, что могло обеспечить меня в случае его смерти? Может быть, на самом деле оно ничего не стоит? Да нет, безделушка так не переливается, ни у кого на том вечере не возникло сомнения в ее подлинности. Тогда, может быть, он обманул, и после его смерти я все равно останусь рабыней, просто перейду к другому хозяину?

Или я все-таки дура. Но совсем по другой причине.

От этой мысли меня буквально подбросило: я вскочила и выбежала из комнаты. Однако времени прошло порядочно, если Шелтер не задерживался, то догонять его не имело смысла. Я метнулась к окну в коридоре. Из него была видна площадка перед домом, которую мы всегда пересекали, чтобы спуститься к машине. Генерал как раз почти дошел до лестниц. Да, бежать за ним поздно, пока спущусь – он уже уедет.

Шелтер вдруг остановился. Я ударила по стеклу, но звук получился слишком глухой. Затаив дыхание и сверля взглядом спину генерала, я прижалась к стеклу ладонями.

– Обернись, – прошептала я. – Пожалуйста, обернись... Ну же...

Казалось, если он сейчас увидит меня, то все мгновенно встанет на свои места. Наши злые слова потеряют значение, он вернется в дом, а я все-таки побегу ему навстречу. Мы попросим друг у друга прощения, я обниму его, а он меня поцелует – и тогда все снова станет правильно. Нам ведь хватит всего двух минут, чтобы все исправить, если только он сейчас обернется и увидит меня.

Увы, генерал Оллин Шелтер не имел привычки оборачиваться.

Конец первой части

/9j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/2wBDAAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VhEYIxB1
JCIfiiEmKzcwJik0KSEiMEEeXNDk7Pj4+JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KClO
Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAAR
CALQAesDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAQUBAQEAAAQAAAAAAAAAAABQCEAAwQGAACI/8QATxAAA
gED
AgMGAWQHBQUGBQMFQAQIDAAQREIEFMUEGEyJRYXEygZEUobHBBxUjQILR8CQzYnLhFjRDkvEI
U2OCorI1c3STwkRU0iZfZJSj/8QAGgEAAgMBAQAAAAAAAAAAAAAAAAAAwQAAQIFBw/EADYRAAIC
AQQBAwEFCAMAAgMAAAABAhEDBBiHMuETiIFhBTJxgfAUzORobHB0TRC4RUkUmJy/9oADAMB
AAIRAxEAPwDzjO9duN67VjY0g360Qsk30A5pMv0INNOojAwQK4DfcVCxysxbDE4FSKTnyNMA
wMaqkTHkPc1hmkWo5gY9BFIwBO2wqFdQz4cnpz4zjJNcAlLkeTtTBjO5px8QyK4DbnWTQrEI
QB0pmCeXLRnSlG3KIUZO+1TosdGgUeKpQ+a5cYpvi1Yx86HdmqJcCAak1Ii59qbHC8g8Kkmr
lralm35e1BIJIYgiaNVKKFBbxuSc71wifzx88Vbii0IcE/zpqJ+1CcyTjcUpKY1CBGIVGM7f
nUgi0SbbFTviiNICDdLEwAdWwdQyDjMDVni0KjM9xAq6Xy6LjMts0sq6YxsuCM1pdTR6x
C3Pbp61TeLNaWxfly7nV1NGZLaKPh8N2/FZGFwzIEEBLArzz4vUfWlv8AhC2vBre8+3icXXih
XuDqOOEtnaqjGauxZ5oWQ2DIHVRyPSiUdwxnKLtoPPNQfq1LXhEHFBxTVFO5RFFtS75GM+1
c0kgsJL62vorhomCyxNBodAdtXPcZwPnWJYpX19ezDyxYRC6sJgDUdyTt5VBc6YkGBkg7E70
11Fcxclg4inExMtyxWKMW3iZhnY77cqjsbW4vuHXV2/Evs/2TxTRNASVznGN981PSne2vr2Y
jkiuWJYXnd3AL8gfMmncfkimVJljp5kqMED+VD9bpas7whiThCRgnPLbpVri/C7vhH2fv7hZ
luUbdBgIwO6+uKPrk02ukM7oepF+WZ7uFlk0vIEUn4iOVDJ4gj4BO1Fp+6GRq5elUz9meZQ8
hAJwdqLjk0Mz4VIakCCDyppTpitNecD4XZLbtJxMsLmMSJotzsCSN/F6Gncb7O2nBDBrJfiV
p1VwFjIwh67n7qYtq3XX4CjzxlSMqYzncVJGuD1rVX/Zuw4fw+0vpuJ6orsEx6YDnAxnOTtz
pbbsxbXkUU9nxKJ4dRE7shXuAFJyWJ5bGo3J8V/YD6kOzOopXGRVe9ZjLgJAA2rW2XZ6yv0v
JLfiupLOMySMbcjK+m/p6VW/2d4deWv2tOKBkR1SvE5IaMHkxGdxnA286xFNO2v7G3mjVIyK
sD4TSPuuOlaftB2YsuA3qWsl73suzNpQgKD6k71YvOy1jw/hNvxUX4Iw5z3Kd0QSRzK7Uvy
pvjozHJHj6mZigKR5mJUdF6mo55zsiDLnkorTz9nks7OC74peLbm4XXFCFLuV6EjYAfOu4n2
UsuF8Mt71b/vWvV1RKliGI2zkk7c6yr5ckEeaHSMcR3QYc3b4m/IVE64JUHJyc4rYXPZK24X
FCOK3ohnlQMIEUu6gnbO4A+ua7j3Zow4HawyG+EsLxGJI1CEeE8iSTRd9XwBeRPhGPEOkaiN
zyFPKHf1E5J61MVHxGoiJzPgalHQit7r7KqIJjM+4bAPyNPuykSLEg8WOITytFaxaF+I7YF
UmU7yPz/AK2rUXud+Cpe1V5ISAacjn99RE5PPnT3JJqNhTURWRwODvy60/B5jmOVMAZT1OFx
miGByHO/nSuuBnHKkAIOeh5+ISjGmqINToDz50rKf5U0DDbDPr6VKDleeajKGGcx46rSA4pR
s+ehrmGNvWtIwxvIklfSIU8x5701uQ9NjXDY+1ERkQ7GuzvSvzpvWtGWKeVIFrqXFQySkZ9qY
wAxipDnpUbc84qIIXARjc08HI3FMC59KeNXyq2UhVazkHYU/ntUY2O5qQHesM0iVdglOoU+t
VwpJ2qbVoFCYRE4hGMlgyvTJIYhxzqMOWwD0qbOobmhvg2kQgE08KK7HSpl0JI8qw5G1EVUP
IT1Qs4GPpRC3tk7kO5IycLrTo4+615ZycjahOZtKy/w3gjOyNlcK2OXP2o2UsLab7KIVBxus
N9+WDS20xS1D6cN3YIyKqtDcTq11pyNYXOOu5/Kk55fAbHjb5fr0sMSBVC7HfbpXW9opukHM
Md/MU7UZT3bDLDr51aghcXURxnfNc+c30dBLbEbJGY+LKABg5Y+5Bp95CzTxxkaSUB+VTXML
rxapqjKu/uKk4IBE/E7JLi7azgZSjT4zjHIUOPuaigcpqKjL6A5VRbGxEnwie69f3Uq9egf7
P9nhzGiahly4gW3t4ZkuFgeQvOudGpzjn7AfWiPELUXgfdIba/hnnskdXQBxq1joSOIoX6m
r8L/AAIvuL+rOaONuxHDu8uO403bkNoLdTOFVn4XafbmitrgvB9njPeKdHeEjJyPU9KsPcWK
9mrGzj4nbNc29wZwVg+k5ztnT6ihzQ8OhsJ5mvIri5cBIYIw5WMHmxJA5DOK1kSaS46Xn6GY
tr+bc7JEox/CHkv17UxzyFTIjMCdR/hBpbIRhs/x+WO+jumeKPV3cbJpxn+ICobi7sY+znDr
eG/hmubORpGjAcasknAOnnuK7h99ZPwvivy3d9Dbz36KqRkOdOnPM4raa9Rdfd7v6fiZp7X+P
+SvwyKW64pbosTTC3jNyyKMltd8I+ZwKvvZcRuexl0l/bSxz2U/2iMyKRqU7t+JNDGNvBbk
frK3N3MyAxgPju130g6eZOPpUnZi9s7Dicr3UsdtaywmKWN9RLAjOwANYxOMag/N+fkJkbb3
NeKM/IF1ayDg9M1SvFRp8xxhFLZA8vSi9zDFHcvDbzpcwqfBKgIyPXI50/h/DLS7uJYr29Wz
0xFomcbM3kT0oUG91HRllj6e4h45/dcJ/wDpF/8Ae9EO34zc8M/+ii/OqfEES6uLWFZkWGcJ
YROwbQSMknInGselEu1svD+Iy2UlnxCKYRQJCw0sCCM77jlvR1JbZc/Bz1xKP5k3F7e1uOy3
Z5bq7FumiTfuy2fEvlQHjoHD+KT2vD5CbZkQZUkCRdKkE+53o3xg8PvOBcJs4OK2xls1YSZD
gEtg7HT6UNuLfh1rwpz9tjvb6VIUBA2mJBzOSBk7Ae1Xkavx48/Qzj4/r/cudjgRwnj2f/2L
fnWbjlliuKvXIWTwsAeYzmtR2Zm4facN4kt3xGGF7y3MSIVckHfc4HtQBLSF+IxI91FGqHeU
6tJHnyz91Zk1tj+YSLW6Zpe2/DbC77Qu9zxWK3cIn7NopCrt5hSKh7Tqlv2L4KsEouFVpNLo
pAbxeRwaqdt/sXGOMLeWV9HLGwVSArArgY3yOVXOKNw+57McN4fdxa3M9qW7zKuB4jnY6elG
nKLIPr9NfUDFUoWPMUPbDhiXmZG0n4XbgSyuNUTKoxqG5+dRdrWEHZ/s8Ym7wLC2Gxjlyu+9
R8Sv7O14Da8C4ZdJIIW7y7uACFZug3GcD26CpePDhvE+CcJsoeL2+u0jKS5DgHOOR08tjVNp
pp90r/miLiS+LH30ft2vsG49JlBJ7REWdnXMch6acb59MdrVT9IYVYyEAnqUWMeDjGedO41x

GyNjY8A4XdJ9liGuaYgqJJDzJ2zgf1ypvbSTh/EbSxa04hFMbW2WF1CsCSOoyOVW5Kn88fmS
NqS+DDFWfYbfOnuVt4yq/GfKu1hVPIe9RLG8z+Yq+++hnrshCmQlm3/ACqKduSjnVqdhGNC
DLHaaqJAKMtuT99HhzyCnxwVzKjNSPucnnTDTMRZjfanrjnTQKcDg4+tEMD15Fc86kA6eXOm
Kp8wCATvT1IYA+dUQRttuRpy8ts/OkI9djSqfARKEI3IxSHcA/I05h16ikYDoNjWkZYw/6U
gO/3Up3B+tN5/MURA2K1NpzHbNMrRTFrq6uqGSZjgUw8tzUuMimcjqQRobjljalGoEA9aXF
MdiTvtVIDjIOfyrg/KuBDrjqKaMY9aotFkEYqRd/Wq4+EVLTpyDjFBYVfHABud/apiF0Aiqc
Xi5k1bGyUGbDRQijerEIcAb1AOe1WIM6xg43oEmHS4CQbMAbG6nAxU9tBHKf2svdqMHUc/P
+vSool0g5UaugpsjmM7EZ9KA2SNB+ee2uNKorYAxk439/pRd44ouArimMHT+1zn97/pWStnKR
I7nwE7keVanTq7NzlcEh20jOd/5UlnUEVKGZG7ElsgK3NjzPpRVaQWtvJkDL5OOtBLLXLh
AMHGTMjSMieZjfhjwCSPM0ll4fA9JqkWOlxg3tq4OMsPxFLxCNJVhjk+F3xv7VJxiIvdWeG
xpbfbnuKlv40EMTO4UB85PtQvArGfth+ZGpjtoGSekN90AYwKuWGIZZGMCqwxnYetD5dbxqY
3wD5bgn/AKUR4TGUhfPNiM7dd6LgaclFAcqqFguy4ZBcXDTFdgNxxjY0TXg0GdQIUe1RQRLYo
qn4mGX8Wd/L2qOS+uZdcci5Q8sHemd+LGqnyzElObuL4LcfDktw58LahgFRQi+t8IT4WPQbZ
rSv/AHY9KC3ujWDGVLLkkNjA3rWdRpUZwybdgRY20g6difKuWySdyZAAOWeVEe7aQ+NcdfKI
OC3d6NOOGfJjm/4KaWVtbppZ0kdjnOPhqd2qSABGyM8iPvqe5URynBlyKSGQK+WxwvHnVW7
LV9gmSIqCoBAXsm4xVV1IAB6UavMYOEznfJHKg8xVdutGxybN7iInAwBSMYTAAEBvc7nOxHS
mntOw+IjQHVufLR6LXI1gANySfIVDIW1PyHJRUKjaOeFHT1pghmmXIBROZdtvuraVcl/RfE
4keLMbAhs40jnuUXcu3ilJVtYUczVsrHFnuXrY83bf6VzRZhMkh0ryJ6n+tnBOXEUDnKMeZs
psGyOgHQUxgQBliB5k0sk7DLswVAeSYJHzORQy6v+8yGIIYdNR/Op+GjIXuYlk1kf+qCaxg7
5yffNcVx4mYn0oAbjScq4qWPiUu2ZGBHLJzVS0kvDMR1cfKC6wNKcnZaWR1iTu4hkkb5qrFx
NjHyGRzx19acJo3XKZJPnQHimvvIPHnjf3XyRPhM53J+/-wD0qq51NkmrLgk5O+arstGgDkQN
t86bj02qYqPKmEb55UdME4jApJ9KdjA5U9RgVxxW7M0cp2xjcU/SFIwPCajGxz5VMBRUpQda
jKXJzDK1GuQeWOGFSKcjON6jcAEbZ3xzq18GWvI8jIpgwQV6jIUgyV28qjOUcHp1rSKYmevz
qM+E4+lSts1Rt8QiosQTGCCPPSGuGxH0pORxWjItdSdKX+uVWZLBqM+2akzUZ511BGO3xyp
rAeVOANNYNnzqEO0BfGdtTRuc4+VKDnwnrTTqU4PLNUWiZTmPCM4Udahz+zwDU0DeEA9BQZf
IeBYiRE5c6nJ8O3vUNs6mTDcqtGPYsSKVm+eQ6I0BLADaiEUndRgrhXPWqYKA8t/PNWYIZJJ
AFXI55Ow+tBKERZDZVhnptT1ZRgyeLAwQNslEwETgE5/i/086ZMQEVkJw3WhlcIsy3xchVRU
Vdgo3++tv2ePfdntI65H3CvOE8R5/MV6R2VdZuClgcYJVh0BCgbfj86U1UfbwW3wZmF9bCQl
iOoB5+9aazdJOAyusbGQyYUY3yAKzfD4BBNpuJU0dSDsBjpWusIIhwOXQdYLIIOMdAKTzjM5
3FfilhXouVhnuNKCpMf33z0+lLxG7hvlI4omZCzW2xIx0qmQsoEQIjUAtyzyNQ2EHEd/KG
kJ8AAxp3HWlt1RZWXp/BatnUQOYgAobGjG4PWo5JHWUFZXGvng7cvSrE1osbGDWDvqOBUKR
wyWVzldNuQARjc7/lj61lcy44LTVWc94qzBRJqXG7MetSzSghjIdTrUNz5Cs1NcqE1OdwNj
jn54H9c61HHYD9otY4I92Q7Ku+AQPzrcsPFsJLZGUy/iaA/Aays90yXkqbBiWAJGau/7TIkL
aoCZT8MYP4moeEwveTy3KOFa1YBXOC2ce+M0zKanVCeKLxKTmhlo+Y3YsDjkB0qKe7KpuGBb
76rfaHtYodweEquxxz6VvnmMwJjLHB6Cs0xhRTdkksZGZtQ1AbjeuLhSDGwQsM8skVQlmlL
6ShOAMatj+dTIInLEqAdj8v63q9tG2qFvZGktgdy6DxYP0oSZGAYfCCep/OrPeKJCHuVTO
xl8v1vVJxGpIEZJG/io2NeCIQjWcU48lG1PVMbsyxr67mmtczPGsQOEXJCKPr+HIXd0VYli
AR1zv18/19aK78kTJMRJuql256nP9GmsXkO5+o5fKIVcZIHlnU1vE1xOsSbHqT0HnWfJty4J
rXhaC3N1cHCnOlScZ8yflUE4rdpJNoRkcKMKBSO+VbTjUEeEENIFHKxKB3VFyQvm2+MmsxxG
37g/sxpVgCAYB/rXfwYVjil5ODmyucrM1000uxyQOQC7D5bVWngfQDp0DHPI+FF51p5Rtl3a
5+LAH0qnLZ2+TqEly/VmJ/6Uz0AAkrEZKT6E1W1nVjVRWeyP7iqvphaqG00thIOM7Yq7KH
ROsYAY4J5EbVYW4UOOHPPyNUZINOnuyT/EMYxT42wg3AI5EHOfSstWS6Dhj1KrKdSkZBFQsu
OIS8PYy2zIxXKnK45etSumPiXYdedc7ItkqOnh1viUG9KYFzzHKrphVh4f51A8ToCdO3U9Ku
MkbcWQMp86Yfb509jj3ppHltRosC0N3p8LnlNBHKm43pBscgHzonZiqLDAK+ceFx99IVJXPU
07GuIppyR4lriOobDR9KymW0RxxAkZz50sgyDXMpzSOUafzWt35MV4ISNSKfkaa4ypO/KpVA
JZMcxkU0gkH60RMG0Qf9a5udKRp28jikPwiiAjqSupDVmS1ggCmtjOKVn32xUZzq5mso22PB
z1pcnG2DSpECMn6V2hQebCsto1TEYKBkjcU0MCNRP+VIJFRGPByn0NUWiRQD7VKiCQeE7Z51
Ar+DBBHqKWCXu5AG5E7+IDkmGi0glEmBgCpXDLsajikaKRZFGSpBAPI0QDWewLYbLHOnVkj7
qSkxkpCN2I2O/KicTdzbsi6jq2AH86a9yLdFCFVXURTzt91RNdnuh4d9Wx86DJtmlyMlkKM
UkzkHBB5imvMrRCNQeEahkkaSQu2SxOSaVF1VpIppj0bScV6J2MZTwSRdQBMrdfQVmODcChu
+GzXtys6okiBWQZATJ1n5Cj/AA62itONLFZAvbCIES96TnY9OR/1rn6rLF+xdkjFsF8TleZv
pbRYziMsI9efEdyP8jR7hdxLb8O+wSDDudWoHOM9B9KfdstIvbZs5Yw4I8sE4P3n6VasmMXC
YLt2JcofGrfsfgaVy/w4v5DRp8MfrcpqaSuQQPI9al4emm9hwoLM4fGcdQKHxYxiVpFxpj
lvnlUtvckbi3dtgowKgDb118uRNB2NB5SVcBy6fvOLS7EElu3lz/AJVksSfYQGjAKtkAe9C5
b8zcRuJxgBIAAAyNgc71eWRp+HqCwjaSFxq6Kd9/UhBucn9BZuopGKk/s9zLBG2qVW1RvkH
ORy+mP6NegXsLTcWsx3zKIonk8I+IAqME/OsLxTgsM3E0a2uFlhalamAIAKgLjPmcZ+tH+B3

c3ELx5J00mOBIXyAJU/LkKZbjOo92Zm20pfAI4xaos0scTspkUHOri4h08ufPyox2aulu5br
R4VhVfChcDcZP0Iqd7HhkcxeaA3c5AyMeEfiU0N1DAzCC0ig1Y1aAu+OWcUT0IQ5kzMpucas
Mje31w948IchFIZVGN4d/flqt9plZiAW5c+VbSThlhehtduFZ9y8ex+6gnEOy1zbaprJzPER
unJx/Op6Vq1yGjmj0+AFcXDa1YlmYLjdufOifTGl5ZS51WLu8IIyG+8+IB5UfWQQwI55FKp
dRgPgcjtqj28BWmyN0IY5JG/IbeX+tREAHA54+vKrEunVpJTI6gk5pgUMQFy2fIURPg0hgLL
sDgfT/WnRITIoOdzuanitYgiPC+Z2qwLZYMcvIrb7gcwPzrMsiRdMs8Sgt/stu0BB10nvQF
AAPoRU/Z+ySS4IIB0uVRs7ELuT+GPnVWaePuRgQkkHbJ6/1vRLgM3/aEUYOcYlFPrtvU00n6
kbXkBm4xtWdxm573iLR2miJRkKwJ5DbAArN8RIYJoeRhg3BG4H1rUdoLFrWDFEWEv9IGM6V
8yf6+6slaWQvuIm2hXGW3ONjvz/r/p6XeQOntYLaEutgGNscyxAcvNIW272P2DAj6E16iexP
C3sVjmiBcD4wMk/Wg192EsGVjHK0WRvpA3qb15L9Nnns1ykI3kyTsQYwfpvQ2e8KthJdmVA
x95o9xXsb9lkYRS5Gds86EjgEof/z/mKinEp45/BVe6jcZJJ8w76sn6A0kA76ULEd/JhzolFw
IA6nLGiljwyOjGVTfzNR5EiLHJIXhdtIpkEmxAzjblyq0W2A15ii1xwx1SG6UbBgjY9aGOu+
CNNc/USUqY7poOLaLDHrHUE9RzqMiWleLLr5jnU5QjGDjBri22G5ZxQVICopPFFKNUeFP10/
0qs0LkDLrg/dRCS3wxdDg+dNz3n7OUBSeXkaPGddGJQvsHFd+dNxVm4gZDn4l86gIpiMrQCU
aHQvpPPkaX4ZGUdNxUY8LA/1LIBpR/I4PtWvIPwI4BxncDenIdS7mlAyMiljypAbmfuq74M
1yMYFJAcY3wc0pTx6fX+vzqWwPMZ+opj76Xx8S5+laTmtUVJFw+MdKYd1PvmpJ/7zNRjkfaj
p8C77G0bPIU3N0yBtVmCw0WBzOfSmgd2QWb7qk70Y5b+tOBAHP51i35DbVdojEgY4DZNI79
POleFXGoDB8xUOPW0qL5JVk8OKKCFwnBmOw29AKYkOtMltqVYiRgSE0OTSNJMcuclbk05VVw
GZVY+ZFOjgXG7Mf/ADGo0cEsASQOWaC3fQeKrssfP5UoZgchseVQ6zTZJdIznmQmg0TM50n
xcqaJGKjc49KqtK2qpEckjeptFbus7CSTg8+matxIRs2Peh8eeZonCSAuchUvk4DQ57N/wB
M9IWH/hSfi1D+zRdZVTWsiawqk8v6/Oi3CreWy4BJzbzSLC+R5ZyfzoTwaG3S4PVuXt/OrjS
buX4hIrtndq7eSfiEBRdWlQOfq1XY4li7ICR0WRoVOQW2OW5Z9jUXaJZPtcxh+yAyp35mm
LxMvwhrFWXvWjCovwhdPv8vpVt7oxXwDca5QEkWySPSZJhEpz3eASCehq1byETd0kTqGQYDH
Gdsj+vUedDLOBrq7IBMbAlpARgbbn/pRjirQyxWt1bygyqCqS4BXBB25jyxTEoKqbm7n0c8p
WZGJ1bMM557YrRcOfFpaMilsRkhRuTueVZxLWbiNwkMUWJWYpqA2PTJx5dT6j3ra2tvHwmwh
hLhpUTS0g/AVMwK1b4RnJLpeStxHgUN/JFM8ncRouWRRgnyyarCew4TqS3JYEDJyTkjlk/Op
L3jEcafunHIufCD+ZoDc8XS+OhpXm6EY2+Va3RVLGguHBOS93QRueO2kqYkumQdNCqB99D04
hC837C8QknZWK5rO8SsOIE95FEwU8s0DnkvLR/28JI+uaO8LyLkdUMUVSZ6hb8SeFtE4KeR6
GjdpdiTBDC/XnXknDOLNnEMpUdY2OV+la7hPF9LBWBudVz8Pt6UpLHPFK0CzaZSjcTR8Z7Pw
8UjMkX7K48xy3bRxBUL2Vy8FxG6yDYgg/WvSLK9WVACQFwq3aDgcXF7XUBidBIWHM01FQyq1
2IwyxvbLo88NxCG2iyYyaaeJFAAiKBud1ZyW0rRSg5HXzqsYAGKH6cfl25OrRfjvZXGok
jbfFOgZpCXY5bzqkG0pzlZV2LwJk9N6xJLguLbYssmOZ5bZ/GrXAL1rbisUoVn8Ywq9aHTM
cY5nr71e4JLJbcQWaHHexoxjyM+LScVcF0ZmrVHonFrWK+t01E92F1HH73kKx/AYgvF5CEVQ
hJ9jnr91atb2aa4nt7iIoMnQ2MBvPFZ6zg0ccuo0TQoOT/Xua7UpXG0cuMHGVM0rTI48A74q
hcHwnJ2q1DG0mwqrxNNyipy6HrWJSdWeildGT4opeZs6T86EGIANJFGZ4YxORIRc7g0k7Wk
OIUbLHqRsaGpjDgBVj1H4SR6CrSEgkhimB6iiFpEkqs8jbbpip06ilI0sAbzYnFU8hW1ImcR
ngkjMMKskZPsDn8qxTAsSVk50/yrW8WuIB2cmWkVJNUijwsD1rIBgTgihStpIuHtbYqtvjr
5UroHXGRtBtYb+IeflUTkocMceTdDQq5Go00RnvIj/FlsbDpXPGkwaWc8j0qUOGXS2xqFka
IjQNi2Sc9KIn/MjX8iIMYvBMNSHYNj171DcW3dDWm69cdKv6VnizjOc/Oq8eq3cRudUZ5E8h
RYz5Byiqpg9l6DITwutCuPiGPnU89t3eHXdT6cqiQYOoucimFK1aFZRp8j7ddS9Dkb07Sffc
Z8zn611uv7Z08iD8qklAAIGBnnnyqX7jNcCN8OCBUI3hGf3Xwfn/ANanzlM5GPF+vWq4z+1T
oRmtx6MSK1xyU1DnB8qnuN0PvmqpNMx6FJdnat9+IjqB3IzTeWffFNzmjJGamsSsoznfrSGF
RyJPoaZGx0AbEY6HeuLYHWhcjHAviXG49hOpFO5JUn1FIB+0DHGBUwclergY5bVTZaR3xYJ6
cqnVNWNhUEGWOCfarqIBjbnL5HQAebFVPDjGKqzQmMagPerwXG4rnUOpU0tvp9oLL4I9Khk
fXPpSsqY5SceRqf3BGxxTKQJsfG2r4s4qQEjcvWviJl9qsDJGG2FSRFyXYZBtk71pOzdIHf8
Tt4pj4c6tgMnSM4+6snG2GAo/wBn7q5teJNaRiaZfbsjHA+E7/LnSWoj7XQaM64PTp07qC5
Gtm1K7ZY+eTj5ZxWH/XZsJMwr4gfi1cvP8/bNDBx/iLcSjmlkLhssA+kNy229uXvVi5RpOHY
yNbSliMAdZzg743/AJ+tc+Gn2Op82b9ThpF2PjzXqh7iQmVcBG2Bgir055/ranvNGgMkZY4U
syEKx6kDUV8gTmhdrevaQqqHxEZwAOvrzqTWXmESsmXH7xwCf6NbeNXx0Zt1Y3FLh5yAzaH
GnRqJwPT7qJpl3jEmeZOgnngdfSh1vw4xTrLdYRvW2knf2PkP6ZozwXh0dzxYxS4eKJO8mG
49vf/WpPba2kXTs2HD7dLOJrqZVF5c+OQ4wEzvpHkKc8e7QwWisquGY+VQ9o+OfZVcavG3TP
KvOri9l4heiNSSWPPyokIvNx1EYw4Ix98/5Btbm64zd6ctpJ5CtrwbgkVpAGK5Y881S7NcFS
zt1kceljbnANpMLtRoQXfgzqtTf7uHRWu1xjANBel8Mgu4yGQfSjMj5zVSQ861JqxSDcejz
ji3BXs5jLb+B1PTrVvgnFBdYhkOiZdhnz8vatHxW3EsZ2rCcShexuxdQ7YPiHnUr1FtfZ0ce
TjcvzPSOE3zK4jc4xyz+Fau0ugw0Of8AsvOuFXycStFIRv2yKCf8Q861PC7zvo1Rzhhsrefo
a5/uxztAtRiUIY7tPwQXCmeNRvzI/dPn7GsNPAUchgVKk5HIXqsMgmjaCQAnGMHr6Vh+0HDz

b3TsM+HAJPUHkfyPtUmpR3oFp5/9JGabZ1Hkat5xGF86ruMy06WQacZ6fjQJc0MxVWMZsvz
+VFODnu72F+WlgtQkHUc/h0oahasFU1b4oHlWmNf5e26W811IkbSs2GJ0ld2yB7A1tbW0J4n
dyEDGIRnz5/yoRw2aC9slUxhrqOQAEYDgEEEGnzHStFGGt4QWHiAOeewrp4mnEUzPc00UEm
cTj4Nw+RzIFkI8JxnFeOcc7Q3d/cySi8uZAHyCHZa9R7QwxX0DrJgg8s1i73gws2S2VUJyD
g8x5GiY8kd3IOWOTj7TJR8f4rbFcyylG3AkzRvht3e8VUAICQ2QwNC34PcTSrG2OfIVu+yPC
BZnU6bnbBouWUK4XIPGpp89Ge4pe3XB1ZJX0yHYiqHC24z2jlnWMu8NvGZJF1hNvetT214Ub
y7YhQwA5elDez/DIo5caToz4lZgN70OM4KFtchJxnKXD4JvsWez/AH6wmHMoUh9zyNCHt2HI
luOLIkfApdWFBkTGB13rKkRHk+PdTSy93IdNJUUukuDIrR76sq0V2pVfDL/ARjPt61KsWv
ZCHPkDn7qRoFYjUuCOorTivKLj8xZRZwjbQ+R5HHKpY21+CQb8j1xViSjPv7uQ5k/cfqQ1V
iU5CnKlhfJ2+VBkqGYsdoSFgc6VUYNPmiEsZOnOR12qVQJFxnptQ+I4IzuxzjFDTb/EI0vy
KS5QtE/iG436ioBGFce7g/hRC7j1YZefMEVWkD4qkDG+Rnp6UzCXkWnF9FbdLhWB5ripZhqQ
Fj0yflTZE0shHMNj67VJIRo2Ocdfvo19MXa4ZHHunPOH9fOoGz3x8iKIVidyc1Ew8a559aU
2Al0V33Q58qptV5wcEf1zqi2MmmYmVmc53pADjnSE5NSL8IonRIK2TIw0jzxTtZUAOBgY2p
2WzVNG91Eok3pWbPnUOSRjzrgG68qw0bUwhalQmQc59KuLjGafWyaG+Hn1FW47nGx+tJ5Yu+
BzHJUW9WAKjeQCommNQSSMzFaCoBHIgVCDLrznIqqVYtU1xpRcF981X75eQb76ZiuOAEu+Ry
HsDzidpZY79Kra18/vp4mj2yckVpopMUIQMEkZrR9jppG00VuY5CyHKjP7jVIBOoGyEnzAop
we+msLlbsRkHBVNQ2OQQfuNLZYNxZuLVMggsra57RW8EjEGeEkhhuxJ6j+t67jNwlpbyyVEi
Rbg7I2AMA/u+W9VEna5Sjvu9USwAFfDjODnOfnVfi9611xi5mVCodmkGv1OfpSkYty/IIkk
aYwqAiIcZAbyrldWjQmTTIWPiI+tVo2Lx4GQxOo5GxPX7vwopPwyS14bBK0bqWd9RblyX109
+taaSJdl+Hh1wthb8XeQsGkAYHcAZG+48/wrQ2Ui8N4TPfS7STMck8yRt+P4U+G3duxMFso/
bsEAjPP+8zy9qDdt7sWVnFZRNtCAmfMgZP3mlYx3v+gTFUpU+jIcf4s1zcOdWcmrPY2wF1xB
HddQG5FZ26injZZJkKrJupPWvSOWNiIeEvdvujmbn6Cum4qGokXkytybfg1M11bWcIaeaOFB
1dgoqk003AmbQOJw59SRQbjXHLG2uzFoiklGzPIASPQCgV7HacRjMv2NWJ/eVMH+dYX1Qsor
y+T0FpopIw8bq6tyZTkH51XJ1E1iOzg7i/RlrmVY87xIsjNbKdzDGXbYAZoU1T4N7aGXYMeM
+1Ynj0CmKYdedT3/AGp4vHdOtpZo8QOFLHn686E33HLi5T+38PaDP/ETcfMUSGOXYWE9j5Kf
Z/ichfqM5CHIHmOo+delxsgjS7gOqCTc46V4+Je7ug6Hkcj1FegcB4sbOyBkUy2xYrIoO6j
owoerXyGxNyjx4/sb+yuhOi+L9ov/xVB2khWex+1hf7sYIH+E8/wAj8qHWcsar31tMJYD1
HNKORMLuB0bDEqQw6OpFKYJW3Bi+SOyW5HmsiFJ2UnODVeVsk+rH+X86IXcTQO2ckRERk+XM
fy+VDZARseYGPn/Rrde4bu4ipyB686tRyY2zVVdv9KkVsb1TBGq7GENxlw2CDC2x9xWvkULb
FV/cOw8qx3YWOZ+Nd73LGExsneY2DbH8q2EkirdPHnGoYwfOnsPGMTyv3mG7R3UkcpQbUEii
uLoZyxHWtP2htFk1ORuKFIO4s8L8jVrDIzXKRsrIBkUSSNk52Ucya3VjayKFeWmoSKwNlbzX
HEluJDiOBww1ciRWnh7drHdtbcUt+4TPgkRtSkdPajJJsBk64I+0OpbpndSE2GcUnC+HoGEq
nYdKqXfaCPitxNBGFenZgMOg86Mdn7d+7KMCcHb1oMk+jadRBPau+7IYbFME/wB7J6HkB+P1
rKtcSZ5D6VuOMcCgTis017Jq1htJHQ4OARnptuPmN6rS9mrDXKYkjKwjRoMpBZgMnPlg7E8
jvtimYYVXIjkiKiY8XLDmoNW7fiURYJcKWTrnmPY9PvFH7DstbXCSzxHvBCAFB0nx6+TAnng
bjyblkb2ePdi4ftEkkEkUDBWcxIhVAMnSSdwox+BwKJHEPr16VtgiazTue/t5Rc2p/eHxJ6
MOnvyqjeWvh78bk7Mc4z61Wlju+ESQyK5j7+ISp1DI3n59QRRDh92t5G0TABwM46fKlcuOlv
j006fUbns12UoyRh+nJvfoadKmU1Ab4xzpZYRFKQSRDB26f9fzpyHI0EbjbNJPjIHRXPAYI
6otJI22JHU1UeJ+8bu8AMeZ6GrIBi1ABAX196SSUA+Fck70WdafAKVNclY22MszZPMZ5VDIQ
qY39zVh9bAEEDORsODCR4iNjxg45Gmlv5YrkXwiso8RwMUsm7KfM1KVVT8ix58qjdizAAZwel
HXLfMq4K8g3P1ND5NmNEphiRhkYzQ2bZjjypjGAmiIHU4G1QD49uVXI8aBRZA4ldz4z712
sjkadKmkk1FjNaITriCdw4setQ8jinByNjyrDRaJQ5+VPWQg7HFQ5FOBPvQpI3FtpguB8Rg
scCo3lzy8K+Z61EueeM+p6Uukuc8z5mgbeRpStEU7MyYjU4zuepqsBLzOn6USEBAyRz6muwq
fugj1q1NLhFODfLBUJB0P/LS/tT0b6UQDx9VFODxeXyqep9CemvkH4mYY8R+dFOGmYQtC7Ex
6gQhY4HrTQOPp99W7FkeTQP1EDOD50LJNuPrTQS5su3VxJzYkViOhhpVidjkZ3DZHxxUlrv
/v7efWGGQR60ZuagkD5gk5pZVjkeI6dlVdVk23ZMgA558jv8AL0q9a8UzHNaGGMNLNmaTA3Cc
LAHTABpRMI18AiKOWBw2NSg/Eu4/r3onPeC6tGPiZ8Koyc6MdNzy8qGTTf2ppliVDMSCvhI+
+ni5nLYLaiOpUZ+vOqnFvk0j1Hs9p/2Ws5GwWVPE3M51HH415v2zvDINZO7Ox++t2WLxWTB
guZ5C4CvkEKFHLzb7qw3aaTvIOe4P8AX4VMMKyJGsaqE5IfccNe84Ws4PKQIAeVel8Etl+
B2sQHKIE+5GaxFjZtdR2Won7MEQoejbDrW/sEKWESnmFAou7/qXqaaT8sxnazsg1913alln
6r0NZdeBcQd4oWslTQMa0BGr33r1iYE9Kr6VB1NjbrVx1EoqhT04vloy3CuCPwyeFpJWdnI2
IxitD2rZ1sEij2LkA1aWzM00Vw2yrurVbjw714GOMavyqbm+WEXMkkYdMpHO0ySxmIFiBpU
keYzzoLxHiWT+xcsoGSrrhsee2xrZ8T4VFeRIWym8iKyd92XaJtQlyvlimMc4Pszjlb9oAd
9TlgAM+Va/gE/wDYkLbqzBSPIWTuYBbS6M8qPcMk7qytKJ3ken7qrUJOKoZ0NqbUg5b30/BO
I6UOYzuAeRXYrY8K4pGSKIjNjSf+G38J9PKsZxJTLajMvOPfPpU3AuILbziObe3mGlx5ev
yrmShuW5dj+TGpJpmn7VcOC273sQ8EzAOP4WJ/Dcn51kJRqYnfc/1+Neg2j99BLYXJDhQFJP

7y9G+VYziVg1jdvC42UkA5/r0+tW3fuQjjbVwYPOwH1pjvgYzUsi4Oal4RY/rHjNrasPC8g1
4/hG5+4GrirNPhWb7hQmseGWrxwHVZxJJCuP2pZfEOfPc48yMVDxHi0NxCnEbR8xucjPNT5
EfdWivrGO+spIUbuhIvkDkfPPIXnvE+G3MMzoXMcz7M6jll8tQycn/1eRfkG6pbRCDTe4LyX
1txm3dYnCXKjLRk7n1HnQqbCWZOnDRg7dc1kpLy4s7kBmMUyYIZTnboQeoNafhXFLXj1o8Lk
Jflu6dJB5ityxurCRYJOGCOJ3LvoS1IEa9RjJ+++nm4W6jxJY3S4PPUD92KkvoZonaJVyOnTF
Uifl13mDKyrnkTmipJq0Z3U6fIT4VE0lwEhtCo83fGB64rZ2Mt/Y8MhNnbxzXcr5wx8KqDzz
kelZvhcEoZUJOpzvmisfaGCx4nMS7vFGFSIxIG2A3xkjJPnQbuZeT7ltXEPam9kZ5JrS3c
aW095vsfCOZzk496rTN2og1WFbqwupJiRoEi5PmNJwDyI5Ug7dC18NrZHT/FJllm674Hmf6z
U1r24sJbljeQSBdHvJUeEbE8ueSBnbp8qPSfTEEnv8op2HGr/ALPxCS94VPGHJzMQl3bb88BR
v655UUbtDwC3t5b9biSR5vF3Sj4mBJC5ABU5Ocnf3ohBxK0ns5uKJiv2JCe/Q/CTy3HLGBt1
98isBLwu64/dXl/wnhpS17w6Y1+pAHn1wPPAoiVL6Amk39QhwfgT9q5rniPEbtoIzkQg5Oo7
kjpQDB9aq8U4NccDuFV2jM8TAK0bjDjAyDy33HruM86IcI7Q2w4cbOSyAvEURiIKxS4Xlp0g
HDZwcYwchzxWjl4WnELAfRfUuWmHewwxSkaNxxkgk6T4WXPPhAyTyzW9t8eCINwdmJu0EsCzRr
sw1DbcdCKqrsVbfyP5UauLOa3jeO4j0AO2jK41pnGd/Qj+jQUKQXjHxDIHuP6+6uPkjtk0eg
w5FOCkvI6aESjOcVGY0Qcs7Y9cVKrPImSoQDq5xiq8yRnZ2L+nIGswvphJ13RG0oZt8R8t6j
dWbdiEHmTUUpYhQqAKPQf151EYycHGD6n2/1pqKQnJkTLGp5aj/i/lzqCRiV2x7CrDREDBPy/
r2qJggelGi0AaZWaMi0xjryqCa2jjjeRhgIHWrMtzHGAtnfYbVTvbhmm0mMhX6nrTENzYGe1
IHjOob1diH7Mc6qxxCdXSrkX92KykAihhXVkuWnQmpk10jz9qecP6FZbaL7K5gOeW1NMPQq4X
XTioyR5H6VnczW0jEQ5HcU8I9g9Ktflj61wwBljtQ2Gih2x2Bp6MuSCMHZ8qYrqASij/MeX1q
HX4yRv196E1YZcclsswYgnJ9agY5O9PziYQeqnFRSc/espFyZ2aaTg1w36mnaM9K10YI81c4
fMYZck4BIBPkKHERq7DYSSWEtwsZZUYAsOIZk01RaRYubvQYlhcjRucHcEk/kBS60k/assil
tmaNsAn1HSqcccEPXepVyFIBI88UBpeAqRahiikQAGXbrpBqzbyQwShwjF1I0nUDj7sfjVOA
qzESJv0IxU+oFQo8KDNQZLmgqXBt7GVhHbSLGFjKKDpUAanck7AY5Acq8+7QIRKynk1ba0nI
4dbSYyqtASB7NWb7TWTJ1OAN1JGakHtycm8Ud2OSL3Y26TiHZ5rEMguLElijDOpTurfI7fSvQ
kjMcCIx8QUBvffEGcLuHteKxzJO8JwVcrzIIO1e694s0McqHKvGrA+YIBpjJBRk38iTk3FR+
CpOcGqbRmRhkeHOSPOp7qRYlaRzhVGTWcn7YWyOUgiJOcAyHTn5Uok5PgLCLFRZ4pxLicFzN
I2hLUJpiA5k/yxQu14pcXcsy3KnCDCHOC5Gx+v4U2645bcQVftBKATyTrU1pd2kxIifB/hIx
ReV2hhR2x5RcU64snnihPFn0xHFFHCJn1rO8cuQI236Vicsi+TIX7d5eEDzq/NJ9nurSLP8A
dgbep3/OhtuO/wCIInkXGfap7uUycQ1czkGnpK6X0Fcc6Tl8s2ULCWyaNtxhl/Oh1g2SUJ6k
CpuHTa4mBPV/wqnZ6lZ26h9qQUaTOzu96+pveC3bTWiShea0Olx1aM/yq3x+zW5hjuFwc4jY
+vND+XzFZ/ht59juorkf3b+GQeYrX2rnu5IApkKrmPB3Yc1IP3UsvvV8iephte5GBeJ3k0Ir
Mx2AAyTWp718BvbS6a/u7RkTRpjDsFLEkZ258sj1zWg4f+r7FWJLrNK3xSYzknGBtgMeeaG
8Z7S26QzJkh441YShtgSdvbIBPPkPaixqK+RVynN7UqCd9fXqqJbaNZY49QkhUnWANiV89w
KgV3eDilqslsRPEo/ajPgtPPIxy8zy8xjasxw/tFfyS3VzbRzTNFJrUpu8ik4CnYnG+fr51p
LW/4bezG4uAbC8jJPexSBGxnGSM8s7ZPUY3okk12ZjFR6AYFg95FNe2yXMLghWcZ0A6d/qRn
O41A5yzeEQ8Z7M2lowvuGXP2K4VvCjMe6Y4DeFz8JwQRq2IPMbgk6t+Hm57p4Enu51LAFMNI
MEFiq7cmIJPPOD5VsdGDvbySikUiYRlzmEqSyHGOQyQcfut6VqOba+DPp71yefrx6SZyt2pW
QHcqNj8qsQX8LPq1NheZOAB99EeI8Ij4vZXEKfqsN5bgwIF14ySTjY5xsazfB4hfzx2/Nc6
5B5gbgfdTUZRnByqqBuE4TULuz0jgNlbcQhc96wRoyWkjJGdgm/X+jVziNlW6y4B3sVnCjP
hUZ4N3ZSOZbfB36fOndnoZLS3uBc6kNriFznZwwyD6jcYopcQ8NXg9+Le1SOW4gbKKoBO39G
h4pRkql2Zy7oy4fbI7y6MdvDw8sWiSXU8kUMZATDBcacDAXgkk7g7HNE77s3aujScS4Qttbq
DpuLjWg6a0G3zGr5Vc4lw+wgaeC9ubi2NzExa6yCJl1xhWzncDblv571LxeDj95w0iO4WCP
IIZQanXI6b/Nev3U1HGrYu8ro864jwS5tIri4tJGueHB9PfpsCOhI8s7Z5ZG1ars1xuyueEJ
ayn7NJAHKLCnnhVK8yXyT55386K2ls9twWXiV1I9UkiXyFQEdFYoSFGw2UE+e/XGMPeKOAd
oPtHDWkW2fLW8rofihIwcZ54JIB9BUXBUkK0X+1fBbqQvxuBdAj0d5+7KfKVgMAE7csYPPfN
HOyvGp76ye6aOIQw5+0AYDd4QNTeikb7dQ3pV+4vn4naia3SKeIw7GR5cLHhhh/i8WB4Tt0J
35Vi+A289I2gveDSPqVwQ+JNAYxnVkbHOVDbf4q2mCd0HuO3ZvBCrTRzSxgh0jXHcggbk45H
w7Egg5542yVwhEodTgt15b1uLqz7ngCvZzWhgVCGCyZBAwPCepzkn1PvnGSMFyWYDHOudrHW
RfgdX7Pi3jfpkqfGBODxMtv/OI7nnk08uf3EYjzOwqneXMkcWmGVO9LaaQM49TS8FKTpDs9
sVbLDKiA5wKqS3sK+FT3h8IGfw2qMpEw8cj3Tenw/wAqdpl04REiH1NMxil2Kzm/BC0krZLR
mnMee5+VV2fJwqZPm233VaMAYZcs/oTgfSo3XTNFGD4W/Kjxa8CrspShmMchGvLYXoB/WKq8
QLh1RmBGM8uVXHwIYPSQ/nVPiBzMuOWn+dM4+xefRgi4j+YqxF/dLsagH92fcVPF/dCtyIRK
RpGSeVPyMfEfpVYEAU4N1yfrW2jKZOGX+M/T/WuJU/vN8gKh1Y6n60gbqSfrWGgikPJGbn5
4ppZQdlA9TufvrtSdSkdlOoHvWGEQm7Y3PIZpQNjwQfelDDOodSaAwC55/CaG2FXIpZcAZw
tcFWQ5Y+2KjC6WII3FI6FdwxdxWKNWTiBTspzTihT+R2qkZHU7Empo790GG5VTjlicSYpp2
Iiq5bXzwW88SEhZ1Ctg8981Vjmhm8gT5cvpUhhwMrtQnXTCKPwG4uGllwBp4JUlk2keMA6kx

qz6YxQbvNJ58qRL28toZiY5WRJAQyg/EDVVnOOdRRKtoIRSmBXc8iDVIm8APLBoVCx1A+Ro
tEneqULBckDJ5D1oOSNMYYxu0aK11Y8EzGQHSFZB6aHA/M/SpOOQC6t4r1RtcRB/n1FWbSKJ7
uDhUZBAgdDIAQGD8H7wR7060db/AIRLaYxc8OY6kl/d5HHsR99CnzyVhntmYuPgnCMIzLGG
75vCvnpn88H5Ka9C7O8RE3DV3OJrQBMHqn7p+mx9qzd9fG0aN0gQlQdLN56Qvl0x9/rVG67Y
mXu5orUW/EoWAjEIDJMMgMrAct/cUSLnfFdUskMq49pvp4xJIXGV8qF38KwkXEEd4uxBQF
SParnD+K2/E7USr+zfHjjbmqWR4kj8QV9s9DQOYsKm4sxV61tdSk3HC1D8sp/WarxcG1Sa4Z
JYU8mbOPatTdBKdShVI6YobM2hTR/UYe0+kQyTd3DpY5IHM1leO3IETb7mivEL5IwxZgAKx
3Eb1ruff+AcqPgx27AajMoRryx3D/wDegSNgin/0mlc/2sN5Kp+4U+wjvVJ21I6j5qf50x1
1TqP4IUD6CmvLFo/dQfs5dEarnfQWPzNXLW3IUjHkT89/wA6E2cneSSks6R7Ctha2eZXjI5
oCPoDSGR7UzsYpXUivApWN4j7itRwS4MkMOT44SFY/4Sdvodv1QlrP8AYLMB8Oxq1we4FtdK
G+EnB+f+tIuSbC51vg6AnaDtJPrjjlb9loYu4G7DfYb7ZY/d5V6k5uKvJcNjMpmDnLlm8RPn
nz+tF+13DJOH8YkVtTWBrj1GBWakGK7OHFBKzgzMsvBP3Usubm84XcuxXxMoOJE9x1HqPnV6
z7VojB7qyUzqAqzxN3eAGDY04K4yPKgqSvDIHiYq6nIION6taIOLA40W979EI9+in15eeOdH
IBNe4DGBX3T1Hs7xPgbWqix4isKks7xHwuS3MeL Vty5eQqe8kzI4UXDrK+Y5o4iUj07/AB4G
TnfkAPnXi7Ca2laJ1aNI0GRhjb9qPcJ7X3vDbVrTSSsD81bIIPPOQR9+aVyaNtXF2Hx6IJ8q
j0SrwPZ7/ic8CwrHZIHcNkSNp+PH7pwQD5nNee8KuEsuF8TvicSPpgh33yctn5afvok/am2u
uHSRUPR5FxEJzEo+Nxy/OgfBorG4vBBxGv0iJyultI1ZH5VrHjag96LyZU8icG6b+4meHdlZ
rC1gCNK+qR2fGSE5PM5J6VU4F2qePuTO3ed0eTHJA5UI7QcA4hw2BLtJz3hmwSXOTGOgb8j
y9qDQZBhs2D51iGnjOFp2yS1O2dOPHwe23PGYuIcHmiTupGmTTGzOBjJGzeR+4+dVp+0PHbm
++wtbW/DteqQNKSAemNjviviNLG+vbeBpXk1w+FS68hz2PXqa2/B+Mo8EcSTh4kwVEh3wc7Z
6Y5VXqSxv3/0I8MZx3YyYcI4lfdmb27145MIUE7/AGeNNKtgsTnfqenTNDuLdmLa04FcToZZ
LqzmRZJHbIaN1GnA6Y1D6Gth9vspez1zZwskeu2cIAdiWB6+5oT2khujDxFIpVjh+xW8kilM
lyHlxnpyozlGXMRdJp0wf2Z4/wANteDNa39zpbIJLEsRnIxjOcAKpwPMUCvON28XbQ8WslaW
BXGFI0110BW5+e9X+y3ZqLjCPNNG8gWRkx3oRRhQRnYk7t0xVOOwtYe21tbm1CwF4yYtmQbo
GI3GTua2gVcss2vame5ieXH4fxbRSLpdgWLRy69AAKE3lRc8rFow5U5AYnH0rZWN1Ja9mb2
1S0kZJjbgBkTCoNXPLufpWQunxK/wAqQ1dqcaOjoqUJfCeN2t5ZZTgIhKxhiV2HXIUd5HHH
BcxquVXQB6Z09SXM0+yXGf8Au2/CoL2UN9pAYZbrj1wc1nHfH6+A+Rr9fmW/CFwBgAcqizIG
IRGytsAc0xgTuTitixj8mJSHPKNxtVaSve8jbmFByB8qcwA5moyEPTP4UxFJCK22QN4kRf4GJ
yPnVK+H7RR1xRQo2NwF96oX6p1WD6m5YHSj45e4DNcECA92c+YqxD/dLUCEmI7dR+NWlh+zf
FZEUElNzSmmGjAxwFHPenhweeIRAEnlXaGrLSNJsmAMHcGmhCBzNNVnQ7g4qZXVhtjfpQnaC
xaY3GN6swupGljsfuNQFSNxsK2Dz96FJWg8XRcki1rqHMBGmDDqUI3Pw+9TRE4BJ5+Fqa0ZV
8deYoF+Arj5RTdSrtUDbHB0jNGC2peTb/OqkkRHTeixkmCkiAZByDjFXrW9YEI+486qrHqOB
TzGVwoGSauSUuGVFuPKC2FkXYZHI/Kqs0RB239R1qO1uhFMsJJbJ5gcjRGS4y6kBVuNLNOD
GIKM1wUIW8YB9qNW2GUZGzJnnQoxFZQQDz3olaMcIeoyKfM5VoJi4dMmj4hdW8sUiSnVEQVY
M8htR2DiiwecuNgeGVu4vUHU9T8xg+4rNS7NtV7hs0S3EltcH+z3Hgc/wAB/db5H7iaGZkl
Yc45w/Q0sHMfFGw/eHMH5isZq+w8RiuMfC3ir0OFWueDfZ5h/aeHt3ZOeadPesXx2z7tnKjk
dQqYZJS2h5vfj3eUau0itZrASJ4XG6suxxQq6vbjtKnWB586ltYntrZEU+B0EieinmPkfxp
jR6udYVWajXbKD8XmU7q30qjecXuZAVRCPU0UtlI5ULvIwoOBYo8Nt9Act1wZ6/lkkbMjkm
q1tGjPillgclH7zdBU198RqtFPLbsWjYqSMZHOUhFe3g4mRvcaU8LextYZZri3WbOsRmQa/X
bp8+eKHXEapdRsvw52+uR9xFC1mctnVgnqKvQS97GIm+JTIf5UPY482H074psv8ACQMk+ua9
ItVRms5gNpYQvzG34YrzXhb4IZPI16JwWX7Twrus/tLZtae39fhSWdcnWxX6SL8ca7uWA9QR
/Kg6+GT7q0vdiQx3MfwuN/Q9aByQYk5dTXO+63Yzindi9prP9bdI/tYXNajJPuqP6++vMJA
NeC2ATz8hXr1vKp4XdQOMhbfU3tqP8q8kuYzHO0XMhtPvXZ0cm8as4mpjWR0Eu0nZ234TYWd
1bXazifZsMDk4zkYPL5UEtrKacGcMkMKHxTyHCg+XmT6DJokbCz4ZEs/EP28zDKWiHH/ANw8
wPQb+1C769nvpRJM4OkYSNRhEHko6CnIbttXf1Fp1d0WOJXttcwiIF7iSIAJclQmfMEdV8s7
/XAHJjzrue9N5HI0YqKpApScnbJlfBxTnGRkVEGzUqHK1ZRrOy/b244TGOHcr/tFgw05Yai
g8iOo9P+1S9ouBWqRfirfg2n7I+7Rq2pV5bqflfkeX4Yx0yPCNqI8D7RcR4M/dWtxpiaRZCjD
UpKnI28j1peWJqW+HAaM01tmEuGXzRHC6c4IKsMq69QR1FX3Bs0N5w4IreVdEsLnJiOQce2Q
MH5UnHLa3ubeHjvc+HSWUMpIuINikbAjDKf4Tn0xj1qKzu9GJMBki0yIeTDqDWJKM+USMpY3
8Gr4Dx+HiMsEFx4WMZUx431DfboQOQXnR++4dFf28zt3jzzQqJaZiBjxAY5fL1rzsNPwy7i
ns3bupTmJieo/dPqNvu01bOLjTQR2yy2zq6eGWLnowMj7hseuPSkJ43iknj6Y3HIsqqXaL3Y
a3P2G67yeaHu7nSRGAASyqNzgnp6Y5+wa9DWv6RITHkhZ486iWwukZ574Az7Y0520+z3C3BI
U97LcSNpUtpxpQ4xy6mg832d+30RwY4vCCMaNu63p1P2oTa5Zq57u3PZ27tkZRKsDF1AHPJH
TbORyrza/UhyfS4t4b6xg7NtateQGazHkRibUzZOxxx/6VhuJq4QFMctwRSesd5Ij2iVQaA0s
LPzI0g86YIYFOWy59f6x1pskj6iBGzN19KYVnfOMJz9/SrinXYSVEzzaEJC7AVSHelc6WBUD
cGnXUBFu7u7EjcdKGB+eaZxQi0LZZyTCOMvsFVLA9aQtKRgYXI+hqOyb9hipwTgE8qnLjoT

8hio1TozdqyMxssx3J55x5UPu0xPgdefvRItt8IOATvvyqhdZNz06DajY7sFkSoUIBB8x+NSx
D9kKXT/Z/p+NPj/uxWuzTBR5mlC5p2Mk0uwPIR2wSQ3Tv51xAA5cqeMnpS92SCPOh2bSGd2f
X5Umjfn6ipgGHNCj0p4UPjRuaG5BEiON9Wx5/jXNEcahUklsfiT4hzFSxaXXOPcGhOXIBor
wxtqf3T12NXHjLRhv3l2NVITTKBnBO3+te1UFTjfUufnS+SVOXmC4oHIToIPQ5qtMfX0q9IC
OnPIqmF1TKGGw3rcH5APjgdDbOU1KBq8jtmq88zICpUh8455ohI5LBVOMeVTdn+BXPf+IXFx
A8cS2EZuGeUeHw7gH3xW4XJ2wOSW1Wavs72Ss+z1tZcV4qkl1xC6Aa3skALFugx7c87Ch/aT
h9zW7ijJdxQwvcL33cxPqEYJlXnHPbptWlsePPxGIX1kkM/Hb0MkSf8ADsIV5k55Z5+pI8sG
jxXs/JLwOfiNw91d8TilAlnlfKmPGSFxtgfkEYlCqA4J7J7n5MayrtlsY296lgKggDkDUc
rqjldJz5nauilOrA39hmue02jrXTJnGSM0/GN64qxAYhFcSMHOQawujE3yazszdC6GCf2sUf
dyZ/4ifun5cvbFDeN2+oZ9MVP2Q8N3cMRkdydvOrfFYg9wsY3LNN5c6FP2yUjeKaqUWK9uY+
HWRIWSpA9iM/IVEpzrQXts3ehGcssa4RcctqoLZO5xjasKRI5OAY67ZoLxEBQ2SB71o7qMKS
owFHUnArP3ER4jLoQEW6nxN/Gf5UxjfJU5e0z8dk126uQRH025+tTT8D1x5AKnpWgWEBu6hT
LcvCKP8ADeZTSGPduVz+4vP5mmXma6ORLLFtwx3Py/B5XPwy8t1LPA+j+LTUEchUg5617qv
Znh7JpVZFf8AiDkn76zfhv0eQyRtNemhsZ72NcY9x1oscza9yBJ5cbuS/kefW0x70SP8X7wr
bcB4kFdJyA45rWHu7G44Xd9zLjPNHU5DDzFEuGXckirIxil/dcULNBSVo7mkzxmQ+T1qxu
IO0tBMcjJG8v69KbFRW9vrklbu0UaiWO2Pes1wzjMloBDeR642/fXk1H5Lew4/Ym2lCsg3
R1+OM1zGraUguSMoPcgbLeEcD4led2YyntykOvYsTgA46DIXn99crA4FsMSsil5v3s6R8P17
8/atP2uh4xEkdpAdyWAQx7q46HP41jblw0zaTIVAUhZAGM/dXW08Eo0czLjt2Up3aRyzHc1
XNTvUDV0EKMBnHzrqSurRglfuBFF3ZkMhB70MBgHO2PPanA4AHnUFWoLqKK1uIXtI5HI06JW
J1RYOTjBwc+tQsVMFQM1FKmN1pyHJ3pzcZvVpFGu7E9pkjRuDcR/aWswIXV0z+77H8fencW4
SeCcr7tSXtZhrhfzX/SsYUqGVZEJBBYD5V6DaXZ7Q9lnjOGuLP8Aap56f3h/p70tPE8c9y6f
f+xmL9SDi+0D7eRNLWw+TDIcgmrdCPb8yKLWk9zNxV2N2lwZF7pjyOByJXqMjJxnrWfJ8II
5ip4nDqrKDrTcY6j/SsZMfIKMmjb8KtL6/ulh4ZxBrOC4QyOFY+FxgMNuT5UPn7P/8Abosr
i6kkLQmQyBdy7ZhZ/hq/2Rv0teKLrUd3NyJGdLEbfnT7iWaXtWjRBkFuw/tIIP90+eQ8u
tCVcG7bJ5eyvDbCB37m5a4VdUMhcsrafiJwMDrsflWdv08A26fnWwn4nPLbvDIy7KVRZFIkK
kdfFsrJyM1lr2PKDccqS1S98UPaN+1menAD7/hmq7ZPIH5mit1bRjxRy6sHBXFUDGSdv6zW
4dB2rB10rmB+XLy9aF6TnGBRy6j/AGTDHP8AnQ11w5G2KewvgSzQ5JbJfC+1WiBtt5VBV/C3
vVjH5VJfedGlr2oYdgf8rVSusfavpV5xgH/K1ULv/ez8qJi7MZFwWcf2b6fjXRkaBTIX+y/T
8aSNcoKImvJp8A/YjHPNIBkedc2MbHnS8h68q0wSFHoKXfz3pyKAucegp23n9KE2bQikjfmK
nTdSUAIJqLGDqFTQjEmkcmGRQpdBIkkUYaMSJuw336+INMYs4DKMo4yKmhKxSupIAPiGfvp7
qrQl1OQj7EeXO13LkYSGd0dQGwKnGT1FWI106V1A42qMvGGB0g7Y504ToMnCiHStoMqRBPgf
I1XiUNK7DlnFWZ2V1bHlmmWEYAmkb+Kiw6F8n3joYsl2PKtt2f4XGvY+2hTSbjjd6EchtJWF
CS4z5YU/WsxJEEtXznOk1sbrXhfDuFR/aO5kg4NPMuJMBpXVVGbnmctR8S+RPO+kHOyduZ2
uO0NvBCv2+VwEzpCQoMIAAMZJG5p00Hab9WTzWVvBasHXUxLatyUN1HX3qXgfZnhMPBrOaRp
Z4jCGZXIzoyWUEkLnA3z0rrPgFnLFeIttGLaRgX7pNODg7LgcgMDlnJJrck2uGD19r5Vnl00
FnFKCVzi3LlpyOqfDHPFTX9ssNzgggq5U5bfrtTUEYgWArkyfydtfQikkZsEouA2MYP48qer
ryGr2zmpMroIBG7D8qtWXDpr+4jt4I+8kcnA+fp2q7pAZv5YU7Ox91FeT6dlgPldScD8aK8P
jW4u1LKSzKFBPQEjP3avpUi28XCrNrGOVXlmeVeQx0H86L2Pclt50c5L6A7+QJ5Ae2/1NCI
b9py/XeTL7O13/orXseq9I9KUW2VAHXarE6F75tth1odx3i68NgSKMIZZiFDj9xcjJ996xGO
5tjLyUIYM4hCeJO3D7ULHADma4/i6aV9M598H5iuJrbWCC1tyWkx4mPQUVe+t7Wxklhx3a4j
iA64GB+dZy3fv75W1OoklzTONN/ghfVZm5LDB8y/ojRcE4ctvAssi/tH336CtDDgAUDtrvOM
mikU23OsOVO2MwxKEVGPQSjkA6b1ajbWu9C45KvWz74prDktmZxMT297NK8X2mGMBGJIWpGk
5/Rvxx515iFPMbEV9DcQtFvrCa1bbvUIB8j0PyODXg/EYgt+KSRsunLZK+R6j65FMVtYLCqn
x5CPBuNSRDupAJFHNH3BFa22mTSI5YMUa+JM8q87EMkM6uArv9a1XB7gwyDJOlzgj1pDPjS9
0T0GCbnGpdo3UZi7QcLms5hiRIIGOakjYjyrqx6Ro5nRwQysQQRyOa9Q4XctacUgOcJKTG39
fQ1h+2UQTTPxDSOAM5O3mdz+NMarvIM5urgoy4M7oaRwkalmYgKAMkmjvD+w3E7yJ57pWtol
xjYMWyceYA+ZrRdleZrYQR8V4tGVBTXqkJVUBDAD32Gc8sirfH+J3V5Y3N1D3X2SEd6tmCV
dh/E2PTfTn8KNPUO6gBhgXczH8c7LW9ltw26e7eMokq6dGxHPI5DkN+ufKs0ylGKsCGBwQel
etw9n7Sbg9zxO0D2zpB9pGCSjYBJwh5kgsASOvlQn9IHBbL/AGY4fxqyt0jk7wJcEHUx1Lld
R89vvrenzuTUWYz4YxTaPOqdNNJNKZZXLucAk+gwKbz5VJ3amMEMCxJGnfi5b/15V0ErEx0R
25bnrmpCM8vnUKEo+kjBHPNW1caN0BPnRNiXbKISSuCOanIo12V4y/D+LZbTofOpcebHYjHs
TQZ2PIgfSmRSGG4SQfutVZanBwT4ZuEnCSZs+K8KueGSwd8gCXUImiYHYqeXsfSqu5SXA6H
IrT8evHvuxnBGmXVNBfo2fzHJfuUZ9RWXC4IYdDScVcS5SpqRr+F4NvK4YBIWMOSeR71N/o1F
uJTMelaSrG0rNanwrgc4n8/LP3UB4SNdlMSTrxGIwTgHEqAj12IrQcSmWHtYDlc6Lcr4AWx+
ycdB6+VL07CIsyRxXEBkmlM8EagRgMg8Y3GluYGc+g+WAN+o+z4z/Wa0aqn2d2ntbqZ9IZJ
yoAiBGdwPh88eRXrmg/EYY/s+tCSGJ2PMb0nqqU48Dui6ZnXGXIQdusknn/1og0Idztjfr7U

zuOYL8eorMnXZ0IqwVdReA7bf60GmhbvDgVqJrcvCxQH5etDZOHS4Uupx6cwKLhyxQPNiT
QNsiyA+QedThcn3xVm3tSqvpB2PP5GuMRVhnn4fxpncnJijxbUVXTdh/heh94MXZ+VGzGN8j
Phk6+tC+IQf2vYgHA/Cm8Mdz4FM3CJFH9kHy/Gmx47sb1ZjhLWnPlj8ajSiaedUovmy5NcAc
5H7tLucDPWlIJblyNOA645VGwaFB8I9M0ocj51xQ4yKj0t5HnnpQ3TI20WUPhOanWMiSM5wc
0y3jOAW6VbAyQcUitOOQzCI8OFIXTmlkfXCw0nbnPOMlW1gqM7Y50pDCJiwwSRtSzoY5Khk0kg
puOISKx6RgU24du+cBGO/PFSK7IR4QKI+rKT5GSyOsTFRjAPMVb4dblLRSCaicnNRCN5EYlc
DHnRG3TEI6VceEZlzZDdo32Zy2Phzsa0fE+znDLGNfs9sSW4NjJcFmcsS404bc7czyoDdg/ZX
yf3cCtHxfjfd51RLNnuFXgr257uNsIx0gZyOQxzprF0c/P8AeDcffXHDrg0uOMyxW8scr7yF
o1L5YA1AE4Gc8yKun7DDeztcXsYmMas5aUkHwsMhWOMkD8KrwCB4dHY2ZHDwGmKos2Q5TUN
OfFtz360QXgXDraB7cJEF1KiggKcAZ0Fh54BPU5ra6Mt8nl15EhYsGk05yA2Biq0ckD4XbPL
BrV9ruHR23E3CWgjjHhJPMALnr5n8KyLxBbuNIXGGH41ymqk4s6yncFlu40jSsQI6jG1a7h
UScF4QsqxhL++Xw45xoeX15/9KFWhDxcXqJKAsCjvJTj90bn+Xzolz3DXV1NduNONwIvRemB
7Ch4nas5X2pqfThjt2yld/aeM29hE2dTgufMVvrYgmds768H5D/rWM7ORR2Ms3F706TO3dQD
G+nqR+H1ozFfobCWd53iVpCx0gE46bmhzajJNANNjWLHUi9d3EaSiESJGXzqkJHgA5n3/wBK
wXa+/g4nxi0K1ZDCgCIVOdXmfuFRdpOILcSKtuS5DeEY1BIPXfktHXpVSVFI+HO8skDG4KKI
jL2Su25x75wKPiTatl5MkGtzfCJuL3ACR2w00Q++h9tNou133MYqtclmJz1NVvtOLmB/MB
TTUIUqE9NNz1HqS8mw5tWKN2b5QVmrF9QFHbGTPSuVHpfyfgxGdhVy3bDDFUIzVuJsEVWJ0w
U0FAcrXjfayyx2inGMH7R9C2ofc1exRHKA15127gWHjRlx8ehyfcf/AMKfm3tTAYkvUVgn
9WCS0WbT8B0t89x+dWlBmJbIgORGPiRbhJja1XIDqy4ITqV8x7GnvZG3LQsQyN4opOjD+dcu
U21+B6KDUXRNZRd/ExjGqdGDxLnGrYgj35UGHDJrvtJc313EIyshEKSD4pcbbdQM/hRKFPYZ
VEYIPQj8KM3XHmtlSCVFmlbAOGMWAB57e330THI9m3yJZ8b3qXaAvEO+urkWUjItpbOJHebP
7R8Z046gEkn2ArNdv0r3ZgsbWRljVGEgGAGGcDYeYgFpRftFx6Hh6Q3cUGiWVWeLU+STjAy
OgGc++a88EL30ckqvqnTxMh5sOpHt5U5pof9n0J6iXG1dns3ZDisF/waAFVEVyndyb4GcYK5
O5Pt6UJ4TYPxHs/xPsbxHQ11bDCPtpUjxI3Pckb15/2b4/Jwy5hhfLHPdHVjuywfkdvXbY
itPwue4i7b8YubyZ5FiR7nnjV4dh8IHjyqnjeNtfmv1+ZSksiv54ZHLKaWWRNPdiI/tXfZY
/f8AIUyX62ORw9cS/wD7lx4x/k/h9+fqKTinGLnilw7OSkTNq7sHYnqT5k88mqPLIXUim+ZC
DaXER+osSzZZyc6s8/OrUfwZ6DaqakgcqR4CjNMbkYoR08GrFM0E8qleQY0ryqMZI9qkHFd
kffB6nYW361/RkjReKSFQw91Yhh/7j86yqJrRgPKft8AovP2zslfWR30So9mUY+/NZi0VeR
bBHPbrSmOW2U1XkNJbqdm17PWjSyWyAqe7nVs9OX+g+IE550j7QRySIUzbsMls76HG58+VSD
joiVaRVDMSi6QTjmrU2ZW7i7URG4EcTd0xbB2+B98+dCyP38Eh8D72RZI4HgCW9u8MRaEABpO
ekgD1znHIAczsIZ1LWZYDYefvVqN2W3ljSSNFutDhTjVpds1V65XTyqOdykLbg5++udrEoz
jOzoaPmLBlzACqTioQNTpBJ3xqpq2ekLIQHDLyznfpWpxG8pKhcAHP3VfteGSNADoyAODj6n
Mss90EP8QXLI7bh6m0CGEDLatWotWpcc22nWxChvhVRzPrVqOI2yHvXCqOoOQKEcZ4v3eIrd
jIFwzZwRmjYYcW1yKS3TI7Rj9n0w32cA531DIQS94SYZiGH8PI7c60/Bb97q1ABJfOluvSkv
rcsCuAACM/WtKTizG6UZbZGJngVI2AG+mX8aB32U4idh05+1a+9tAgY48OiXpz3FZ3isSJxA
+BTkDn7V2dDK5C2rVQv6lu1t5JbMaNPQnA9ajCwDIjyQTYWrUYccMUGaFonkP8VDIXw9edNr
NtTX1AzbX4AIg6sgnc1w1D9007Hix1zUr27CioP/Sk2zN0RqT/AAmpQOmir8XZvi8lkbTY
4zElu+/vN9O/T5Grtr2O47c20NxFHAUIRHXMXGzculDkmaU4glNQHWVMC38Jq/YdIOPcQMwt
4oMQ3DQOzXlhhz6cqV+yfaNeJfq/uoO++zfaCBLsFzjn55oDxyZZZYoqKHYgZK7dKvGDkWL
YlqWfD0zz0Urp8fuPwpPdyPbeAfcQlqhsyH33NV4y4v1TvMoxwRijE0Jabl0qutuBepkb6h
RSctyp/APJDDbyi2EC2j4c8v4atxRDu1Q5xTJY9Nq1XUTSRmopIk4UJa+gjisnwDkp1Od81t
+0B8FyFjVQOCSjngDxLyrGcS3tHB6L+dbHjwVorjYkDgkuNef4lx8/emcL9rOdqPvKgpDPHY
cNtljsbkMIwIgwUBmCZC8z/D5c6lPCPX726S3Edu+SYjO2gtNZiMYjX1rPy8ctbnuYo+Iuyp
3CLIsRJOjfGwyM6RnHp61qhxOA27dx3rhdtJpAtT/iH30RPGe0mzI9q2uZ3txcpGHERJeN
SAxPlnOcDA981kpbci4j2/fX8a1nEYhc3s8yWs9uHc+GVAnQcgCfTj61VteHoLo3twuYLRRI
wP7zfuj5n864+Sd6hxOkpKOIUpEEJUFhwpYsDv3AeT0H7q/nVKO2aVLe0XZpmyT79fpTJ55
ZCoc6pJn1E+p5fiavFzbx3V2hC9xbsUY/unBx+BHzoijtjSPLJ+06nflrv+QKu7q8k4hNFH
Z4t4ohEizICEYqDnI2zj350TluDxX7HbyHSiBV1ZwPU460Aa6l/VFpbRI01ywLag+QCzE7jG
7chk+IGrVYJOH/bbpVgiK6dCMcsRjfJ67GgSi20kdf1953+ZTtZ/s6y3jIBZ4KRxkbyt0OfI
VmuJ3ryzPNI2ZJCSfSiPGeJm4k1YCRoNMcY5KKyl3cl3O9PYoLwc1zlmIv8IbNKSQBUBk+HP
7rU0tuWPSopHzH7704kNYltaNrw58oKM20mlwazPBZ+8t0OelHoX5UhkJ6GdGigkyBVyJu
VCbSXX79KIXnyxS0eGVJBi2bK1hP0ljRNG/nEn3M38621o3Q1k/0mwFuHwTj4VBU/wDMmPzr
pR5gKVU0Z7hV2wjhdXKuoPwtZZXUdzCYpIweukj8v5V53w+crEV/eRsj2rScMv2jdHU5weR
rm5sd00ehjWSC+TYWnDFeXvpFVYUHyfZvi3EY7GS+174liqdAhJDaiDjJ8+R25ZNav7f+sof
kxJ40xqjAJPy868n4xfNe8TlebUh1BDF0AG35Ci4cSfXRzZ5Gm93YEv7qa+uGedz4VIUdFA5
AVQWRoZFkjYq6nII5irNwukgg5yNyKqNXZgklRzZt3ZfkiTiKrdWsapKhAnjX1PxgeW4GBy2

reKfK7acVtwu54Zgj/ER/JqwHAI2m7Q8PgUn9rcxocdQWFeg8Mt2k/SXfzhg8UkTx5H7rJpG
k/TNLZ4+Pp/oPidq/wBeTy3pS5GKvhhz6Gk0898bU+JDgd6tMcopAxmqy/DjbnVosNKjTtti
qZfgZzp6fFzFN5V1bizLPT/0P3CfrHiFrrAEkasqkjc9PrQm5tZIOIXOqJlVZ3UErgbMRWY
4NPe20sr2U08RCDW0LFSFyM5I6cq9D4+beLtTdxW+kRoIx4eWdC1iaubfyTIRDXYxVFqRC9
5PpXlzCHZ96huolPayFZoU3Q61+IE6G8/IQI+4jPw/glpJZsEf7WzMp+FgFGx/nWit4LTtBa
Q8XiBWRUbvFYZIRtiD6/hSc1JSQeFbbGvFbPDDKj6jBF3aDVkpsVCggDI1A5z+GKR1VoFVo
/F19atfqyG3WGGJGMssbuFCgKpwNjhNtxsSem1VY5gmDjLY6jauLr5PdGLfR0NL910Rpj9qW
UDxeH/lo7wyHRZBiG8Z8+np99B3k7+QAKNTHHhGMnFaezjjW0hU8x5+9Xo5N5ODeolUEBr+O
QW0p0lcLkg8hWMu4iZGbBJPOvSOJos9pIWLABSRprGBdN2RFCzKfgDDUWO+Py5V1H7U3RWHJ
cSDswrRi4IyCGHP50bm1MAVUtyJNPslgtLm5jIE0uoavARjbnvViaRP3RjlypTYpScm6B5JW
7oz/ABCzMztoRh+ylwMdcis1x6GG14hvIwBSCVXG3vWuv7jXqTPhMcemcmKwvaViOMPhjyXn
7CujomsI5Kir7BZYb4VIvNP3vDIIXSCRsN/3hQxRkchV2Jx+q1PPJX/3Chwfw/CmIHZHjyv5M
5I7WkvgFEZmlxyNFVtC3DxIqkkZGfLYmqKxnvic8z5UY1OnDBpwFOoetLyYFIPwcCgTs408d
zeoWtNZRZYfY6ScY8vSr3CuC2cvDLSRuL3qM0MRKpd4Ck9AOm+wFOiI/2TwGz/YTkY/wGiXB
Xk/VFjjhzt/Z4fFIN/v+fzq5AFTBXAuCWkxvVfi99FovpEUleadWBzPmTv6Vx4BbHtK8MfF
eIOg4Xr7xbslvjxpyP3cb4op2deRTxDFg7BuIY8ing29/wCs013P+1bF7c23/ZAYG07eP0Py
qkX0jz+M6dBck+Ecqm7ksjtoKkgYB9qfDAxiUo+nAH7uc1cihZiULBgCMEDHMVxZz54PS448
cixWWtg2mqM1qV4ogA/ffBk24aRGJcZUEA59R/pQq5swvaGFMbGVfyrGHNY/wM5HGSpeChd2
xSwkYjAA/MVLOhjMe3MZO3x62WPgdwVGMKD94ofxSH/c8MRqizn6UTD13V+L/LZJp19ARx
DJtZnV3fPnBpJDB0uGWUSZ4HLkjG+671jeIRslrLtXg64FbfjqsBcfAv/Yc2QBz3Wunhft4
OZm+8ELpbwdnbI29sjyIiOyj4V04OR8xtRNLmJ4muBcqYWAONPTH50NENjBwayujZwxSAx92
sgAKswA8/Lp6VHLyifhbiwlkslTGhY0yrE7KPT19t625V2BkndoZdxPNc5bSQ264YHYgHI05
/PFDOO6YIoeHxfEWDS48+QHy/OtFCpSB7u5AOh3bOBkgbDk5bemKydzIZboTOcs8gJrILH+
+nkfnoT+09U44I4V57KDH/tBR/BnHsFJH3mr/E7B77h6WMN0kBuJg76hzjUDI+tCiSLnX/i/
/HFJ2gaX9amJj3ZRUEmb5A3+XOmVyuBT7Nljcpyn1Q/iEtsnG4ILFjHBaxhrmZTnORsB642
H1qtfcS79FRV7uCMYRByAqtlDio2UdP65mqF5IQNAONT6iukBy53le2P3SIfXBkc7+EUHmk
yxNWrqQbjPkH58Tb07CNlawwpHOxChfPc0kgz8hSZ1PmlY55UQYQZ7OT4VoyeRrUQvkCsVwW
TRdsucZFay3fYUrmjydfTzuKD1lJuBRIE5xWfsm8S0ehOwpB8SGZhK2fSwof26vtvXZK7IGT
EA/yBz+VW4ThgatX9qOI8Gu7Q/8AGgZB742p/C7VCC+GmeIwsmhw4+Y9K0Fkw1hlI35jzrMw
sYpICMY50YspO7cYOUPL0oOaJ2dNK4m+4RMQwceFh4Wxt6qaxn6RLMW3aRrmMBUvlknAA5Ej
B+8E/OtTwUlG5MBKEfTFBFZ79JEv9qs4iwZkhI5bgaz/L8azpeJ0vIprIq7MJIdyasetTu3P
NQsoxtXYicqQV7IkJ2s4dIV1aJtWPYE/IWr7M3Of0icdk1MkKrO7L7MBy+tY3s9qHHbYK6oz
koHZScagRkeu+3kcVquCTa+23GSIWmMpZGMSHbP1eI4J22B+ZoGZNt/h/kLiaVfj/gxl/ZvZ
3GkkPG4DxyLydyIquMmtNwRoOMcIffN+6RFMm1uZCB3Z56c+R5Y9aA3FpPZ3MlrcmOWJir
KRypvHTdPsBJeUQgVOu4HtSKoA3O9PubCjPF0YsTFKoydhSgeZqWER68cweZJxRsentq3RTZ
rv0Xxj/bODOMNFICp6jQaJ8StpI+0XEGAAj+0vy6ZYmg36OZNPbi00/vFweu2hq0XFUEPabi
KMCdU2ob+Yz+dAy7FlcfoapuJU47K32aytZACoJaRsn+I4/KrPYLjf2G/ezmcfZ7llyqk9GwP
x5fiUA7YX5j43LBHjESLGPTYVTsJCbDQNm5gjoeh+6lssU48GsfEuT2RBcQcWliEcJgkAZ2W
IhsAYUlsnO4I5dKXCP8AvMoGPjb8aMcD4h+uOB2t5/xEUrJ0weR+8UHnjWSafTksGOMedcDW
YpTyKkdLStKyxwHvOJx19LJr6nOfDWhS4tO8Fv30YkVmxGHGcDODqy/C4ZY+Mws2ApYnb/L
YywsS3au4uP3dDFQWJ3IxnHLzo2kwNOpLxZWodvsN31wv2GTAvgBWdjiibidsygL+1XAHuKu
3rEwzqBuBsPpQawkJ4zbhm/4y75z1ruY8O+DbRmHtiXrmOR+P35VNQUJ8vCaiNysYkD8sKFP
LfOKJyzQw8b4hg7gJn/l/wBaznFLwm7ZVK6cp6jnSU8FK/PH9jcJKSSZWu7IR8RwNEwJHuKx
/Hp9XFX65C8vajV/c4R1zt+2/wDdWV4pKz35b25+1C0eJwyP8zWeowtBqN1HC0xzyMj/AMwo
aZnzyqRjv7CB7fiKqFt6dw8X+IDLy1+BMyIzSD0NFGH/AGZHvzLbfWq19GF4jOo6SHlyot9j
kbgscir4VLaj5c6UnK0gVU2aZYFPZQFioxYnHT9yiXB4pDwewIvdI+zQ+HSu239D5VX+z/8A
9KFgCn9g3wBv4D/XzqXhNvavwewLcI7xvs0OXMSHPzJ9z86I+xWPY3s6kjfrAC9KEcTIB8K+
Pb+uXITZo89r2E1wJscHzqIAz+057edRdnYbVm4gr8HEuOJyqD3UZ7sY5bnp6edO7uMdrnW3
tfsgPB86CqoD+02zjPtUo14MZaN/Z19hW17MQQ3HFHSZA4EeoA+e386y9o4RVBzyGMCr9tez
QXeu2uTb6iFMmBy61xpY7bs9BkX7uka2PiEKwdxk6yQ/LbGD1qrxwRW/G+HuqgasEnz3rOfr
Ei6KFSMLsfWo7zidxXMLTzmUoQFJAGB5bVjHp2nz8AnSlaZpe0VysnArkA/Eo/EUO4k+qOx
weUJqhfXbTcPdCScipmdpVg2J0JirxY3BL8X/YxOKSf5A/iDE2sgz+7W040e8MgicuDwKbmd
k/DjFYvilP2aY4Oy75rc8Y1pM75Xbgs2cDmcruK6mL7jObnflZiLHvbOMveTS5iBjdlT7b4
8NTT2sUkWlPbhVEekJcCu3ngda6FbrubfUtsyBd8Z8ulLHOq3EihwPGMrpOd1znPIUk+rB/J
V4uot+EiBW2PU+VY2UkoG8mrR9org6II0AAZdXh5c9qAMgaMqOR3FLT5Z5r7RluzNLwD5V21
eRBRuIp/2hczMctIwIPkMAgftFPcbYPXY1UuZWLENv4AQfMD/T8KkeU0J4ZNwlFef8FC5kK7

DahV3JsRnc8zV+5fm2d+IBLqQ7gZOPvNMY4j2CNiKdwzHyFVyT8zUkrAdfeioc00jqxVIUDS
M9aYDinHypjcias2iW0k0XSOPotlatlQaxEZCuNq2XDpNcSHzAoOZcDumfLQesj4lrQwchWc
tDgitDbN4RXNn2dCXRdj2IorZHUQD12oTGaKWb8a+4prA+RXJ0eI8dt1tu0d9Ei6VW4cAeXi
NPsDlcHlyNEu2kAtXfbYYzlvkRmqPD4WKAAbtW8vR0dK+bNnwAsbMMckjYe5OBWH7YcR/WH
aO6dTmONjEnspX+OTWivONR8H4aohbMzKe6H+17az6AcvWsDKSSTkk1emx17mL6zInKkRPvy
qu1SsajO/PnXRRzGXeCzRwcYfZZQxWN9WExkkgb+uK0XBe7k7U8YvI3VikSd/2rgMMhj8z7
VkoGaO4jdThlYEH50SguJI7rieNjJG4boedZkuTUXwM4Y6hXRhLSRU/EpRcWqkqDJbnAk31F
DyU+xG3v7UlqkcWrWRrYfCCDUgHE1rfkg5SAOPkw/nR82J4p2mXCW6FAkNnA8vSn6hUSipNj
1o0NzAEyPEV0uGO/PNTxJbuu2tD03yDVWMLqGo7Z3qwwWTUY2KrnZQM09CM5rWu+OjRdgEaH
tvw8hlbLsNvVSPzrVdoQf9prnHmP/aK8+7PcVbg/H7XiLxtJ9mfWU5FsA7V6DxeSR+MwXLIF
N5BHcMqfCMryGfLHOuLqr9SxrClXJheOSNdcu5mU5MzYx0GcflXWNyqsBJhAOo/IVciR5JJ
JXYBmzgMN+vKp4be2kHglYv5MnOq3QXbGvQLhI3XZS9ISC/sLWb9pInfQkNgHbepLuJGC6p
Cx0gknmdhWf7M3EvDuM2rMPBr0EEEdG2+maN3jBxksJIBVsDfYiufnTb46QfBBxbTRca8uZS
otpCjpuHyAqDbmSKIW+e5nFo8jmTu9Bk0gqXaYfvFAxcpIjxK+VbfAzjI5En0zT4J7mw4iDe
R5MC5JAYFJXAYPdsfOjabUxhNuffg3kwxmmjQyk2vDHWP4jHkhj97/WgPePlx0NokyAGBOV
OomKeeJRx2TqPHguDkHnnPQ+1UZZXaHVMCd1OoAc2rv4a2yYtLG4wUUEbR5I7KbvZi0kjZZi2
TjG3P1oVLI5nxxY6DkeWaqQsZKWBjBUQC29KjnlMAKvqEglBz+FL5FGcnNrhGV7EojL2vdwM
EZI9uYoBfNqnIT6Utlcum2d9XOhtwjS3R08gAaTglvcjWW3FIsBv7Lgen41WJ3qwcLFGebY+
e9Vi+/L7quHmgWRUam5sy9/M38TE0US4mFDBaDSooOEt1zVh4x3YIQct2OSRUFjZrdeVjimk
xGSck7dK4cszXZ0IYYuLkbA6JOxsvduG0WDK2OhCbil4TDengfD9N3Go+zQbGANHL/EPQUGi
urO27NXk90pmaCTwqHG5Q89sE/ypLPtR2Yt+F2Md7JiVLaBTqt3O688HG+DmuipOUU2caaaj
GbS6RDBxWxgfD+KXhvIA/wCtZwsbQk94+np4thy9qj7Pcefi/Frvid93arbcKZH0IQAFVnm
Sdqw3F7mC74ldyWbDuGuHZMAjwljY/Kus55oYpEilZVksWdYDDnj19qpyoaxYFOF2XIbmg
Xul7tflsCfwqSad45O7bQx81G2PnQ6Id9Mqod+exqOp7/OelLOK3HQafSJUZtZKpqu5BGrA
HISSoftCAYwD0p8SmKDWcEk4Az+VvWmzLIQSQc5q0rfACTjBWFXYbU9aI2alwaOeNs8qFW84
mgaNhpZRn3FH+Fxrhi3LA/ClZvbwy5NSjaB3Eiv7LOH0/Bnw1tOODSZgqAD9Ssz9N1rL8UVO
4uM8+62981pOMXdrLCiKNxKZuFvCoiOo5ZI/LJ+VNaduUWc7NFuSQWivp7ThiH9TXKJDHISH
jwoA9XzVOLiUF3O8sFrdPcMdSnQhxgbDGrkM1nL3j19Ihtxcu8OMMDjB/rFS8D4z3XERdTKC
IxhyTucgj2oyi+Ivkv01K+eS9xySUC0NyCHMZDZGDzxn8DQlpNJMZZ2YeJR5jqKofaZI+KWYk
tmDvDGGyu4wf+grEpd9+ndOdmOfwk9fSg5YNTdnmtbiazyb88l24wyiRdw/P3oW8gc92zaWB
yjHofKpEvNiaJyQCevMGqdy2s5IGevr6ihqNMSjjakD7mVoZGV1wvp0oPO+okg+1GJmjfwz7
qeTjmKFXVoyZZG1r5imsdHSw15B7gE7cqj3zipHO56GoiaYoghT6U3ntS8+VcMD5VRoThi2r
UcCkLWieYyPvrMHbnRvs/L4XTPJs0PiriMad1M11s+MUfs5AyD0rNQNRExlwQM7Vzpo6tWg9
GxonYt+0X3FB429aJWLfFHqKJhfItkXBg/0hW4j7UyN/wB6it92KClItbIO+wbYEeXlWj/S
PgdpYQw2a1X5HU1BY1ivuFSWcvNG1q6818/fzx70edb+eguKb9JqPZmr2WSeVpZG1MeZ/D5U
PdqlX1o1kSGnikU7qUY70MceVOQXAIN8kbb1GRinsSOYpucmjIEzgcVPDM0fe5GsyrpJJORv
zqHArgxU9asqwrwiH7VxLRI2CVOPkM0dXhpgtb0t/wAS2IA+S6v/AMAaWUwa4ilxhIoBXbG
/M9MVxsXAVpLWQkNpljHqWjYD76DqJv1U7HsGNSxPjkwICfGn8eQrn08l6czUmjSu+KjZRT08
S2NCqyJz9d6TvCOX30wrXYwM1tZpLoztLFkyNfWCQ+AuA+fLO9aXjfhLi3vVtSQxsovsyORj
KKSBSWsjJFPrRXtKSeP3bdC5I+tKzSlkV/AxCTjB18l624ha2ccSrEjSSDxMea+o+taC24mu
gkW8pGnYNAGQryzv0rHcOitCWmv9TogAWJSQXJ5b9AK0R7XXnD4orcSoRGMfJSPeMeWT57E0
vk08GzoY9dkqmlRdTTCsrJFG0MikOoUeFsHp5H229KO8Ts5Z4WvtKitDI2C2QcE9COIAuD9rZ
uKcVs7K8klVLI5jjYxkA4JA3+fXyrf8AGeD2acMuZ7GchohiSMPqVsEHf1GedK5MEqYZ6mDI
GvJjJGh4cYTjve8jdY1aQu/QkHPLlyGMb1Ss53biJ75+/LnrUauflVq4d5RGIZ3RiBAYDJ3O
4Ofehs0F2l2JXYMFIHeKMD5f10pXEIJNPsZScJck/EJirsCSoxsFJ2ycjJqml2/dui4TUMaj
zqaZ9aPq8TMuCeXIITg1MxONxiupps84wabNZoRbVF63cSxjUpBG2x35Y++qnEI2imAJVgcE
FTkYzVjQ0No82yDOBVueewFDJtTKrDJBx8jXTyNqXqPl/wBDk05c/BHI222xwcVv1b9ofiy2
M+m1WnOGGvpq9flVK51Pe41HkPhOKVhy5+1W2SMSsbZzvJ8arkqTzqZnVkoQRuOtNECsMiU
D0IokeOwE05Pg31leBuHwOd9SAkAUZ7OSKON3AidjH9nJXPoR/rWYsHzw22SOUG92AR8utHu
zBVOJzDct9mYIs+o6VwUqyI6Df7l/gEuKdoLduGcTtpBM05jhlQLBIQSNQHic46jr0oV2Z7V
R2XA4IZbC8d17tdUFvrXZt8kdcVku0d33PHr0IvB+0Psf831VBLgysVMWfY5x5e3Wm1OTpic
8EFypBfjF/8AatadzJHm+ubgCWPT4X0advPwmhQJZfHuRywMA0nJyMAeHoakUbUOURdjmkkK
qstWakZsyNrl5HYeVOIUG4bbG+N6m4fFrXu0DGR1JUrZGD/IVTe57oNKxGxOnB+IOFNuboa
WNclmV1WF9gfDpU+vWhpBDHHI+VMWVnzqJPPu2pQowcmjxWxHBz5vUarosW8piKsRkMgBP4I
qOF3kEgdUcMRjlrH6iinYEE58qKcII+0+BmTb91sE5251melc47pcBdPkk3sD/FRFFbtrILT
LpTB653PsBvbjXaWK64h9osIjB3ahImGFIAG526kk/Kh3GwnLxh5zIyoxIaQEgZHoPWgveEb

jGc9Rn8aLgJHZUeg2X2y+oRF0xJGSQ3xDNXbSdUUq7AK454zv/WaBI51jHTfaiNuSW0tjSTm
nYq1SE37eTZrxj+2d+sliilCmNPLGP8AWs72jsVgvftFsf2M3iQj8PIU9rOpjEZPjA89sVLL
E9zZ3EDEP3R1p5jHP+vSgTxS22+0La6EMmNSj2jOG4Zxhxk8s9a5izAHOafJDhuVJCMWIB39
aVbPPtorSxiRtNy1QmjmhGV8S+m+KOGIGNiwHvQ65jePcb+oq4T5D4pAOUxufGuD5iqzQ/wO
CPKrtY6OTrXDedU2XfwnNORZ0oMiAKHcHNOyOopCWG2dqTV61dBdn33onwF8XbLnmooVnJwa
tcKk0cRj9cisyXtYTHxJG4gbNFLRjkYoRbHKg0UtdiK58kddMPwEIQTRGyb9qvvQu3bwjNEr
T+9HvWMfYKZk/wBKBxyzONzaD/3tWLW7aJ1ZXKkbEg1tv0pjHFLBvO1x/6jXnshNdCrYqpU
htzdzCZwWDAnkygg/KqksghfMAAnuQgKkuDkq3mKkgG9MR6BSZE23U0mKdjNIBRTJ2g9KIS1uJ
TiKF5D5KpP4U0Vcs3AfDAfOqZRFHDdwSgiGVXU8ipBrfW11wzidzbzy3UaP3qu0bNpOc50nO
MjpkVnBJIgpDvp0jVs+Pp60sfFb1IjGl/chen7VsAe2cUrmx+pT6HsOR47XyCJDiaRVXKlzj
G/LrUYQZJfIHtV24akuLuUyljvqMibEbdRvAWd1l3zhdW55FGT8GWuN3ggkV53hGNuWc1EaJ
CS0YL31qW8IB0yEHnz69KWKK1WVnNq7xt8KNLuvzA3+IXupGNm6XAOjGJFJ5Z3ohfXAu+My3
KgOhkygcbMAetHb7hFvZXjdxGndCaRF1Lrbwt1ztnBHICqPHeEScLkh7+PS88QlWPDpB5ex9
KEsYlK0HWnajtVvwe6tWw5sbjGFclmUH2/0qWPgnB7ZyLvirMwQMTAhI35DJHP0oW8F3ad
0D3hV11oUJII9CKeNdycJEWA8Wx3atNsvHji1ywlLD2Yjltje3E4I2lcp898V6p2f4COFd
mrpVli7u6g7xTHkhfZLNudsANuVeTwcMmuFOLVseZGM16fwyXiUXZKe94ncgubNUhiXHgj
xgMfVvyoUpWbzYdijT7MQJiTqJGS3LG+MirN9g28OANRVScf5nqmy+MEbEnlj1FTXcb95grh
Q44GrONiR065JrlJK7Ouk20mUZMhSx6Z/Gooj3I1nqOtSzZXfov86ptNnkSVJ6mu3p1GEFNq
2LZZvdt6JGkMgzI2Sf3ccqhZ+8AUDAGMVGzK5OeY3xTVclh0zg1rc5tyfYtaTpDbgnGM4+Ll
1qjIJMjPKrs+NiOWDVGRsS7DOWosUL5nySA4U8iTiJcNSXwRzGkH86jUEqTnYEVzSEHkp/
8oqcg8hfhfETCoSTmvrWs7ITq/FbjB+O1cJ6ivPL+Xu7uVI9IB59aP9keNR8Lna4vpWSGSN
o0IQnJ2J5fKuZPF/3QZZVWyxOOPEnHLwyjLtO4AH+Y4oZdSP9niNvIFYk5QHGNHryoiLQce7
VXLWzI45pJJVYAghcnGdvUVVl4Y1rwaS8fJkinMLpoJ0H18qwtqaXkk53H6EFosyRM0gVySM
eMAHfzq2rliF9QyBnSW/MVJwmGC+iIkntIWNpCXG2xG331V4nKLOc2iqrMyLqIPwkgEg+oz
ist7puPkYw5I4op2SXPfKicKisCoOFDEAA9CevOhs11Jcya5Dt0A2wPSq9wxe7fHmRSKcc+f
rzpmGOMVaFtRnnkk4t8F2N2bGDz+IWUkIBzzFUypCo06jpPMZ8qsR89jWtkn0gCSJtZYb71a
tbqSBxKgBIGCKrRrkgc6lCYOQcfdU2Wvcbi9rtEzTvO7PIxJbmT0rtCjfiPtUsVq7LrIJHrS
m2dX0MpBo8MLhHdRby7uGikiKMCJSTvqOcipY2kk2UYHkopGtnR2GNQU4JXeI/A7BZrhO8BM
f72kZNGxbpvlGmsopWLYW5ii+0TBsY0jbo/mfSpLi4MLKTjU42LHmOX0o1xO+hsYdMyKAuGi
VkwW32/CshPcPd8R7xmLbZ36f1mi5pxxw6MY16rtljESx3Aw2zoHU+Yl/nUNuFWUF9WPqKv
XbRyw26sSCkIXy6mq6xx5GDxN8jStHns6UMrivkVLYrNGREmIwKB8TiEKnyAAAnN1H9CthD
JFw61YzaQqDMjKckjyH0oHfK3FLCS7ikYs51WgOnQnTA8+v/WsTld+DrYcGOMff2zD3EiF
iGTf0NUnMROwIotxGZ2S02kJOgaU1KB3e/Lz+R55oYWdGKkqCOY2bFdiDtBZYtnK6IGC9GPz
FM286ssxI30/JRTO7eTZEZv8q1spMrk1NZtovIW/xgVKnC7uX4YiM+dFeH9m5DKjzvspBwvW
qIKKXIeJN8I0VmMxqaKWY+IVWt7fQoFErWelhtXOkzpoJQAhbV+1OHFVEXAFW7Y+IViHYOX
RnP0ox6peGzA84WX7684IFelfpOZe64WDzKP+VebTnJONq6C7EmyrICyYxyNQN2NTM5xzqJ
nzTCsE2xuB5imEHpStUZON6IikSA+dWldGZxjzqlqPmalS7mUABhtyyoNwzQcmXTFyNRR74q
pJxaaSARNHHkfv4Or8cfdVizS7mUMkYdNsUF8LkLFNVghnDR3bMuVO3w1xtWmiWVf4sNn16
1LKircN9oLRtkeHnnbpUsbReGJHIBIxkDf76pt9obxRT4kU4gVKKqWjxtorbJG8qIhlyQCr1
B3e6DK6fMKBN50U4XaNjdx6AQFkDEg8qFkkmhvBhcGHJJ4hBaTro8PFpXOoZ8IMZ+IBuOXk3
FZnuQEbtHVAwAvQfea1HZng9vxyKeyYISgd1ce+Fil+fzBoXxLgd0t+tlOsCvyOizSDgYzz
zv60rGVNfAwO243yZRJb4QG1iklaAbiMDYE9Rn1q/bTcV2RpJjsMbcq0U/Y+e3/tlIPbSH/u
4pMsvqBVV/1pZY763ZFWPEYEZ+fKjvPGS4MYMCsiitOISw95MZGjxu7tgD2rRcV4hdzdm9Ms
QghuVigiXjY6x7lhyOM4+vzq3wvhenGOFNcTGNicgFQMj360L46LmUwW040rawrCigEbDGT8
6W9ZN0NyUMsIBV7QdGFIEKIMFgMlm2OTz6YFNuHfv2fxOuAttsAOXy9DTYodMscbcmIUE8hk
1euLRGEZIxZUH7x3IzW4Yblx0bTvvsoXSQNblLE7g77GgU50kAbA9KL3Td3HheX+tCrvQej
Kx55FNrye7augOeCcb8kWv48nrUZfoPSnxz3MkQOIzgsMDcjl+NV2PP5YpiKXJ1yh8+pHM
bqVK6gQelUpW/afIVozZBB9arSZD0aKfpyJvPhNMPqTSj4TTDkmpwYbCB4Y13M0hfBc5wKdc
8OaxhDSRs4x8WvwjI22/rlRmyn75EdkUAj+Bc/XFLxyQCyjjRUBk1b5wcAfX7seorkLNPeos
c9BbXJDF4fPLFbT2tulvJoDMdZOTzGzEjHKJoA3c/8AvNw2CSzL0z1I6VqLWaGKxhLyrGCg
ODharz8Usgf96VvRTn8KQepy21FDH7LjcU2AI+zmZ1vtjRqF1B0GoHPTpRCDsVw3SWm4rI5
6KISD9ambjFsFIUTP5aUYfjVa44sZbaSKC3uA7qQrnAwcc+daU9TN0uDSw41ykZjiS2yX8n2
VCsYOnDbk42Ji6Z8qqhtwT5VYnsrpJSTbvgnbQpIqLsJKuCc8setdmCqPdnPyp7uqHod9qsw
ghgagRcAE9eVXIENarj3Zmi/bRiZiVdRYkDSvMmtVw7sXxC9w8kK2cWdmm3bHovP64pf0fW
Gni0l3JCSkURCuRsrEj78ZrY8V4xFZRHuIeeQ6UUcyTVZM+wig5uokHDOzHDOGdVoNzKOckx
yM+g5VduuHcPvf8AeLSJzy1acH6jeqyShkiZx4Uy+PM1IbhRyOaVeeUuzXppFdOzfC4n1Qx

FBggoTqBB99/vqvc9nrh4RBaX0VtADnQsJBz76qIfafKmm7atLUzj0zDxRfaM9/sNPLNqm4k
mPMRIj9Cat2vYaxgkMkt1NK3oAo/Oi4u2865+IKgGTvQ553Ne5hFFrhFSXsvwyRy5EqkjGz/
AOIVpuzHDFGBLcL7Mp/EVfa+1VWluC3W155E+QH7JictzirKcnBbMRd3387JtlWkkH7qE3vA
oBkwYsRnGPAoH4EUaabbNV5JVod6ApNOOMLCn2ZKbs/bvIzzd7K55sxOT880wcBtF+GxjHuS
fzrTuYyelMIRDypj9oIQVYIfABThKL8MMK+0YqdeFp1H3YoqzpbFRNItU8smEjiS6RUXh8S
b6amWJRsbTjIPOIVgaw5NhdtEkUeTyolDGEAwKpQsoOTVxblAM5rDbByRbVdqmttnFDhxBA2
BVy0mV5Bg8zRI9gpRaRnPo0Sf2jkhX8MDt9W/wBKwK273BIUbKMk+VbP9JMol47CinPc2yqf
Qkk/nVKCwSz7Dm/YfitbuXSvooP8AofrXRTEO2Y6ZApwMbVcDg+aluB+3ZR0qs4355pmINjW5
001xzSZPIRCHYyaXTgUox1pT71CHKdJB/GtAty32RI49hjJNZ44zWmjgXu9hzUfhS+auLHNN
ud0C+JOytAwwA0C/Pcj8qhhZmYZO+2/IVzitswSzckaGgwM+YZqpLiN9thWo/dL532EoiMFm
blv7+1WImIdGyBnBYkf1mqVtMjHBX6danup3WAJGAozzBwTQHhmjqwyLZuLtrdO10IopWafZ
tDfEKMzcO/V/GY4Q5YBIKgjB5/jtWXskZeLwRow8TKAeWM16lxTgzWfaCwuZ2WXUrZUDYFTk
fiPpQpwamkuqBPUKXL7BDDwsrgjbcVRMAwIzkHbB61dv0a3u7iPIOMRgBj1qJEyhOQMA0k
sbsbjktu8B4weFM0DLmFzkgkfnPN4zcxX15I8T5GBp9t/50GuWbJAztz86aCyOrDcAb6jX
QjoZSSIYu8mOGTc+yKcskgYcwafNK5J8Zw3PyqG8kD4bw5IGwOcb1Xe6VQAc7HFFyYZQjaD4
tRCU6bFuRmPI+X1qldlXAKGw6A1encdzqGwxt6mhcrAOYyNaj03oOmjumF1E0oP6nQpD4kdc
ahsR54qrcR9w7oY8jBBoXFOVzJM+eLLKkrjtOwPqK7cYbsdvhnnscqlxOUXYDIznn0qB/j
2q9cW2I+9XGk52zVBwdXMUNxcXTAuSfRimFT703J9PpXKpxzNO0nzhRrFYXlW4eGMrKyqRs
O8xTOLLlamEBYdYHLLgfr71ThvrqNQqS1QBgYFTSG5uFVpf2wQFywbUFX1A9QK52ySnbqjo
boPHS7NDYpDcWUM7BASgGSoztUrxxafBGzf16VQEU83Drd7G5fUF0tDGHYVG2vn8qom0mfd
5ZD8658sVttyOpjblBKMqs0B+LuSvuaeshUY0Jtlx/Kg32aKP43PzOKkDWqLsc0ffg3eb/I0
/b3wFvtThgAI8fQfjWRK+IPjAGCFU0ZEwkUrBExIB3HX5VQkZWvQ2nKR/u/Kn8eF4YUtxZzN
VLfSQsNi/cwzOp0S50HGxxz/ACou/DxaQwOsoPeKwxt4RQ63uG1amGSScA7ge1ErmRHVF5Ox
yxOfD6GjY43F55MuJNnpHCLM8N4MlpJgS93rYg82P8Apj6VleGXLXPaKS4nJMvmpY5PM8h+
f0rVs7wWkMF44advBDD97zrzS3upou0ipr0Ws0yrLqOBjVXHlc5N+Tq4PbB/U9HVZNMjYlu
W1MB+6o6U9riBN9Q26VDNdx21k97IRqlysQ8IHM159xLtVpumWGEkA774FYjGUuj01NXJ0eg
niCEnTjFQT8TWNtyNebHtZeZ/uhjyBqGbtNcuPgYv0MjIniXk3s3aJIHQYoPd9rXeTCDOOo
rGy8WuZVO+mqfeMckkk+pokdN/8AkVLPj91G6TtLcnripP9oZjzb76wg1aNRJppkIHwyOPY
1r9miL/t0b+6bpuOtgJY/WoX491zWL+0TAF3rH3OaT7RJ1OataZGv22L8GwPHxnBNd+vl/ir
H9+TzX767vvcVf7PEn7Wa88dXzP12pPMvkO9PmaUTkdTU/Z0a/azYLxhT1qZeLLgVilumWp
Vvjnkay8BpapeTzji6g7E1IvFQ3WsYt63TJonw624jfyKkEBIJA1McAZrEsSstlrUxbo0Y4g
M+dFuCXbS30azwCdzQm27O3CBRCtIxPSMk/IRKbhLpaS29tIFmdNIB/ezzGfUfyrEY7uYhJ5
FtZle0fEBxDjl5dLukkp0/5RsPuArUdpbEcP7H8GsCP2uA7g9CRkj6nHyrNcF4cbztNY2cqH
DTqHUjoDkj6A1r+3Ttc8R0D4YIz9aZT4s5UfLPK51zcyHyJqk3Oje8YaOzhz1YoW0ZzuKbjI
FuTIgMmlEfU0/AFNLVuy7ElzTSkdqzTTVotCda18cZ+xo+w8Cn7hWP5VrjNjh8IJx+xT8BS2
pvg6OiaTIZB2ljMfDeFknZo2A+Tt/Os8G5E5rS9rCrcC4GynOUk/EVMyuYo0F7ReT97LlqdU
q+E78gDy9anvJdMxhwVEYwAdyPeoo50hfXjXoXGDyJ/o0xO8urksx8crEnA86zVuwyybY7UW
RLovoXH7qqfur2ntVLpl4a67a3b71FeIzgeAZ5KB91eydsHK2/Cjj1E/8ApFW4puIFSdgv
jKecYuFyN2DfUA0yRTEqtobxL1FEeKW5Xi0d0SO7aJHYew/0p8TJPZPbqNwMeMkZydh+dahh
jQytrKKVAW4t45IRcLIXRSXBAlIGACPrVFZdekHTgDSF2Gfc0U42icPtxZAlnfdm/hA6fn8q
y1wWUk6984FM4tuONdmdRJzdofeFxcLGUIVO4PIVRvJJPtjO3iUb8sD6VK9zNK+ZpGfi3Oc/
Oqcx8WSMjkk24LlnzChNxafksTTyNDqOAO+WKGyXOgnAAOem+fnTbmckFcjA8qoMxNAjihj
ftC5dTOfZaWYlmwcVzPnfG+1QRnTkE86eG1c9/Wt72xbwEVIJ4dlhOdRzzHShT/HgVZVxj48
eYqGUR3h2Hyph+5Jg+jkOxqQDbkaYumZB+Vcc554+dBpeTdk9sivMFcqFzglx9Mg1NK6A/s
wrPnGk7gb7c8+v171UWPW4BYAZ6mrqhWQRooQA5Jzkn0zjYUpOKStjuJSk6SD9hxFreFLi1m
72TJAQooKArjxeW+d1+6obm3u9DyMh0k+J0YMAT0JBOKoRgqfCTnzqxH3gUgO2G5gtsfLaub
LHzwdzFjldzVeB+iffTHRu7EeV8OT/X0q1Ijk+OVAMchmogsYOM6jnoKexJxjV8sDlim+CO
3SQAsshTG2ckUy9YSXhxp1FcEL9M1cdCYM4wARzOotC4XAlkYcyNzjlvTc5yjD07tM5moSjX
HIQsooY0LST6XXJOVz8hUirG2SH2xkA8yc8qoOwckqca1as42dIRVOM7/wA61jzxS2xicyWK
V7mzcHjdvfcPtYLzaZII1VznxAjbV65G+1BrmaC0vZliyXduQPjj2PPbBoVoweckL4eQOodR4
ycjYUg9LH1G1yhrHnmse3yE7q+nuuFpEGGm3QRjSMbY2/1/rMfYpHdsDlud6PDKQKVGnfZg
d89ajZe8VmAVSAMgADP86Yno9rrG/qSOo3JKSAh4dIv7v309OEyux1FV9D0o1JGrksq1VO4U
nOB5Z60S4fw65uVehQt3hLa5Dt15mufOWyNtjaxRbozqdn8xidQT5rt9alueyN3Bam576Fo
1XVkeE5I-laOOdXyQZAw+DvkVc7SaeoFiAAASELtywP6FBnkprUX2K59sIyb8HnckIU6arS
RjprCdN2YnnVMjfoPxm4kZFYpSFFsRwGhc0ySPatJhFlqttSgE42pGGCaVrTWwooHWkINPX1
XHIUM2R0opSK5RiqNFmzAMq5G2a3vBlisiBSQX+EgeQNYa1Uagw6Gt/2dmHcoxwTGQd6V1Ku

NCeTN6WWE/F8hy3jkRSHAOORI5U54SEYnxHp5U+S5VCVwKie8XYdPSuViyS6Z6hQkuh/DLKK
XtHb8W04khV+8ONmOggN777+4NQ8Vi72K/uXGdUZUUX4bH/2dPODlvhHsWH/APGqPF2CWMsf
+A5rppvHOMqbkPKZjhH2+KQ0PnQDcVbu25D1Jqnl2pcU1E567Krmoyacx3phNMozQo50/Y1HX
A1dF0OYUXFwWs41z+4BQbNE7cI9j4g2sDwEHbmc5oeRcINibVpBLtGdXZrgDf4Jh9HrOxnQR
vgmjXGZdfZvgseR+z7/Pnu9BAMYJrUeJl4ZlUWNEOHlWlJU5wpPLpiqMYUHJOdicDpRHhWON
APPnUkuDUKu2R3MZN2B6CvXe2MoiXhkTcgrEn1AUfzrzG9tGW/gK40SYUEDqMZr0b9lhKXfD
1A20Pj6irS5g19TMri2mO41dMsVnIp0rLbrn2BqoOMRQ2gjhQBh4h7775/rlUvEUW47PcMuC
GKhGQ6TvkVnXRwGYRsVjGpj5DOK1GaV2EjzFUSXV6904aRcjO/rVS7ctGD3eSd/DuFpF0yBv
Ccj1qCWN0h7wk6SvX+vSo1Ju0W8kVqZTmYRysvTUQNO+ap3F08khdsLk/CBgD5VLOxxseVvW
z3e45n4qOnSQN2V3fU3IHPypm38NPce1NwR5c8YrDKsQoyqrm4Wzg5rhtvilJAHKm5FY6JY/
ORjJfMcYOxyPOIHoaVfXl1oql4Ms6MjO+1Snu8/G30pisqODgEjzGQabn+s1OidliFICgkZP
rU4uG5Kox7VTRxoAzjapBIM4yaWlGx/FmcVSZdjaZj8YFW11JxrlJ+dC/tCjbfNSx3PIbY6G
suHhDUdVfCyDCiIEFgWIGBk8q1WWNeSD50HjnlkOEGT59K11XCjUcEehzWXim+Xyb/b8ceFw
X7+UvbKMADV+RoIqEBYdgSKvK7SidXIDzp8Fvqdg6eZrOLFKVxQjq9R6klJg8qQdwaI2sxjg
Ok+Jhg0w2bGPIEjwk8zV2DhkqxCXIOo/ftMcUoy20IOS10+Sny7IT4jnrRtT0UxPpcjBXI26/
0Kto7hjFgNjBIPIEVNcwRqql1xr5Zt6U7jUFPcmbWOVbXwQGRGiCnbLzXz3606NP2L6s4zt
p61H3aNK5PJOeBReyt4Z4jHqkCm24C5323556/jVzyReRr6UEEJqCBqkqVZQAwo2NvatNwuW
CK1QtlhOkZJGcbqz9zHHDcssbGSPOxYY+6ri3MdsV7KAawRhpCG39uX1zXmtXC3s+o/jk2n
ZbhmfjIkVlbVKcYqv2ufTKsOAPrdwDnc/0Kqo7iZXPxE5zUXaCVnuX1HxDY+9ChjSnn8HL+
08lQUflmauOekVW0b4q266mO1RlMbU7ZyEyArimuABVgLtUEo2NRM2nyD3G52pdPhGKcwqUJ
laJYy2QinHISlCDmkr2SxpGBTRzp7CmioWi5ath8dDW07PSeHSfOsRAdxWq4JMvdTml8y4O
brY3E1twjd3FMOXwMR5j/TFVocd4pfJQc8eWaJ2emW1lifdcBwPu3VQIUPKsS/CdtqSjDHC
W+f8j032ZqXn00X5XDD1hcZtrmEDSkhHzKtJ/8AkKz3aK+7rh9w2cnsr7Y/OtPcxraWt0A
Qe8n1beWkKpuWvP+1E+OHPk41Mo++mpPfJC+S9rZjhb9UjCqbk6vSrD8mY1Vam4oTiiX1FR
1KTTGFGQZCV1dXVo0JRO2bNioAOzEfKhtGbFUXg+Tue9b6YH+CtyvgNhVt/gQ8RJPDLIHkrS
j7waH+HSvn1ohfMJeGQY/cmkB+YUj8DQ8DatYraKyd8fQlUrp350T4U67gjIzQxYy3Ki1haS
wqNaEahkZpn0210C37S29wv6ytxJSOVSCR0yDXo/bzSbix1ncI4z81rzC5KpOpZvEOWN+te
jdv3w/CSM+MSE/8AorM4VKffUy5Oak2JbyGbsc2nf7NdEYPkRQKWPBUsAcjp0NaHgCCThF9D
KDpaMS4B3IU74+RxWfa5eIQRjyIzVenukyKbjFDXKWyqxAl57jY+ICb67acBWl0pnSAMc66
9u9bHffy6LQ+V8gHUK247eC488sbIVOahK+toZs8/OuDEKdufUigOTsKRMgxyqFLIAHKrJlxV
eRsVFJIEIpKRjzzXVooCCKcCB/KmClrSKFODXfOkpc+lXZBNxt1FKHxvTCMHFKFJz0HmaG3
wWjs1PBHNJkRoz+3IU2NN/BH3h822FXIrd5vDNK7eSIMD+vIqPzNoWGNyOWMgJv7tEx+6p1E
fSiVu8Cqp+yyXGNgZDPX7v51AkcUAWIUQDGW3J/P+VXRlePComVbmTz5edFqxWRW2Vkgofr/
AH/odOC6rqgt4dvhhHqOZ6n51YhtyyKAKYsSyFSuAAuMZ2zRa0gUKmTk+m9EwxoOTTQllyS/
6vwVrq07iOifmGO2dqS3jIMBxy1ZJohLEZ2VWGQowFHQ5o1wzhn2UqktqHd2IxnUOmOXzojd
yARjkq0BLcZeamcOjAYBVIOxPntg/I0Qn4OJ7MSR3MTMmNQBG567fyonxHhyQWSrEvid9TDy
AzgffVW0t5LaQFHyCDlehpDPmWGNR5Z0sWpnGSjkXBm5rJref4WXHVh8WPWrtjb97lgABBO5
PIetHLqzM5HhB35VDDwxrYvhsjg6etKYtW3livj+w/kyYpRdfpghkjE02ctCD4dtxvsfSpIO
HzXSa1Ix0DHdqC3jjlj7+LVEGzAbFvn9K01q9vGgQRaQBGBQB99JZNQnJ15JCbXBjLCPN3q
JISNSz+w6fXFA+Iu9xdaUBZ3bYDmSTWpuFFpY3s3WwUxp7A7/jWQuQXlpmPg899o5d2or4KZ
XGc86ifrViQHO1VnNEFIjcbVXlGxNtk8x5VE+4rUQseyg+z1MPhqKQeOpF2FEYy+hwXK71Fp
p2vFNJO9aiUrEIXudSE0wjetG0TQfGK0vCm0tv1FZiE4kFahHrelZoWRcCeqXtN3wmUHRq3B
8J9aYIE54vDCC4MgXJ96q8Ok2059qNtAs97YXQG5lQH3BH8q52SN0w32Dn2ynhf4os8RVmgu
3UnRhSB5EO6n8BXn/a4aeCa+pnUD6GvRInW44HcaeamZD7rK1YHtrEV4Fax9ZL8jTkPvI68
+mYeUIYIU8yM1WNT3n9+wHIHAqtK+dOpCdUITvTSafjHQGmEVtGkdikpfWIALEADJPKrLHRR
NM4ROZOqWhgshBGcnOWbZrkgSytdLDMz7t/h9K6M29vGLm7Tvm7xQctZ8z5L+NCK9zDRTiVp
g0dookXCyqtTPPA2zUGIN8MSByPKpJJbud55zl257YA9AOg9Kb3ZJ2U+5pzHj4sE5iCQgaR
jHpROBisY1NnbrVOC1Z2BA1YO+B0q6BpkAK4AOMGiO7qzG5DpotZU9SK9P7Q2r8U4fwe5VS6
6NZ0gn4IBx7bV58kDPLHjAA33r0y5kMfZOWkgYOqKobyICKHPzrU4VskgSyfeRQ4G8v61SGR
QUKmntlfDdI94rH8WdbW7mtixLidJIPXrWhbi/cOpEwZyFJwunScgn+VZ7tnF3XaW7040uR
IP8AZAH86FOThJo3jW9WCHbUcsMgDIUD5JzjangFhzzioXP0qO6thhrNnrt5UwMaU7UxtuXO
l3yaOaTHM71AzZNCxphNRFCV3Peupdq0QWuFdSVoodXZpCd6TNQg7lJlUaifPpTxGT8RDH3p
x05Ojdc7ZHSml8HC7n0oPfrvhdk6Mi7tyHI7ACpPty/CoL9MAbY8uX5VFbWfnfvJG2HQfyqO
cmOZo18KrOG1VHGpSphHlIFcFpJnyA+hB5dRV6yhWSQFixBYAk+RoVA0YcHBjNF4XdWlAyaM/
vCuvhha2xEpz5thxYraB2VW1KuMcn6UWtLWZ2xJGU0bBDsc9RigETHPjxnOSKO8P4iLXLVle
8OC0386zwmwyjH2lepC/dwgpbx9w73E8iIpJ8IA8+Qq2lwxYShG57ZOcetZF3mkn1ZZgBtk8q

vRa3cKck79eXnXn3HKntsM9bja4jZp427x9TSozN0auaMKGc4wpkxHkaG2lvLhXkYFEzjflV
iadXj7ouw5YGOofkaXyYrTlMr1pTdJUWhcRDlu2KguLhmDHTtjzpqCBDMHds4GRjFXnSLYE5
yM8q5Km4TdeR1YU4q+CnZxiWUmRRhRkZ5A9KuGIsRs5BOMBcZqez7uCNicai23P7q12lWxKx
wFVAOokYxUxx9R1fJprYf9pcQtHart3YlMPVjk/jWUIXDENrR7jFyby8mnP/EYkUDuWAJrq
QfPB5DJIeTLKXywfNjeqpO9WJd81AR9KY8DEOiMnD+9dJox4CWGBzGN+v35pSud6TJQhtlPo
atMKmDnz3pB86edhXMS8pZjuTknPOmsctROxnsaTvXE7U07GkJraNUO1UnWkrhZrRZJHzo7w
5/hP1oHHzopw+TB0k0Oa4Fs6uJsbKQqVNazgbLNIstc1YOvyrE2MmqNTncVouF3ZguIpQfhO
9JLiXJxsOV4NQphmxUHhV2o/cvLpD/8AcJrF9tEMlxyIAIVaRz8gK3lpbGO3vuZWS+klX2c
A/maxvaNu8u0RkGIIJNXmSQuPu++iLiZ7HuJ5ndDMzGq+M1bulzK2N8npVM7NuK6EehahDT
KllyKYwrSIhoo3w3hzQRrdyphmGYwRy9al7Kdnn4tcm4kT+zxH/mbyrT3kEP2hxI6xwwLqkc
jZFG2cfcB1O1LZM3v9OPfkcxYlt9SX5GcSyTTJf8QJW0h5rnDSt0Qe/3DegdxcNd3TzyAAsd
IHJR0A9BVrjPFm4ncARqY7WHKwRk5wOpPmx5k1QTntTGOFC85WELZVIUOu7elEbu0hhjiLqU
LLqxj93ofnVPhYZoOxk+Z6US4k/2yfWo0rpGoqOZ867MJL06EZt7iKwildWSMFUO7DmTRKxs
bK6Eiy3cMEwUmPX4VJ9SeRodG4EJCrbOPf3pivvqBwKwo8tmXbNLKOfcJgJnuY7m5O0aoRI
OXPY+fnRqx4vNddgrt1YK0EhQEDoSD/+Rrzu7lCyAKMvp5npW07HqZ+xFV2YmQgZ9FGKW1E
ksab+UGwYve/qgCkvMsXJq12s/tMlhd7DXbKjEn95dj+NDwThStuTy60R4osc3A0SkUaFZj
t1AI/nQJ8zVfUGStxAtq0ZjDNngJGAvtz686GyNqckClkkZtgcL5VEW6Ct5MjnKUdydpdqSu+QqEJl
43kAGNschSiQQ4KhSeWM8qabuX7OIlbShABCgDPv51EN6Gk2Vurom+0SxSsVbS2c+E8jTBqd
iSdzXFCOelSxR561vmyuya1i8eojPpRSMmTqHWq0MaqRp8VEoIITJfDLBmUIk9BzHRSYYBj1
q9E5L6lBIPITPsX7ASKecj71FaXEiXixoBpZxkECsZtVFR3PoXnp5b9vihu2VQnj/eG2edXu
GwFy4cadAySevlTrBybgKz4yCBitQ/Dbb7IFKgmX2I2z0rmepHM9yQV6J4HUndgpJY48oi6
V8uQ++qzQM8rMXwOgHXNW7wW0LooKqjkeeau2Nkl5CXhIbT6VytVlcpvHFdHTw4YKG6YM11
FWPp546Vdhwykg70+4sjAxVxuPnVeJ+6k3GVPQVxcq3PoYuvwLsEvd5ATU3MbZqO/vpk4dcy
MpQae7QHzzbb8M063mSG6jdvHJ0n51W7WTBYLe3XbVmRvwH50TTwd7mxL7RyrFgk15RjbpwAT
Qi5bNX7yTx4Boe4LtiupDhHj8S8IOUknJqIDY1YeMg1GEwaLY4nwRgB45U9kBXepVQahjBrp
0KrsOIVZd8gsxDUcc6rOuDVsvYvJmmSAMNqNBjUXTKfEogdQcBxpYemc/iKb6U+VDnPOoznO9
GQdci9KVaQcqv1VkI9jV21bEmapLzq1AfEppWWBmrRqOHSZSjNvJyGazfDJcHQevKjkTkE
UINcnDzWqRvOEXlueCyZPihPi9h/pWP7To32m/z8Kxoq/MsaMdnL1YbtoZCO7nQg55f1jNZ7
i/EY7r1GIDvIqlrgQwTUPII20+9Fgm6Z6X7Py+pp18rg8/uRiRxiGDVNZknAoxecOkBZsHB
PPFDHtnBwAT8q6CquA0kRKvLarNjYNezqvwx58TU2KB5XWJVOonHKjjwpYwRjFk+eObnNQJzr
hdl4obnb6RpLG7j4dZLaWaAkkKqrZl/rrWQ7R8Y+0MbG3k1Qq2qZ15Sv/wDxXkPmetQX3EZf
ja3jYh2GJHB5Dqo/M/L3EEVnBg2XJ9sPnz7/AGro4c6mhjLnYe9RKMkVbiOjJzy2roY42xRs
IQJ3aBUXAYbnmWoiLcw2ZeQeLqPLYqvwmsGS8kiiQEyOdKk78/Kp+K3jYForP3cBIKueb9Tjp
XVxRSVsTknKVFFnLsEzgdC3AYkDI07jyNRq21y42NOhesreZqbo3VdhKojvtpF6ZQVv0V3
UVzaX/DpipIYSIpp6g7H6YH1rz3iD5uCB+6MUd/R1eG07UwjOO9yhHnmuZn92JjWPiRY4xYtw
/is9uR8Eh0+2dq65He8IuV/gUP8ARh+RNH+3lsRxeKZfJMidB5f9aBP/AGawuHuAQWhYCMfE
QQRnHQZlPRscooLVMzDvnYcqaN6aMvkgYGeVP5cqN0Y7OpWA0g59x5VxpDjrVF0QtzptTSFW
IKoFGAMDO+3ombYrLZCOkp5NM61aKOrqWkrZR1dmu6U3JqFjc1JEQGBPLrUXI04bGqTp2YJi
cuTzyelSR59cVgJKRuuRnzqZAdWVYY8hUfuZVBG2OIQSM4onbzQSIvC6Rkc6ERB2QbH61cjj
ZUD7Eg9CKm5exdDGPk8fNwALimiO2UuQK8OW0nkMYH40Ns42Eizga8HGM7k4qzanv7S4+HC
JkA/vf1z+VNs5QgDaMuTtknar1GKopJ8MjzLk3dNBvh8PEZp4QldCP4g/QDOM5q/f8AGyc2
tsplYeESl89f3cUGFzcrAQ08hUnZNzWt7ZqNLpzhO1CsNs4/KlfUjijtjeTHLI7yP8A1v6H
wofOvm5Jzk+9E+H8XuOHP+yzpP7p3zQmK4zgEKGUZZ50+O5eS4fvHBGeYPLNcfJJpuR0Yxjt
UQzdcee80BkCyYO45Cm20zSyKdIOwzVAWE0764lMhHTqMdasiOazVBL4XYnADZI889KuGPDS
ldy7Ofqj5YNxrgLRxCa5QDmrA59KC9o5zLxCXfZPCMelGeGOVSSdjinSNves9fo0jGTzOTWXL
c9z8nC+0cjWOMF+JnLkYbfmarxrkk1cukJc5qGCM5O1HXRzodELRFhsKYbY42FGLe0yMkZNV
UsS3Jcg0CWbawqbAMNqeZGKfe2uiENjYij8lgsagMMHyqrxGOLWuNPLlirNbJbsxckLCQkc
qjKEA1eu1WNIx00e8meVdCDtDsW2QuppNjMHCqpBGAbt99IxB2JphbTRuRhWTSIMljjJOTt
ioSwzkCkM+RioifXNaSfk0ovyTK+TVuA5xVBTvvVuAmrZma4Dlicsu+CKPxnYVnLNsMth4D4
BSs1yCbUrkkWczIySKfEhBHYq5ccLt1eJlVWhS2lYAjbxPIR7gED5UOtThsUZgU3diIwcNE4
Df5Cc/cfxrcbSD/ZebZlch0zM9oeDpZ8HWYbZUOADjBJA/An7qxjiTORW4HvXpfbYiOPugAU
8KAZ3zkt+Q+tYGaLLYA2G1HxN7efk7ueVSSXwD0kuSXSvg3vU32y7IxJnPNtiviKkCkaP
NdLBgi6kxBeys7ZByqn/AMOqnI4D4CKPYVemIjTeqL+JsgUTUbKpdhIMRQfi0nBOKsRYc6AD
9ameLHBYGA8TTv8AgKs8OgjhaaQZZdwl+vzqtNHe/oXk9oRtZP1Pbd+WauXXESgjkZ5sfl
0HP7jWCz7vcKrE7k/6UnELx7uYuwGpjk4AA+gqFEJwfpypjLkV0Vhi17qLJhiZCguYRttud

z9K63WOMeO4i2Pr/ACodKfEQNsGomcgEZpd5KbZpqq5cxq7tIJ0PoM/yplIPJaX8NzbnLxSB
19SDkVSLU+ObQ4PShOa8l8mz7UdsJuO3CmytpLeOMYBfdmON+W3nQu2MssndSFJjMp16juRj
b5VXt7hHGRgUSjmD9zNGo760w2MfGmckfLn9aUnPYqig0FufICZdDFT0NdnFXOJ2n2eQkHUG
OFbzU7qfpt8qoBhjlUUtyspqnRLkGmNn5UpGItZdfixpv74qIvUsuxWO2MUwtiuJzTSaso4
mm5pTSzrSZKHUNWIBxuN641tdGaG9K7FLXbVZCM86XpXUv7tUDODYqzDMF3O9VBzP688edWu
OS0FopwCUxpKk5yN6tL4bQSPpzobbQtnvMHAq9ESJQzHflxU5stc8hyzyIO7ABkLIBA8vKr
lxbiCZRsaYjl+ND+Fy9/dRwsdI1BQf4eW9WZJzNdMwOoasAjOMDYfcBVy4x7maU1vovx6WUp
jw4ztzHn71Sa4AkIHLPIU9vL4yANTvkADzxj86v2XZuWWYXSXSIUyU7av5cx9ffHJzZI1chm
U5UqKdsj3EYkyAqybkjYfP8A0orY2MJ/amOSTIGR0PyozDw2CEII4hJgAZfl06cumfrTmiZS
CTo3yME+v9fHnXNnJstTaVFm1tX0Hu+7jX+BfkN/Oq/E4PCgCnwwjbf+uVPR2LhVfODg+u1
LKgeQEFic7VTh7d0eKI8i6kIFFtW0ebZO3rQeaEzRsQuSdsCjV8yIqjNnG2FGfT5dapfZ0eX
CuoHqej7qJNUked1f7zI66MpcQHU2c022tzg7da1EnBdUmkrz65rv1V3EZXFDeZVYBjp5rsH
28IKAsNTHmaIxxBUOkCmd20dvozsDn2qtNxEW4ATBPU0rkkpu4mktN7iPdwaWY+LHKhc967
40BcDoQCD7g0++u0nQM7ZahU0x1AJsOVbxQdcgpO5cAO/t/GQTgA0JkXGcEbCtBfLp1ZOSee
9AZsaiTXXwPgcxMqMdvWoXJNTyHI5VCy5FPRVjkRB3Xc76+91bD93GPxpBy+dO0bc+IM61tx
aNjgxLZJyfm1atY96qqOp+VTwEA1hmZrgM2bbD0NaC1fUi1mrR/F70ds5MDBpacbOTqYhiA
EqWGPCRzNGOG3At76F3P7N/A/saBxHBUZoioLRbVG6aRzoyeOamvBH20lie5EMgPeK7AFTsN
IPL51IzIDESMhvOTp2jF3b214RlgO7k/wAwGx+grNMNBKqac0+WkpNcnppz3rcvJSkiVmye
YqFkq53JBPIWj22rsYFaAWCbqMICAuTVdYG0kITsM0UmCopaq7KDDkgnO5P4VjU447uOwOZ
cEpjxwS0PUTSbfJabDgppfOW6eQ9atN4eE2vU99J09EqkZDqOlcetY08IFfz/uEypt/kh8kK
Sws6EK6DJHmKdZRMUkKtuFzuM5qNSSGdhksNxjHWunl7u3XThGJ6ela1ULXHkvBPZK30D5yU
JX13qsxqaVy5y25qEikLYWTTfA2upd6TFUJZYZ2hbIO1GbC7PeRyoRqQg4PI+9AiKltp3t5Q
w5dRWZK0WnTNXxKBZbOZlxtEBNF5mJjnH/lbI+dZytDb3KzWlrMh8IZoJP8AK/8Ar+NZ11aN
2QjdTgilsVq0MZPDGmm0pOaSjgTqX3rsVwqy0NIxy5V2PpTqTGaiZoVQM4ztSuArEAg46jIS
YpCKMmqMs7rSY9qWuxUMjD8RrqVtiT1JrlUsdhtWmjIuNsCrNtZNKrODgIM0yDwsXbBPLSRm
rkBUFUAYCd98VmNWVJOjkwFEYO+cnepwBHHkb4Gd6hCB2YZ088Zq/a8PuLpWEMDOijxHGAB7
1mXt5bNrkntD3Nu05bTI4wnseZ/rzq3ZQSTqFjHTJydgGxuHRARsOQFa8W6W1ugZIZUJUHAX
z5+53NY10nGKUTGG06Tsv8DsoLRQxUSTFsd4N8DA+nv60YuJgAqk4UDkd8HI+fp/AFrLJxCU
SKIt1DbHkr1+VWUeS6YB5QmM4znH9bj6mvOTjKTuQ3L2KkGzfxhjQcJPhKnfvgdBv/AFio
hJPJKWIOMDO/rz/H6mol7eNYslgSQMZI/r+vWpGjGxK6CMYXy5Z/IWd1dA3F9ljX3QEYGHbn
10+gq7agYX/CMj8qpq9uN5Mah4V64q2ky9y+nwgDY4rXbVmZx2xbK906zkk48Oce9JBEgGr
fpiqckgYelPbKfFeqt0ueWd/KifelT6P070p2+zQhBkeYFdKqKkbbVHFextF3jeEHKPKgvG
ONLHG0aNg8s5pTjI91R5OjLLGMBG8Vv4og0SfM1mbi61jw8hVC7vJJTIs1yzqqZc7+VMR06
xoQnJydsnZi6AEmlEkSREuSdG9U5r7cBBgVXeZnRvWirG2jKixel3FuY1eNmJK+MMORydh57
YoBMxO/Q1cvEYquMneqxt3PMU7hjGKHcaS5KxH303Rvy51ejt+jCrMdoPwBplSxkI8iQJ7v
I5VGUJPLatG1iXRU0DAHRcZ/nRPhHFzFrX/ENI9RWc+qxwj3wUs6MYIDozg78qckZHSvTJOWi
mPsjjI86Hz9i5oVJIBA60tj12GfFkeWS7RlbtVnOKL2zrkZzUclqkE2gnONjinqih8rnTnY
kc6eqLjuQvN7/AYt5AVB22onaSjABOxoNAV0YU70QtGGokT1pTycrMq4CJt/tME9scftVyue
jDIWVFuRl2pcEVs4wNIKDXLupPnQ7i3DhBdmZP7u48Y9D1pjDGsibOhos+7G4PtGcMXhO1Vp
lCrRaeHANC7lNjXdx5VXAynbBs6kx4HnTZlPhjAO341aKME1AZX8KhOSMKAPWl5tymNRcSWf
9nw62jYbks/yOB+vUGQA/hV/iOOkUQGSKsSg++M/nVAks+kD3rOJXGxmbpnL41BG2nYiq19IC
yqOi1YjYgMSOYqjdNmZvTas5ZPgwkIHnTSMU4V2OILjMUoXO1LjelqiEZWk61YdPCHHI86i
K4qEsJcHnZe/gz4ZIWYD/Eo1D/20y/Ie/ndRhWkLAE5zUXDSFvY88jkH5ip7yExzAeaKfuFB
aqYdW4FXTXYPxFla2YG+9LXUp5VZLGZrutcaTmatlljq4UldmiVRLFPKWu+tWZOcAtzqRF8L
YYAn90nUbKCB545iuTKb/0aIqumXRMI3Z9CqWYbHG9FrDg80i5lkSIMOZ3P0oOJpEbKOyDr
g1bS+uUIKzOQMdeVDpp2jXfBqOGcFto41aRBK5YABm35Z29PX1Faa1ghhfDuxDAKHU+HHLyK
jGxHSsVw3jdxG6h1WQeRHt/KjScbiWbbCoo0g9SPnz/05VWTTPI71yaXBnYwFvlQnChwDtWi
IN3cSnSH7sdXOAT139MGhNm0J4khkXwaycfXatQjWqwsscicRuFyeexyM8vY8iBRNTgyJ8GM
e2nZTjSPMOZTyGeeS242/Gpye6ZWUllfYjIHU75qKXiIjkaNUDHcDSQQRnmMbf6UON9I2pNO
keVczPp5SSm0FUor2h7v43gC6jldtjvn0+dI1xAKRDMG35DkTQW0kZXIJA1DYeSYLMcbgDH
IXNeGnRu3V0FoeIExsugDPI+3nV5rp4rFBk5dskA8gP+ooFaRs0yeMg55iinEJTE6IDjSmMY
86tQViP2hJxwiSXIf4hsKpS3qo/h5jlVa4ucDFDzcKWJNE9Pg82rk7NDb8SaONnkFofM0C4
rdGSQsp2qvJdPKwUch91VJrjX4QfmetEx4FH3sYgm6TGSyGDPWoDc5O5JqK4Y4IqGNSzZzRd
qXLGYxVWebap7TPoMscWxOqQkDYzX7nlRmy4Ui2/2m4fEftPU+IBbRdUyjpMr/FbsyYSJ9SK
oxj2pXKpN7YmJc8Iw4Nk9pK8cqxyuAkWgkuDzOeQxQ1yvzpuoMksmpIiuMRknLZ8qiLekMd
qLCFII41RIsWG32zvUksxMkRBxqNVFky3Opg+NwAdutMbPMuimglBxa3t1Ba3V38iKu2vaWf

vQsYCL5AVlwGaiHDogJQzAnelM2GEuWjO3arR6bwq6+12wdhv1qtx9ylmwUfSn8FIQWigbED
ek4y+LN2G+K5Fxx0l8j6blgts80mUtKxOxmCphVbJxviuvGJkc7k71FGrtggEmvTQUUnTFN
y2UXLAbxUTt5cHNDrS1d1+ErvzIotBaLo65qp4p9nOzbbC1tcIIUdfSqwLfWZgf4o/Ent1o
DbFYXCsn/U0ctjJHKrDbzq4W0L4p+IkT8ADiUSxsUA5Vm7pkZmjDAHrmtP2isyhMsWfHuBWJ
khOpmOPmKNDLJLakd7DBNIUu2Cg5Y5U63tlmjWRiFZgNqmazAhaTUDgb5PKmRqYo5JDjwjz
6mmVLZzMdxYdz48DLtD9plkzqBbOf9KHzIQS6gaemMVOXbXknGepqtPIFGAM+e9a9SD+7wGc
Wvv+SjJpO9Unw+W653FW9QQayOW+OdRXUaGTvoRiN98fw+ICnLdKwS4KtKBS43pRWSCYrgMU
/FdislEtvpcmFjs/I+RqrIGjkKMNwcVITvttirDoL6HWv98g8Q/iHnULRFaqwBIVdIIBPIna
inFYyO5kI5qV+m/4EUlid4S68gw3FaDiamSzQjoocUqfwFBnxNDEPuMBtTKkOcwRw0DbGZ
3p3SkIrhREZOipuKfOpDwkQTNd1rq4VZBQKwXxvVZBdW2KQHPP16UhwOXLzP2m0WOAYdO
dqmjXB3JGeW+1Vxt71IHIAx0q4yiu0QK2kajDFj6VfhhDhc7eZ5UHtZXOP4c0WjuVi3ZhjHy
NdPHmxbejLi2+GWftgpI2JB5g+tX47VzGXMhHlttiqEMqMxdWJyeWDMraM5QjfsF7qM2pL
g2sEnwXoIrWJU15dsZ28vpU14kTQGR28eon4IBLAD/qaoxaxnJKKMbEEUQE/dWzDAZSuBvnf
z+maTyRXXrQWNrlAzS0WA+nSTgtfzqfvCd+VV7kkqo17c8DlVvUloynKvv5VxMulm3YwtqjRf
4cNVyXbcIpb8qdxAlbhxnrij7qt8IgrHlyD4mVflzP4VQvGJldmGMknJpSeNx4OF9pTuog25f
H0hsj4YjNXLtsKtnNDGbjrcFaEMUOC3BpMUrMdwNhh+sVRcgON+VS6v2QHLJ51Wm3VivPFOB
N0UkHjHk6VdeGB2NNRMtgcHTIGIbS3JjirSxCM0pNbez44LFujKCVHSIZhCejYe9LbacsGB
JlWn8Y9aZPJ0XIS+3ywfkkSxNnmKasUkjhFGpjsANyalcd5gA0gUocgnI6iwdBbGrCBz51M
Nh8Ow5moVDE08A7A0TcmiMsLlh2YYxV6zkCnIGBQvNSxtldgdqDkimikjb8GvQmADkGr3FL6
M27xkg5G9ZLh95pkVA1Ovr0kNljXingby2UpyjHYgXeLe+OncGlgutGFRMEjBYHeqTSEud81
NCQByG9en0qk+iOPHIXtpd9yc+fOrq3awuFY5OM0LgfcED3qWANQJU5bcb86Yz7bQIOKsvK
+ptR3J0aPcPIWsmajy2rOI4xg7kc6u2spRgQfeuUpKEExWSZo75ftPDmWPFH4sHy6/wBehrAX
zftnbl0rbW0rFgR4h5HrWT7Q2htuluid9mwDxnxU/wBEUblEujs6Ce+NpTARpmVCM7E86a8u
jhan955myfYDH4mmzZHRTLv/AHO3HufvrUsm9JHWi3G6KjzORjVUDAK+9SaSSaesW4q1SMPI
5dleZT3XLmagiYplTup5iivcq0ZUGZNDpoTFIVNbjKyDJExuNx50zFTxkFSrculd3e9asqjJ
RiuK1MEPRHmqszZXXknFJG7wyB05irXdu0xVW4rcPliW6hM0Qw43ZaPWYW84TGTzRSh+78waz
9vIYJQy8utHLK4SGWQBQY511oPU7EfXP1oOW6teBnDJXT8gSWMxyMjc1OKiIohxeLRdlxHG
c+fr8+fzofRY8qzEuGRkb0IPbeo6Ii6urue1LjFaIJS0mKdVKErsDypcdacBtyP1qyESKX5
DOBXMhGN8+1NDkqANhTwzNsMk+lBsrkaQR50o+tlxwvLnSDOay1TNIsrIVwAcA7VbTT4SXP
h5ZNUF6eQqwjMQCxAHTY5pjHmjFNSRpQbCc7x4IOcedX7XjRRgkyBsdTtQYSZQANj3Bphxn
OvNXPWQfCQxjhkj0zTPxEOUwGnypBc4ON9J33/r1oDb3KRg5OfY1aMrthgWHtRFqsSSDbZSQ
QeZWGNgpWkSQIcqlQ4I5HM5NPy+nBJ+tly1auqMywyfLNVvuwZbbgzTE4JVnHh8AoBd3RY1s
53otLGIuBpCzaSSq++IQW/8AUxoDcRBDksGX3pXZPJk0ec1iTzFO4uNQx0qmZADV7+yTARM3
dtn4sZH40PkhaOQhtgKajpWla5BwS6JtYIxxVE0ZZgAOQ3pjyhWkgDljent5haLbLncn+uV
XSjx5RqmuiGUHJPCwblonYqkyBZTpY/CaEMuGwfOr9tJpw3IXO1D3Pku4Ch4fLbr4gdT8s
eVUXt3JIXyNX7LiUivhjqXyO4o+LezngV9o25tXLYZ5wfuQJXZILexZs+IomttJOQ86Lz3d
pbTERqD0qvchZELpyrUMkm7ZG3YFIxNFM14zkVPKnm1SZirEHITseUFirJdr5muDgfgzESDf
pSaxsRvmtbQqQs5ysoxSTT967DNVYZC3M8qUONVCCObMOPJXZir8+WrbcdJ61WIUFqkik0
qc7fjXT0v3uTclxwExe4Tul8lyM+pFT285GNgd85oS7ePI61ZtpGVgB58q3qZT3di8saoOR8
8k4zV2DcnbxY+IVbSPvdgBkDorY10kpHjyJG+a403bA+ntVyCtrJqGgYx0xUPaGza44V3iA9
5beLluUPP6HB+iPsGMLaQuWODlv3avyvEE62DIWwy4+IHnWIO+C8T9Ce9nmUy7kb1XnQmFGx
sDiiF7I8Pv5bcklQco38SncH6VXVRLw59hmNiT7bb0WLqjuL3W0UYkBG9SBQDmljTxbVI6h
cCi2CXBE1MmiFxFnHiHOptJNKilDnGQdiKOpUXuBZhZGwRipo4sjBoi9p3iFgM461GIIOW5
g5SKnc404pwiqwV33FNOWqXZi2yEoAKgcVYc1A43rSRaIWQjJxVuxnAARv8AhtqHt+8PwPyq
sGZTkVLhc96nQbgVpqwsXTss3YE3DY2/ehYxn26fdt8qGEUUtX3sU8PPvI9Y/wAy/wCmfrQ1
tqzB+As/kjO1RGpHPOo8UZER1LSV1aRYtLTacDitEFxS4Hma4Gl+VQhUBqXvNKaV2PnUQ3NP
+LYDcUSPCZGcTq51wx1pCNNdqOQTQ5XfJuNFICTgD5mpyyo+Cc45k1W7/EelSQc5zUYOedB
ab5Yx6iiqRca6VfhAY+ZFMad5ABsB5DaoFHLap1TVjlmyqqSKU5z4JikOoHIPpRBGbJAGMch
VGFGDas4AqyJWdjY7elCkxmvFUVyXELHnge1XLG1+03cMUgYa3C5PlmoLGSNpV73GOu9aezm
tMGRJ5NKEDSyrk52BGK52fNKD4X+BmU018kvGBIxxjRGZTGXJAJwxYmsxe94i4kjZfcYrXzS
xJbNcFpGVtJgkAk11+PcQiuIABKEHYFgT9wtqFrckp/d+j5OJqdLHa5N8oz8zktlScjyqPv5
AdW4bo3IR3glzYJCTO5SQnHh05O/rWnjisCANXeEgHKXqef5011+056eTqPH4mMWJ4p2ecj
dcuWJzyxUsbgRvpyGO3yrc8SmsOHSd1JGMgbk6VHtmsHxaaJr+R4CNJ38PLNE02vlmfMa/qD
z6VQVpnJ4s6jv0q/GuEAxkmyStkYrW9mLZ768UkArGM7jbag6rJsi5CscLyTUUDzCnmK4k
QpEgyS1LNxTW+iMFVHKtZELrppIADyI3GM48hWB4gv2K7lhY7oxA9ulc3T5Hnk965CanR+IT
TskmIZ9WrerUImaPMcbNjngZobBMjbt0rQ8MvbVIVXvpEZjyUKR8870zlcLhA8On9V7W6As

qSl43H/AJTVOa2IO/dt/wApr0MR27yCMOXynGVUEH50Nur+yinaM94ApK5BRQSPLIpfHrMj
dKK/mPf/AB+3ly/oYtbeQbIHA/y1GY3G5UgeoraLf2ZOxmx7I35UWSxtrylwFEizKcNpGPUe
9FlrJx5cf6mlolV7jzUFH06gjEeYFLpcnHdtn2rXWTWkEiWbyNG6tpIIXSN/rRRYLVpCgJyM
knQMbdclmeulBp7bv6lrQp/9jzhlfPwn6Vw17JpOOfKthLxHh4c6hIq9MIF/KrFhc8NuZAhJ
bVsCyoR9R+dOR1+SC+4v5/8AhP2OPW4yKINPiYA+XWpY2CsMffWq4p2YtZIme2xDMOnLfYIr
JdxJC7RyDDqcEeVO4NRDVxkoKmu0I58MsXL6DNrMWG550XghlzkJnbYnlQPhaGe4jhH7xrWs
yRTLE2SQQCQNh/OuLrc7xS2wRW10fr+6T6IkudAGGGZyCTmn/amlPi+IDryI2t7JF+7nUvs
akgfajYWtu44+vc1kcpGi7RWRvOHLcRgmW22IA3KE/kfxrOWMcu5QxvhoifhPStZcO4WMOX
05IfRucU60WGRWGqQOCAVdVDHPp5VjNqJ400IZ3/ALJqeBOT5MTbxSIQ3dPjH8JqY283WJ/+
U1ori+tIpmjDS6VJXK1VBI8siozXsz/jm/50P5VP2nK/+q/n/wCDktND5AsNrMxx3Mh/8hq0
LCXG8En/ACGtHDJbNbpKJHibyUZHvUF9fw2k3dF5WKgFgMKNxyJ/1QFrM05OKiuPqZeiXe4A
o4iR0xkH8qypsM5FS3VwnfEx8s+earzFcAjBirq47kk2JShTa+CPdjgAknkKe9lciEy9ywQc
ziifZmxN1fIQCII2zyyf6NafuorrXbAHxodLEbHyxSeo1rxZfTir+RrDpVOG5s84Y1Eas3s
LQXUkRGCrvWxvXWi1KKkvIs47XTGFaRWMb5FONRtZrRkJ8G0veRodgWI+RobcLpmdQORopwB
A16rt8KsPvNDRwg3MhHIsTQ4v3sYf8NFRhTDUjVgaOikJSE0pptaRo4ZpwpBS1oseKXI86YK
dvVIFZeVODbhU5nr51HnpXCTplkh5bmmZ3ridsmkBzWZteCIXNOBnmFskM0NmkrJFYy3542q
WJjrFV8GpoRlqw0G7DFtAZiMYJNWPnL411MMZoda3MtuwdTg+wTpuLTSRIWufalZrk3wO7
5J/QQrpOQceua0HZSIXPEFSVdQByM+eCfyFZdZNXnWz7HqqzWJHOR5D/wCnH5Gs6rFtwvd9
P7gpZtzqIT4rGIuz8r4+Et+Irmz5fLHfveUeN28kvZq4WJCzEvgD3rzG44bf5x9llPrppD7I
nBY5bn5X9kJa1OU1+YNdsk16f2fgWTgtvNpGpplDHZ2FebPw2/5fZzf+WvVuzlpNB2ftVmjK
N3ynB9hW/tWUJY1T/XBrRpxbMV+kHKcWjXppJ++sgxrY/pKgnjY/wAB/GsWxpnl/60f15A
Z+cjHrJg16X2ZhpDuzUt+48bjC58/wDqR9K844fbm7v4YFBOPhkelem9q514PwK2slIDImth
68h95P0pb7Qe6UMS8htPBK5sdwviUlXehpTl0C7/AMQ5E0B7f8ONtxSO6UeCZCe+o/0P3VD2
avstAzt8Ld2x9DyNa3tdYfrLsoZIXMtt4vpz+7NIpvBqlf68P/DGMq9XD/aX65R5tCGC5Bq3
ETqQg8iKpwwhaswMdajl1rtyXZxa5PSeGW6i24cwUDUrE/fWH4wp/W8o6BiPvNeiclj1WHDD/
AIH/ADrz3jbBeOXAP8bf+41xNGqzYr6/4OrrG3i/Xyy9w2wE8QBovYzPwi4EcXJt5CM/4T0a
hFjxCO0hBzvUXEeNtOmkYwOuKZePJOHrYsGR45Wh3HWgl48Li2OY2bTkbZ251rxbqFGFAzZ
5+6vOEu3nu4FYDKt8XU16p3f7NTj/wDRflS+tx7FBpx/6djBNS3Nef8ASPIuJMTfyZ5DA+6o
YJnt5BJGSCPvqbiKk30uBncfhU3DeCX/ABSdY4YWCk+J2GAo867+OWOGBPI+KEPKTyPb3Zve
HCa5sLa9lctqYLv5DIWc7UQpDxqbRgAt+QnW2K23C+DW6O2mK38RzzIH5k159xa5a7vO8f4
3Jdh5ZPKuD9n2szyR6f+hvWO8NP9chvsfah5ZbtX4IIsmrMPFZbyYxS7q7lo/wDD5D6VPHD+
qexqr8Mt2dP15/dQVGMemVeaMGFYmnc5/P9lWv9mcU46fZB+f1/4H+Mxd5bW14B00PVCi6Q
KPwQi+4VcW676l7yP8RWdUkjOK3osm6FM4/21p6yKa8/r9fgXo3yKmsVEnE9xkpCSPkwqnE3
nRHhC6uKP/8ATt+Io+pV4mL/ZNx1S/BmK4iuL0jouxNU2HWiXEoyLyRuhJH31SIGKZWP2I7
2o++zYcDiEnZxTjfvAPwoH2p8HFJ185PyFaXs2mrswD/AOMPyrNdsfDxmcf+IfwFc/Spft/
AF8jeV/uf19ACWpA+fD9KjZqmsIWu7+G3X4pHC/WvQOopyfSofGNujY8Ei/VnZmS8YDvJBlc
9SdhU3D+IPdFJJdqkhWGbqwyd6TtXMIjZW9kmwJTvGHywooH2Wu9U3dO3xEq+u4++vMzxy
YJZvrf8AP/SOvicYyUDu2dh9m4p3yJwTDUPn/rms2cV6J2qsTe9m0uAMyWzaT7dPy+tecMa7
P2f19TCvoc/Uw2zENRE704tmpLVI2kLy/wB2g1NT74F1G3QsS1+zWZPJipkb25AfU/dQaRyz
FidyalPcM9jPK23eMAB5AdPwoY1DguW2Gn0khpNMJpxptHRSENNpxptaRoWIFJS1oseBnlTt
B8qRMU7WfOrIUotLjqa6uG5qrIdXYpceVdnO2KyaoQc6lTI5VENjUykHYVTNwQ4KxXapYdKH
fmfOmEMAMbUiEDnvWHyGSpl3V4Mgbj76kRlkXBqmsgjfhWnK5XYbjnWNNoZZF5Lhg8OqNtWp
rWy7HMTxXh8RGNKE499X8qxUbKB4mOTyrZ9jcf7T28Yz4Qq7/wCSg6xSWJ276/uCextNcdmv
4jOeG8Hmuz4wGOFJwF3xn76y/wDtfH/En/3l/Wm7Xpp7FXp8tX414kzZncP7P0mPPGW5Liv
H0Tly5nB8Ho3+2EX8af/AH1/1W4JfS8StkcAmITLuR18sjY14ixya9s7DLq7Mw//UJ+Aomt
0ePBC4pfy/ArFmeR8mH/AEorp4+g/wAH51h2rd/pXGntIg/8P86wZ511Ps//AI0f15E838R/
rwbD9G3Cft3HxcOuY4BqPy3/AJVpe23Zzi3Gb0ta92yFuWoDAA25+uTU/Ye2HAexdzaxRQJZ
RhAep/6kD5Vm37bMrmN5i5Qkf3QIHtXMn6ubUPJifX0sbioxhUixwjsRxe2lZzjHGjrz1ZwR
y5V6FZ2cgt5bC6CsxzAnHInG9ea/7Z/4/wD/Alitp2X4yt7Ip31oquxJJ1A7EjPy+tLarHn/
AImZ/wBK+jC4tlbYHI/EbNuG8TubNtu6kKjPUdD9KSCQal9xWt/Sjwn7HxmK+jXEduCR/EP
9D91YyA/tfZcu5p5+rhUn35/FcM5WSFTo9p4GmrhfCj/gf868v7RHHaC5HII3/uNesdnUzw
fhJ/wP8Aia8I7UnT2iux5St/7jXL0K/+y/18Dup5x/r5ZTaUkYBqFpGflztUZfeuU4ORXejf
J8nO2lmzQi6iY/xCvZIVkSGQYAWzBJIztivG7c5urf8AzZz517csf9ITb/8AQflXK+2IpTil
9P8Al/pfuv8AMwknFLaRzKQpc882yk/XNMbtIbdNMR0jyOIApPk/FWM4gR9vk9x+FRqdqqH2
fjcVLj+X/pe9S1Jqg9f8bku3zJL3rZyFGyj+dRclsn4jxaCE5Jkcaj6daFqwr/o7sVa4uOJ
zYEdumAx5DqfureorBhbj2+P5iycs2RKXSDnaDglxfBHDJHHFChABz8R/6ULTsndAYNzFy8

jQy67Q3c11LJ3gVZW1aNAIxz5mo14xdNyeP/wC2tc2OHPGNQIx//P8A6FywwTmnOXK+pseF
WE/C0txMyuoJTUvI0oJxe0+xcTuIMeEtrX2O/wCOal4FxrpnazuN3c6o2GwGAcjHKiPa21M1
jacRQbj9nJ+X3jQsN4s22T/AE+/60F1kFmwX3+v9GfQZ3B2ot2eGvizj/8Axm/EUBWW12Jo
/wBkv2nFpm6C2OfqK6Wo/hnB0UNuqVfUzPElZIJRjJEjFfegjGtA2Jo5f8Tk0DuElkYHnmmM
H3EOvJuyzi/DN/2UTV2UB/8AGH5Vx+24xx24H/iH8BWz7HJnsiD/AOP/ACrHduxjtBdD/wAU
/gKR0v8Ayn+vk6WT+F+voZc861P6PuGm9409wwwykC8/8R/0zWVvIr0js7F+oOwst+y4mud0z5
tsPu3rofaE6w+mu5Ovy8/wBBfBG5X8EPaf3xHit5NLFLFh2GFzyUDahXDOxvFbS7Ds8Sr55
zgjIVZ+1M0RMTTaghIA7oED2pv8AtY/8Y/8AsrSKxaz03CL4f/6/+j14tyb7X1PREsGkinsJ
sf2mLbHLPQ143x3C3a1vJYUGUgoxGPKvVuzvFxxCygm5ywYDnzB5H6Vkf0k8LFlx43KLiO5UOD
7/65qvsyfp5nif68r/JnVR3RUjFkEnAp7uAqwoPCN2PmaYwWdJnSRJqOS2B6DNeiaEUie6cL
bQRg8hqPzqoTSu5dsnoMCMzqlGi3yxCaaTSmm1tERxNJS1wHWRlFxxV1LVliIyaQcQ59as
hXCg43FduNjtTaUYyKy2Wh2BjJNdsVpCSAB570IUbsel8gnP0p6jflTAFdmuDevKq5NJP6
klgOfoaiJOOjSh8HOD6UGFdQqjTdo5WOMdKkU786hHOnqdxVoHbLkGZZ44uepgBW9/R7a3F
72pNyIX7IJCxcjYDBxv9KxfBESXiKd4dlGc+Veg2faebhcYitpWZUXSuiBFHLGd65utzftu4
rurthYwcnuNV2jsX4h2PvoIRlyr6R5nmBXgU8UkLFXRkI28SkV6nF2vvEBTvrju2PiUpGc/c
Ky3a+6gvLRCihPIQY1Q5/8ALZpDQOeGex01Kun+X+i88Ny3fBj1VnbCqSfIDNe9djbKay7K
2puI2j5wQrDBwAP5V5j2TfRbQ/bNSCcZHiiEud+WDSOQRXS9sbt4UiEk+ICTKJGCT99E12S
WVvHGkl8smDHTVvyC/0wcNnXjFtdpGzRuhUIRnBBB/OsX2e4Beed4rHawQtoBzK5GFRuTXo
s/adr+PRfNjLj4S8MZx938qbZ9of1Yum3IIjYVS3RQT6+dDx6jNiweIgr5p38v8AwW8KctzD
Pbaym4d2JhgskLJbgFgBudsZ+prxExsj4dSp9RivW27Y3NwGjupJpInzlGjjI3+X86xPa+WC
4eGWNQrbqBoVDj2G1E+zpSxSeN07839Cs0LjfwZ450nHXat9+jyK9uryARQyFYwySkjA04yP
vxWR4BFBPxILcY0gZBYZAORvjrXoll2n4WxNvLn0jtkQHajfaE9y9JL82Z08WluRpO1nBv9
ouyrRxgG5g3T/MOX1GR868bisLwXscBtZe9LgadBznNb+PtbdxvkSXGDzBWMg/QCufTfMf7R
G7I2c4NvGT9aQ02TNp4yJw0/r56C5MUZuce8HtHsuHclt5RhxGdQ8id/zryTt5wq6s+01wxg
cxysXRwuRuTWlm7ZXkjp/aTr3YwulYx8+RpJu07XaD7S0jyD95oYz/X3VWF5MOVZFT+efov9
Fygpqn+uTzUjB9aUHarPFAGv5THjBOTjzNVPIZr0cHuipfIlg4U6CXB7K6vuJW8UELWfba2F
e9C2UTx2x/8A2uivMeE8V/VljClvOAqg4VIFLDJ/iNX5e2d9Jcd8JZ0YDC6VjwPqDXn9V0eo
nfCS+vPkehj2KjEcdsbh/FZ4bi3ZSp+IrsfUGh4by2xW84pxwcUsniuC7M4wxaJAD15jcVg
cr3pVT12xXT0maWTHtmuVXQDLiqVryXLK0ur6dIrW3eVnOBpH5163b8Cm4b2GnsbUa710w5X
94kjVj5bVjuA8V/VXD0+zzAaiWkrCrHJHPuAlHtrfFgFkmRAMFRHHgj1/wCtcvVTy5p8UIHr
nt/UNDEo89szlZayHE0TxMNsOpX8arIsrc8Uc45xyTitsqPJIVQ6groowfcUAQ5kAPLamtP
KTh71l8cnnZyJRyfNhvhIveS3tu1tDK7LIpB0HGM+flXor2Iu7G64XP4S65T0NYuHtRfW9tF
Et+7liABEGXbA5ZNdN2vvp7kza51YnbsYx9351zmkJ5Z7uF+Z1McXCGxg+84df2lyYZLSXV
nbShIf2PWtHw6CXgPZ+7vJ42W6uE0pHjdr0z/XIwmaeOx4TDNezMJSgLZXGo439vvrL3nbZX
kMdqyJH1buy5z78vx96jzajNFLaXm+H8CmPSxhk32ZqOOVYwO6f/INULyuuZZAYreVidsKh
Naj/AGrvD/8A3Fv/APVX+dNftVeaSP1ix9Psqb/fTKdTkJFRX8//AEdBNZnkcu2aTs3YS8P
7IRR3C6JTIGZT0YR+VY39I3C7mLjj3Kwu0MxDK6qSPHax91EB2yuDEIXkftq1EtApz9GFafg
/F7PjntouHDouysu49sEZB/rNKwlmwy9Wk/nn8f9nSIBOO39eDyJgfZ284zfrXcJ0gzmSUjA
C9ceteg9tbG5XgVIHZQM0EWwZUGcHA07eW9R8b4nc9nuLPbCQtGQHRFgQDT5ZqgO2171576S
coxzp7uPb2/o0TLky55rI6SXSv8Anf18FQxqK4POZ4+7JemoP1BFQDLHABJPQVoO1N1xHezC6
yTI2FyyhTgD02odwnITisUjEAodSkjOD7da9BDUbsPqV0Kyx1Paa/wDR1DeTXEkYhcRhCGLD
A8x+daffwN+0HZNtCuq7tD4V6sPKgdr2on4flrinLkdEtKUH86Yna28V9QluNzuCseD9AK8
5NZJZnmgOn+P68j1LbsZ5vcQy28hjmieNszVxginDUINIwQVyQNvatL2uu4eKKbx1ImGACyq
vX059edZMudJGdsV6XT5Xmx7mqYjOGx0Rk700mupCaYoGdmkNcaSoWLS0gruVWQdXYrqWrId
S0ma7PpUIVDXZrq6skOpfSk5V2ahYtWbWzkuvGBy+QGTvbnU0Fw8WApvx86xPdXtNwcb9xc/
U11n+6k/5akj4Tdlc9zJ7aaIyXcv6kr9Z1ltJBo+N6Bi+lz8R+ppTHLNkvrganHFBrstLwi6
B/upP+Wkk4bPCup1ZR6ij3B5XlsvGxYqxAJ8qA3t5K87amJySdzYrGPLlnNx+DU8WEOEFL5J7
Szm7mQojNqAXYct81zeOuj/wpPpUVtdyJjsxBG+xohxu6kr0VWIXQGwDzya3KeVTUV5A+nhl
FzfgoHhV0f8AhSf8tNPCLr/upP8AlpbG8mN0niIww5HnvRvjEzxWY0MVLNgeVDnlywmo/Jr
Hhwzgf5fBmZ7d4H0sDq5EEb06Ozml2RST5AZq1w6I310qyHYnc+IFeJ3Y4fCsNuBhkZJA5Ctz
zSjJQXZiGCEovI+EBv1Pdkf3Un/LTTwa7/7qT/lpFvZnmHjbPnqOa0sk7rwnvfgGYgc+pFZy
ZcuNpPyExYsWRNrwZS5sZbVR3gZTzwwxVdedT3M8khKsxO+5JzUIp2G7b7hSe2/aKN2qZAWI
A61COdSoSdKvowX4+G3DIGWNyp3BAp/6tuukT/SpeEXEhukUsdLbEZ25Vc4308alqMQCCTjr
SEsuVZN9HDiePeD/wBXXOP7p/pSNYzlyqyMC3IY51DHFITwKuw9jRT7T9usWBP7aLxDHUVu
cs0KvozCGGd12VBw64x/dP8ASIHDrj/un+IFOFytJbEOSdLbE0MvLmTv3y5PiOBmsQy5ZzcP
gJPFihBS+RDw+4/7p/pUEtvJCwVgQflipob2eJgVdse+RVu8dbu2W4XZ08LjrybyZISSI0YW

PHKLceykhO4DCN2B5EDnTv1dcZz3Tg/5am4XPILpU1HScgjpyqzxiZ4wiqxAIJODzocsuVZ
FAJHFjePeCO5dpdHXPzzVuOxuF/4b/SqYkbVq60b4RM8kTqzE6cEZreeWTHGwWHHjyS2siVJ
4IJKMB1pyrK66lQkHkRUV7cMblwWOAcYzyrrS4IuEAY4JAI96F79m8zswrJsLSCZT/dtV/hc
wh4IBLcxExxuGI88cvvqnfMiIFJGT0qrHOyHOR76DU8uN/U3PHhxT2s03aXtJccXn3QpbRj
CoDsfes6ZpZnwuTjoOISRXXeExS8m2B8qpvqicrnBBxtUw49vtrldGM6g0mn7S4hnH/CamyC
dh/dNViGUmzEhOSFP3UM79i2dbZ880THPJNtLwCzaXT4kpNPKbOkOR1YZPuq/wAC7Q3HC75G
dsrnBz1Hr/OksrgzEwy+MEbZofxG3EE5C8juK1xkl6eRchlJucayY3wegdub2047wOwnhOq6
BK7Y+H19c1gJrSS3VWcc88jmrXDppDEzSnKxLsasXQFzYawN8ahQMcpYJbPfh1hhOF+QC3Ou
iheZwEBLHkAOdl+xIrlkKbrzrsO3H2nOikpe4sHh9xj+6f6U39W3P/dv/wAtEILmX9VSSxOp
TgHqAcUKNxLr+I8/OIMc8021xwNzhig19R54Xcn/AIT/AEqOexmhj1OjLnbcc60HD5GeyVmJ
JGRk1n7q5kdm1MTnfc1MOblkm4/BeXFjhBS+SkantbN7t9KAk+QqBjvRvhWLS0lunGcYUetM
ajI4Q47A4ManLnoHX3D3swNYGSM7HNUq1PGIhNZCVd9O/wAj/QrLMCCR5VjS5Xkhz2a1GJY5
8dCjOKTnXCIHOhhccOIOIyKb0pMmrKFrq40mKosrUilXVRR3SuFdSjlULOpV+Ie9JmlX4h71
CB+TfgUf/wA0nQAuff/AOBR/wDzT+dAcDHXNK6b/t+IzqP+v4Gt4J/utF5z+ArN3Z/bn+ut
aTgn+5N/nP4Cs1ef35/rrS+m/jSD5/4UR0DeMD0olx44kT/5S/iaEwH9t8qKdoDh0/8AIL+J
o2T+NEWxr9zLoWB/tK+4/GtBx3/dE/z/AJGs7w85uV9x+NaLj3+6J/n/ACNB1H8eIfT/AMGQ
G4TdlbXKs3IHf2NF+LWZvYIngOsYwdPUVmfJBBB3o3wUXEswxIyovibB2NblGPbL1U+jGnnu
j6TXymFu8coLdK0s3/wIf/KX8qi4tfdwyxR6dfNiQDj0qa4YvwXW3MxKT91LZMksm2TXkZxY
4490U/Bkpf7xvemjktT5f7xvem/umutHo5b7OQbVKopsY23qRRitFBDg/wDvkf8Am/KrvHhn
R/INuUEZ+2x/5vyq9x39z/Ka5uT/AJSOhD/jMBqN6nRmXIUQqVDkb10Wk1yJtdBzhH9w/8A
m/KhtxGXuHxv4j+NE+Ef3D/5qqTX9xHMwEhwGPQVysbks0tp0pqLxR3CPamHh4d1w7OMZ5gY
qhrYDAorPcG54eGYDUHAOPahO2aZ09yT3fIDPSa2lvhf++R+/wCVWuNDLxj/AAmqvDP98j/z
flRDid5LbMndtEEenYGGZbWoVBsVeg7AfdN5ijHBdlIHlj86p/ri4/j/APSKJcMupbkOZGzj
GNgKvUyyPG9yK06xrItrBfEDi7k/zmksT/ao/wDOv413ET/a5P8AOabYH+1R/wCdfxoy/gfk
Ltfv/wAwxUkLHjzNVrOGSaVcqdlIOselW+JzyQHjYrnOar2XEpXmWOQ6lY43G4pThv9H2ob
yRxp7mQyuFkdR0JAqAy5bnSXT4uG/zH8ag1ZkHqaehBbbObkT3tGgt/hf/AJG/OgwZix22
oxaHHCw2Ac12x686GDiko2Ps8AP+Sk8DkpS2q+R7UwjKENzrgu8MhbWZSMLjA9aq8UmWW60q
cgALmo5eJzSrpLYxyUYqGBDcXCr5nFFjkipPLMH6kdqxYy87fZuFlp2aY5Pt/WKtcKmEtu0Z
OdJ+41Df2/2iUBZ4VRF0hWfBFdw+A204/bwMrDGFfJpaW2WJ/PY3FSjkXx0DL6MwzunQHH8q
gBzRXjkPiWufvDB9xQZWRp6ae/Gmc/UQ2ZGgzF/8Jn/zD8qFkeP50Ug34TN/mH5UNPx/Oh6f
uX4m8/UfwD3Dv9w+ZrO3HxVo+Hf7h8zWdnGW+VB0n8WYbU/w4kEaapB9aMcRYWthBbcjW/v
/Waq8Lt++ukBG2cn2FXb+0N3cM5ubcKgdJ0reacXISfSM4YNY212y5YMLvhndvtgFD+VZm6
iaKdgdidg+9aLhcJtnZDPC4YbBHycih3HbfRclwNmGr+dC001HM4rphM8XLEpPtAiuBpCaXN
dU5wuaUU2uyRUIPrsZ86QHNISKhrXRq6uqizq6urjVEOp0Yy6gedci63C+daKz4Rb/ZUuJ37
tVjYbe9By5o41yFxyNkfbFfcN3fBYFPNmZvlQMVoLySwnkH7eTSq6VVU2A+dVxVf7P8Aes/8
g/nS+HJsTtPkYy49z4fQV4J/utF5z+ArPXELy3GAP6zR+04hYQRLCjOoHVI/UiW1tbyNfo5
ZNycbgZ6ilYZHjnKVd9DE8ayQjG+jNR27xT4YeIxe0DAT6c7qir+dEbyfh7zJcmQu6DZFHxe
WaAXdx9qutbnOWyTTOOUss1JroWyRjjg4p9icO3ul/zD8a0fHh/ZE/z/AJGh1kbCBklk7wup
zpVRjNXrniNjdwMkQsGzyCANjQs0nLkPjdBcUVHG4t9mbhJmJgdOtay2jThvDy7jDY1N79BQ
22bhtvKJP2rkHIBUAU3jHFFuEVYshBvvlNXlcs0IFLgziUcMXJvkoTXDXF5qY5JJrRSj/sM
f/KX8qBWK2unVOXH+QDJ86NNxWyaExFZNBXTjT0+tZzp3FRXRrB1JyfZmJf7xvem9DV2+W2A
zAWI/wAYANuc10cct0bEZx2skU/SnjGBUYqWMAkA8s1uzFBdHG95H/m/KrvHf+H/AJTUdlJZ
2xWQ94ZAOWBgVNdXldoA/eAryIarlz3nU64OjCKWFwvkbA709WxS3QjV8R5Iztkb0tp3Zf
EhOOUbK10d/t3CWz3bQ7wje3c/4vyoXdh9u/+Y/jRG2vrO2i7tBId8kkDeq8xsZZS+qVdRzj
SK52KTjlcmyP5IqWNRTKiyMV0DIVILUJanPJkA7IPM0+JuHxkE96/oQMUnEb6OclseQi+e2
9EIOUpKMVSBxgoq5OyLhuDfJj+L8qs8cG8f+U1HZZWdswkbvC+OWBgVNdXlldqA/eAryIAoc
m/WUq4QSKXpON8gU0b4J8Ensv50LHd99gnw+2+KKWt5Z2qFU7w5OSSBRdTjyhtSBaaO2e5sh
cT/3yT/Mabw/e7j/AM6/jVu9ks7hmlTvA56EDBptk9pAVkk1lx0AGKiyfudtck2fvd1lvjf9
1H86BrK0ZyOdG7q9srqMI/eDBYCAKqBLAHd5j7KBWME9kNskazw3z3RZXtoZbycDG5+71Nde
iOO50RkkK2Mn76lPf2dtCy26OGI2JHM+9DYDBI5MzNjzUANajOTk5NukZlCKiop8sN2v/wj
/wAjfnWckP7U0fj4nZxxCJVk0gY3FCrtbXSWG/L+cDasaZuM3a7N6iKIBU+iqDjY0V4UmgSX
DDaJSfnQ+0ERb9qSF6lRvRhLyxS3MAWTQRg7bmjamba2JAdPjSe9sCzzOZSc8zk02GZxKDq5
cqnVvgxmEsf8w3ptosBX9sWA81AJzRLj6d0YqW+rD12ou+G61GTgOKzpt3A1geE8tqOW8StI
YliUSEL5gU57uyubUxGTQpGANO4pLFknh4UeLHcuOGXlvkpxeHhEmdtUGa+6h2rxFOrd5cxi
Jllc92nInmx86itRAwbFgP8lyc03i9kXNrsUyJTKop9Brhu9h8zWdmPjx6Udi4lZwRLGgk0
r5iqTjh7S6tUwBPLSKXwScJyk0+RjNFTfHfJ9D7EfZrGa5640KfWg8kzByFO3tR572we2+z6Z

AnTA5UGvVgB/YkkdCwwaNp5XNuS7BZIUUovo6yuWjuVcnJUg/wA6O8YhE9kJV30b/10HtFtS
mZmceWgA0XHFbIRCLTIU06cEdKFqL9RSgugmCtjjJ9mWYFWIPMUIX+ILa84NWP8AGNwaH10c
ct0bEZx2uh2aWm0ua2YFzXb03Ndn+sVCURda7rXcq6oQ6urq6oQsWQQz+M4G2T6dav8AFeJm
ZhHfTGmyL+ZoRnBrsknegvEpTUmEWRqO1DizE5JjrnsnSA12aMDHBMG4JFFuFcS7pjHJVG2z
r+dB80oJHU0PJjkVMJCbg7RZvcCUhHJXfHqKrVxJO5rs1cVtVGJO3Z2cUuTTaWrKFyaXekF
dmqIO9qTJ866u61CzqUV1KKhY5alA2qNRUoqFUPFwNcuxpetQtJl3pMYqQr512napZqhh
OtlNrTtNIRULG51612aQ13SoQ7PISDOK4864VRB68qU5popxGKhVce9NyfOnGmmrLOyfOkJp
KUVZQhpeldyrs1CHb+ddvS0nWoUdTgTSV1QoU13tmkruVQh2PKnqxAwGNNBpRUos4nNjXhIS
ZrRRxNjmupCdqhQjZptKTvSE1ChDSEnnXE0hqCZzXV1dULOzXV1LVEErq412cVCEfWurqSo
Ud1rq6uzUIdXCuzvXVCHV3311d1qixRSikrqogvWupKWoUdilpKXNQs7rSg7UILULFrqSlqE
FFOBHQUytf2Ot+GXXB+OyX3Cbe6lsbQ3EMjvIDqzjB0sARvVNkMsN6etaGN7HgnDHj4nwW2u
eIXBEKKSNIpgQ75YBhzGMDnje9Ku3cXDB+ju14knCLaO9mvGtmmVpNIC5yAWxn7qqyGVHKNc
tTJFwwfo3i4kOE24vmvTaGbVJ8ITVqxqxq+WPSncbh4cnYvgl7a8Jt4bviJmEsiNISO7fSNI
LEb9aqzSMrikxW17R8MtOE9keETScGtYOIXbOjYHclQpGBjVgEgjI6elN7QfqvhvDeCXNtwK
y13tr30wdpSC2cYHj2G331LLsxmKaRR8Q8L4nx+OS2t2t7Hu++uAxPdhFy6hjjvvg4P+IV3b
HhVr7ikM3D4ylhfW8dxbrknSCNxx+RBqWWZ6kIp3Ktbw6Lhg/R/ecS14PazXltdJCkrtJ4g
wzkgMBnnUstmOrq2VmvC7nsPxXiknA7MXdrNHHEytKAA/XGvmK67Thlt2H4VxOPgVm13czyQ
yMzSkELyONfM5qrKsyAp1aC4m4avEbJG4JDbXUEzQXtprcxvuAGB1ZB5gjPQUe4hY8Gi/SKe
zcfAYDaPMkOqOSXvV1KCWB1Y2znljAqWUeftTTW7/VvCuH9nu0LNwy2vLjhN4sEM7tINas5G
WAYDO3TFDOkCp4dJ2OtuMCzHDr57owiFGYrPHpzaAYkjB2znFXZLMtilArW9juBcN4oGh4kh
72/L21i2sgJIELFj571B86rdkeA23E+O3FnxFJG+y28sv2ZG0vM6f8MH13+IXZDNEb12K23A
xwriHBuP3dx2fslk4fAskKh5hglS Ybx71izuScYyeVWmQsuxXC1xUJQld1pcV2KhVCV1KRXV
ZQgpTXUH9KhDi3Sm5rjXDnVIHYzSN6UpPSkNQoYSc11LjeuNWUJikxS11WQbSU40lQgldXV1
QgtJilrsVRCHpXZrq6oQ7nXUldUIKKWkrs1RYtdSZpfWoQ7pXVwpaoglXV1Qh1djel6VwqF
nYpa6uqizqUV1dULFxW6/R5DfJwrtLd2ls7lbAiNu61AuCDgDGCds4rC1YhuriEFiriWnCe5w
jkCqZKNy9rd9vOypvBBLJxvg4EcraCTdRdn+rr5cz86e0fF+F/oss5IYri3YcRkZz3ZBCfCZ
ORsMisPFdXMqIjuJUBOSFcjJqRry6dSj3MzKeYLkg1RKNnfxO8/RPbcXUc8hHFC+pkO0fd4
De2c71avmuODfo87OXRsjPtcRuBHJInht9UmQxGPiIxpz7+VYL7XcmPu/tEujGNOs4x5YpzX
VzImiS4lZP4WckfSoXtNhx2zv+jrgEstvOT39w0jMpz4mGCff76XtnY3cPAOzTy20qKlgFY
shAU5zg+R3FZA3d06aGuJWXYLnFOe7uZE0STyuvkzkiqLUQ9w+0ueFdmbr03CzPFeOtuveq
4Tu/iZsqQdyEAOd96J3VrP2j/RzFdQcNMUnB7h1VYlchoX3JB YknDeuwrGtd3Bi7ozyGPGNO
s4x7Ui3dykfdpcSggGNIcgVRe0rkb1seHWF2/wCiviki20pQ30TghDuoGCR6DPOseeVSLdXK
x92txKExjSHOPpUs00azg9jdyfov446W0rK9zAyktTqAO5HmBmrh/Xfd0c8Em4fHcxSC7mc
lIiTj904xy2NYhbq5jj7tbiVUA+EOQPpThfXagAXcwA2wJDUM7Q7e8I4tPxaDil3aSRXPFLx
pl7bQe8I1ZZsdBk7ee/IRX9IHF+M8K7Z8QW3ka0jk06JY4VR3XQM4cDUfrWMN1cmQSG4ILrs
GLnI+dMlmmnIMsryEctbE4+tQm02XZuLisP6POPXvit0krzwGOSHUGYBjqwRuee9LLaXXEOx
FxnX23kbirXCLw1pEP2iYH4h/Ey486xqXV1GoSO4mRRyVXIAPo+m74SmVzIOT6jn61CbTVX9
xcdmuI8N4c3BopLmwRHjk174M0rYdsaXAOGOOX7tGOMdj7y+7ew3lqk9nY3yLfsXOCn2cEzk
yf3WBz9RXnzXE8jq8k0jMvwzskkexqRr26ZSrXUxBGCDIcGrK2s9l/W132n4f2untLaU2Qt
jtVCElwrc88yxAyeteWISCCQQQRViO6uYU0xXEqLzwrkCotyc9fOrREqGYzSgUuNq7erssTAr
sUuK4ioUMrgKdiuqzLG43pCKfikNQojpOdOIRScriNxsu40mKsobSGnUIWZG11LSc6so4000
6kqEG0prqWoWJXfSurqhCCuzXUIUQ6lraq6LQr6uqEFrq6uqiCilpBS1CHcqWkpedQs7qa6
l611UWcKWuxS1RZwFdXAUoFWWKKcKQUq/FWSx42p600GnLULQ4CnYxSCnQNHUua4ClxVfPc
UIOIpkqy6G4rsbU7FLiqsuhmKXFOxXYqWShuDXb07FLipZKGaa7FPxXYqWVQ3FJinYrsVZVD
KWlxSgVdlUNxXEU/FJirKobikp2K7BqEG4rqXGKQirMsQ0hpaQjarM0MNIacRTTtWiCGkPKn
UzpVoyJXV1JVMtQ6upKso6kpaTFQh1dmurqsh1Jj1pRXcqos/9k=